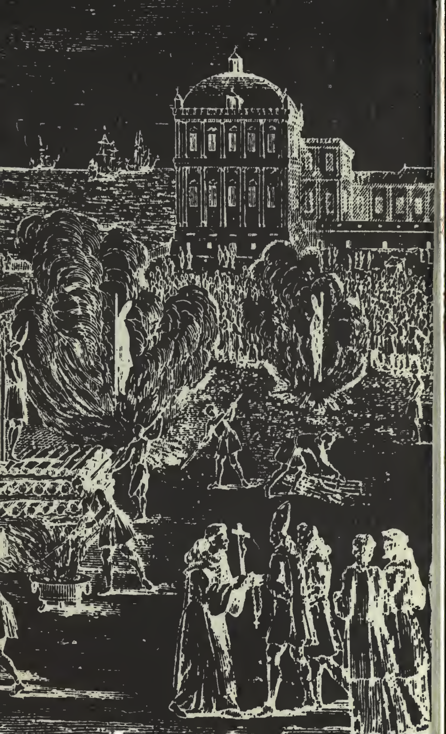
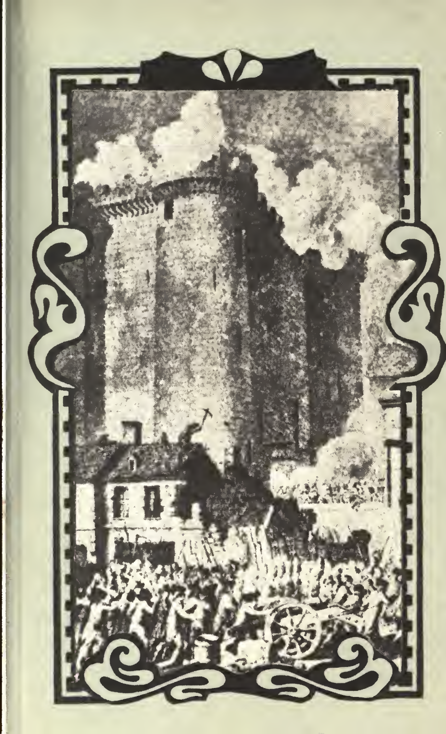
Е.Б.Черняк

СУДЬИ И ЗАГОВОРЩИКИ

СУДЬИ
И
ЗАГОВОРЩИКИ

Е.Б.Черняк

СУДЬИ И ЗАГОВОРЩИКИ

Из истории политических процессов на Западе

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1984

ББК 63.3(0)
Ч-49

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ч $\frac{0504000000-022}{004(01)-84}$ 158-84

Всемирная история — всемирный суд.
Ф. Шиллер

ОТ АВТОРА

Представляя «Судей и заговорщиков» вниманию читателя, автор с самого начала хотел бы предупредить, что не претендует на систематическое изложение истории судебных политических процессов на Западе и тем более в отдельных странах Европы и Америки. Взявшего в руки эту работу, следовательно, не должно удивлять, что он не обнаружит в ней рассказа о тех или иных знакомых ему судебных делах, хотя они сыграли немалую роль в истории нового времени и о них — каждом в отдельности — написаны серьезные исследования. Внимание к истории процессов легко понять. Во многих судебных процессах как в фокусе сосредоточились классовые противоречия, политические и идеологические столкновения, нашли выражение особенности социальной психологии, быта и нравов. Процессы являлись той областью борьбы, в которой особенно ярко проявлялись человеческие качества, нравственный облик ее участников, где остро ставились проблемы морального характера.

В настоящей книге не рассматривается подавляющее большинство процессов против революционеров (это особая, очень обширная тема, значительно более знакомая большинству читателей). Однако и при таком ограничении сохранялась необходимость дальнейшего отбора, критерием которого являлось значение данного процесса в истории страны и во всемирной истории, а также насколько типичны были те или иные судебные драмы, насколько рельефно они отразили своеобразие и конфликты своего времени, насколько заметный след оставили в народном сознании, в утверждении передовой идеологии, нашли отзвук в литературе и искусстве.

Ход и исход, политические итоги судебных процессов, о которых пойдет речь в этой книге, довольно часто не оправдывали ожиданий их инициаторов. Последующее историческое развитие оттеняло и высвечивало такие аспекты, значения которых не могли осознать участники и очевидцы процессов. Выяснению этих сторон дела способствовали нахождение и публикация документов, вскрывавших тайные пружины того или иного процесса,

которые в целом не были известны ни одному из современников. Поиски в архивах, иногда столетиями остававшихся недоступными для исследователей, помогали раскрыть роль, сыгранную разведками, причины, степень и методы фабрикации улик, составлявших обвинительный акт.

Судебные «дела давно минувших дней» являлись и являются областью идейной борьбы. Непрекращающиеся попытки пересмотреть вердикт, вынесенный судьями, очень часто объясняются не столько тем, что были обнаружены документы, проливающие дополнительный свет на процессы, достигнуты новые результаты в изучении уже известных источников, сколько прежде всего прямыми политическими симпатиями и антипатиями. Стремление современной реакции поставить былое на службу антинародным целям неизбежно приводит к вольному или невольному искажению истины. Только научный, марксистский подход к истории политических процессов, как и к любым другим событиям прошлого, может служить фундаментом для их подлинно объективной оценки, учитывающей все богатство материалов, собранных и исследованных учеными.

СУДЕБНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

Иуда и Пилат

Судебные легенды... Легенды, отстаиваемые в судебном зале обвинителями или обвиняемыми, и легенды, которые современники и потомки создали об этих судебных делах,— они непредсказуемо сложно и прихотливо переплетались друг с другом. И легенда порой оказывалась не менее, а нередко и несравненно более значительным явлением, чем стоявшие за ней факты. Так повелось еще со времен античности. Важные судебные процессы сыграли заметную политическую роль в истории Древней Греции и Рима. Некоторые из них преподносились греческими и римскими историками и юристами как примеры столкновения свободы мысли и ее подавления, гражданского долга и преступных умыслов против интересов общества и государства. Реальные контуры судебного дела нередко отступали на задний план, постепенно превращаясь в притчу о добре и зле.

К 399 г. до н. э. относится процесс в Афинах семидесятилетнего философа Сократа, которого судили за отрицание официального религиозного культа и мнимое совращение молодежи. Хотя Сократ доказал несостоятельность выдвинутых против него обвинений, судьи, уязвленные его «высокомерием», вынесли философу смертный приговор. Сократ принял яд. Об этом процессе нам известно из рассказов знаменитых учеников осужденного — Платона и Ксенофонта.

Красноречию Цицерона, выступавшего обвинителем, обязаны своей известностью процессы, проведенные в Риме против губернатора Сицилии Верреса (70 г. до н. э.), уличенного в грабеже и вымогательствах, и политического деятеля Катилины, которому инкриминировалась организация заговора с целью свержения правительства (63 г. до н. э.). После замены Римской республики империей расправа с политическими противниками чаще осуществлялась без судебной процедуры.

Наиболее знаменитый процесс древнего мира — суд над Иисусом Христом — является легендой, причем легендой, постепенно обраставшей многими другими мифами и благочестивыми подделками документов этого процес-

са. Кому неизвестно содержание евангельского рассказа об этом суде, о недовольстве фарисеев и книжников проповедью Иисуса, предательстве Иуды Искариота, пришедшего к ним и предложившего выдать Иисуса за 30 сребреников, о тайной вечере — прощальной трапезе, когда Иисус, для которого не был тайной поступок Иуды, дал понять это своим ученикам, но не сделал никакой попытки избежать уготованной ему участи. Стражники первосвященника, приведенные Иудой, арестовали Иисуса, высшее иерусалимское судилище — Синедрион — приговорило его к смерти. Пленника доставили к римскому прокуратору — наместнику — Понтию Пилату. «Ты царь иудейский?» — спросил Иисуса римлянин и не получил отрицательного ответа. Случилось это в пасху. Пилат был склонен по случаю праздника помиловать проповедника, но иерусалимская толпа громко требовала его крови. Прокуратор уступил давлению, и в пятницу Иисус был распят на кресте, воздвигнутом на Голгофе. Вместе с Иисусом такой же злой казни подвергли двух разбойников. Похороненный в тот же день Иисус на третьи сутки воскрес из гроба и явился Марии Магдалине и апостолам, которые с тех пор понесли в мир слово своего учителя и благую весть о спасении им грешного человечества. Таково содержание евангельского мифа.

За какое же преступление был казнен Иисус? Пилат сообщил об этом в надписи на кресте — «Царь иудейский». В глазах прокуратора Иисус был честолюбивым, фанатичным смутьяном, деятельность которого являлась опасной для римского владычества. В глазах Синедриона, книжников и фарисеев Иисус представлял угрозу для иудейской религии и народа. Так это трактует и евангельское повествование, точнее, так считают богословы и клерикальные историки, безоговорочно принимающие на веру историчность Иисуса Христа и основные вехи земной биографии сына божьего, о которых повествует Новый завет.

Христианство стало одной из мировых религий. Многие столетия для бесчисленных миллионов Христос был богочеловеком. Даже в новое время люди, порвавшие с религией, считали его воплощением нравственного идеала, апостолом высшей морали, поборником социальной справедливости. Противоречивость евангельского мифа позволяла находить в поступках Иисуса и непротивление злу, и гневное осуждение богатых и праздных, призыв к сопротивлению великим мира сего, и требование покорности им, ибо нет на земле иной власти, чем от бога. Процесс Иисуса был в глазах верующих судом над сыном божьим. Кивая на это, один английский автор прошлого

века писал, что распятие Христа имело, мол, ни с чем не сравнимое значение и что, следовательно, узловое событие «в истории человечества имело вид судебного процесса».

Уже в первые века христианства существовали различные версии легенды о «суде Пилата». В канонических евангелиях Пилат рисуется заботящимся лишь о поддержании порядка и вполне равнодушным к судьбе мятежного проповедника, хотя и не считающим себя виновным в его казни. Позднее, когда стал намечаться союз христианской церкви с Римской империей, возникло стремление к полному обелению роли Пилата. Ему приписали фальшивое письмо императору Клавдию, в котором подчеркивается, что римские легионеры, которые несли караул во время казни Иисуса, не допустили потом сокрытия правды о воскресении Христа[1]. Существуют легенды о суровом наказании Пилата в Риме при императорах Калигуле или Нероне, о ссылке бывшего прокуратора в Галлию, а также о его обращении в христианство. Коптская церковь чтит Пилата как святого. Любопытно, что мусульманская традиция тоже приписывала Пилату рьяное стремление спасти невинную жертву[2].

История суда над Христом, как и другие евангельские повествования, веками была сюжетом, в который облекали поучения и надежды, политические симпатии и антипатии. Им увлекались великие художники Ренессанса и крупнейшие писатели в разных странах мира. Он являлся предметом научных изысканий, апологетических трактатов, оригинальных гипотез и рассчитанных на сенсацию фантазий. Столетиями люди видели в процессе Иисуса воплощение земной неправды, однако являвшейся лишь прологом к небесному правосудию. Суд над Иисусом рассматривался как столкновение новой веры с догматическим иудаизмом и язычеством, как спор великой истины, вечной правды со своекорыстием, эгоизмом и равнодушием, как воплощение религиозной нетерпимости и как осуществление предначертанного божественным провидением, как столкновение имперского Рима и его непокорной провинции, как схватка фанатизма и свободы мысли, узких административных интересов и гуманизма. А разве не характерно, например, что даже в ханжески религиозной викторианской Англии прошлого века нашелся автор, Д. Ф. Стефен, так писавший об этом процессе: «Был ли Пилат прав, когда распял Христа? Я отвечаю на это, что главной обязанностью Пилата было заботиться о сохранении мира в Палестине, составить возможно лучшее понятие о следствиях, нужных для этой цели, и действовать сообразно с этим понятием, когда оно

было составлено. Поэтому он был прав, если добросовестно и на разумных основаниях уверовал в то, что его образ действий был необходим для сохранения спокойствия в Палестине, и был прав в той мере, в какой был уверен в этом»[3]. «Прокуратор Иудеи» А. Франса, роман об историке Иосифе Флавии Л. Фейхтвангера, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова — это лишь немногие из произведений, вошедших в литературную классику уже XX в., в которых получил новое освещение суд Пилата.

В истолковании процесса Иисуса немалую роль сыграла так называемая мифологическая школа, одно время преобладавшая в научной критике Нового завета. Для историков этой школы Пилат первоначально был лишь персонажем астральной легенды, в которой небесные тела, звезды и планеты представали в облике живых существ — копейщиком («pilatus»), убивающим копьем висящего на кресте — на Млечном Пути — Христа. Позднее, по мнению историков этой школы, произошло отождествление астрального Пилата с римским наместником в Палестине[4]. Такой же астральной легендой, по мнению сторонников мифологической школы, являлось и предательство Иуды, вне которой оно становилось вообще непонятным,— вспомним, что сам Христос в евангельском рассказе как бы торопит Иуду идти с доносом, и другие подобные же несообразности.

За века накопилось множество объяснений непонятного поведения Иуды. Если он почитал Иисуса за бога, зачем предал? А если не почитал, откуда позднее раскаяние, о котором рассказывают христианские легенды? Не был ли акт предательства средством, с помощью которого Иуда помог осуществлению миссии Христа? Гете предполагал написать произведение на библейскую тему, в котором Иуда предает Христа, чтобы спровоцировать восстание его последователей против установленных властей[5]. В других случаях подоплекой изображения Иуды бунтарем было обвинение консервативным лагерем революционеров в использовании аморальных средств. У Леонида Андреева такое изображение стало обоснованием отхода интеллигенции от революции. В его «Иуде Искариоте» выражена идея извечности зла и распада, с помощью которых только и могут пробить себе дорогу истина и жизнь. А у М. Булгакова предательство совершает молодой горбоносый красавец с аккуратно подстриженной бородкой, в праздничной одежде и новеньких скрипящих сандалиях, мечтающий стать любовником живущей неподалеку опытной обольстительницы.

В нашу эпоху в евангельском повествовании пытались найти аналогии со жгучими вопросами патриотизма,

верности или измены своему народу, которые с небывалой остротой были поставлены в годы второй мировой войны. Недаром защитник французских коллаборационистов известный адвокат Ж. Изорни после опуса, озаглавленного «Петэн спас Францию», издал в 1967 г. в Париже книгу под названием «Подлинный процесс Иисуса». Ж. Изорни особенно подчеркивает, что «Иисус не был патриотом». Евангелия повествуют, что после ареста Иисуса его ученики разбежались. Петр трижды отрекся от учителя. Ж. Изорни философски замечал в этой связи: «Оба они (Иуда и Петр.— *Е. Ч.*) предали Христа. Иуда проклят, Петр стал опорой и главой церкви... Чудесное возвышение Петра ввергает нас в бездну размышлений о том, сколь мало влияет вина на судьбу человека»[6]. Для оправдания Иуды ссылались даже на то, что он донес на Христа как «коллаборациониста»...

В последние годы на Западе суду над Иисусом посвящено немало книг[7], в которых молчаливо игнорируется легендарность процесса. С. Брэндон в книгах «Иисус и зелоты» (1967 г.) и «Процесс Иисуса из Назарета» (1968 г.) считает, что евангелия сознательно скрыли близость Христа к секте зелотов, непримиримо боровшихся против иноземного владычества, и что он был казнен как мятежник, выступивший против римской власти[8]. Х. Мэккоби, автор еще одной новейшей работы, рассматривающей суд над Иисусом, также рисует мифического основателя христианства в виде одного из руководителей «Движения сопротивления» против римской власти (этот сознательный анахронизм в использовании понятий лишь подчеркивает отнюдь не академические цели таких исследований). Мэккоби обращает внимание на то, что Варавва — «разбойник», которого, если верить Евангелию, Пилат помиловал вместо Иисуса,— тоже носил имя Иисус. Но в раннехристианской литературе было сочтено неудобным упоминать о том, что разбойник и сын божий были тезками. Ориген (185—255 гг.) прямо писал, что не мог Варавва носить столь «святое имя». Однако теперь этот факт признан даже теологами, и Варавве возвращено его имя в новом выверенном английском тексте Нового завета. По мнению Мэккоби, Варавва был вовсе не «разбойник»; так римские власти именовали бунтовщиков[9]. Заметим, что действительно у первых трех по времени евангелистов, упоминавших о Варавве, он нигде не называется «разбойником» (Матф., 27, 16—17, 20—21, 26; Марк, 15, 7, 11, 15; Лука, 19, 23). Сообщается, что Варавва возбудил мятеж вместе с Иисусом и совершил убийство (Марк, 15, 7), что он поднял бунт в городе и совершил убийство (Лука, 19, 23). Лишь в более позднем

Евангелии от Иоанна говорится о Варавве как о разбойнике (18, 40). На деле Варавва (по Мэккоби) был таким же участником борьбы против римского господства, как и Иисус. В этой связи следует напомнить, что право помилования в праздник пасхи одного заключенного, которое якобы, согласно евангелиям, имели жители Иерусалима, относится к области вымыслов. Вместе с тем остается непонятным, почему иерусалимская толпа, недавно столь восторженно встречавшая Иисуса, через короткое время стала жаждать его крови. На основе этих и подобных соображений Мэккоби приходит к выводу: «Иисус из Назарета и Иисус Варавва были одним и тем же лицом»[10]. Обосновывая это несколько неожиданное утверждение, Мэккоби ссылается на то, что «Варавва» в буквальном переводе можно толковать как «сын Отца» или даже «сын Бога» (в талмуде несколько раз словом «Ава» обозначается бог). «Варавва» возможно понять и как «Дом Учителя», что являлось почетным титулованием учителя, под именем которого часто фигурирует Иисус. Число подобных домыслов все более возрастает. П. Эйслер в книге «Мессия Иисус и Иоанн Креститель» разъяснил, например, что Иуда был агентом римской секретной службы, засланным в ряды партизан...

Изображение Иисуса политическим агитатором облегчает современные маневры католических богословов. В первые века христианства для примирения с империей обеляли Пилата. В нашу эпоху в религиозных проповедях во имя сближения религий в становящемся атеистическим мире из числа врагов божьих была исключена «иерусалимская толпа». С целью укрепить согласие между реакционными кругами католицизма и других церквей для борьбы против прогрессивных сил тяжесть ответственности отныне снова перекладывалась на плечи римского прокуратора Иудеи. Ставшие привычкой увертки для того, чтобы уйти от ясности по существу дела.

Через призму евангельского предания, путем его различных истолкований в каждое время спорили и судили о своих проблемах и нуждах. Но в интересе, который сохраняла евангельская история и для людей, очень далеких от религии, сказывалась не только злоба дня. Этот интерес порождался и нравственными исканиями, тоской по справедливости. Ведь именно об этом писал Генрих Гейне, когда в памятных словах требовал ответа на извечный вопрос:

Отчего под нашей крестной
Весь в крови влачится правый?

Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?[11]

Там, где Пилаты и Иуды порождались всем строем общественной жизни, неискоренимо стремление отыскать причины мирового зла.

Казнь и воскрешение рыцарей Храма

Среди политических процессов средневековья особое место занимает суд над тамплиерами. Церковный Орден тамплиеров (в переводе — «храмовников», от Иерусалимского храма) возник после первого крестового похода конца XI в. Он во многом походил на такие предназначенные для борьбы с «неверными» организации, как Орден госпитальеров или Тевтонский орден, который, как известно, стал главным орудием средневекового немецкого «Дранг нах остен». Устав тамплиеров, одобренный в 1128 г., позднее был дополнен многочисленными секретными правилами, касавшимися внутренней организации ордена. Рыцари ордена — он широко вербовал себе членов во Франции, Англии, Германии и других западноевропейских странах — сыграли немаловажную роль в попытках отстоять завоевания, сделанные крестоносцами в Сирии и Палестине. Папы щедро наделяли тамплиеров различными привилегиями. После того как в 1291 г. пала Аккра, последний оплот крестоносного воинства на Ближнем Востоке, орден, численность которого составляла до 20 тыс. человек, перебрался на Кипр.

Еще во времена борьбы с мусульманами тамплиеры совмещали ратное дело с умелыми финансовыми операциями, умножавшими их богатство. К началу XIV в. Орден тамплиеров занялся торговлей и ростовщичеством, стал кредитором многих светских монархов, обладателем огромных богатств.

То была организация, не знавшая государственных границ. Ее отделения в различных странах, становившиеся государством в государстве, повсеместно вызывали недовольство и подозрения, поэтому против ордена было совсем нетрудно возбудить ненависть толпы. Все это вполне трезво учел такой решительный и совершенно бесцеремонный политик, как французский король Филипп IV Красивый, успевший уже выдержать нелегкую борьбу с папством. Обеспокоенный вовсе не защитой веры и чистоты нравов, что ему позднее приписывали некоторые историки, Филипп попросту стремился наложить руку на имущество ордена. Однако, конечно, он предпочитал, чтобы это выглядело не как грабеж, а как

справедливое наказание за грехи, к тому же одобренное единодушным решением и светских и духовных властей.

Воспользовавшись в качестве предлога каким-то случайным доносом, Филипп приказал без шума допросить нескольких тамплиеров и затем начал секретные переговоры с папой Климентом V, настаивая на расследовании положения дел в ордене. Опасаясь обострять отношения с королем, папа после некоторого колебания согласился на это требование, тем более что встревоженный орден не рискнул возражать против проведения следствия.

Тогда Филипп IV решил, что настало время нанести удар. 22 сентября 1307 г. Королевский совет принял решение об аресте всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Три недели в строжайшем секрете велись приготовления к этой совсем нелегкой для тогдашних властей операции. Королевские чиновники, командиры военных отрядов (а также местные инквизиторы) до самого последнего момента не знали, что им предстояло совершить: приказы поступили в запечатанных пакетах, которые разрешалось вскрыть лишь утром в пятницу, 13 октября. Нечего было и думать о сопротивлении. Однако, зная о подозрениях и недоброжелательстве, которые вызывал орден, тамплиеры, возможно, приняли меры предосторожности. Один из рыцарей ордена, Жан де Шалон, показал позднее (в конце июня 1308 г.) на допросе, что накануне ареста он видел три повозки, прикрытые соломой и полотном, поспешно удалявшиеся от парижской резиденции тамплиеров. В этих телегах увезли часть сокровищ ордена «на Запад», к морю. Известно, что флот ордена в составе 18 кораблей имел приказ находиться у устья Сены. Но три повозки не достигли назначения — они исчезли где-то по дороге, очевидно, в Нормандии. Надо полагать, что, узнав об арестах, тамплиеры, сопровождавшие перевозимые богатства, укрыли их в одном из замков, возможно, в замке Жисор. Легенда уверяет, что в этом замке под землей была сооружена тайная часовня. А вот вход в нее никто не знает уже более шести столетий. Сокровища эти ищут и поныне [12].

Король делал вид, что действует с полного согласия папы, который, кстати, узнал о мáстерской «полицейской» акции Филиппа лишь после ее свершения. Арестованным были сразу приписаны многочисленные преступления против религии и нравственности: богохульство и отречение от Христа, культ дьявола, распутная жизнь, различные извращения. Допрос вели совместно инквизиторы и королевские слуги, при этом применялись самые жестокие пытки, и, конечно, были добыты нужные показания.

Филипп IV даже собрал в мае 1308 г. Генеральные штаты, чтобы заручиться их поддержкой и тем нейтрализовать любые возражения папы. Формально спор с папой велся из-за того, кому надлежит судить тамплиеров, а по существу — кто унаследует их богатства.

Был достигнут компромисс. Суд над отдельными тамплиерами был фактически оставлен в ведении короля, а над орденом в целом и его руководителями взял на себя римский первосвященник. Для этой цели осенью 1310 г. созвали совет важных церковных чинов, составивших специальный трибунал. Он занимал менее жесткую позицию и не прибегал к пыткам. Но если бы тамплиеры, выступавшие в качестве свидетелей по делу ордена, отказались от исторгнутых у них ранее признаний, то они могли бы быть отправлены королевскими властями на костер как еретики, вторично впавшие в греховные заблуждения. 12 мая 1311 г. 54 тамплиера, вызванные свидетелями в трибунал, были осуждены инквизиционными судами, действовавшими по приказу короля, и сразу же казнены. Это произвело надлежащий эффект на остальных свидетелей, отбив охоту выступать в защиту ордена. Правда, один из них, набравшись мужества, все же заявил, что его показания лживы и вырваны пыткой: «Я бы признал все; я думаю, что признал бы, что убил бога, если бы этого потребовали!» [13]

Недовольный позицией трибунала, Филипп решил оказать дополнительное давление на Климента V. Папа оказался тем более податливым этому нажиму, что еще в 1309 г. должен был перенести свое местопребывание из Рима во французский город Авиньон. Король приказал произвести расследование преступлений своего заклятого врага — покойного папы Бонифация VIII, который был обвинен в ереси, содомском грехе и других столь же малопривлекательных деяниях. Чтобы потушить вызванный этим скандал, Климент V согласился окончательно пожертвовать тамплиерами. Церковный трибунал после долгого перерыва возобновил в октябре 1311 г. заседания, продолжавшиеся до мая 1312 г. Настойчивость короля все усиливалась. По совету трибунала папа объявил о роспуске Ордена тамплиеров, имущество которого должно было перейти к госпитальерам. Впрочем, львиная доля добычи досталась Филиппу IV. 18 марта 1314 г. был вынесен приговор великому магистру Жаку Моле и еще троим руководителям ордена. Все они признали предъявленные им обвинения и были приговорены к пожизненному заключению. Однако в момент произнесения приговора Жак Моле и другой осужденный, Жоффруа де Шарне, объявили: они виноваты лишь в том, что, пытаясь спасти

себе жизнь, предали орден и признали истиной возведенную на него хулу. В тот же вечер оба по приказу короля были сожжены на костре.

Исследователи и поныне спорят о том, что было правдой в обвинениях, предъявленных тамплиерам[14].

В XVIII в. одно из направлений в западноевропейском масонстве стало пропагандировать миф о тамплиерах и объявило себя преемником Ордена рыцарей Храма. Речь идет о так называемых ложах строгого послушания, которые возникли в середине столетия в Германии, а потом и в других странах. Основатель этих лож барон Карл Годхельф Хунд был также одним из сочинителей легенды о тамплиерах. Он уверял, будто после ареста большинства тамплиеров провинциальный магистр Оверни Пьер д'Омон сумел бежать вместе с двумя командорами и пятью рыцарями, переодевшимися рабочими-каменщиками. На одном из островов близ берегов Шотландии они встретили великого командора Джорджа Гарриса и еще нескольких тамплиеров и приняли решение сохранить орден. В Иванов день 1313 г. был собран капитул, на котором Пьер д'Омон был избран Великим магистром. Чтобы избежать преследований, тамплиеры стали использовать пароли и знаки рабочих-строителей и называли себя франкмасонами («свободными каменщиками»). В 1631 г. Великий магистр перенес свою резиденцию в Эбердин, откуда орден, под масонской маской, снова получил распространение в Западной Европе. Эти утверждения совершенно бездоказательны. Правда, название «тамплиеры» мелькает в отдельных документах XV—XVII вв. В официальном эдикте Парижского парламента от 24 февраля 1618 г. владельцы одного отеля именуются «господа тамплиеры», но они явно не имели никакого касательства к исчезнувшему за столетия до этого ордену. Вслед за Германией в 60—70-х годах XVIII в. тамплиерские ложи получили распространение и во Франции.

Историки XIX — начала XX в., включая членов ордена, отвергали эту легенду. Вместе с тем некоторые из них были склонны так объяснять происхождение тамплиерского мифа. В конце XVII в. несколько вельмож — герцог Грамон, маркиз Биран и граф Таллар — образовали в Париже тайное общество под названием «Малое воскресение тамплиеров». Хотя общество не преследовало никаких других целей, кроме развлечения скучающих аристократов, Людовику XIV затея не понравилась и он выслал новоявленных храмовников из столицы. В 1705 г. герцог Филипп Орлеанский объединил бывших членов тайного союза, придав ему политический

характер. Иезуит Бонани состряпал известную фальшивку — подложные документы тамплиеров. При тогдашнем уровне палеографии подложные бумаги трудно было отличить от подлинных[15]. Среди этих документов фигурировал список великих магистров Ордена тамплиеров. Список начинался датой 18 марта 1314 г.— днем казни магистра Жака Моле — и был доведен до середины XVIII в. В него были включены видные исторические персонажи вроде Бертрана Дюгеклена (вторая половина XIV в.), Генриха Монморанси (последние десятилетия XVI в.), а также самого Филиппа Орлеанского, будто бы обновившего статуты ордена на общем собрании тамплиеров в Версале 25 марта 1705 г., и т. д.[16]

Все эти объяснения более чем сомнительны. Ведь подложные документы, фабрикацию которых отнесли ко времени Людовика XIV, и сами сведения о тайном обществе Филиппа Орлеанского стали известны лишь в 1804 г., причем представил их некий врач по фамилии Ледрю, один из основателей «Ордена Востока», явно склонный к мошенническим проделкам. Ледрю утверждал, что он был домашним врачом семьи герцога Коссе-Бриссака, якобы являвшегося до 1792 г. последним великим магистром тамплиеров. При распродаже мебели герцога во время революции Ледрю будто бы купил секретер, в котором и обнаружил документы ордена. Вероятно, документы были сфабрикованы самим Ледрю или по его наущению[17], и миф о тайном обществе Филиппа Орлеанского был присоединен к тамплиерской легенде в годы наполеоновской империи.

Противники масонов, целиком восприняв миф о тамплиерах, упражнялись в довольно комичных выражениях ненависти по отношению к ордену, уничтоженному за пятьсот или шестьсот лет до этого. Миф о тамплиерах дожил в антимасонских сочинениях вплоть до наших дней.

Загадки руанского судилища

Пятнадцатый век знает немало известных процессов. Среди них суд над Яном Гусом — идеологом ранней бюргерской реформации в Чехии, сожженным в 1415 г. по приговору церковного трибунала, членами которого были участники церковного собора в Констанце. А в самом конце столетия, в 1498 г., по приговору инквизиционного суда во Флоренции был отправлен на костер другой проповедник, призывавший к реформе церкви,— Джиролама Савонарола[18].

Однако самый знаменитый судебный процесс века происходил во французском городе Руане в начале 1431 г. Судили народную героиню Жанну д'Арк. Всего за два года до этого началась героическая история простой крестьянской девушки из селения Домреми, дочери деревенского старосты, которая сделала ее имя немеркнущим символом беззаветного патриотизма и самопожертвования во имя спасения родины.

Подвиг Орлеанской девы за пять с половиной веков, прошедших с того времени, был сюжетом для многих десятков эпических и лирических поэм, пьес и романов. Шекспир и Шиллер, Марк Твен и Бернард Шоу, Б. Брехт и Ж. Ануй — это лишь немногие наиболее известные из длинного списка писателей и драматургов, обращавшихся к истории жизни и гибели Жанны д'Арк[19].

Кто из нас с юношеских лет не зачитывался рассказами о Жанне, прибывшей ко двору французского короля Карла VII в Шиноне, чтобы побудить его к борьбе против захватчиков-англичан?

Шли самые трагические для Франции годы Столетней войны (1337—1453). Большая часть французской земли, в том числе и Париж, была в руках врага — Англии и ее союзника герцога Бургундского. При свидании с Карлом VII Жанна сумела убедить этого трусливого, нерешительного монарха, что она призвана спасти Францию. Во главе французских войск Жанна пришла на помощь городу Орлеану, изнемогавшему в кольце вражеской осады. Вслед за освобождением города Орлеанская дева, как называли в народе Жанну, не раз побеждала надменных английских полководцев. Город Реймс, традиционное место коронации французских королей, открыл свои ворота солдатам Карла VII. После коронования Карла Жанна повела войска на Париж. Стояла осень 1429 г. Столицу взять не удалось. Советники Карла VII сознательно вредили Орлеанской деве. Но Жанна не пала духом от неудачи. Воодушевленные ее непоколебимой верой в торжество правого дела, французы одержали несколько важных побед на севере Франции, прорвались в город Компьен, осажденный врагами. Во время одной из отважных вылазок из города 23 мая 1430 г. небольшой отряд Жанны был со всех сторон окружен. После отчаянного сопротивления Жанна попала в плен к бургундцам, которые передали ее в руки герцога Люксембургского, а тот за 10 тыс. золотых монет в ноябре 1430 г. продал англичанам. В народе были твердо убеждены, что Орлеанская дева пала жертвой черного предательства придворных короля: их поведение давало полное основание для такого подозрения. Молва утверждала, что комендант

Компьена Гильом Флави слишком рано опустил решетку крепостных ворот, закрыв путь для отступления отряда Жанны.

Англичане решили полностью использовать политические выгоды, которые им сулило взятие в плен Орлеанской девы. В ноябре 1429 г. регент Англии расчетливый и умный герцог Бедфордский короновал в Париже своего восьмилетнего племянника королем английским и французским Генрихом VI. А процесс и осуждение Жанны должны были доказать, что Карл VII был возведен на престол еретичкой, ведьмой, действовавшей по наущению сатаны.

Организацию процесса герцог Бедфордский поручил своему бессовестному клеврету епископу Бове Пьеру Кошону, которому в награду была обещана богатая Руанская епархия, и вполне преданному в это время англичанам Парижскому университету. Кошон потребовал выдать ему Жанну д'Арк для суда как еретичку, захваченную на территории его епископства. В декабре 1430 г. ее бросили в мрачное подземелье одного из руанских замков. Хитрый Кошон стремился придать тщательно подготовленному им трагическому фарсу видимость честного и юридически безупречного судебного разбирательства. Незадолго до начала суда Жанну в присутствии герцогини Бедфордской подвергли медицинскому освидетельствованию с целью определения, сохранила ли она невинность,— от этого зависела формулировка обвинения в «связи с дьяволом» и ведении распутной жизни. В результате заключения комиссии от последнего обвинения пришлось отказаться. Кроме того, само заточение Жанны в крепости, находившейся в ведении английских властей, уже было нарушением правил: поскольку обвиняемая должна была предстать перед инквизиционным трибуналом, ее надлежало содержать в женском отделении церковной тюрьмы.

Суд открыл заседания 9 января 1431 г. В инквизиционных процессах подсудимому запрещалось иметь адвоката. Кошон рассчитывал, что не представит труда выудить нужные ему признания у простой крестьянской девушки, которой к тому же не разъяснили, что ей инкриминировал суд. Она не могла понять это и из казуистически сложного обвинительного заключения, вдобавок составленного на латинском языке. Кошон стремился осудить Жанну как еретичку и колдунью. Обвинения против нее были сведены — уже в ходе процесса — в 12 статей, одобренных Парижским университетом; среди них фигурировали притязания на беседы со святыми и ангелами, фальшивые пророчества, еретические утвер-

ждения, согласно которым она считала себя обязанной подчиняться только богу, а не церкви, ношение мужской одежды и так далее — вплоть до неповиновения воле родителей. Однако у Кошона не было никаких доказательств впадения подсудимой в «ересь» и занятия ведовством, кроме факта, что она храбро сражалась в одеянии воина и продемонстрировала недюжинный талант полководца. Оставалось обратиться к хорошо разработанной инквизиционной технике, рассчитанной на то, чтобы с помощью пыток или без них запугать, сломить волю обвиняемой и добиться нужного признания[20].

Процесс длился несколько месяцев. С 21 февраля по 27 марта происходил предварительный допрос подсудимой, потом главные судебные заседания. Так продолжалось до 24 мая 1431 г. Все эти месяцы в зале суда и в тюремной камере Жанну засыпали непрерывным градом вопросов, относящихся и не относящихся к делу. Каждый из них мог содержать коварные ловушки, невидимые подводные камни. Один неловкий ответ — и готово признание в ереси, неосторожно сорвавшееся слово — и капкан захлопнется, суд сочтет этот, пусть мнимый, самооговор за доказательство ведовства.

Однако, к изумлению Кошона и других судей, их ухищрения не дали нужного результата. Твердость духа, прирожденный ум и здравый смысл помогли Жанне не попасть в расставленные сети. Более того, она нередко ставила в затруднительное положение Кошона. Один раз подсудимая объявила, что готова выполнить его требование прочесть католическую молитву, если епископ согласится принять ее исповедь. Как духовное лицо, Кошон не имел права отказать в такой просьбе, а выслушав исповедь, по тогдашним понятиям, не мог, не рискуя спасением собственной души, признать подсудимую виновной. Поле сражения на этот раз осталось за Жанной.

Во время процесса подсудимая заболела. Это вызвало крайнее беспокойство англичан. Умри Дева от болезни, исчезли бы все выгоды, которые Бедфорд рассчитывал получить от ее казни. Жанну лечили личный врач герцогини Бедфордской и другие лекари. Узница поправилась.

2 мая Жанне формально предъявили выдвинутые против нее обвинения и потребовали отказа от ее «видений», подчинения церкви, т. е. Кошону и его коллегам. Она ответила отказом. Через неделю ее привели в камеру пыток, показали для устрашения зловещие инструменты палача. Но и это не сломило духа Девы, а Кошон почему-то не решился или посчитал излишним прибегать к пыткам. Тем не менее подсудимую не переставали

запугивать, беседовавшие с ней монахи рисовали ей муки костра и ужасы ада. 23 мая Жанне официально было объявлено, что, если она не признает своих заблуждений, ее ожидает сожжение на костре. Воля Девы была на время поколеблена. Подавленная рассуждениями ученых-богословов, Жанна признала свою вину и была осуждена на вечное заточение. Некоторые английские военачальники не поняли этого тактического хода Кошона и громко называли епископа изменником. Но один из судей успокоил графа Уорика, коменданта Руана:

— Не беспокойтесь, мы поймаем ее.

В тюрьме с помощью обмана узницу побудили снова надеть мужское платье, которое она обязалась не носить. Вдобавок она взяла назад свое отречение от посещавших ее «видений». Доказательство, что осужденная — нераскаявшаяся еретичка, было теперь налицо. Недаром после допроса Жанны в темнице Кошон радостно сообщил англичанам, ожидавшим его у тюремных ворот:

— В добрый путь! С ней покончено.

29 мая происходит новое заседание суда, по существу новый процесс, на этот раз очень короткий, и Жанну, как впавшую в прежний грех, присуждают к передаче в руки светских властей, иначе говоря, к сожжению на костре. 30 мая 1431 г. приговор был приведен в исполнение в присутствии большого отряда английских воинов и толпы жителей Руана. Впоследствии очевидцы утверждали, что при осуждении и при казни не были соблюдены законные формальности [21].

Твердость и самообладание осужденной поразили даже многих ее врагов. Через четверть века процесс Жанны был пересмотрен, формально по просьбе ее матери, фактически по требованию французского короля, который долгое время, не желая ссориться с церковью, Бургундией и Парижским университетом, не спешил с этим делом. Однако, выбрав удобный момент, Карл решил опровергнуть еще тяготевшее над ним обвинение, что он получил корону из рук колдуньи. По распоряжению папы Каликста III в 1455—1456 гг. в Париже и Руане состоялся новый суд, отменивший приговор Кошона. Честь Жанны была восстановлена. Прежний вердикт был объявлен следствием коррупции, подлогов, клеветы, коварства и нелояльности. Отречение Девы аннулировалось как исторгнутое запугиванием, присутствием палача и угрозой сожжения [22]. Через столетия, в 1920 г., католическая церковь сочла выгодным сыграть на популярности французской народной героини и причислила ее к лику святых.

Процесс 1431 г. и контрпроцесс 1455—1456 гг. изве-

стны нам во всех подробностях (правда, протоколы судилища в Руане были в немалой степени фальсифицированы Кошоном). Только во время правления Карла VII и его преемника, т. е. за полстолетия, историю Жанны д'Арк излагают 22 французских, 8 бургундских и 14 иностранных хронистов. К этим 44 летописцам надо еще прибавить 9 поэтов, которые в XV в. воспевали подвиг Орлеанской девы. Поэтому наука знает о жизни Жанны д'Арк, вероятно, больше, чем о ком-либо другом, жившем в XV в., за исключением разве что некоторых монархов, деяния которых подробно заносились в хроники. И тем не менее существует поверье, что и процесс, и казнь Орлеанской девы являлись лишь хорошо разыгранным спектаклем, за кулисами которого развернулось одно из наиболее интересных приключений в истории тайной дипломатии. Предание восходит к легендам, возникшим вскоре после гибели Жанны, во что никак не хотел поверить французский народ. Версия была выдвинута еще в XVII в., однако наукообразное оформление получила лишь в наши дни, когда во Франции появился не один десяток работ о «спасении» Орлеанской девы в 1431 г.

Легенда покоится на одном, правда трудно объяснимом, происшествии, которое произошло в городе Орлеане в 1436 г., примерно через пять лет и три месяца после того, как в Руане была сожжена Жанна д'Арк. В счетной книге Орлеана, куда заносились расходы, производившиеся городскими властями, можно прочесть о выдаче 9 августа двух золотых Жану дю Ли в качестве платы за доставку писем от его сестры девы Жанны. Он ездил к ней в город Арлон в Люксембурге. Брат Жанны, носивший новую, дворянскую фамилию, пожалованную ему королем, отправился ко двору Карла VII, а затем к «сестре», получив деньги на путевые расходы. Имеются и другие аналогичные записи, относящиеся к поездкам Жана дю Ли к «сестре» и королю. Все они датируются июлем, августом и сентябрем 1436 г. Подлинность их не вызывает сомнений. Однако этим не ограничиваются записи в счетной книге, связанные с «Девой Франции», как она именуется в этих документах. Всюду в них без всяких колебаний предполагается, что сожженная Жанна д'Арк жива.

28 июля 1439 г., т. е. через три года после первых записей и более чем через восемь лет после официальной смерти Орлеанской девы, она сама, если верить записям, пожаловала в Орлеан. Жанну — она называлась теперь Жанной д'Армуаз — встретила восторженная толпа. Итак, Деву хорошо приняли в городе, в котором ее не только

чтили, но где было немало людей, отлично знавших Жанну еще со времен знаменитой осады. Записи не оставляют сомнения, что Жанну д'Армуаз горожане сочли за Орлеанскую деву. В счетной книге прямо указывается, что Жанне была подарена крупная сумма денег (210 ливров) «за добрую службу, оказанную ею указанному городу во время осады».

Быть может, вера в то, что Жанна д'Армуаз — Орлеанская дева, рассеялась у горожан, когда они ближе пригляделись к приезжей женщине, продолжительное время бывшей их гостьей? Наоборот, в счетной книге отмечен торжественный обед, на который она была приглашена двумя богатыми патрициями — Жаном Люилье и Теваноном де Бурж — и где ей были оказаны всяческие почести, знаки внимания и уважения. Жанну д'Армуаз признали горожане и дворяне, хорошо знавшие Деву по времени осады,— Николя Лев, Николя Груанье, Обер Буле. Они даже принимали совместно с Жанной участие в коронации Карла VII в Реймсе. С тех пор прошло совсем немного лет. Имеем ли мы основание теперь, спустя более пяти веков, поставить под сомнение вывод, что прибывшая «дама д'Армуаз» была Орлеанской девой? Вдобавок оспаривать его, не приводя веских доказательств, объясняющих, что́ побудило всех этих людей участвовать в мистификации или почему они были введены в заблуждение.

Историк Ж. Пем утверждает, что он нашел очень важные свидетельства. До сих пор считалось, что мать Орлеанской девы Изабелла Роме приезжала в Орлеан лишь в июле 1440 г., через год после появления там женщины, выдававшей себя за ее дочь. Однако в списке городских расходов с 6 марта 1440 г. имеется отметка об уплате двум лицам за содержание и лечение Изабеллы с 7 июля по 31 августа. Здесь речь явно может идти только о 1439 г. Там же имеется запись об уплате пенсии, установленной городом Изабелле, за сентябрь, октябрь и ноябрь 1439 г. Если подлинность этих записей не ставить под сомнение, то они свидетельствуют о том, что мать Жанны д'Арк находилась в Орлеане, когда в городе торжественно принимали Жанну д'Армуаз как Орлеанскую деву. Трудно представить, зачем матери Жанны д'Арк подобно ее братьям надо было участвовать в обмане. Ж. Пем приводит также ряд косвенных доказательств, что во время пребывания Жанны д'Армуаз в Орлеане город посетил сам король Карл VII. В счетных книгах Орлеана и позднее регулярно отмечаются денежные выдачи «Изабелле, матери Девы Жанны». В записи, сделанной в июле 1446 г., Изабелла Роме уже именуется

«Изабелла — мать покойной Девы Жанны», как и в записях за все месяцы до пасхи 1447 г. Не означает ли это, что к началу 1447 г. в Орлеане стало известно о смерти Жанны? Быть может, эта новость была сообщена ее братьями? (Правда, сторонник традиционной версии П. Гильом, просмотрев счетные книги Орлеана, показал, что выражение «Дева Жанна» без добавления «покойная» встречается не раз и после 1447 г. Это — с большой натяжкой — можно отнести и за счет небрежности писцов.)

Таковы главные факты, на которых построена легенда о спасении Жанны. Все остальные сведения и показания имеют по сравнению с этими неопровержимыми фактами второстепенное значение[23]. Гостеприимство, оказанное Жанне д'Армуаз, допускает лишь три объяснения: это могла быть невольная ошибка, результат коллективной галлюцинации (отнюдь не редкость в средние века!); могло быть и сознательное соучастие в обмане; и наконец, последнее возможное объяснение — Жанна д'Армуаз действительно была чудом спасшейся Жанной д'Арк.

Ошибка братьев Жанны маловероятна. Но и вывод, что братья дю Ли из корыстных мотивов признали в Жанне д'Армуаз свою сестру,— лишь простое предположение. В его пользу можно привести лишь ссылку на стесненное материальное положение младшего из братьев, Пьера дю Ли, и то, что оба они получили — небольшие, впрочем,— награды за перевозку писем Жанны д'Армуаз. Интересно, что сразу после своего появления в Лотарингии Жанна поспешила связаться с братьями — смелый шаг со стороны самозванки, если он не был сделан в результате предшествовавшей договоренности, о которой мы не имеем никаких известий. Что касается горожан Орлеана, то трудно обнаружить мотивы их соучастия, скорее можно отнести их к числу обманутых. Если и это покажется не заслуживающим доверия, то остается только признать правдивость утверждений Жанны д'Армуаз.

Такая же теплая встреча, как в Орлеане, ожидала Жанну д'Армуаз и в городе Туре. Следует заметить, что наши сведения о ней отнюдь не исчерпываются записями в счетной книге города Орлеана. Имеются известия, позволяющие проследить ее жизнь в течение ряда лет.

В хронике декана Сен-Тибо из Меца указывается, что 20 мая 1436 г. в деревне Гранд-оз-Орм, неподалеку от города с таким же названием, появилась «дева Жанна», которую признали местное дворянство и «ее» братья. Деву хорошо приняли в Арлоне у герцогини Елизаветы (которую, между прочим, часто путали впоследствии с

другой герцогиней — Люксембургской, хорошо знавшей Жанну во время ее плена, но умершей в 1430 г.). Надо отметить, что она вовсе не афишировала своего имени, напротив, называла себя Клод. Говорят, что Дева появилась в обстановке общего воодушевления, связанного с изгнанием англичан из Парижа в апреле 1436 г. Но можно представить себе дело и иначе: в это время шли разговоры о мире. Английскому гарнизону разрешили свободно уйти из Парижа. Может быть, в обмен на какую-то уступку англичане и согласились выпустить Жанну из заключения. Между прочим, почему-то никто не спрашивал Жанну, где она провела предшествовавшие пять лет после своего «спасения». И сама она не касалась этого вопроса. По крайней мере наши источники вовсе обходят его. Очевидно, были причины для такого умолчания, причем оно нисколько не поколебало веры в правдивость утверждений Жанны. Новоявленная Дева вела светскую жизнь в Арлоне при герцогском дворе, а потом у графа Ульриха Вюртембергского в Кельне, вмешивалась в дипломатические интриги местных духовных и светских феодалов. В Кельне она попыталась ссылками на волю божью помочь графу Ульриху провести его кандидатуру на пост архиепископа Трирского. Это привело к вмешательству инквизитора Генриха Калтайзена, вызвавшего ее для допроса по подозрению в ереси и колдовстве. «Дева Жанна» спешно бежала обратно в Арлон (об этом сообщает хроника современника — доминиканского монаха Жана Нидера).

Осенью Жанна вышла замуж за некоего Робера д'Армуаза сеньора де Тиммон. Была отпразднована пышная свадьба. Жанна родила двух сыновей [24]. К этому же времени относится и ее переписка через посредство братьев дю Ли с Карлом VII.

Несомненно, что декан Сен-Тибо искренне считал появившуюся «Деву Жанну» подлинной Жанной д'Арк. Надо лишь добавить, что разыскана другая рукопись его хроники, в которой декан признает свою ошибку: «В этот год прибыла молодая девица, именовавшая себя Девой Франции и так игравшая ее роль, что многие были обмануты, и особенно среди них наиболее знатные». Очевидно, это безоговорочное опровержение первого свидетельства, но где гарантия того, что именно оно было результатом ошибки, а не последующее разъяснение «самозванства» являлось тенденциозной вставкой?

Цитированные тексты были приведены еще в 1683 г. в журнале «Меркюр галант» и вызвали сенсацию. Тогда же был опубликован брачный контракт Жанны д'Армуаз (оригинал его так и не был найден). Считают, что

контракт является фальшивкой, сфабрикованной священником Винье в XVII в. Почему, однако, надо считать брачный договор подделкой? У отца Винье вряд ли могли быть на это причины. Да и поведал он о находке только своему брату, который много позднее рассказал о ней на страницах «Меркюр галант». Правда, эта бумага с тех пор так и не разыскана, но в XVII в. еще не интересовались подлинными историческими документами. Это в равной мере относится и к дарственному акту, согласно которому Робер д'Армуаз передавал какие-то владения своей жене «Жанне, Деве Франции». Приведенный в старинной «Истории Лотарингии» документ о дарении сопровождается разъяснением: «Это Орлеанская дева или, скорее, авантюристка, принявшая ее имя и вышедшая замуж за сеньора Робера д'Армуаза». И опять вопрос: чему доверять — документу или последующему дополнению к нему? Следует отметить, что друзья Робера д'Армуаза — Жан де Тонельтиль и Собле де Дэн, поставившие свои печати на документе о передаче Жанне части владений ее мужа, знали подлинную Орлеанскую деву. Зачем им надо было участвовать в обмане? Между прочим, Робер д'Армуаз приходился кузеном Роберу де Бодрикуру — тому самому, к которому в городке Вокулере прежде всего обратилась пастушка из расположенного неподалеку Домреми и который по ее просьбе дал ей для сопровождения шестерых слуг, доставивших Жанну в Шинон к королю Карлу[25].

Вообще действия самой дамы д'Армуаз малопонятны, если считать ее самозванкой. Помимо одной явной неосторожности — вступления в переписку, а потом и свидания с братьями дю Ли — она совершила и вторую — согласилась выйти замуж за небогатого сеньора д'Армуаза, отлично зная, что при заключении брака потребуются документы, касающиеся ее происхождения. Существует легенда, что Робер д'Армуаз в наказание за обман посадил свою жену в сумасшедший дом, расположенный неподалеку от Брие. Однако в роду д'Армуаз до сих пор сохранилась традиция чтить Жанну как самую славную из предков. Семья потомков Жанны д'Армуаз, опрошенная историком К. Пастер, выразила твердую уверенность, что их предок сеньор Робер не мог жениться на женщине без роду и племени. Он должен был предварительно убедиться, что его невеста действительно та, за кого она себя выдает[26].

Нам известна жизнь Жанны д'Армуаз в последующие три года, т. е. с 1436 по 1439 г. Следует лишь добавить, что все эти три года горожане были в нерешительности, верить ли слухам о спасении Жанны. Они платили не

только братьям дю Ли за письма от «спасшейся» Жанны в 1436 г., но и за мессу, отслуженную за упокой ее души в мае 1439 г., как раз накануне прибытия дамы д'Армуаз в Орлеан.

В политике Карла VII вскоре произошел перелом. В 1436 г., когда только что был отвоеван Париж, король еще колебался, стоит ли объявлять Жанну д'Армуаз чудом спасшейся Орлеанской девой (бездействие Карла, ничего не сделавшего для ее спасения, сурово осуждалось в стране). Теперь же король предпочел не зависеть от авантюристки и использовать в своих целях память о подлинной Жанне.

Между тем Жанна д'Армуаз отправилась из Орлеана в области, где продолжались боевые действия против англичан. Она встретилась с воевавшим там маршалом Жилем де Ре, хорошо знавшим Жанну д'Арк. Это свидание — опять крайне опрометчивый шаг, если речь идет о самозванке. Жиль де Ре поручил ей возглавлять войска на севере от Пуату, но мы не знаем, как протекала военная карьера Жанны д'Армуаз.

Авторы, пропагандирующие версию о спасении Жанны д'Арк, конечно, всячески обыгрывают те поступки Жанны д'Армуаз, которые свидетельствовали, что она либо имела все основания не бояться разоблачения, либо по непонятным причинам пренебрегала очевидной опасностью изобличения в самозванстве. Эти авторы ссылаются и на то, что даже противник Жанны д'Армуаз — королевский камергер Гильом Гуфье признавал ее удивительное сходство с Жанной д'Арк. Правда, его мнение нам известно на основе очень позднего (1516 г.) свидетельства П. Саля и, быть может, относится к еще одной Лже-Жанне. Однако барельеф Жанны д'Арк, восходящий к первой трети XV столетия и находящийся в музее в Лудюне, и медальон Жанны д'Армуаз, относящийся к более поздним десятилетиям того же века и хранящийся в замке Жолни, подтверждают, что изображенные на них женщины явно похожи друг на друга. Но может быть, это было сделано сознательно, чтобы подкрепить притязания Жанны д'Армуаз[27]. Возникает вопрос: если дама д'Армуаз была простой авантюристкой, как она могла быть уверена, что действительно как две капли воды похожа на Орлеанскую деву? Ведь портретов той вообще не существовало, за исключением, быть может, одного-единственного. Вдобавок надо учитывать, что живопись того времени вряд ли позволяла уверенно судить о внешнем сходстве человека с тем, кто был изображен на картине. В этих условиях, если Жанна д'Армуаз не была Орлеанской девой, для нее было более чем необдуманным

и неразумным отправиться в места, где знали подлинную Жанну, утверждает один из главных сторонников «новой» версии — Э. Вейль-Рейналь. На этот довод, однако, напрашивается возражение: почему Жанну д'Армуаз, если она действительно была очень похожа на Жанну д'Арк, не могли убедить в существовании такого сходства видевшие Орлеанскую деву? И почему бы после этого Лже-Жанне не рискнуть отправиться в Орлеан и другие места, где знали Жанну д'Арк, особенно обеспечив себе небескорыстное содействие со стороны ее братьев?

В 1440 г. Жанна д'Армуаз прибыла в Париж, где ее давно с нетерпением ждал народ. Однако парижский парламент (тогда судебное учреждение), действуя, очевидно, с согласия короля, принял меры, чтобы не допустить восторженного приема Жанны д'Армуаз в столице. Еще по дороге в Париж она была арестована и под конвоем доставлена в парламент, который объявил ее самозванкой и выставил у позорного столба. Она сообщила отдельные сведения о своей прошлой жизни — путешествие в Италию (с целью получить у римского папы прощение за побои, которые она нанесла родителям), участие в войне, для чего ей пришлось переодеться в костюм солдата. Отсюда у нее и возникла мысль выдать себя за Орлеанскую деву. Жанна д'Армуаз признала свое самозванство, и ее освободили из-под ареста. После смерти Робера д'Армуаза она, очевидно, была еще раз замужем за неким Жаном Луийе (некоторые исследователи, впрочем, считают, что речь здесь идет о другой женщине). В одном документе, который относится к 1457 г. (и подлинность которого далеко не безусловна), ей жаловалось прощение за то, что она именовала себя Орлеанской девой.

Правда, и после 1440 г. появлялись Лже-Жанны: одна в 1452 г. в Анжу, признанная двумя кузенами Орлеанской девы, другая — несколькими годами позже. Это была некая девица Фрерон из местечка около Мана. Обеих быстро изобличили в обмане. Об этих Лже-Жаннах можно говорить только ради курьеза и еще для того, чтобы подчеркнуть, сколь долго народная фантазия не желала примириться с гибелью национальной героини.

Много споров вызвал вопрос, были ли Жанна д'Армуаз и другие Лже-Жанны одним и тем же лицом. Часть исследователей считает, что Жанна д'Армуаз умерла между 1443 г., когда муж передал ей часть своих владений, и 1449 г., когда в счетных книгах города Орлеана Изабеллу Роме окончательно стали именовать не «матерью Девы», а матерью «покойной Девы Жанны». В этом случае документ 1457 г. относится не к Жанне

д'Армуаз, а к другой женщине — Жанне де Сермез. Последняя, используя близкое звучание обеих фамилий, выдавала себя за супругу сеньора Робера. В любом случае тот факт, что время от времени объявлялись Лже-Жанны, не решает вопроса о том, была ли дама д'Армуаз подлинной Орлеанской девой.

Орлеанский эпизод в истории Жанны д'Армуаз, как мы видели, нелегко объяснить, если считать ее обманщицей. Все остальные «узнавания», правда, мало что доказывают, поскольку всегда можно найти причины, побудившие так действовать и лотарингских феодалов, и Карла VII, и самих братьев дю Ли. Однако можно в равной степени считать подозрительными и «разоблачения» Жанны как самозванки, в том числе раскаяние, вырванное у нее парижским парламентом.

Наконец, еще один документ — нотариальный акт от 29 июля 1443 г., в котором зафиксировано пожалование герцогом Карлом Орлеанским Пьеру дю Ли имения за верную службу королю и самому герцогу. Эту службу, указывалось в нотариальном акте, Пьер дю Ли осуществлял «совместно» с девой Жанной, его сестрой, вплоть до его (или ее) отсутствия «и с тех пор до настоящего времени». Если речь шла об его отсутствии, то текст расшифровывается просто: Пьер дю Ли несколько лет находился в плену (непонятно, впрочем, почему в тексте прямо не сказано о плене). Однако вполне допустимо прочесть и «до ее отсутствия»; тогда это признание того, что Жанна не погибла в 1431 г. Слова же «и с тех пор до настоящего времени» вполне могли быть отнесены «совместно» к брату и сестре, а не к одному Пьеру дю Ли. Не сознательно ли вставлена в документ эта неясная фраза: в 1443 г. уже нельзя было одновременно открыто выражать сомнение в гибели Жанны д'Арк и признавать самозванку, разоблаченную парламентом[28]. Из уже цитированной выше грамоты Карла Орлеанского в 1443 г. можно заключить, что Жанна была еще жива. В другой дарственной грамоте Карла Орлеанского, датированной 31 июля 1450 г., о Пьере дю Ли говорится уже как о «брате покойной Девы».

Нам известны, как уже отмечалось, все детали руанского процесса: сохранились подробные протоколы. Нет лишь одного важного документа — официального акта, удостоверяющего казнь Жанны или даже просто упоминающего об исполнении приговора. Академик М. Гарсон, известный французский юрист, изучавший историю Жанны д'Арк, считает, что составление подобного акта не требовалось судебными правилами того времени. Однако генеральный адвокат Шарль дю Ли, живший в XVI в. и

заинтересованный в этом деле, связанном с историей его семьи, считал отсутствие протокола «обращающим внимание и таинственным». Во французских хрониках первой половины XVI в. о казни Жанны говорится в неопределенных и часто двусмысленных выражениях. Так, в «Бретонской хронике» (1540 г.) сказано, что в 1431 г. «Дева была сожжена в Руане или была осуждена на это» Симфориен Шампье в «Корабле для дам», изданном в Лионе в 1503 г., пишет, что Дева, по мнению англичан, была сожжена в Руане, но французы это отрицают. В поэме Жоржа Шатлена «Воспоминания о чудесных приключениях нашего времени» говорится, что, «хотя, к великому горю французов, Дева была сожжена в Руане, она, как стало известно, потом воскресла».

Обращаясь к свидетельствам современников, помимо уже упомянутого декана Сен-Тибо отметим дневник одного парижского буржуа, где прямо указывается, что в Руане под видом Жанны была сожжена другая женщина. Пьер Кюскель, буржуа из Руана, который мог быть очевидцем казни, разделял это мнение: «Жанна бежала, и кто-то другой был сожжен вместо нее». В рукописи, хранящейся в Британском музее (английской национальной библиотеке) под № 11542, также указывается: «Наконец публично сожгли ее (Жанну) или же другую женщину, похожую на нее, в отношении чего многие люди держались и до сих пор придерживаются разного мнения»[29].

Слух о спасении Жанны так быстро распространился после ее казни, что это встревожило парижские власти (столица тогда еще находилась в руках англичан, отцы города раболепно выполняли все приказы чужеземных захватчиков). Был даже затеян опрос свидетелей, не манкировал ли Кошон возложенными на него обязанностями? Кого же можно было расспросить, кроме помощников Кошона, его асессоров? Однако они один за другим скончались вскоре после руанского процесса.

Но вот прошла четверть века, и, готовясь к процессу реабилитации Жанны, французские суды занялись поисками свидетелей. Это было не простое дело. Кошон умер еще в 1444 г. Доминиканцы объявили, что не знают, где находится монах их ордена инквизитор Жан Ле Метр. Все же нашлось около дюжины лиц, входивших в состав руанского судилища. Пятеро из них заявили, что ничего не видели, трое — что уехали еще до окончания заседаний, а двое сослались на слабую память и на то, что они по забывчивости не могут ничего припомнить из процесса Орлеанской девы[30].

Известная неясность имеется даже в дате казни

Жанны. Обычно называют 30 мая, но многие осведомленные современники упоминали другие числа — 14 июня, 6 июля, а английские хронисты в конце XV и начале XVI в. писали, что Жанна была сожжена в феврале 1432 г. Существует разноголосица и в отношении способа казни. Например, хронист Жан ла Шапель утверждает, что Жанна сначала была обезглавлена, а уже потом ее тело предано сожжению на костре.

Считается, что английские власти, желая убедить народ в смерти «колдуньи», устроили казнь в присутствии многолюдной толпы. Это так, но вопреки обыкновению горожан не подпустили близко к эшафоту — от костра их отделяла стена из 800 солдат. Возможно, это было только мерой предосторожности со стороны англичан, опасавшихся, что будет сделана попытка в последний момент спасти осужденную. Поэтому, вероятно, никто, кроме английских солдат и официальных лиц, не смог вблизи наблюдать сцену сожжения. В сохранившихся описаниях казни остается неясным: то ли осужденной косо надвинули чепчик или дурацкий колпак, то ли она взошла на костер с закрытым лицом[31]. Кроме того, все рассказы о сцене сожжения были записаны только через 10—15 лет и вполне могли носить тенденциозный характер.

Вместе с тем современник — руанский священник Жан Рикье — писал, что, поскольку англичане опасались, «как бы не стали говорить, что она (Жанна.— *Е. Ч.*) спаслась», палачу был дан приказ сразу после смерти осужденной на время потушить огонь с целью показать присутствующим, что казнена именно Жанна. Об этом же мы читаем и в дневнике парижского буржуа. Палач именно так и поступил[32]. Впрочем, остается вопрос: смогли ли свидетели казни, разглядывая уже обуглившееся тело жертвы, определить, кто именно погиб на костре?

Если предположить, что была сожжена не Жанна, какова была судьба самой Орлеанской девы? Известно, что первоначальные суровые условия заключения Жанны потом были значительно смягчены. Сторожившие ее тюремщики и английские солдаты не раз уходили пьянствовать в ближние таверны, оставляя ее одну. К Жанне допускали посетителей, а она отказалась дать честное слово, что не сделает попытки к бегству. Ряд французских историков (Ж. де Сен Жан, А. Герен) считают, что Жанна могла бежать через подземный ход, который должен был быть в Руанском замке. Делались даже попытки откопать этот подземный ход, который, по догадке некоторых исследователей, вел в дом регента Англии герцога Бедфордского. Его жена, француженка, могла выступить в роли спасительницы Жанны. Изве-

стно, что к Жанне хорошо относилась герцогиня Люксембургская, примыкавшая к бургундской партии, а герцогиня Бедфордская была сторонницей примирения часто ссорившихся союзников — англичан и бургундцев.

Где была Жанна после своего спасения? Не исключено, что в Риме, при дворе папы Мартина V (там Жанне должны были очень помочь связи покровительствовавших ей принцесс королевского дома), а может быть, в английской тюрьме. В 1970 г. в Париже была опубликована книга Пьера де Сермуаза (дальнего потомка Лже-Жанны) «Тайные миссии Жанны д'Арк», утверждающего, что Орлеанская дева в эти годы была секретным агентом Ордена францисканцев. Почему она появилась лишь через пять лет? Да потому, утверждает П. де Сермуаз, что именно к этому времени серьезно изменилась политическая и военная обстановка. В сентябре 1435 г. умер герцог Бедфордский, что лишало англичан единого руководства, а весной следующего года был освобожден Париж. Напоминали также, что историк А. Байе уверял, будто он в 1907 г. обнаружил брачный контракт Жанны д'Армуаз в архиве одного нотариуса городка Френ-ан-Вевр и установил, что подпись невесты тождественна подписи под посланием Жанны д'Арк жителям Реймса. Он рассказал о своем открытии нескольким журналистам. Однако город Френ был полностью разрушен во время мировой войны 1914—1918 гг., и архив погиб. А. Байе незадолго до своей смерти (1961 г.) не раз говорил об этом открытии[33].

В таком случае не был ли сам процесс Жанны лишь комедией, где все участники играли заранее согласованные роли? Протоколы руанского процесса были фальсифицированы Кошоном. Он приказал не заносить в них многие заявления подсудимой. Сохранилась неискаженная копия протоколов, представленная в качестве доказательства на контрпроцессе. В XX в. она была обнаружена одним историком и свидетельствует, что официальный текст тенденциозно «исправлен» Кошоном и в таком виде доведен до сведения европейских дворов. Основной политической целью руанского процесса было доказать незаконность коронации Карла VII, осуществленной с помощью колдуньи.

Роль главного злодея в истории Жанны д'Арк отведена Кошону. Легенда не терпит нюансов, она знает лишь белый и черный цвета. Между тем имеющиеся данные показывают, что Кошон явно стремился затянуть процесс, что парижский парламент неоднократно напоминал ему о необходимости поторопиться с окончанием дела. Не хотел ли Кошон выиграть время и попытаться спасти Деву? Не

надел ли он личину врага Орлеанской девы с целью добиться назначения судьей и осуществить таким образом свой план спасения Жанны? Не ясно, знала ли она об этом плане, если он вообще существовал в действительности. Однако Кошон явно сознательно не расспрашивал подсудимую о многих важных вещах, позволял умалчивать о них. Англичанам было важно, чтобы колдунью сожгли. А кто был действительно казнен — это уже второстепенное дело. Почему же Кошон делал попытки вызволить Жанну? Да хотя бы из простого благоразумия и предусмотрительности, из стремления обеспечить свои интересы, если счастье повернется в сторону французов[34]. Кошон, возможно, стремился к компромиссу. Карлу VII, предлагавшему выкуп и угрожавшему репрессиями в отношении знатных английских военнопленных, была бы предоставлена возможность спасти Жанну, но официально бы ее казнили, как того требовали цели английской политики. Кошон ведь явно пытался сохранить жизнь Жанны, иначе он сразу бы вынес ей смертный приговор, а не присудил вначале к тюремному заключению. (Он не мог заранее наверняка знать, что она попадется в ловушку и даст основания объявить себя вторично впавшей в ересь.)

Стоит отметить, что в отличие от других призывавших к борьбе проповедников, с которыми у англичан расправа была короткой, над Жанной был учинен суд, растянувшийся на несколько месяцев. Очень многозначительным является тот факт, что Жанну не подвергали пытке. Ведь пытка была тогда не какой-то исключительной мерой, а нормальной процедурой получения показаний у подсудимого, отрицающего свою вину. За столетие до этого пытку применяли к гроссмейстеру Ордена тамплиеров Жаку Моле. Несмотря на то что Жанна была отлучена от церкви, ей вопреки и правилам, и обычной практике дали возможность принять причастие — милость, которую не оказывали тогда никому из обвиненных в колдовстве и отправленных за это на костер.

Как известно, Жанна была взята в плен вассалом Жана Люксембургского, который передал ее своему сюзерену — герцогу Филиппу Бургундскому, а тот — англичанам. После захвата в плен Жанна имела беседу с герцогом Бургундским, содержание которой осталось тайной, хотя при встрече присутствовал придворный историограф Ангерран де Монтреле. Позднее он писал в своей хронике, что не может припомнить, о чем говорили герцог и Орлеанская дева. Такой провал памяти объясним только тем, что во время встречи речь шла о каком-то важном государственном секрете. Интересно,

что не Жанну доставили к герцогу, а Филипп Бургундский сам прибыл к месту, где она содержалась в заключении,— неожиданная дань уважения простой пастушке. Посетивший тюрьму в Руане Жан Люксембургский также встретился со своей бывшей пленницей. Его приближенный шевалье Эмон де Маск сообщил в 1456 г. на процессе реабилитации, что он участвовал в этой встрече; присутствовали также английские военачальники графы Уорик и Стаффорд, канцлер Англии. Жан Люксембургский сказал Жанне, что прибыл освободить ее за выкуп, если она не будет более воевать против англичан. Дева ответила, что Жан смеется над нею, не имея ни желания, ни власти, чтобы ее освободить. Англичане же собираются убить ее с целью захвата французского королевства. Стаффорд был взбешен словами Жанны, он уже наполовину вынул меч из ножен, чтобы умертвить пленницу, но его остановил Уорик. Историки по-разному пытались объяснить смысл этого эпизода. Часть из них готова была признать, что в это время еще не исключалась возможность освобождения Жанны за выкуп и на определенных, выгодных для англичан и их союзников условиях. Другие видели здесь отзвук якобы заключенного тайного компромисса — официально объявят, что Жанну сожгли как еретичку и ведьму, а на деле дадут ей возможность спастись[35].

Миф о королевской крови

На процессе 22 февраля 1431 г. Жанна заявила своим судьям, что если бы они были лучше осведомлены о ней, то не пожелали бы, чтобы она находилась в их руках[36]. 24 февраля Дева сказала, что судьи ставят себя под большую угрозу, а 14 марта объявила, что, если бог покарает судей, пусть знают, что она выполнила свой долг, предупредив их об этом.

Сторонники неортодоксальной версии находят в этом намеки на то, что Жанна сохраняла связи с какими-то внешними силами, которые давали ей советы и указания. Однако здесь тоже не обходится без натяжек. Ссылки Жанны, что эти силы — «голоса» святых, не принимаются в расчет или считаются попыткой замаскировать вполне земные контакты — с посланцами Карла VII. У Кошона и его английских хозяев, по мнению некоторых из этих историков, могли быть причины не препятствовать этим контактам и мотивы для спасения Жанны. Здесь действовали, так сказать, «права благородной крови», столь важные для дворянства той эпохи. Короче говоря, Жанна, как полагают эти исследователи, не была дочерью своих

родителей, а являлась... незаконнорожденной сестрой Карла VII.

Как пастушка из Домреми при свидании с нерешительным королем могла убедить его в своем предназначении и вопреки советам придворных побудить Карла VII предоставить войско для осуществления ее миссии? Источники глухо упоминают о какой-то тайне, которую Жанна сообщила королю. Над Карлом тяготело подозрение в незаконном рождении, и оно, учитывая нравы его матери королевы Изабеллы, выглядело очень правдоподобным. Может быть, Жанна представила доказательство, что именно она — тот незаконный ребенок Изабеллы, о существовании которого шла молва. Таким доказательством могло быть одно из двух колец — их Жанна постоянно держала при себе. Кольца были отняты у нее бургундцами после взятия в плен и переданы Кошону. Он даже расспрашивал о них Жанну. Та отвечала очень уклончиво. Англичане, если и знали обо всем этом, должны были молчать. Они, как и Карл VII, вовсе не были заинтересованы в том, чтобы окончательно погубить репутацию королевы Изабеллы. Это подорвало бы веру в законность рождения ее дочери Екатерины, которая вышла замуж за английского короля Генриха V, а их сын Генрих VI был как раз незадолго до руанского процесса коронован в Париже. Жанна на процессе объявила, что не будет отвечать на многие вопросы. Судья не принуждал ее отказываться от своего решения, потому что обеим сторонам было выгодно о многом умалчивать. Быть может, спасение — результат тайных переговоров и соглашения между Карлом и герцогом Бедфордским. Пока шли переговоры, Кошон затягивал процесс. Англичанам было важно сохранить Жанну как ценный залог в переговорах с французами. Ее могли перевести из Руана в другую тюрьму.

Прямых доказательств того, что Жанна — дочь королевы Изабеллы, конечно, не существует. Однако известно, что та 10 ноября 1407 г. родила ребенка; его отцом не мог быть король Карл VI, с которым она была давно разлучена. Считали, что отцом являлся герцог Людовик Орлеанский, убитый вскоре же (23 ноября) его врагами. Мальчик, названный Филиппом, умер, по одним сведениям, при рождении, по другим — летом следующего года. По мнению поборников новой версии, королева родила не сына, а дочь. В хронике священника из Сен-Дени отмечено, что герцог Орлеанский вскоре после обеда у королевы пал от руки убийц. В хронике указано: после «*веселого* обеда», а это произошло всего через 13 дней после смерти их сына (если это был действительно сын и

если он действительно умер 10 ноября 1407 г.). Это сообщение, возможно, опровергает ложное известие о кончине ребенка, которое было сделано, чтобы ввести в заблуждение врагов герцога.

Давно обратили внимание на одну странность. В XVIII в. четырежды публиковалась многотомная история Франции. Во втором издании в 1764 г. двенадцатый ребенок Карла VI назван Филиппом, а в остальных трех — Жанной. Однако авторы труда никак не связывали эту Жанну — даже если ее появление не являлось просто типографской опечаткой — с Жанной д'Арк. В издании 1770 г. изложена вполне традиционно версия о рождении в 1412 г. Жанны д'Арк в Домреми, в бедной семье[37].

В драме «Генрих VI», основная часть которой, по мнению большинства критиков, принадлежит перу Шекспира, Жанна д'Арк заявляет: «Я рождена от благородных предков». Отца-пастуха она упрекает в том, что он подкуплен англичанами, и бросает своим врагам обвинение: «Хотите скрыть моих венчаных предков». Сторонники версии, будто Жанна была сестрой Карла VII, разумеется, ухватились за эти слова и даже считают их серьезным доводом. «Известно,— заявляют они,— что Шекспир был хорошо знаком с традициями, которые передавались английской аристократией из поколения в поколение»[38]. Это слабый довод. Драма «Генрих VI» была написана более чем через полтора столетия после смерти Жанны. Материалы, которые использовал ее автор,— исторические хроники XVI в.— тоже отдалены целым столетием от времени Жанны д'Арк. Более чем сомнительно, чтобы процитированное утверждение Жанны в драме восходило к каким-то «традиционным» поверьям среди английской знати. Надо добавить, что сцены с Жанной, к слову сказать изображенной в угоду шовинистическим настроениям зрителей как ведьма и наглая распутница, вообще, по всей вероятности, не были написаны Шекспиром. Наконец — и это не могут игнорировать и некоторые сторонники нетрадиционной версии — в начале драмы (во второй сцене) Жанна при первом свидании с дофином Карлом называет себя «дочерью пастуха».

Быть, пусть незаконным, сыном или дочерью лица, принадлежавшего к королевскому дому, было большой честью в представлении французской знати XV в. Сын того же Людовика Орлеанского, предполагаемого отца Жанны, будущий известный военачальник, граф Дюнуа, с гордостью подписывал свои письма — «рожденный вне брака сын герцога Орлеанского». Зачем же было Жанне скрывать свое знатное происхождение? А затем, отвечают

сторонники новой версии, чтобы не ставить под сомнение супружескую верность «ее» матери и, следовательно, законность прав Карла VII на престол. Обвинения в незаконнорожденности и без того выдвигались против Карла англичанами и их союзниками — бургундцами, и их никак нельзя было подкреплять признанием подлинного происхождения Жанны. Видный сторонник новой версии Ж. Пем утверждал, что его единомышленник покойный историк Эдуард Шнейдер, поддерживавший дружеские связи с папами Пием XI и Пием XII, раскопал в 1935 г. в Ватиканском архиве протокол допроса Жанны специальной комиссией, образованной по приказу Карла VII и установившей королевское происхождение Девы. Выводы комиссии, сделанные в письменном виде, были сданы на хранение генеральному королевскому адвокату Жану Рабато, у которого временно проживала Жанна. Почему же Шнейдер не опубликовал своего открытия? Потому, что этого не пожелал Ватикан[39]. Тем не менее устно он сообщил об этом многим лицам, а Пему даже изложил все это в особом письме. Версия о королевском происхождении Жанны объясняет, по мнению Пема, почему ей так легко подчинялись строптивые командиры феодальных отрядов, почему такие вельможи, как граф Арманьяк, в письмах величали ее «благородной дамой», почему она носила цвета Орлеанского дома, почему она была грамотной и даже обучена военному делу. Интересно отметить, что, по мнению некоторых историков, при возведении Жанны в дворянство ей был присвоен королевский герб, но с добавочным геральдическим знаком, свидетельствующим о незаконном происхождении (имеются и другие попытки объяснения этого герба). «Орлеанская дева» — так могли называть Жанну не только за ее роль в снятии осады с Орлеана, но и за родственную связь с Орлеанским домом.

Когда же родилась Жанна? По традиционной версии, в 1412 г. Утверждение, что она старше на несколько лет, разумеется, нисколько еще не подрывает в принципе эту версию. Напротив, подтверждение этой даты опровергает гипотезу о том, что Жанна была дочерью Изабеллы Баварской. Но откуда взялась дата 1412 г.? Сама Жанна, прибыв в 1429 г. ко двору Карла VII, говорила, что ей «три раза семь лет», следовательно, родилась она в 1407—1408 г. На первом допросе, 21 февраля 1431 г., проведенном в присутствии большого числа лиц, Жанна объявила, что ей «примерно 19 лет». На следующий день, 22 февраля, вопрос повторили, правда в другой форме. «Спрошенная далее о возрасте, когда покинула дом своего отца,— гласит протокол,— она заявила, что не

может ответить, каков ее возраст».

Что же вероятнее — что Жанна назавтра забыла год своего рождения или что она не хотела сообщить настоящую дату? Обычно для объяснения подобных двусмысленных ответов ссылаются на то, что в средние века не велись записи рождения и никто среди простого народа не знал точно свой возраст. Этому доводу не следует придавать преувеличенного значения. Да, метрик не существовало, но приходские священники отмечали даты крещения новорожденных. Кроме того, окружающие знали, во время какого, памятного чем-то — для семьи или села — события родился каждый житель, и это позволяло определять возраст с точностью до года. В этой связи можно отметить, что все земляки и друзья детства Жанны, которых допрашивали в качестве свидетелей на процессе реабилитации в 1456 г., были в состоянии точно указать, сколько им лет. Изабелла Жирарден сказала, что ей 51 год, Овьет — 45, Манжет — 43 года и т. д. Как же объяснить, что за четверть века до этого Жанна, несравненно более развитая и способная, чем ее землячки, могла определить свой возраст только приблизительно, а назавтра сообщить, что она его вообще не знает. Если же отбросить столь сомнительное заявление Жанны 21 февраля 1431 г., то целый ряд других данных позволяет определить, что она, вероятно, родилась в конце 1407 г.

Во-первых, на допросе 22 февраля 1431 г. Жанна сообщила, что, когда впервые услышала «голоса» святых, ей было «тринадцать лет или около того». А на допросе 27 февраля она утверждала, что впервые побывала в Вокулере через *семь лет* после того, как святые взяли ее под свое покровительство. В Вокулер Жанна прибыла в мае 1428 г. Ей тогда, по ее собственному подсчету, было 20 лет (тринадцать и семь). Один из авторов, придерживавшихся традиционной версии, аббат Поль Гильом, в недоумении даже высказал предположение, будто здесь речь идет об ошибке переписчика. Но ведь так можно отвергнуть любое свидетельство источников, не укладывавшееся в заранее созданную схему. Между тем, если предполагать, что Жанна не хотела точно указывать свой возраст, а этими показаниями 22 и 27 февраля она невольно выдала себя, все находит приемлемое объяснение.

Во-вторых, обратимся к обвинительному акту, составленному 27 марта 1431 г., после первой серии допросов Жанны. В пункте 8 этого акта говорится, что Жанна отправилась в Нефшато, когда ей было около 20 лет. Между тем дату этой поездки можно датировать точно июлем 1428 г., иначе говоря, она родилась примерно в

1408 г. Кошон посылал своих людей в Домреми, чтобы собрать сведения о детских годах Жанны; отсюда и проистекала его осведомленность об ее возрасте. И снова это свидетельство обвинительного акта ставит в тупик сторонников традиционной версии. Один из них, С. Люс, считает, что речь опять-таки идет об ошибке писца — тот поставил латинскую цифру «X» вместо нужной цифры «V» (в результате получилось XX лет вместо XV). Однако в данном случае предположение о такой ошибке приводит к явному абсурду — получается, что Жанна родилась примерно в августе 1413 г. и что ей было всего 15 с половиной лет, когда она освободила Орлеан! Добавим, что придворный хронист герцога Бургундского Ангерран де Монтреле, видевший Жанну сразу после ее взятия в плен, сообщал, что ей «двадцать лет или около того». Здесь не может уже идти речь об ошибке писца, поскольку возраст обозначен не цифрой, а прописью.

Другие хронисты дают различные даты рождения Жанны. Персеваль де Каньи, историограф герцога Алансонского, в хронике, написанной между 1434 и 1437 гг. и передающей много весьма достоверных сведений о Жанне, отмечает, что она начала свою миссию, когда ей было «от восемнадцати до двадцати лет», однако через страницу можно прочесть, что Жанна была захвачена, когда ей было примерно двадцать восемь лет, а это полностью противоречит предшествующему свидетельству.

Другой пример такого же противоречия. Современник Жанны Филипп де Бергам пишет, что она прибыла ко двору, когда ей было шестнадцать лет, и двадцать четыре года, когда ее сожгли в Руане. На деле же между этими событиями прошло не восемь лет, а лишь два года с лишним. Если верить тому, что Жанне было 24 года, когда она была сожжена в Руане, это снова подводит нас к 1407 г. как дате ее рождения. Между прочим, Бергам сообщает, что заимствует свои сведения от Гильома Гюаша. Фамилию Гюаша, или Гокаша, некоторые историки считают искажением фамилии Рауля де Гокура, приближенного герцога Орлеанского и правителя Орлеана, сражавшегося вместе с Жанной при освобождении этого города. В дневнике парижского буржуа отмечается, что Жанна погибла примерно двадцати семи лет от роду. Все эти данные по крайней мере доказывают, что нельзя безапелляционно считать датой рождения Жанны 1412 год. Есть к тому же другие основания усомниться в этой дате. В 1428 г., когда Жанна жила в Нефшато, ей пришлось предстать перед трибуналом в Туле по обвинению в нарушении обещания выйти замуж за какого-то деревенского парня. Она поехала за 150 километров, как

сама рассказывала, одна по очень небезопасным дорогам. Если считать, что ей было около 21 года, то это можно понять, но подобную поездку шестнадцатилетней девушки трудно представить. Кроме того, если ей было 16 лет, то она считалась бы по тогдашним законам Лотарингии несовершеннолетней и не могла бы сама защищать свои интересы в суде.

Обратимся теперь к показаниям подруг Жанны во время процесса 1456 г. Овьет, которой было тогда 45 лет (иначе говоря, она родилась в 1411 г.), заявила, что Жанна была старше ее на три или четыре года. Вряд ли Овьет могла ошибаться в возрасте подруги своего детства, ставшей народной героиней, и считать ее старше себя на несколько лет, если бы она была на год ее моложе. Это означало бы сделать ошибку в пять лет — очень большой разрыв в юные годы. Вряд ли здесь могла быть и ошибка писца, ведшего протокол.

В ряде других современных и более поздних свидетельств второй половины XV и первой половины XVI в. по-разному определялся возраст Жанны во время процесса в Руане — 22, 24 и даже 28 лет, но в любом случае относят дату ее рождения ранее 1412 г.

До сих пор речь шла преимущественно о двух процессах Жанны — руанском процессе и процессе реабилитации. Но им предшествовал еще один процесс, точнее, расследование, произведенное в Пуатье по приказу Карла VII, почти сразу после появления Жанны при дворе, видными сановниками церкви и советниками парламента. В Домреми были посланы монахи, чтобы выяснить обстоятельства, связанные с детством Жанны. Результаты следствия составили знаменитую «Книгу Пуатье», содержание которой не было обнародовано и которая не использовалась ни во время процесса в Руане, ни — что особенно примечательно — во время процесса реабилитации. На основании каких-то неизвестных нам мотивов первоначально скептически настроенная комиссия, проводившая следствие, пришла к выводу, что Жанна заслуживает доверия. По средневековым представлениям лишь девственницу господь мог избрать для осуществления своей воли и только ее не может сделать своим орудием дьявол. Поэтому Жанну подвергли обследованию уполномоченными на это матронами. Это были две королевы — Мария Анжуйская, королева Франции, и ее мать королева Иоланта Арагонская, которая оказывала большое влияние на слабовольного Карла VII и которую считают главным организатором плана превращения Жанны в избавительницу страны от англичан. Надо только представить сословные различия в средневековом

обществе, чтобы понять — честь, которой удостоилась Жанна, не могла быть оказана простой пастушке.

Жанна неизменно называла себя не Жанной д'Арк, а Девой Жанной. При допросе 21 февраля 1431 г. она заявила, что там, где она родилась, ее звали Жаннетой, во Франции — Жанной, а своего прозвища или своей фамилии она не знает. Если речь шла действительно о фамилии, то это могло означать, что Орлеанская дева явно не желала называть себя Жанной д'Арк. Лишь через месяц с лишним, 24 марта, Жанна один раз заявила, что ее отцом являлся Жак д'Арк, а матерью — Изабелла Роме. Однако это был единственный день, когда допрос велся неофициально и Жанна не присягала давать правдивые показания. К тому же Жанна могла называть отцом и матерью своих приемных родителей. Фамилию Жанны не называли и на процессе реабилитации. Нет ли здесь «хорошо организованного заговора молчания»? Даже сторонники традиционной версии признают, что называть Орлеанскую деву Жанной д'Арк стали только со второй половины XVI в.[40]

Обращает на себя внимание и такой момент. Ко двору Карла не раз являлись лица, утверждавшие, будто они посланы провидением. Но только Жанна отправилась ко двору за счет королевской казны, ее сопровождал специальный вооруженный эскорт.

Существует рассказ, будто после прибытия ко двору Жанну пытались обмануть, выдав за короля другое лицо (графа де Клермона). Однако Жанна сразу же опознала стоявшего в толпе придворных Карла VII и обратилась прямо к нему. Как она могла узнать его, если ей заранее не описали внешность короля? Что могла сообщить королю Жанна при первом их свидании? Ответ на этот вопрос не дали ни современники, ни историки — сторонники традиционной версии вплоть до авторов новейших работ[41]. Жанна объявила королю, что именно она является незаконным ребенком их матери. Это и было государственным секретом, которого приказал не касаться великий инквизитор Франции Жан Бреал на процессе реабилитации.

Интересно отметить, что отец и мать Жанны д'Арк, видимо, не были приглашены на коронацию в Реймсе, которая стала возможной благодаря подвигам их дочери, хотя Жак д'Арк и Изабелла Роме предпринимали туда поездки по куда меньшим поводам. Оба они не установили связей с Жанной, когда она была ранена. Сохранились письма Жанны различным лицам — англичанам, герцогу Филиппу Бургундскому, графу Арманьяку, жителям Тура, Реймса, Турне и других городов, даже чешским

гуситам — и ни одного к тем, кого считают ее родителями (неправдоподобно, чтобы они не сохранили писем своей знаменитой дочери, если бы их получили). После своего отъезда из Домреми Жанна как будто полностью порвала всякие связи с четой д'Арк. Правда, братья д'Арк ее сопровождали, но очевидно, что она не делилась с ними своими планами; не сохранилось ни одного слова, адресованного им. Братья д'Арк следовали за ней только как слуги.

Все поступки Жанны указывают на длительную подготовку к ее будущей миссии, на знание политической ситуации, обстановки при дворе Карла VII. «Голоса» святых — это указания тех лиц, которые вели эту подготовку. Граф Дюнуа, незаконный сын герцога Людовика Орлеанского, осажденный англичанами в Орлеане, заявил своим воинам 12 февраля 1429 г.: ему предсказали, что город будет спасен «Девой, явившейся с лотарингской границы». Между тем лишь 23 февраля Жанна отправилась к королевскому двору. Дюнуа мог сделать это предсказание только в том случае, если появление Орлеанской девы было заранее предусмотрено окружением Карла VII.

Обращает на себя внимание образованность Жанны. Она была знакома с обычаями двора, с политикой, обучена географии, военному делу, верховой езде. Будучи родом из Лотарингии, Жанна изъяснялась не на местном диалекте, без всякого акцента говорила по-французски. Французский же язык начал распространяться в Лотарингии только в XVII в., т. е. через двести лет после смерти Жанны. Она говорила по-французски настолько чисто, что, когда один из членов судившего ее трибунала, доминиканский монах из Лиможа, спросил, на каком языке вещали ей «голоса» (голоса святых Екатерины и Маргариты), Орлеанская дева могла ответить:

— На лучшем французском языке, чем ваш! (Жанна имела в виду вычурную манеру разговора, свойственную этому доминиканцу).

Неясным остается вопрос, знала ли Жанна грамоту, умела ли читать или тем более писать. В протоколах руанского процесса утверждается, что она была неграмотной. Но некоторые историки склонны понимать эти слова не буквально, а в том смысле, что Дева была лишена придворного воспитания. У нее спрашивали, как сообщали «голоса» свою волю — устно или письменно, т. е. задавали вопрос, предполагающий, что Дева умела читать. Она не ответила, попросив отсрочки на восемь дней. В другом ее ответе встречается выражение: «не написала и не приказала написать». Сохранились оригиналы пяти

писем, причем три из них (к жителям Реймса и Риома) подписаны ею. Исправления, внесенные в текст двух из этих последних писем, могут навести на мысль, что они были сделаны Жанной. Можно привести и другие подобные свидетельства источников, как будто подтверждающие, что Жанна могла читать и писать[42]. Впрочем, это мало что решает. Тогда не знали грамоты и видные представители дворянской знати.

Орлеанская дева — имя, под которым Жанна вошла в историю,— считается народным прозвищем. Но вряд ли это так. Современнику Жанны и придворному Карла VII архиепископу Эмбрюнскому Жаку Желю принадлежит сочинение под названием «Орлеанская дева». Это сочинение было написано *до* того, как Жанна отправилась на освобождение Орлеана (или по крайней мере до 17 мая 1429 г., а Орлеан был освобожден только 8 мая, и известие об этом не могло еще дойти до монсеньора Желю). Следовательно, было бы более понятным, если бы опус архиепископа был озаглавлен примерно так: «Дева из Домреми». А действительное название «Орлеанская дева» точнее было бы перевести как «Мадемуазель д'Орлеан», т. е. принадлежащая к Орлеанскому дому. Поскольку творение прелата было предназначено только для короля, в нем можно было не скрывать государственной тайны. Между прочим, прежнее отрицательное отношение Желю к Жанне сменилось положительным. Это явилось результатом свидания в конце марта или начале апреля архиепископа с кардиналом Фуа, возвращавшимся из Рима, который говорил с ним о Жанне. Фуа в Риме виделся с папой Мартином V. Становится вероятным, что папа уже знал что-то о Жанне, хотя пастушка из Домреми еще ничем не проявила себя.

Примечательны высокомерная фамильярность, покровительственный тон, который был усвоен Жанной в отношении самых знатных вельмож — Дюнуа, герцога Алансонского, графа Арманьяка.

Жанна с большим вниманием относилась к судьбам Орлеанского дома, к Карлу Орлеанскому (сыну герцога Людовика), который с 1415 г., со времени битвы при Азенкуре, в течение двадцати пяти лет находился в плену в Англии и, посвятив себя сочинению поэтических мадригалов, был мало озабочен страданиями Франции. В случае смерти сына Карла VII (а дофины нередко умирали раньше своих отцов) Карл Орлеанский стал бы наследником французского престола и, следовательно, соперником английского короля Генриха VI, которого англичане считали также и королем Франции. Казалось, заявление Жанны на процессе в Руане о том, что она

является хранительницей тайны, касающейся герцога Карла, должно было бы самым живейшим образом заинтересовать и Кошона, и его английских хозяев. Однако они почему-то не проявили ни малейшего любопытства. На том же процессе Жанна сообщила, что намеревалась после освобождения Орлеана захватить в плен нескольких английских военачальников с целью обменять их на герцога Карла. Стоит добавить, что после возвращения во Францию Карл Орлеанский щедро наградил Пьера д'Арк, ставшего Пьером дю Ли за верную службу. Оружие, цвета одежды Жанны, ее герб, как уже отмечалось, также должны были свидетельствовать о близости к Орлеанскому дому. В королевском ордонансе от 2 июня 1429 г., определявшем герб Жанны, не упоминается фамилия д'Арк[43].

Конечно, полное равнодушие Карла VII и двора к судьбе Жанны, попавшей в руки англичан, не говорит в пользу гипотезы, что Орлеанская дева была сестрой короля. Тем не менее можно предположить, что государственные интересы взяли верх. После коронования Карла VII Орлеанская дева, продолжавшая войну, стала препятствием для планов заключения перемирия с герцогом Бургундским, союзником англичан. Кроме того, мог ли вообще Карл VII вырвать Жанну из рук англичан, занимавших большую часть Франции? Интересно, что «голоса», как признавала Жанна, предупреждали ее о скором плене и гибели.

Во время процесса реабилитации для Рима было неудобно признавать посмертную — после церковного приговора — жизнь Жанны. То же самое следует сказать и об интересах короны — королю была нужна только реабилитация Жанны, но не разоблачение ее подлинного происхождения и спасения.

Прошение о реабилитации Орлеанской девы, подписанное Изабеллой Роме (отец Жанны Жак д'Арк к этому времени уже умер), составил легист Гильом Превото. Ему же принадлежат следующие многозначительные строки: «Если запрещено обманывать, то, однако, дозволено скрывать правду, соответственно месту и времени, прикрывшись хорошей выдумкой или выражением, имеющим иносказательный смысл». В прошении Орлеанская дева была впервые названа Жанной д'Арк. Однако, как мы уже знаем, саму Изабеллу Роме не сочли нужным заслушать на процессе реабилитации, где давали показания три десятка орлеанцев и около сорока жителей Домреми. Будучи истицей, Изабелла Роме единственная не должна была принимать присягу. Очевидно, боялись, что с уст старухи могут сорваться какие-то неосторожные

слова. Изабелла Роме присутствовала на торжественной церемонии 7 ноября 1455 г., в самом начале процесса реабилитации, но позднее его организаторов как бы совершенно не интересовали ее показания, хотя она могла бы сообщить наиболее точные сведения по многим интересующим их вопросам. От Изабеллы Роме получили лишь упомянутое прошение, в котором она жаловалась на казнь Жанны в 1431 г. И этого было уже много, говорят сторонники нетрадиционной версии, ведь Изабелла Роме знала о появлении Девы в 1439 г. в Орлеане и, возможно, даже виделась тогда там с нею. Требовать от нее ложных сведений о месте и времени рождения Жанны показалось судьям небезопасным и излишним. Свидетели говорили о том, что Жанна — дочь Изабеллы Роме, а ее саму не удосужились прямо спросить об этом. В протоколах процесса реабилитации нет и показаний братьев дю Ли. А Жану дю Ли поручили собирать показания других свидетелей по вопросам, в которых он, естественно, должен был быть осведомлен гораздо лучше, чем они. По каким-то причинам игнорировалось существование «Книги Пуатье».

Противники традиционной версии акцентируют внимание на осторожности, с которой велся контрпроцесс. Свидетелям задавали заранее подготовленные вопросы. Ответы на них должны были доказать, что Жанна родилась в Домреми.

На каждый из приведенных доводов можно выдвинуть веские возражения. Приводят несколько фраз Жанны, которые можно истолковать как признание в своем высоком происхождении. Например, когда к ней и Карлу VII приблизился герцог Алансонский, Жанна сказала: «Тем лучше, собирается вместе королевская кровь». Но ведь это может просто означать, что к королю подошел принц крови. Вдобавок забывают, что Жанна под присягой не раз заверяла, что родилась в Домреми. Вообще многие из аргументов сторонников новой версии кажутся неубедительными, даже — как отмечалось в литературе — основываются на фактических неточностях и ошибках. Тем не менее было бы неправильным с порога отвергать всю совокупность этих аргументов. Они заслуживают серьезного анализа. И здесь прежде всего надо отметить факты, на которые опираются эти биографы Жанны, допускают их различное толкование. Можно, например, предположить, что на Жанну сделали ставку вовсе не потому, что она якобы была принцессой королевской крови. Или, допустим, ее хлопоты об освобождении Карла Орлеанского вполне объяснимы заботой об обеспечении престолонаследия, важного для борьбы против англичан.

Подлоги и недомолвки в протоколах руанского процесса или процесса реабилитации могли иметь разные политические причины. Упоминание о Жанне как об Орлеанской деве ранее освобождения Орлеана могло быть следствием неточной датировки документа или тем, что это наименование было добавлено позднее, и т. д.

Самой слабой стороной нетрадиционной версии является полное отсутствие каких-либо указаний в документах на королевское происхождение Орлеанской девы [44]. Эта версия предполагает существование заговора, в тайну которого было посвящено множество лиц — друзья и враги Жанны, французы, бургундцы и англичане, королевские придворные и писцы руанского судилища, даже римский папа и иностранные дипломаты. Недаром поборникам нетрадиционной версии все время приходится повторять, что свидетельства документов в пользу версии «классической» — умелый обман. Авторов этих документов, якобы отчаянно стремившихся сохранить государственную тайну, сторонники новой версии подозревают вместе с тем в том, что они различными способами намекали на нее. Остается предполагать, что сама Жанна сохранила секрет, пожертвовав ради этого жизнью, так как дала кому-то клятву никогда не выдавать свою тайну.

Вот характерный пример. Персеваль де Буленвилье 21 июня 1429 г. после первых военных успехов Девы в письме герцогу Миланскому Висконти сообщал свои сведения о Жанне. В них (хотя они явно основывались на данных расследования, произведенного по приказу короля в Домреми в марте 1429 г., и данных комиссии духовенства, которая допрашивала саму Жанну в Пуатье) уже нашла отражение официальная легенда, создававшаяся двором после того, как было решено возложить на Жанну важную государственную миссию. Буленвилье рассказывает о чудесных обстоятельствах, сопровождавших появление на свет Жанны 6 января,— все жители Домреми были охвачены необыкновенным радостным чувством и расспрашивали друг друга, что же случилось, поскольку им «не было известно о рождении ребенка». Но как могли жители небольшого селения в тридцать домов не знать, что в одной из семей скоро появится ребенок?

Адвокаты «новой» версии, ухватившись за приведенные выше слова Буленвилье и считая их отражением подлинного факта, делают вывод: речь идет, вероятно, о том, что 6 января 1408 г. Жанну неожиданно доставили в Домреми в семью д'Арков [45]. Однако сам Буленвилье в этом же письме пишет о том, что Жанна родилась в Домреми в семье д'Арков. Поэтому включение такого

«намека» — если это был «намек» — в письмо предполагает сознательное стремление королевского камергера, излагая официальную версию, одновременно раскрыть государственную тайну чужому правительству. Но вряд ли у него могли быть основания для подобной бессмысленной измены. Анализ текста позволяет понять подлинный смысл слов Буленвилье. Жители Домреми были поражены не рождением Жанны, а охватившей их радостью в связи с тем, что 6 января — как это и отмечено в письме — день богоявления (крещения). Как в Евангелии короли в день крещения следовали за звездой, движимые какой-то неведомой силой, так и жители Домреми праздновали, сами того не зная, пришествие вестника божьего. Таким образом, рассказ Буленвилье — один из элементов легенды, не раз возникавшей вокруг имени Жанны и ее деятельности[46].

Ссылаются на то, что Жанна не называла своей фамилии. Между тем это не было в обычае у простых людей в XV в. В нотариальном документе 1442 г. жена Пьера д'Арк именуется просто «Жанна из Бара». Когда Деву специально спросили 24 марта 1431 г. об ее фамилии, она ответила вначале «д'Арк», а потом добавила «Роме», поскольку на ее родине девушки носят фамилию матери.

Подробное сопоставление — довольно многочисленных — свидетельств о возрасте Жанны убеждает, что наиболее вероятным временем ее рождения нужно все же считать 1411 или 1412 г., и кажется очень неправдоподобным отнесение его к ноябрю 1407 г. Между прочим, Домреми было самым неподходящим местом, чтобы туда послать на воспитание дочь королевы и герцога Орлеанского. Деревня находилась на границе владений смертельного врага Орлеанского дома — герцога Бургундского, и ребенка легко могли похитить. Герцог Орлеанский мог отослать свою дочь к кому-либо из своих приближенных, у которого она была бы в безопасности, получила надлежащее образование и вместе с тем не была бы открыта тайна ее происхождения[47].

Жанна, быть может, выучила какие-то начатки грамоты, но это очень маловероятно. В ее время умение читать и писать не считалось нужным даже для знатных придворных дам. Когда Жанна говорила, что «не знает ни «а», ни «б», она хотела сказать буквально то, что сказала. Ее современники — и друзья, и враги вроде Кошона,— не сговариваясь, подчеркивали, что она была простая, «невежественная» девушка. При ближайшем рассмотрении точно так же обстоит дело и с ее «военными познаниями». То, что она якобы говорила без лота-

рингского акцента в отличие от своих земляков, по-видимому, тоже прямо опровергается источниками. Да и как могла она, проведя детские и юношеские годы среди крестьян Домреми, не усвоить их произношение?[48]

При дворе действительно служила некая Жанна д'Арк. Она была родом из Бургундии и должна была находиться в лагере противников герцога Орлеанского. Она не состояла ни в каком родстве с семьей Орлеанской девы в Домреми. Другого «придворного родственника» — Гильома д'Арка Орлеанской деве приписали в результате... типографской ошибки. В источнике «Христианская Галлия», опубликованном в XVIII в., сказано «de Arca», но, сверившись с указателем имен и названий в книге, можно убедиться, что следует читать «de Area», что является другим названием селения Лэр (Laire). Гильом де Лэр — лицо, известное историкам и не имеющее никаких родственных связей с Жанной д'Арк. (Эту ошибку признали и некоторые сторонники «новой» версии, в частности Е. Вейль-Райналь[49].)

Что бы ни сообщила Жанна Карлу VII при их свидании, это не могло быть известием, что она его сестра. Трудно поверить, что король один оставался в неизвестности насчет планов родных превратить Жанну в спасительницу трона. Он менее всего мог обрадоваться сведениям о том, что его мать была неверна отцу: ведь это прежде всего усиливало бы сомнения Карла VII в отношении законности своего происхождения. В своих показаниях 21 февраля 1431 г., данных под присягой, Жанна заявила, что тайна, которую она открыла Карлу, «касалась короля», т. е. не относилась к самой Деве.

Как уже упоминалось, 22 февраля 1431 г., отвечая судьям, Жанна заявила: «Если бы вы были лучше осведомлены обо мне, вы не пожелали бы, чтобы я находилась в ваших руках». Сторонники «новой» версии считают, что эти слова трудно объяснить, считая Жанну пастушкой из Домреми. Однако эта фраза может звучать и как угроза, означавшая, что ей придут на помощь сторонники или даже небесные силы.

Глашатаи неортодоксальной версии прикидывают, когда и у кого *могла* возникнуть мысль отправить незаконную дочь королевы в Домреми, кто *мог* стать исполнителем поручения, кому *могли* отдать на воспитание девочку, кто *мог* открыть ей тайну происхождения и т. д.

В своих построениях «бастардисты» (так стали называть сторонников версии о королевском происхождении Жанны) запутываются в целой цепи неразрешимых противоречий. Например, чтобы объяснить, почему д'Ар-

кам было поручено воспитание Жанны, их объявляют зажиточными людьми, имеющими родственные связи с дворянскими семьями. А когда утверждают, что свои знания она никак не могла приобрести в этой семье, тех же родителей Девы рисуют невежественными пастухами. Или другое. Жанне якобы с самого начала была уготована ее миссия. Но ведь родные Карла VII никак не могли заранее знать, окажется ли ребенок, «отосланный в Домреми», пригодным для такой миссии и сумеет ли он выигрывать сражения там, где потерпели неудачу опытные военачальники?

Мы уже не говорим о том, что с 1407 или с 1412 г. политическая ситуация не раз претерпевала изменения, менялась и позиция возможных участников «заговора», причем некоторые из них даже вступали в соглашение с бургундцами — союзниками англичан. Так, предполагаемая главная заговорщица — Иоланта Арагонская в 1412 г. находилась в дружеских отношениях с герцогом Бургундским, в 1419—1422 гг. жила вдалеке — в Провансе, а в 1423 г. заключила сепаратное перемирие с англичанами, чтобы сохранить свои владения в Анжу. Если появление Жанны при дворе было заранее подготовленной инсценировкой, почему же Деве в ее поездке чинили препятствия местные власти? Почему Карл VII, если Жанна представила ему доказательства, что она его сестра, не признал ее достойной доверия до тех пор, пока Деву не подвергла всесторонним расспросам специально созданная комиссия, которая, кстати, могла раскрыть тайну происхождения пастушки из Домреми? Почему король, вместо того чтобы поспешить выдать Жанну замуж и отослать ее подальше как свидетельницу неверности своей матери, поставил Деву во главе армии? Почему незаконная дочь герцога Орлеанского должна была преуспеть там, где потерпел неудачу его незаконный сын граф Дюнуа? Если уж на роль освободительницы необходима была принцесса королевской крови, почему было не выбрать, допустим, Маргариту Валуа?

Во время следствия, проводившегося в марте 1450 г. по предписанию Карла VII для выяснения «ошибок и несправедливостей» процесса, в числе свидетелей были Мартин Ладвеню и Изембар де ла Пьер, присутствовавшие при смерти Девы[50]. Изембар де ла Пьер держал крест прямо перед глазами осужденной, пока она не скончалась[51]. Неужели и он был участником заговора?

«Новая» версия совсем не нова[52]. Сведения о Жанне д'Армуаз известны давно (их упоминает и Анатоль Франс в своей биографии Жанны д'Арк). Время от времени еще с начала XIX в. появлялись отдельные работы, авторы

которых пытались поставить под сомнение традиционное жизнеописание Жанны д'Арк. Многое в работах поборников «новой» версии идет от желания создать сенсацию вокруг старой исторической загадки. Большинство ученых подчеркивали полнейшую недоказанность «новой» версии, основанной во многом просто на домыслах. Однако возражения против нее диктовались не только научными соображениями, но и нежеланием пересматривать историю Жанны д'Арк, превращенную в житие католической святой, которое так характерно для клерикальных биографов Девы. За последние десятилетия возникла целая литература по вопросу о происхождении и о спасении Жанны д'Арк.

По существу фигурируют уже четыре варианта истолкования «загадки» рождения и смерти Жанны. Согласно первому, «официальному», Жанна родилась в 1412 г. в Домреми и погибла на костре в Руане в 1431 г. По второму — Жанна родилась в 1412 г., но спаслась от костра в 1431 г. и вернулась во Францию под именем Жанны д'Армуаз. Третий вариант — Жанна — дочь Изабеллы Баварской, родилась в 1407 г. и была сожжена в 1431 г. И наконец, четвертая версия — Жанна родилась в 1407 г. и как принцесса королевской крови спаслась от костра и жила после 1431 г. под именем Жанны д'Армуаз. Имеются авторы, отстаивающие каждую из указанных версий. Более того, среди сторонников тезиса о спасении Жанны (будь то поборники второй или четвертой версии) наметился раскол: считать ли Жанну д'Армуаз Орлеанской девой или полагать, что Жанна д'Арк прожила остаток жизни под каким-то другим именем, а «дама д'Армуаз» была ловкой самозванкой (либо даже сестрой Орлеанской девы — есть и такие досужие вымыслы).

По мнению сторонников традиционной версии, гипотеза о том, что Жанна — дочь Изабеллы Баварской, не подтверждается каким-либо документом, в котором бы говорилось об этом и который имел бы доказательную силу. Ж. Банкаль в немало нашумевшей книге «Жанна д'Арк — принцесса королевской крови» считает чрезмерным требование представить такой документ. Ведь, мол, и сторонники классической версии не располагают документальным подтверждением, что матерью Жанны была Изабелла Роме, да его и быть не может, поскольку в XV в. не велось метрических записей.

Страсти вокруг Жанны не стихают уже пять с половиной веков. Во время гитлеровской оккупации предатели французского народа — коллаборационисты пытались представить Орлеанскую деву не как символ борьбы за национальную независимость, а лишь как «врага англи-

чан». Сторонники «наднациональной» Европы объявляют что подвиг Жанны роковым образом помешал начавшейся еще в XV в. «европейской интеграции» путем объединения в одно королевство Англии и Франции. Впрочем, другие, более ловкие «европеисты», не смущаясь, рисуют Деву чуть ли не предтечей «европейского строительства» [53].

Многие доводы сторонников нетрадиционной версии о спасении Жанны д'Арк, несомненно, относятся к области фантазии. Многие, но не все. Это заставляет внимательно прислушиваться к защитникам этой захватывающей воображение гипотезы, когда они рассказывают сказку, которая, будь она правдой, стала бы одним из самых ярких эпизодов в закулисной истории политических процессов.

МЕТАМОРФОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

Процедуры юридического убийства

...В преддверии Возрождения, как бы замыкая английское средневековье, высится «готическая» война Алой и Белой розы, как ее позднее поэтически назвал Вальтер Скотт[1]. Так именуют растянувшуюся на три десятилетия междоусобицу между двумя ветвями королевского дома — Ланкастерами и Йорками — в борьбе за королевский престол (1455—1487). Английские бароны, для которых после окончания Столетней войны исчезла возможность при помощи грабежа во Франции приумножать свои доходы, рьяно включились в эту борьбу. Правда, время активных военных действий за эти 32 года исчислялось 12—13 неделями и в большинстве сражений (кроме самых крупных) участвовало всего по нескольку сот воинов, все же в войнах Роз погибло свыше 100 тыс. человек[2]. Победившая сторона овладевала поместьями побежденных и, что не менее важно, получала возможность благодаря близости к короне обогащаться за счет налогов и других поборов с населения. В ходе многолетней войны престол несколько раз переходил из рук в руки, что всякий раз сопровождалось казнями побежденных «изменников».

Последние отзвуки этой борьбы относятся к самому концу XV и началу XVI в. В это же время, а именно 2 мая 1502 г., в Лондоне состоялся суд над комендантом крепости Гине — одной из английских опорных баз во Франции. Его обвиняли в государственной измене, в связи с врагами короля. Смертный приговор был предопределен заранее. А еще через несколько дней осужденный взошел на эшафот.

Этот политический процесс первоначально не привлек особого внимания: слишком уж нередки бывали тогда подобные суды и казни. Однако позднее было сломано немало критических копий в спорах, за что судили коменданта Гине. От их исхода зависит оценка «одной из наиболее знаменитых легенд в английской истории... считавшейся неопровержимой на протяжении почти пятисотлетнего периода»[3]. Имя подсудимого — Джеймс Тиррел. Его не могут забыть те, кто знаком с «Ричардом III»

Шекспира. Именно Тиррел вместе со своими слугами Дайтом и Форрестом, как об этом рассказывается в драме, по приказу преступного узурпатора престола, хромоногого злодея умертвил в 1483 г. в Тауэре двух племянников Ричарда — свергнутого с трона юного Эдуарда V и его младшего брата.

Источники, которыми пользовался Шекспир, восходят к сочинениям Томаса Мора[4] и Полидора Вергилия, писавших в начале XVI в., когда престол занимали победитель Ричарда III — Генрих VII Тюдор и его сын Генрих VIII. К этому времени уже сложился миф о кровавом чудовище Ричарде, от которого избавил страну лучезарный герой — Генрих VII. Историки поставили под вопрос этот «тюдоровский миф» о Ричарде. Они усомнились и в том, были ли Эдуард V и его брат убиты осенью 1483 г., или же их умертвили после битвы при Босворте 22 августа 1485 г., окончившейся гибелью Ричарда и воцарением Генриха VII. Выясняется, что физическое устранение принцев осенью 1483 г. скорее соответствовало бы интересам Генриха Тюдора, а не Ричарда, что поведение всех действующих лиц исторической трагедии, включая и мать убитых юношей, находит более правдоподобное объяснение, если считать, что их предали смерти уже после сражения при Босворте[5].

В Англии время правления Генриха VII и его наследников, «Тюдоровское столетие» (1485—1603), стало веком расцвета абсолютизма, который опирался на разбогатевшую при нем часть дворянства и городскую буржуазию, заинтересованную в ликвидации феодальных усобиц. Это было время захвата лордами общинных земель для ведения выгодного скотоводческого хозяйства, массовых крестьянских движений[6], возникновения капиталистической мануфактуры и колониальной торговли, кровавого законодательства против разоренных крестьян и ремесленников — эпоха, столь ярко обрисованная К. Марксом в знаменитой 24-й главе первого тома «Капитала». Уже в первой половине XVI в., в правление Генриха VIII, продолжавшееся с 1509 по 1547 г., Англия стала не только страной, где политическая борьба особенно часто принимала вид судебных процессов. Она прочно удерживала первенство и по числу инсценированных политических процессов с дутыми обвинениями и сфабрикованными «доказательствами».

Генрих VIII принадлежит к числу монархов, мнение о которых как при их жизни, так и в последующие века резко расходилось. Этому не приходится удивляться: при Генрихе VIII произошла Реформация в Англии, и изображение его то в нимбе святого, то в обличье дьявола или

по крайней мере преступного многоженца и кровавого тирана зависело обычно от того, кто его характеризовал — протестант или католик. Однако и далекий от католических симпатий Диккенс именовал Генриха VIII «самым непереносимым мерзавцем, позором для человеческой природы, кровавым и сальным пятном в истории Англии» [7]. А реакционные историки типа Д. Фроуда (в книге «История Англии») превозносили Генриха как народного героя. Видный исследователь А. Ф. Поллард в монографии «Генрих VIII» утверждал, будто Генрих никогда не имел «страсти к излишним убийствам» [8], не давая себе, впрочем, труда уточнить, что следует здесь считать «излишеством». Мнение Полларда сильно повлияло на новейшую буржуазную историографию. Даже полемизирующий с апологетической оценкой Генриха VIII известный историк Д. Р. Элтон уверял: «Он (король.— *Е. Ч.*) не был великим государственным деятелем на троне, каким его считал Поллард, но он был и больше, чем кровавый, похотливый, капризный тиран народной мифологии» [9]. «Слишком много историков рисовало Генриха воплощением добра или зла»,— вторит Элтону другой новейший биограф Генриха VIII, Д. Боул, и добавляет, что пришло время для более хладнокровной оценки этого английского монарха [10]. О том же пишет Д. Скерисбрик в своей книге «Генрих VIII» [11].

Что же способствовало превращению Генриха VIII, которого в его молодые годы Эразм, Мор и другие выдающиеся мыслители эпохи принимали за долгожданного короля гуманистов, в трусливого и жестокого деспота? Автор новейшей книги на эту тему «Становление Генриха VIII» Мария Луиза Брюс пытается найти ответ в семейных условиях и особенностях воспитания Генриха, подыскивает малоубедительные фрейдистские объяснения [12].

Споры давно уже вызывала каждая составная характера короля: умен он или глуп, талантлив или бездарен, искренен или лицемерен. Его новейший биограф Г. А. Келли в работе «Матримониальные судебные процессы Генриха VIII» приходит к выводу, что король был «наполовину лицемером, а наполовину совестливым человеком» [13]. (Неясно только, какая из этих «половин» монарха больше выходила боком для его подданных.) Некоторые историки, отказывая Генриху во всех хороших качествах, признавали за ним по крайней мере одно: физическую храбрость и твердость в достижении поставленной цели. Напротив, известный английский историк М. Юм (в книге «Жены Генриха VIII») в 1905 г. писал: «Генрих был что гроб повапленный... Подобно многим

людям такого физического облика, он никогда не был в моральном отношении сильным человеком и становился все слабее по мере того, как его тело обрастало вялым жиром. Упрямое самоутверждение и взрывы бешенства, которые большинство наблюдателей принимали за силу, скрывали дух, всегда нуждавшийся в руководстве и поддержке со стороны более сильной воли... Чувственность, исходившая целиком из его собственной натуры, и личное тщеславие были свойствами, играя на которых честолюбивые советники один за другим использовали короля в своих целях, пока уздечка не начинала раздражать Генриха. Тогда его временный хозяин сполна испытывал месть слабохарактерного деспота». Его каприз нередко решал долгую скрытую борьбу, которую вели соперничавшие придворные группировки. Путь к победе шел через завоевание или сохранение его благосклонности, неудача обычно стоила головы. Правда, этому предшествовала формальность судебного процесса по обвинению в государственной измене. Но судьи — обычно Тайный совет, т. е. группа лордов, принадлежавших к стану победителей (или перебежавших в него),— лишь оформляли результаты победы. Присяжные, участвовавшие в менее значительных процессах, фактически назначались шерифами — верными слугами короны.

Юстиция вообще не отличалась склонностью к милосердию в этот кровавый век, когда, по известному выражению Мора, «овцы пожирали людей» и вся государственная машина была направлена на подавление недовольства обезземеленных крестьян. Считалось, что не менее 72 тыс. человек (около 2,5% всего населения!) было повешено за годы правления Генриха VIII. Закон редко обращал внимание на смягчающие вину обстоятельства даже в деле о мелкой краже. За время правления Тюдоров было издано не менее 68 статутов об измене (в 1352—1485 гг. только 10 статутов). Понятие измены было очень широким. В 1540 г. на Тауэр-хилле казнили некоего лорда Уолтера Хэнгерфорда за «государственную измену мужеложства»[14]. Статут, принятый в 1541 г., предусматривал смертную казнь и для сумасшедших, «уличенных» в государственной измене.

Причины для казни придворных могли быть самые различные: некоторых из них превращали в козлов отпущения, другие были слишком знатны и близки (по рождению) к трону, третьи не успевали покорно следовать за переменами в церковной политике короля или просто молчанием выражали свое несогласие с ней. Наконец, многие шли на плаху, невольно вызвав каким-то неосторожным проступком королевский гнев[15]. Порой прави-

тельство было заинтересовано в том, чтобы не дать подсудимым слова для оправдания. Тогда, если речь шла о влиятельных людях, прибегали к принятию обвинительного акта парламентом. Чаще, напротив, власти хотели превратить суд в спектакль с пропагандистскими целями. В этих случаях, даже если подсудимый с самого начала признавал себя виновным и по закону оставалось только вынести приговор, все же устраивали комедию судебного разбирательства.

Как известно, формальным предлогом для начала Реформации послужили семейные дела «защитника веры» — титул, который имел Генрих VIII в качестве верного сына католической церкви, лично занявшегося опровержением ереси Лютера. Все изменилось после того, как римский папа отказался узаконить развод Генриха, увлекшегося придворной красавицей Анной Болейн, с его первой женой Екатериной Арагонской. Неожиданная принципиальность папы Климента VIII и его преемника Павла III определялась весьма вескими мотивами: Екатерина была сестрой испанского короля и германского императора Карла V, во владения которого входила и большая часть Италии.

Даже самые рьяные защитники сохранения связи Англии с папством признавали опасность того, что Ватикан будет действовать как орудие Испании [16]. Однако Реформация имела и значительно более глубокие социально-экономические, политические и идеологические причины. Они определялись возникновением и развитием новых, капиталистических отношений, утверждение которых происходило в борьбе против феодального строя. Безусловно, большую роль в происхождении Реформации и борьбе между протестантскими и католическими государствами играли и династические мотивы, но не выдерживают критики попытки некоторых западных ученых выдать эти мотивы за основную причину разрыва с Римом, к чему прибегают буржуазные историки, тщетно пытаясь опровергнуть материалистическое понимание истории [17]. Развод короля стал лишь поводом для давно назревавшего конфликта с главой католической церкви. Когда Генрих VIII сам развелся с Екатериной Арагонской, а в 1534 г. умер Климент VIII, отказывавшийся утвердить развод, король резко отверг предложения договориться с Римом. Генрих заявил, что он не будет уважать папу больше, чем любого самого последнего священника в Англии [18]. Разрыв был ускорен Анной Болейн, особо заинтересованной в нем и сумевшей использовать для этого своих сторонников и свою секретную службу.

Анна, проведшая юные годы при французском дворе и основательно ознакомившаяся там с искусством придворных интриг, начала упорную борьбу против кардинала Уолси. Королевская фаворитка подозревала, и не без основания, что кардинал, внешне не возражая против развода Генриха с Екатериной, на деле вел двойную игру. Фактически Анна сумела создать свою собственную разведывательную сеть, руководителями которой стали ее дядя, герцог Норфолк, председатель Тайного совета, и другие лица, в том числе английский посол в Риме Френсис Брайан. Посол, являвшийся кузеном Анны, сумел добыть письмо Уолси, в котором тот умолял папу не удовлетворять просьбу Генриха. После этого король не пожелал слушать оправдания кардинала. В ответ он лишь вытащил какую-то бумагу и издевательски спросил:

— Э, милорд! Не написано ли это Вашей собственной рукой?[19] Лишь смерть спасла Уолси от ареста и эшафота.

В 1531 г. Генрих VIII объявил себя верховным главой церкви в своих владениях. Для расторжения брака короля с Екатериной Арагонской теперь уже не требовалось разрешения папы. В 1533 г. король отпраздновал свадьбу с Анной Болейн; имя Екатерины Арагонской после этого стало знаменем всех противников Реформации. В их числе был и Томас Мор, блестящий писатель-гуманист, автор бессмертной «Утопии», которого Генрих VIII больше, чем кого-либо другого, стремился перетянуть в лагерь сторонников развода[20]. Выдающийся юрист и государственный деятель[21], Мор занимал пост лорда-канцлера. Исследователи по-разному объясняют действительные причины, побудившие Мора отказаться от одобрения Реформации и нового брака короля[22]. Мор, вероятно, опасался, что Реформация приведет к полному церковному расколу, распадению западного христианства на враждующие секты. Кто знает, может быть, взору проницательного мыслителя уже виделись те бедствия, которые вследствие Реформации обрушатся на английские народные массы, поскольку она создала удобный предлог для конфискации богатых монастырских владений и для сгона с этих земель бедняков-арендаторов.

В 1532 г. Мор, к крайнему неудовольствию Генриха, попросил освободить его от должности лорда-канцлера. Уйдя в отставку, Мор не критиковал королевской политики. Он просто молчал. Но его молчание было красноречивее слов. Особенно ожесточена против Мора была Анна Болейн, которая не без оснований полагала, что явное неодобрение со стороны человека, пользовавшегося всеобщим уважением, является весомым политическим фактором. Ведь новая королева отнюдь не пользовалась попу-

лярностью: в день коронации ее встретили на улицах бранью, криками «шлюха». Генрих VIII вполне разделял ярость жены, но не рискнул, да это было и не в его манере, расправиться с бывшим канцлером, минуя обычную судебную процедуру.

В 1534 г. Мор был вызван в Тайный совет, где ему предъявили различные лживые обвинения. Опытный юрист, он без труда опроверг эту не очень умело придуманную клевету.

Новое обвинение возникло в связи с парламентским актом от 30 марта 1534 г. По этому закону был положен конец власти папы над английской церковью, дочь короля от первого брака Мария объявлялась незаконнорожденной, а право наследования престола переходило к потомству Генриха и Анны Болейн. Король поспешил назначить специальную комиссию, которой было предписано принимать клятву верности этому парламентскому установлению.

Мор был вызван одним из первых на заседание комиссии. Он заявил о согласии присягнуть новому порядку престолонаследия, но не вводимому одновременно устройству церкви (а также признанию незаконным первого брака короля). Некоторые члены комиссии, включая епископа Кранмера, руководившего проведением церковной реформы, стояли за компромисс. Их доводы заставили заколебаться Генриха, опасавшегося, как бы суд над Мором не вызвал народных волнений. Главному министру Томасу Кромвелю и королеве удалось переубедить трусливого монарха и внушить ему, что нельзя создавать столь опасный прецедент: вслед за Мором и другие попытаются не соглашаться со всеми пунктами исторгаемой у них присяги[23]. Возможно, немалую роль сыграл здесь и канцлер Одли[24]. 17 апреля 1534 г. после повторного отказа дать требуемую клятву Мор был заключен в Тауэр.

Суровость тюремного режима была резко усилена в июне 1535 г., после того, как было установлено, что заключенный переписывался с другим узником — епископом Фишером, возведенным папой в ранг кардинала. Мора лишили бумаги и чернил. Он уже настолько ослаб от болезни, что мог стоять, только опираясь на палку. 22 июня был обезглавлен Фишер. Усилилась подготовка к процессу Мора.

При дворе очень надеялись, что тюремные лишения подорвут не только физические, но и духовные силы Мора, что он будет уже не в состоянии использовать свой талант и остроумие в судебном зале. Суд над Мором должен был стать орудием устрашения, демонстрацией

того, что все, даже наиболее влиятельные лица в государстве обречены на смерть, если они перестают быть беспрекословными исполнителями королевской воли.

Босым, в одежде арестанта, Мор был пешком приведен из темницы в залу Вестминстера, где заседали судьи. Обвинение включало «изменническую» переписку с Фишером, которого Мор побуждал к неповиновению, отказ признать короля главой церкви и защиту преступного мнения относительно второго брака Генриха. Виной считалось даже само молчание, которое Мор хранил по важнейшим государственным вопросам.

Обвиняемый был настолько слаб, что суду пришлось дать ему разрешение отвечать на вопросы, не вставая с места. Но в этом немощном теле по-прежнему был заключен бесстрашный дух. Мор не оставил камня на камне от обвинительного заключения. Он, между прочим, заметил, что молчание всегда считалось скорее знаком согласия, чем признаком недовольства. Но все это мало что могло изменить. Просто судьям, которые больше всего ценили королевские милости и опасались монаршего гнева, пришлось еще более бесцеремонно обойтись с законами.

— Вы, Мор,— кричал канцлер Одли,— хотите считать себя мудрее... всех епископов и вельмож Англии.

Ему вторил герцог Норфолк:

— Ваши преступные намерения стали теперь ясными для всех [25].

Послушные присяжные вынесли требуемый вердикт. Однако даже участники этой судебной расправы чувствовали себя не совсем в своей тарелке. Лорд-канцлер, стараясь побыстрее покончить с неприятным делом, стал зачитывать приговор, не предоставив последнего слова обвиняемому. Сохранявший полное присутствие духа Мор добился возможности высказать убеждения, за которые он жертвовал жизнью. Спокойно выслушал он и приговор, обрекавший его на варварски жестокую казнь, которая была уготована государственным преступникам.

Впрочем, именно это исключительное самообладание и спасло Мора от дополнительных мучений. Король больше Мора опасался предстоящей казни, точнее, того, что скажет, по обычаю, осужденный с эшафота, обращаясь к толпе. Генрих поэтому всемилостивейше заменил «квалифицированную» казнь простым обезглавливанием, приказав Мору, чтобы тот не «тратил много слов».

— Боже, сохрани моих друзей от такой милости,— со своей обычной спокойной иронией заметил Мор, узнав о королевском решении. Впрочем, он без возражений согласился не произносить предсмертной речи. Твердость духа

ни на минуту не изменила Мору и 6 июля, когда его повели к месту казни. Уже на эшафоте, беседуя с палачом, осужденный шутливо бросил ему за мгновение до рокового удара:

— Постой, уберу бороду, ее незачем рубить, она никогда не совершала государственной измены.

Воткнутая на кол голова «изменника» еще много месяцев внушала лондонцам «почтение» к королевскому правосудию...

Узнав о гибели Мора, его друг известный писатель Эразм Роттердамский сказал: «Томас Мор... его душа была белее снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного, хотя она и будет родиной великих людей» [26].

Некоторые новейшие исследователи пытаются дать свою интерпретацию процесса Томаса Мора. Уже упоминавшийся выше историк Д. Р. Элтон стремится доказать, что и Кромвель, и сам Генрих VIII вначале старались арестом Мора только добиться его подчинения закону, объявлявшему короля главой церкви. Лишь незадолго до начала самого процесса, после того, как папа возвел епископа Фишера в ранг кардинала, разъяренный Генрих решил расправиться и с Фишером, и с Мором. Эта интерпретация, серьезно обоснованная в ряде деталей, мало меняет сложившееся представление о процессе Мора [27].

Католическая церковь позднее причислила Мора к лику святых. Один английский историк справедливо заметил в этой связи: «Хотя мы сожалеем о казни святого Томаса Мора как одной из мрачных трагедий нашей истории, нельзя игнорировать того факта, что, если бы Генрих не отрубил ему голову, его вполне возможно сожгли бы по приговору папы» [28].

Казнь Мора вызвала немалое возмущение в Европе. Английскому правительству пришлось подготовить и разослать иностранным дворам подробные разъяснения, призванные оправдать этот акт. Текст объяснений очень разнился в зависимости от того, кому они предназначались — протестантским или католическим монархам [29].

...Первое известие о том, что палач сделал свое дело, застало Генриха и Анну Болейн за игрой в кости. Король остался верным себе и при получении этой вести:

— Ты, ты причина смерти этого человека,— с неудовольствием бросил Генрих в лицо жене и вышел из комнаты. Он уже решил мысленно, что Анна, родившая девочку (будущую Елизавету I) вместо желанного наследника престола, последует за казненным канцлером. Повода долго ждать не пришлось.

Дело о «заговоре» было поручено канцлеру Одли, который, видимо, решил заодно объявить злоумышленниками всех своих личных врагов. Король разъяснял придворным, что Анна нарушила «обязательство» родить ему сына. Здесь явно сказывается рука божья. Следовательно, он, Генрих, женился на Анне по наущению дьявола. Анна никогда не была его законной женой, и он волен поэтому вступить в новый брак [30]. Генрих всюду жаловался на измены королевы, называл большое число ее любовников. «Король,— не без изумления сообщал императорский посол Шапюи Карлу,— громко говорит, что более ста человек имели с ней преступную связь. Никогда никакой государь и вообще ни один муж не выставлял так повсеместно своих рогов и не носил их с столь легким сердцем». Генрих написал даже драму на эту тему, которую сам разыгрывал перед придворными [31]. Впрочем, в последнюю минуту король опомнился: часть посаженных за решетку была выпущена из Тауэра и обвинение было выдвинуто только против первоначально арестованных лиц.

В обвинительном акте утверждалось, что существовал заговор с целью лишить жизни короля. Анне инкриминировалась преступная связь с придворными Норейсом, Бретоном, Вестоном, музыкантом Смитоном и, наконец, с ее братом Джорджем Болейном, графом Рочфордом. В пунктах 8 и 9 обвинительного заключения говорилось, что изменники вступили в сообщество с целью убийства Генриха и что Анна обещала некоторым из подсудимых выйти за них замуж после смерти короля. Пятерым «заговорщикам», кроме того, вменялись в вину принятие подарков от королевы и даже ревность по отношению друг к другу, а также то, что они частично достигли своих злодейских замыслов, направленных против священной особы монарха. «Наконец, король, узнав о всех этих преступлениях, нечестивых поступках и изменах,— говорилось в обвинительном акте,— был так опечален, что это вредно подействовало на его здоровье».

При составлении обвинительного акта Одли и генерал-прокурору Гэлсу пришлось решить немало головоломок. Например, стоит ли приписывать Анне попытку отравить первую жену Генриха Екатерину и его дочь от этого брака Марию Тюдор? После некоторых колебаний от этого обвинения отказались: не хотелось смешивать покушение на короля с намерением отравить «вдовствующую принцессу Уэльскую», как официально именовали теперь первую жену Генриха. Очень деликатным был вопрос о «хронологии»: к какому времени отнести воображаемые измены королевы? В зависимости от этого решался

вопрос о законности дочери Анны — Елизаветы, имевший столь большое значение для порядка престолонаследия (сторонники «испанской» партии рассчитывали после смерти короля возвести на трон Марию). Однако Генрих в конце концов сообразил, что неприлично обвинять жену в неверности уже во время медового месяца, что его единственная наследница Елизавета будет в таком случае признана дочерью одного из обвиняемых — Норейса (поскольку брак с Екатериной был аннулирован, Мария не считалась законной дочерью короля). Поэтому Одли пришлось серьезно поработать над датами, чтобы не бросить тень на законность рождения Елизаветы. В конце концов удалось обойти все эти хронологические рогатки, хотя и не без явного конфликта со здравым смыслом. Поскольку обвинительный акт приписывал подсудимым совершение их преступлений на территории Кента и Мидлсекса, было собрано большое жюри присяжных этих графств. Они без представления каких-либо доказательств послушно проголосовали за предание обвиняемых суду.

12 мая 1536 г. начался суд над Норейсом, Бретоном, Вестоном и Смитоном. Против них не было никаких улик, не считая показаний Смитона, принужденного к тому угрозами и обещаниями пощады, в случае если он оговорит королеву (но и Смитон отрицал существование намерения убить Генриха). Однако это не помешало суду, состоявшему из противников Анны, приговорить всех обвиняемых к «квалифицированной» казни — повешению, снятию еще живыми с виселицы, сожжению внутренностей, четвертованию и обезглавливанию.

Отсутствие каких-либо реальных доказательств вины было настолько очевидным, что король отдал приказание судить Анну и ее брата Рочфорда не судом всех пэров, а специально отобранной комиссией. Это были сплошь главари враждебной королеве партии при дворе. Помимо «преступлений», перечисленных в обвинительном акте, Анне ставилось в вину, что она вместе с братом издевалась над Генрихом и поднимала на смех его приказания (дело шло о критике ею и Рочфордом баллад и трагедий, сочиненных королем). Исход процесса был предрешен[32]. Анну приговорили к сожжению как ведьму или к обезглавливанию — как на то будет воля короля.

Еще быстрее был проведен суд над Рочфордом. Разумеется, все обвинения в кровосмешении и заговоре против короля представляли собой чистейшую фантазию. Единственной «уликой» был какой-то вольный отзыв обвиняемого о короле, который даже по тогдашнему законодательству трудно было подвести под понятие

государственной измены. На суде Джордж Болейн держался с большим достоинством. Норфолк и другие судьи, придя в камеру осужденного, надеялись добиться признаний. Но Болейн был непреклонен, отрицал все обвинения. Он напомнил судьям, что, быть может, скоро настанет и их очередь, ибо он, так же как теперь они, был могущественным, пользовался влиянием и властью при дворе. Не удалось добиться никаких признаний и от Анны.

Генрих поспешил с казнью, назначив ее через два дня после суда над Рочфордом. Подсудимые даже не успели подготовиться к смерти. Впрочем, всем дворянам «квалифицированная» казнь по милости короля была заменена обезглавливанием. Сначала казнили пятерых мужчин (Смитона тешили надеждой на помилование до самой последней минуты, но, так как никто не подтвердил его оговора, он был повешен после остальных осужденных). Первым положил голову на плаху Рочфорд. Его предсмертная речь дошла до нас, может быть, в не совсем точном пересказе сторонника «испанской» партии. «Я пришел сюда,— заявил Джордж Болейн,— не для того, чтобы проповедовать. Закон признал меня виновным, я покоряюсь закону и умру по воле закона. Умоляю вас всех надеяться только на бога, а не на суету сует; если бы я так поступал, то остался бы в живых. Взываю также к вам: исполняйте волю божью. Я старательно и ревностно изучал слово божье, но если бы я сообразовывал свои поступки со словом божьим, то не был бы на плахе. Поэтому умоляю вас, не только читайте слово божье, но и исполняйте его. Что касается моих преступлений, то не для чего их перечислять, и я надеюсь, что буду для вас спасительным примером. Прошу вас от глубины души молиться за меня и простить меня, если я кого обидел, как я прощаю всем своим врагам. Да здравствует король!» Только в таком обрамлении осмелился Рочфорд сказать о невиновности своей сестры.

Следует учитывать, что, поскольку предсмертные речи имели для правительства большую пропагандистскую ценность, неугодные слова заглушались. Но в этом редко возникала необходимость. Быть может, покорность на эшафоте вызывалась надеждой на помилование в последнюю минуту, на менее жестокий вид казни, на то, что власти не будут преследовать семью осужденного[33]. Впрочем, не меньшее, если не большее значение имело другое. Это было время утверждения абсолютизма, когда королевскую власть щедро наделяли все новыми полубожественными атрибутами, когда впервые, обращаясь к монарху, вместо прежнего «Ваша милость» стали говорить «Ваше Величество»[34]. Развитие абсолютизма привело к форми-

рованию соответствующей социальной психологии.

У Анны мелькнула надежда на спасение. Удалось раскопать какое-то юношеское увлечение королевы задолго до ее знакомства с Генрихом. Если Анна дала слово при этом выйти замуж, то ее последующий брак с королем становился недействительным. Можно было также объявить этот брак кровосмесительным на том основании, что старшая сестра Анны Мария Болейн была любовницей Генриха. В таком случае не была бы подсудной и «измена» Анны с пятью уже казненными заговорщиками, отпадало «преступление», даже если оно и было совершено. Архиепископ Кранмер торжественно провел церемонию, на которой брак короля на основе «дополнительно открывшихся новых обстоятельств» (подразумевалась связь Генриха с Марией Болейн) был объявлен не имеющим силы и необязательным[35]. Однако вместо изгнания, на которое рассчитывали друзья Анны, вместо высылки за границу, во Фландрию, король предпочел отправить свою разведенную жену на плаху. Никто, разумеется, и не осмелился упомянуть, что Анна, если даже считать доказанными предъявленные ей «обвинения», теперь стала невиновной. Через 12 часов после провозглашения развода в Тауэр прибыл королевский приказ обезглавить бывшую королеву на следующий день[36]. Отсрочка на двое суток была явно вызвана только желанием дать архиепископу Кранмеру время расторгнуть брак.

В своей предсмертной речи Анна сказала лишь, что теперь нет смысла касаться причин ее смерти, и добавила:

— Я не обвиняю никого. Когда я умру, то помните, что я чтила нашего доброго короля, который был очень добр и милостив ко мне. Вы будете счастливы, если господь даст ему долгую жизнь, так как он одарен многими хорошими качествами: страхом перед богом, любовью к своему народу и другими добродетелями, о которых я не буду упоминать.

Казнь Анны была отмечена одним новшеством. Во Франции было распространено обезглавливание мечом. Генрих решил тоже применить меч взамен обычной секиры и первый опыт провести на собственной жене. Правда, не было достаточно компетентного специалиста — нужного человека пришлось спешно выписывать из Кале. Палач был доставлен вовремя и оказался знающим свое дело. Опыт обезглавливания прошел удачно[37]. Узнав об этом, нетерпеливо ожидавший желанного известия король с радостью вскричал:

— Дело сделано! Спускайте собак, будем веселиться!

По какому-то странному капризу Генрих решил жениться в третий раз именно в день казни Анны. Очередная избранница короля Джейн Сеймур приходилась ему родней в третьей степени, что по церковным правилам служило препятствием для брака. Однако архиепископ Кранмер знал свое дело не хуже искусника из Кале. Как раз тогда, когда палач показывал собравшейся толпе свое искусство владения мечом, Кранмер издал разрешение на новый брак Генриха[38]. Бракосочетание было совершено прежде, чем остыло обезглавленное тело второй жены короля.

Оставалось теперь немногое. Генрих любил поступать по закону, и законы необходимо было быстро приноравливать к желаниям короля. Кранмер, выполняя приказ Генриха о разводе с Анной Болейн, формально совершил акт государственной измены. По действовавшему акту о престолонаследии 1534 г. государственной изменой считалось всякое «предубеждение, оклеветание, попытки нарушить или унизить» брак Генриха с Анной. Немало католиков лишилось головы за попытку «умалить» любым способом этот брак, ныне объявленный Кранмером недействительным. В новый акт о престолонаследии 1536 г. была включена специальная статья, предусматривавшая, что те, кто из лучших мотивов недавно указывали на недействительность брака Генриха с Анной, не виновны в государственной измене. Однако тут же была сделана оговорка, что аннулирование брака с Анной не снимает вины с любого, кто ранее считал этот брак не имеющим законной силы. Вместе с тем было объявлено государственной изменой ставить под сомнение оба развода Генриха — и с Екатериной Арагонской, и с Анной Болейн[39].

Теперь уж действительно все было в порядке.

Главный министр и архиепископ Кентерберийский

В падении Анны большую роль сыграл ее бывший союзник — государственный секретарь, позднее канцлер казначейства Томас Кромвель, который использовал для этой цели свою секретную службу. В условиях обострения внутреннего положения страны, наличия массы недовольных он применял созданную им разведывательную сеть прежде всего в полицейских целях. Агенты королевского министра подслушивали болтовню в тавернах, разговоры на ферме или в мастерской, наблюдали за проповедями в церквах. Однако особое внимание, разумеется, уделялось

лицам, вызывавшим иеудовольствие или подозрение короля. Еще при кардииале Уолси действовали просто: останавливали курьеров иностраиных послов и отиимали депеши. При Кромвеле эти депеши тоже отиимали, ио после прочтеиия посылали их по иазиачению. (Пройдет еще полстолетия, и аиглийские разведчики иаучатся так ловко раскрывать и читать доиесеиия, что адресату и в голову ие придет, что оно побывало в чужих руках[40].)

Новейшие биографы Кромвеля настаивают на пересмотре прежией резко отрицательной оцеики старыми либеральиыми историками его деятельиости. Ои был, пишет А. Д. Диккенс, выдающийся адмииистратор, покровитель политических мыслителей, замечательиый государствениый деятель, «иаложивший свой отпечаток иа целые века истории Аиглии»[41]. Однако современиики его иеиавидели, часто руководствуясь совершеиио противоположиыми побуждениями; ие было такого слоя общества, иа поддержку или просто симпатии которого ои мог бы рассчитывать. Для простого иарода он был организатором кровавых преследований, душителем выступлеиий против иовых поборов, тягот, обрушившихся иа крестьян после закрытия моиастырей. Для зиати ои был выскочкой-простолюдииом, занявшим не подобающее ему место при дворе. Католики (особеиио клир) ие простили ему разрыва с Римом и подчинеиия церкви королю, расхищеиия церковиых владеиий, покровительства лютеранам. А те в свою очередь обвиняли мииистра в преследовании иовой, «истинной» веры, в сиисходительиом отношеиии к католикам. Имели свой длиииый счет к Кромвелю шотландцы, ирландцы, жители Уэльса. Репутация Кромвеля страдала и потому, что иа иего возлагали ответствеииость за действия, в которых был вииовен прежде всего сам король[42].

Был только один человек — Геирих VIII, иитересы которого всегда выигрывали от деятельиости мииистра. Кромвель сыграл ведущую роль в утверждении главенства монарха над церковью, в расширеиии полномочий королевского Тайиого совета, права которого были распространены иа север Англии, Уэльс, Ирландию. Кромвель заполнил иижнюю палату парламеита креатурами двора и превратил ее в простое орудие короны. Ои сумел резко увеличить доходы казиы за счет коифискации моиастырских земель, а также обложения торговли, развитие которой он поощрял умелой протекционистской политикой.

Что еще можио было требовать от мииистра, ие только тщательио выполиявшего все приказы короля, ио и стремившегося угадать его желания, предвосхитить пла-

ны, до которых тот еще не успел додуматься? Однако успехи Кромвеля (как в былое время его предшественника, кардинала Уолси) вызывали все большее чувство ревности у самовлюбленного Генриха, приходившего в ярость от умственного превосходства своего министра. Действия Кромвеля являлись ярким свидетельством неспособности Генриха выпутаться из тягостного бракоразводного дела, реорганизовать государственные и церковные дела в духе королевского абсолютизма. Министр был живым напоминанием и о втором браке короля, позорном процессе и казни Анны Болейн, которые так хотелось предать вечному забвению. Не раз Генриху казалось, что Кромвель мешает ему применить на деле свои государственные способности, встать вровень с крупнейшими политиками эпохи — Карлом V и Франциском I. Довольно, решил Генрих, терпеть из года в год, когда этот наглец, поднятый из ничтожества, каждый раз поучает короля и заставляет отказываться от его планов, выдвигая хитроумные доводы, на которые трудно найти возражения! Генриху казалось, что он не хуже Кромвеля знал (или по крайней мере усвоил) секреты управления, принесшие столь отличные результаты. Он сумеет их умножить, причем в отличие от министра не вызовет недовольства. Но нужно, чтобы этот недостойный, этот выскочка, столь долго занимавший пост главного советника короля, не использовал во зло доверенных ему тайн. Нельзя было допустить, чтобы, спокойно выйдя в отставку, он начал критиковать действия короля, ставить палки в колеса политике, которая наконец создаст Генриху славу великого полководца и государственного мужа. И главное, Кромвель будет хорошим козлом отпущения...

В этих условиях падение Кромвеля, единственной опорой которого являлся король, было только вопросом времени. Нужен был лишь предлог, последняя капля, переполнявшая чашу, один неловкий шаг, чтобы сбросить его в пропасть...

После кончины третьей жены короля, Джейн Сеймур (она умерла после родов, подарив Генриху наследника престола), Кромвель повел переговоры о новой невесте для своего государя. Было предложено несколько кандидатур. Выбор пал на дочь герцога Клевского Анну. Придирчивый Генрих взглянул на портрет, написанный с другого портрета Анны Клевской знаменитым Гансом Гольбейном, и выразил согласие. Этот «германский брак» был задуман в связи с наметившейся угрозой образования мощной антианглийской коалиции в составе двух ведущих католических держав — Испании и Франции, готовых, казалось, на время забыть разделявшее их

соперничество. Кроме того, брак с протестанткой должен был еще более углубить разрыв главы англиканской церкви с Римом.

В конце 1539 г. Анна Клевская двинулась в путь. Всюду ее ожидала пышная встреча, предписанная 50-летним женихом. Изображая галантного рыцаря, он решил встретить свою невесту в Рочестере, в 30 милях от Лондона. Посланный в качестве нарочного королевский приближенный Энтони Браун вернулся весьма смущенный: будущая королева очень мало напоминала свой портрет. Браун не мог знать, что еще меньше подходила Анна Клевская к своей будущей роли по уму и образованию, полученному при дворе маленького германского княжества с его педантичным распорядком жизни. К тому же невеста была не первой молодости и в свои 34 года успела потерять ту привлекательность, которой в юности обладают даже некрасивые девушки.

При встрече с немкой Генрих не поверил своим глазам и почти открыто выразил свое «недовольство и неприятное впечатление от ее личности», как сообщал наблюдавший эту сцену придворный. Пробормотав несколько фраз, Генрих удалился, позабыв даже передать Анне подготовленный для нее новогодний подарок. Вернувшись на корабль, он мрачно заметил: «Я не вижу в этой женщине ничего похожего на то, что сообщили мне о ней, и я удивлен, как столь мудрые люди могли писать подобные отчеты». Эта фраза приобретала зловещий смысл в устах такого тирана, как Генрих.

Свое неудовольствие король не скрыл от приближенных, а Кромвелю прямо объявил: «Знай я обо всем этом раньше, она не прибыла бы сюда. Как же теперь выпутаться из игры?» Кромвель ответил, что он очень огорчен. После того как министр сам получил возможность взглянуть на невесту, он поспешил согласиться с мнением разочарованного жениха, но заметил, что Анна все же обладает королевскими манерами. Этого было явно недостаточно. Отныне Генрих только и думал, как бы отделаться от «фламандской кобылы», как он окрестил свою нареченную. Политические причины, побудившие английского короля искать руки дочери герцога Клевского, сводились к тому, чтобы взять в кольцо Фландрию — одну из наиболее богатых земель империи Карла V. Окруженная со всех сторон противниками императора — Англией, Францией, герцогом Клевским и протестантскими князьями Северной Германии, Фландрия стала бы уязвимым местом империи Карла V, что побудило бы его искать примирения с Генрихом. Кроме того, возможность подобного окружения Фландрии могла заставить Франци-

ска I отказаться от мысли о соглашении со своим старым соперником — императором.

Хотя эти соображения сохраняли свою силу, Генрих дал указание помочь ему «выпутаться». Кромвель принялся за дело. Анну, оказывается, намеревались выдать за герцога Лотарингского. Документ, содержащий официальное освобождение невесты от данного ею обещания, остался в Германии. Это была как будто спасительная лазейка: Генрих попытался принять позу оскорбленного и обманутого человека. Но бумагу рано или поздно доставили бы в Лондон. А просто отослать Анну домой Генрих опасался, так как уязвленный герцог Клевский легко мог перейти на сторону Карла V. С проклятиями, мрачный, как туча, король решил жениться.

О том, что новобрачная ему в тягость, Генрих VIII объявил на другой же день после свадьбы. Однако он некоторое время еще воздерживался от открытого разрыва. Оставалось определить: так ли уж опасен этот разрыв? В феврале 1540 г. герцог Норфолк, противник «германского брака» и теперь враг Кромвеля, отправился во Францию. Он убедился, что франко-испанское сближение не зашло далеко[43]. Во всяком случае ни Карл, ни Франциск не предполагали нападать на Англию. А ведь именно ссылкой на эту угрозу Кромвель мотивировал необходимость «германского брака»[44]. Норфолк привез свои радостные для Генриха известия и взамен узнал не менее приятную новость для себя: на королевские обеды и ужины, куда допускались самые близкие люди, была приглашена племянница герцога юная Екатерина Говард.

Кромвель (в апреле 1540 г. он получил титул графа) пытался нанести контрудар: его разведка постаралась скомпрометировать епископа Гардинера, который подобно Норфолку стремился к примирению с Римом. Министр произвел также конфискацию имущества Ордена иоаннитов: золото, поступавшее в королевское казначейство, всегда успокаивающе действовало на Генриха.

7 июня к Кромвелю зашел его бывший сторонник, а ныне тайный недруг Томас Рисли, приближенный Генриха. Он намекнул, что короля надо избавить от новой жены. На другой день, 8 июня, Рисли снова посетил министра и опять настойчиво повторил свою мысль. Стало ясно, что это был королевский приказ. Кромвель кивнул головой, но заметил, что дело сложное. Министру предлагали освободить короля от Анны Клевской, чтобы расчистить дорогу для Екатерины Говард — племянницы его врага.

Пока Кромвель с горечью размышлял над получен-

ным приказом, Генрих уже принял решение: прежде чем освободиться от новой жены, необходимо отделаться от надоевшего министра (возможно, у короля помимо изложенных мотивов были и другие побудительные причины покончить с Кромвелем)[45]. Рисли по приказу короля в тот же день, 8 июня, составил королевские письма, обвинявшие Кромвеля в нарушении разработанного Генрихом плана нового церковного устройства[46].

Вчера еще всемогущий министр стал обреченным человеком, отверженным, отмеченным печатью королевской немилости. Об этом знали уже другие царедворцы и советники — почти все, кроме него самого, руководителя секретной службы. 10 июня 1540 г., когда члены Тайного совета шли из Вестминстера, где заседал парламент, во дворец, порывом ветра сорвало шапку с головы Кромвеля. Вопреки обычной вежливости, требовавшей, чтобы и остальные советники также сняли шапки, все остались в головных уборах. Кромвель понял. Он имел еще мужество усмехнуться: «Сильный ветер сорвал мою шапку, оставив все ваши!»

Во время традиционного обеда во дворце Кромвеля избегали, как зачумленного. Пока министр выслушивал пришедших к нему посетителей, его коллеги поспешили удалиться. С запозданием он вошел в зал и намеревался сесть на свое место, заметив:

— Джентльмены, вы очень поторопились начать.

Его прервал окрик Норфолка:

— Кромвель, не смей здесь садиться! Изменники не сидят с дворянами!

При слове «изменники» отворилась дверь, вошел капитан с шестью солдатами. Начальник стражи подошел к министру и жестом показал, что он арестован. Вскочив на ноги, бросив шпагу на пол, Кромвель, с горящими глазами, задыхающимся голосом закричал:

— Такова награда за мои труды! Я изменник? Скажите по совести, я изменник? Я никогда не имел в мыслях оскорбить его величество, но раз так обращаются со мной, я отказываюсь от надежды на пощаду. Я только прошу короля, чтобы мне недолго томиться в тюрьме.

Со всех сторон голос Кромвеля заглушали крики: «Изменник! Изменник!», «Тебя будут судить по законам, которые ты сочинил!», «Каждое твое слово — государственная измена!» Под ругань и поношения, обрушившиеся на голову низвергнутого министра, Норфолк сорвал у него с шеи орден св. Георгия, другие — орден Подвязки. Солдатам пришлось чуть ли не спасать Кромвеля от разъяренных членов совета. Кромвеля увели через заднюю дверь прямо к ожидавшей его лодке.

Арестованный министр был немедленно доставлен в Тауэр. Не успели захлопнуться за ним двери темницы, как королевский посланец во главе 50 солдат занял по приказу монарха дом Кромвеля и конфисковал все его имущество.

В казематах Тауэра у Кромвеля было достаточно времени, чтобы поразмыслить над своим положением. Не приходилось сомневаться, что это конец. Не для того его бросили в Тауэр, чтобы выпустить отсюда живым. Он мог во всех деталях заранее представить, как будут развертываться события: фальшивые обвинения, призванные скрыть действительные причины падения еще вчера всесильного министра, комедия суда, предопределенный смертный приговор. Выбора не было. Приходилось думать лишь о том, каким образом избегнуть жуткой «квалифицированной» казни. Кромвелю самому не раз приходилось брать на себя организацию подобных расправ, и ему-то уж во всех деталях было известно, как это делается. Казалось, на стенах Тауэра лежали тени жертв королевского произвола, людей, убитых и замученных здесь по воле Генриха VIII и при активном содействии его верного лорда-канцлера. Человеческая жизнь была для него ничем, если ее нужно было принести как жертву на алтарь государственной необходимости. А этой необходимостью мог быть и королевский каприз, и интересы собственной карьеры (не говоря уже о тысячах участников крестьянских восстаний, казненных по требованиям лендлордов). Кровавая башня и другие казематы Тауэра были верным и удобным местом изоляции человека от общества, оставляя его при этом на длительную агонию в одном из каменных мешков государственной тюрьмы или направляя на Тауэр-хилл и Тайберн, где секира или веревка палача избавляли узника от дальнейших страданий. В темную июньскую ночь Тауэр наконец и для Кромвеля стал тем, чем он был для многих его жертв,— зловещим орудием беспощадного королевского деспотизма. Министр на себе испытал весь ужас и беспомощность узника перед лицом безжалостной, тупой силы, обрекавшей его на мучительную смерть.

Враги Кромвеля поспешили распространить слухи о его преступлениях — одно страшнее другого. Пример подавал сам король, объявивший, что Кромвель пытался жениться на принцессе Марии (обвинение, впрочем подсказанное Норфолком и Гардинером). Еще недавно Кромвель отправлял людей на плаху и костер за малейшие отклонения от далеко еще не устоявшейся англиканской ортодоксии то в сторону католицизма, то в сторону лютеранства. Теперь такие отклонения были приписаны

ему самому. В обвинительном заключении, вскоре представленном в палату общин (с Кромвелем решили расправиться без суда, путем принятия парламентом акта об осуждении), о многолетнем ближайшем помощнике Генриха говорилось как о «самом гнусном изменнике», поднятом милостями короля «из самого подлого и низкого звания» и отплатившем предательством, о «гнусном еретике», который распространял «книги, направленные на то, чтобы позорить святыню алтаря». Ему приписывали заявления, что, «если он проживет еще год или два», король не сумеет даже при желании оказать сопротивление его планам. Упоминания о вымогательстве, казнокрадстве должны были подкреплять главное обвинение в «измене» и «ереси».

Всем было отлично известно, что главное обвинение является чистым вымыслом. Это понимали даже горожане, повсеместно зажигавшие костры в знак радости по поводу падения министра, олицетворявшего все ненавистное в политике Генриха. Но конечно, более всего радовались гибели мнимого предателя за рубежом. Утверждают, что Карл V пал на колени, чтобы возблагодарить бога за столь благую весть, а Франциск I издал крик радости. Теперь ведь предстоит иметь дело не с ловким и опасным противником, каким был Кромвель, а с тщеславным Генрихом, обойти которого им, первоклассным дипломатам, уже не составит труда. Только бы этот изворотливый Кромвель как-нибудь не вывернулся (издалека не было видно, что судьба бывшего министра решена окончательно). Франциск даже поспешил сообщить Генриху, что Кромвель, участвовавший в решении давнего спора, который был связан с морскими призами, захваченными губернатором Пикардии, прикарманил большую сумму денег. Генрих был в восторге: наконец-то хоть одно конкретное обвинение против бывшего министра! Он немедленно приказал потребовать от арестованного подробных объяснений по этому вопросу.

Враги Кромвеля вроде Норфолка с торжеством предрекали изменнику и еретику позорную смерть. Ну а друзья? Имел ли он друзей, а не просто сторонников, обязанных ему своей карьерой? Конечно, они безмолвствовали.

Все, в чем обвиняли «еретика» Кромвеля, в полной мере относилось и к Кранмеру, едва ли не единственному искреннему другу Кромвеля[47]. Тем не менее архиепископ молча присоединился к единодушному решению палаты лордов, принявшей закон, который присуждал Кромвеля к повешению, четвертованию и сожжению заживо.

В тюрьме опальный министр писал отчаянные пись-

ма. Если бы это было в его власти, уверял Кромвель, он наделил бы короля вечной жизнью; он стремился сделать его самым богатым и могущественным монархом на земле. Король был всегда к нему благосклонен, он был для него отец, а не повелитель. Его, Кромвеля, справедливо обвиняют во многом. Но все его преступления совершены ненамеренно, никогда он не замышлял ничего дурного против своего господина. Он желает всякого благоденствия королю и наследнику престола... Все это, конечно, не изменило судьбу осужденного «изменника».

Однако до казни ему предстояло сослужить еще одну службу королю. Кромвелю было приказано изложить все обстоятельства, связанные с женитьбой Генриха на Анне Клевской: подразумевалось, что бывший министр сможет тем самым облегчить развод Генриха с четвертой женой. И Кромвель постарался. Он написал, что Генрих неоднократно говорил о решимости не использовать своих «прав супруга» и что, следовательно, Анна осталась в своем прежнем, «дозамужнем» состоянии. Здравый смысл, не покидавший осужденного при составлении этого письма, изменил ему, когда он заключил свое послание воплем о милосердии: «Всемилостивейший государь! Я умоляю о пощаде, пощаде, пощаде!» Это уже была просьба не сохранить жизнь, а избавить от жутких пыток на эшафоте[48]. Генриху очень понравилось письмо и как полезный документ при разводе, и этой униженной мольбой: король недолюбливал, когда его подданные спокойно принимали известие об ожидавшей их казни. Он приказал три раза прочесть ему вслух письмо недавнего министра.

Развод был произведен без особых затруднений — Анна Клевская удовлетворилась пенсией в 4 тыс. ф. ст., двумя богатыми манорами, а также статусом «сестры короля», ставящим ее по рангу непосредственно вслед за королевой и детьми Генриха. А Кромвелю осталось дать отчет о некоторых израсходованных суммах и узнать о награде, полагавшейся ему за меморандум о четвертом браке короля. Утром 28 июля 1540 г. Кромвелю сообщили, что Генрих в виде особой милости разрешил ограничиться отсечением головы, избавив осужденного от повешения и сожжения на костре. Правда, казнь должна была свершиться в Тайберне, а не на Тауэр-хилле, где обезглавливали лиц более высокого происхождения. Отдав это милостивое распоряжение, Генрих, снова ставший женихом, сделал все необходимое и мог теперь с «чистой совестью» отбыть из столицы на отдых со своей 18-летней невестой Екатериной Говард. А Кромвелю предстояло в то же самое утро отправиться в свой последний путь из Тауэра в Тайберн. В последние часы своей жизни он,

казалось, поборол малодушие, которое владело им, пока вопреки очевидности у него еще теплилась надежда на помилование.

Крепкий, коренастый мужчина, которому не минуло еще 50 лет, внешне спокойно оглядел плаху, затихшую толпу. Тысяча королевских солдат охраняла порядок. Собравшиеся, затаив дыхание, ждали предсмертной речи: будет ли она произнесена в католическом духе, как этого хотелось бы победившей партии Норфолка и Гардинера, или в духе протестантизма, или осужденный, сохранявший такое спокойствие, вообще обманет ожидания, отказавшись от исповеди. Нет, он начинает говорить... Его слова вполне могли удовлетворить католически настроенных слушателей. Кромвель как будто хотел в последний час сделать приятное вражеской партии, пославшей его на эшафот.

— Я пришел сюда умирать, а не оправдываться, как это, может быть, думают некоторые,— произносит Кромвель монотонно звучащим голосом.— Ибо если бы я занялся этим, то был бы презренным ничтожеством. Я осужден по закону на смерть и благодарю господа бога, что он назначил мне подобную смерть за мое преступление. С юных лет я жил в грехе и оскорблял господа бога, за что я являюсь вечным странником в этом мире; будучи низкого происхождения, я был возведен до высокого положения. И вдобавок с того времени я совершил преступление против моего государя, за что искренне прошу прощения и умоляю вас всех молиться за меня богу, чтобы он простил меня. Я прошу ныне вас, присутствующих здесь, разрешить мне сказать, что я умираю преданным католической вере, не сомневаясь ни в одном из ее догматов, не сомневаясь ни в одном из таинств церкви. Многие порочили меня и уверяли, что я придерживаюсь дурных взглядов. Это является неправдой. Но я сознаюсь, что, подобно тому как бог и его дух святой наставляют нас в вере, так дьявол готов совратить нас, и я был совращен. Но разрешите мне засвидетельствовать, что я умираю католиком, преданным святой церкви. И я искренне прошу вас молиться о благоденствии короля, чтобы он мог долгие годы жить с вами в здравии и благополучии, а после него его сын принц Эдуард, сей добрый отпрыск, мог долго царствовать над вами. И еще раз я прошу вас молиться за меня, чтобы, покуда жизнь сохраняется в этом теле, я нисколько не колебался бы в моей вере.

Чем была вызвана эта, конечно, заранее продуманная исповедь, которая вряд ли могла отражать подлинные чувства бывшего министра Англии, брошенного на плаху

по прихоти короля? Быть может, объяснение можно найти в желании осужденного сохранить положение при дворе его сына, Грегори Кромвеля? Или были какие-то другие мотивы, побудившие Кромвеля повторить то, что и до него произносили тогда многие, прежде чем положить голову под топор палача? Тот хорошо выполнил свою работу, толпа громко выражала одобрение. Пройдет столетие, и праправнук казненного министра Оливер Кромвель заговорит с потомком Генриха Карлом I совсем другим языком. Но для этого нужно еще целое столетие. А пока что через год после казни Томаса Кромвеля Генрих VIII соизволил заметить, что его побудили казнить «наиболее верного слугу из всех, которых он когда-либо имел» [49].

За убийством Кромвеля последовало по приказу короля «очищение» Тауэра от государственных преступников. Сожгли в качестве еретиков приближенных министра — Джерома, Р. Бэрнса, Т. Гаррета [50]. Тогда же на эшафот была отправлена 71-летняя графиня Солсбери. Единственным преступлением этой старой женщины, которая, цепляясь за жизнь, отчаянно билась в руках палача, было ее происхождение: она принадлежала к династии Йорков, свергнутой 55 лет тому назад.

Вскоре после падения Кромвеля произошло одно событие, пролившее дополнительный свет на характер действий и Кранмера, и короля. Кранмер не был просто карьеристом, готовым на все ради королевской благосклонности и связанных с нею благ, как его изображали католики, да и много позднее рисовали некоторые либеральные историки XIX в. Еще менее архиепископ Кентерберийский был мучеником веры, готовым во имя торжества Реформации на любые действия, сам оставаясь чистым и безупречным в своих мотивах (так предпочитали трактовать фигуру Кранмера протестантские авторы). Архиепископ искренне верил в необходимость и благотворность тюдоровского деспотизма как в светских, так и в духовных делах и охотно пожинал плоды, которые такая позиция приносила лично ему, Кранмеру.

Вместе с тем и Генрих отнюдь не был тем однолинейным, примитивным тираном, каким он может казаться по многим своим поступкам. Он более всех был убежден в своей избранности, в том, что сохранение и упрочение власти короны является его первейшим долгом. Более того, когда он, король, шел наперекор государственным интересам (даже в его понимании) ради удовлетворения личной прихоти, то разве не означало это защиту высшего принципа — неограниченности власти монарха, его права поступать вопреки мнению всех других учреж-

дений и лиц, подчиняя их своей воле? Расправа с Кромвелем, как и предшествовавшая ей казнь Анны Болейн, сразу же поставила вопрос: а как это отразится на неустойчивой новой церковной ортодоксии, учреждению которой столь способствовал павший министр?

В жаркие июльские дни 1540 г. неподалеку от того места, где голова Кромвеля скатилась на плаху, продолжала заседать комиссия епископов, уточнявшая символы веры государственной церкви. Казнь Кромвеля заставила большинство сторонников сохранения или даже развития церковной реформы переметнуться в более консервативную фракцию, возглавлявшуюся епископом Гардинером. Однако Кранмер (в это время в Лондоне держали пари 10 против 1, что архиепископ вскоре последует за Кромвелем в Тауэр и на Тайберн) остался непреклонным. Двое из его бывших единомышленников, Хит и Скалп, благоразумно принявшие теперь сторону Гардинера, пытались уговорить его подчиниться воле короля, отказаться от своих взглядов, на что архиепископ возразил, что король не будет доверять таким епископам, которые в угоду монарху готовы изменить своим убеждениям. Узнав об этом богословском споре, Генрих неожиданно принял сторону Кранмера. Взгляды последнего были утверждены.

Позднее прокатолическая часть Тайного совета, включая Норфолка, решила воспользоваться слухами, распускавшимися некоторыми сектантами, будто они являются единомышленниками архиепископа Кентерберийского. Несколько тайных советников донесли королю, что Кранмер — еретик и что, хотя никто не осмеливается давать показания против архиепископа из-за его высокого сана, положение изменится, как только его отправят в Тауэр. Генрих согласился. Арестовать Кранмера он предписал на заседании Тайного совета. Норфолк и его единомышленники уже торжествовали победу. Но напрасно. Той же ночью Генрих тайно послал своего фаворита Энтони Данни к Кранмеру. Архиепископа спешно подняли с постели и доставили в Уайтхолл, где Генрих сообщил ему о своем согласии на его арест и спросил, как он относится к этому. В Кранмере было немало от фанатика. Роль орудия королевского произвола он выполнял рьяно и от души; в то же время архиепископ успел стать и опытным царедворцем. В ответ на вопрос короля Кранмер выразил верноподданническую благодарность за это милостивое предупреждение и добавил, что с удовлетворением пойдет в Тауэр в надежде на беспристрастное рассмотрение на суде его религиозных взглядов, что, без сомнения, входит в намерения короля.

— О милостивый господь! — воскликнул пораженный Генрих.— Что за простота! Так позволить бросить себя в тюрьму, чтобы каждый Ваш враг мог иметь преимущества против Вас. Но думаете ли Вы, что, как только они запрячут Вас в тюрьму, вскоре же отыщутся трое или четверо лживых негодяев, готовых свидетельствовать против Вас и осудить, хотя, пока Вы на свободе, они не осмеливаются открыть рот или показаться Вам на глаза. Нет, это не дело, милорд, я слишком Вас уважаю, чтобы разрешить Вашим врагам низвергнуть Вас.

Генрих передал Кранмеру кольцо, которое архиепископ должен был показать при аресте и потребовать, чтобы его доставили к королю (кольцо вручалось как знак предоставления подобной привилегии).

Между тем, окрыленные согласием короля, противники Кранмера и не думали церемониться с ним. Повторились в еще более оскорбительной форме сцены, предшествовавшие аресту Кромвеля. Прибыв на заседание Тайного совета, архиепископ Кентерберийский нашел двери зала заседаний закрытыми. Около часа Кранмер сидел в коридоре вместе со слугами. Клерки входили и выходили из зала совета, демонстративно не замечая высшего церковного сановника страны. За этой сценой внимательно наблюдал королевский врач Батс, нередко использовавшийся Генрихом для таких поручений. Он поспешил донести королю об унижении, которому подвергли примаса англиканской церкви. Король возмутился, но предоставил событиям идти своим ходом.

Допущенный наконец в зал заседаний Кранмер был обвинен своими коллегами в ереси и поставлен в известность, что будет отправлен в Тауэр. В ответ на это архиепископ продемонстрировал кольцо и потребовал свидания с королем. Кольцо оказало магическое действие. Противники Кранмера заметались, поняв, что совершили непростительный промах, не разгадав намерений Генриха.

Король выбранил тайных советников за недостойное поведение. Пытавшийся вывернуться Норфолк уверял, будто они, обличая Кранмера в ереси, просто желали дать ему возможность защититься от этого обвинения. После этого монарх приказал членам Тайного совета пожать руку Кранмеру и не пытаться впредь причинять ему неприятности, а архиепископу предписал угостить своих коллег обедом. Чего добивался всем этим Генрих? Может быть, он хотел еще более обострить отношения между членами Тайного совета? Или намеревался погубить Кранмера, а потом, как часто случалось с королем, изменил свое решение? Или просто развлекался, ставя в

тупик, унижая своих ближайших советников и наводя на них страх? [51]

Личная жизнь короля тем временем шла своим чередом. За Анной Клевской вскоре последовала Екатерина Говард — молоденькая племянница герцога Норфолка, двоюродная сестра Анны Болейн. Новая королева Англии не очень устраивала сторонников углубления церковной реформы вроде Кранмера. До поры до времени Кранмер и его друзья предпочитали скрывать свои планы: юная Екатерина приобрела большое влияние на своего пожилого супруга; кроме того, она могла родить сына, что очень укрепило бы ее положение при дворе.

В октябре 1541 г. враги королевы нашли долгожданный повод. Один из мелких придворных служащих, Джон Ласселс, на основе свидетельства своей сестры, ранее служившей няней у старой герцогини Норфолк, донес Кранмеру, что Екатерина была долгое время в связи с неким Френсисом Дергемом, а некто Мэнокс знал о родинке на теле королевы. Партия реформы — Кранмер, канцлер Одли и герцог Хертфорд поспешили известить ревнивого мужа. Кранмер передал королю записку («не имея мужества устно сообщить ему об этом»). Собрался Государственный совет. Все «виновные», включая Мэнокса и Дергема, были сразу схвачены и допрошены. О том, что мнимая или действительная неверность королевы до замужества не шла ни в какое сравнение с предшествующей «чистой» жизнью самого Генриха, никто не осмелился даже подумать. Кранмер навестил совершенно ошеломленную свалившимся на нее несчастьем молодую женщину, которой не исполнилось и 20 лет. Обещанием королевской «милости» Кранмер выудил у Екатерины признание, а тем временем удалось вырвать нужные показания у Дергема и Мэнокса. Генрих был потрясен. Он молча выслушал на заседании совета добытые сведения и потом вдруг начал кричать. Этот вопль ревности и злобы заранее решил участь всех обвиняемых.

Тем временем схватили еще одного «виновного» — Келпепера, за которого Екатерина собиралась выйти замуж, прежде чем на нее обратил внимание Генрих, и которому она, уже став королевой, написала очень благосклонное письмо. Дергем и Келпепер были приговорены, как обычно, к смерти. После вынесения приговора 10 дней продолжались перекрестные допросы — они не выявили ничего нового. Дергем просил о «простом» обезглавливании, но «король счел его не заслуживающим такой милости». Подобное снисхождение было, впрочем, оказано Келпеперу. 10 декабря оба они были казнены.

Потом занялись королевой. Говарды поспешили от-

речься от нее. Норфолк с душевной болью поведал французскому послу Марильяку, что его племянница «занималась проституцией, находясь в связи с семью или восемью лицами». Со слезами на глазах старый солдат говорил о горе короля. В письме к Генриху Норфолк причитал, что после «отвратительных деяний двух моих племянниц» (Анны Болейн и Екатерины Говард), наверное, «его величеству будет противно снова услышать что-либо о моем роде». Герцог упоминал далее, что обе «преступницы» не питали к нему особых родственных чувств, и просил о сохранении королевского благорасположения, «без которого пропадет желание жить».

Послушный парламент принял специальное постановление, обвиняющее королеву. Ее перевели в Тауэр. Казнь состоялась 13 февраля 1542 г. На эшафоте Екатерина призналась, что до того, как она стала королевой, любила Келпепера, хотела быть его женой больше, чем владычицей мира, и скорбит, став причиной его гибели. Однако вначале она упомянула, что «не нанесла вреда королю». Ее похоронили рядом с Анной Болейн.

Последние годы Генриха прошли сумрачно. Всю жизнь им вертели фавориты, он не привык повседневно заниматься государственными делами, даже не подписывал бумаг. Взамен этого к ним прикладывали печать с изображением монаршей подписи[52]. В 40-х годах XVI в. внешнеполитическое положение Англии стало сложным, и не было ни Уолси, ни Кромвеля, которые могли бы уверенно направлять корабль английской дипломатии в бурных водах европейской политики.

Готовясь к надвигавшейся войне, король сменил увлечения. Ранее претендовавший на лавры поэта, музыканта и композитора, он теперь занимался составлением военных планов, схем укреплений и даже техническими усовершенствованиями: Генрих придумал телегу, способную при движении молоть зерно. Королевские идеи встречались хором восторженных похвал английских военачальников. Исключение составляли лишь дерзкие иностранные инженеры — итальянцы и португальцы, которых обиженный изобретатель приказал изгнать из страны.

Вместе с тем король искренне не понимал, почему люди не хотят признать его апостолом мира и справедливости. При встрече с послом императора Карла V он говорил: «Я занимаю трон уже сорок лет, и никто не может сказать, что я когда-либо действовал неискренне или не прямым путем... Я никогда не нарушал своего слова. Я всегда любил мир». В речах, обращенных к парламенту, король теперь принимал позу мудрого и

милосердного отца отечества, позабыв на время о тысячах казненных по его приказу, о графствах, разоренных королевскими войсками, еще совсем недавних народных движениях. Советники пытались скрывать от Генриха неприятные известия, чтобы, как выразился Гардинер, «сохранять спокойствие духа короля». Никто не был гарантирован от вспышек монаршего гнева. Новая жена Генриха Екатерина Парр едва не попала в Тауэр за высказывание не понравившихся королю религиозных взглядов. Ее спасла находчивость. Почуяв опасность, королева стала уверять больного и раздражительного супруга, что все сказанное ею имело одну цель: немного развлечь его величество и услышать его ученые аргументы по вопросам, о которых зашла речь. Екатерина заслужила прощение как раз вовремя: вскоре явился со стражей Томас Рисли, имевший письменный приказ об аресте королевы. Изменивший свои намерения Генрих встретил фаворита бранью:

— Дурак, скотина, негодяй, гнусный негодяй! Прочь! Пошел вон![53]

Перепуганный Рисли исчез.

Парламент принял билль, по которому католиков вешали, а лютеран сжигали заживо. Иногда католика и лютеранина привязывали спиной друг к другу и так возводили на костер. Был издан закон, повелевавший доносить о прегрешениях королевы, а также обязывавший всех девиц, если монарх изберет их в жены, сообщать о своих провинностях. «Я действую по указанию свыше»,— разъяснял Генрих (впрочем, к нему никто и не обращался с вопросами).

Обстановка так быстро накалялась, что было от чего растеряться даже людям более тонким, чем тугодум Рисли. 16 июля 1546 г. дворянку Анну Эскью сожгли в Лондоне за отрицание обедни. Тогда же на костер были отправлены и другие еретики (в их числе Ласселс — доносчик, погубивший Екатерину Говард). А в августе сам Генрих уже пытался убедить французского короля Франциска I совместно запретить обедню, т. е. уничтожить католичество в обоих королевствах. Последовали новые аресты и казни. Теперь подошла очередь и герцога Норфолка, которого настигла все усиливающаяся подозрительность короля. Напрасно из Тауэра он напоминал о своих заслугах по истреблению изменников, включая Томаса Кромвеля, также занимавшегося уничтожением всех королевских недругов и предателей. Сыну Норфолка графу Серрею, талантливому поэту, отрубили голову на Тауэр-хилле 19 января 1547 г. Казнь самого Норфолка была назначена на 28 января.

Его спасла болезнь короля. У постели умирающего придворные, едва скрывая вздох облегчения, торговались из-за государственных постов, которые они займут при будущем девятилетнем короле Эдуарде VI. За несколько часов до предстоявшего обезглавливания Норфолка Генрих скончался на руках у Кранмера.

А самому Кранмеру пришел черед лишь через несколько лет...

В течение двух десятилетий архиепископу Кентерберийскому, ревностному слуге тюдоровской тирании, удавалось обходить подводные камни, угрожавшие его карьере и жизни. Всякий раз люди, в руках которых находилась власть, предпочитали пользоваться услугами Кранмера, а не отправлять его на эшафот с очередной партией потерпевших поражение в придворных и политических интригах. И Кранмер, который отнюдь не был просто честолюбивым карьеристом или ловким хамелеоном (хотя у него было немало и того и другого), с готовностью, хотя и сокрушаясь порой, приносил своих покровителей, друзей и единомышленников в жертву долгу. А долгом для него было защитить любой ценой принцип, утверждающий королевское верховенство и в светских и в церковных делах, обязанность подданных беспрекословно повиноваться монаршей воле. Кранмер равно благословлял и казнь своей покровительницы Анны Болейн, и своего благодетеля Томаса Кромвеля, и расправу с Екатериной Говард — ставленницей враждебной ему фракции, и заключение в Тауэр своего противника Норфолка. Одобрял он и смертный приговор лорду Сеймуру, пытавшемуся захватить власть при малолетнем Эдуарде VI, и казнь близкого Кранмеру лорда-протектора Сомерсета, который послал в 1548 г. на плаху Сеймура и сам в 1552 г. взошел на эшафот, побежденный Уориком, герцогом Нортумберлендским. И казнь того же герцога Нортумберлендского, который после смерти Эдуарда VI в 1553 г. пытался возвести на трон родственницу короля Джейн Грей и был побежден сторонниками Марии Тюдор (дочери Генриха VIII от его брака с Екатериной Арагонской). В правление Марии католицизм снова стал государственной религией. Придя к власти, новая королева некоторое время еще чувствовала себя непрочно на троне. В январе 1554 г. повстанцы, поднявшиеся против ее правительства, ненадолго заняли часть Лондона. В октябре того же года был раскрыт план убийства 2000 испанцев, приехавших вместе с женихом Марии принцем Филиппом (будущим испанским королем Филиппом II)[54].

Но как только правительство укрепило свои позиции, оно сразу же занялось Кранмером и другими руководите-

лями Реформации, прежде всего Ридли и Латимером. Еще ранее Кранмер был осужден за государственную измену. Был проведен «ученый» диспут в Оксфорде, где Кранмер и его единомышленники должны были защищать протестантизм от критики со стороны целой армии католических прелатов. Диспут, естественно, был организован таким образом, чтобы посрамить «еретиков». Решение оксфордских теологов было известно заранее. Немало времени ушло на соблюдение других формальностей: осуждение Кранмера представителями римского престола, лицемерное предоставление жертве 80 дней для апелляции к папе, хотя узника не выпускали из тюремной камеры, и другие требования процедуры. Кранмер как-никак был архиепископом, утвержденным в этом чине еще до разрыва с Римом.

Наконец, Кранмер по указанию папы был лишен своего сана. Все необходимые приготовления закончились. И тут произошло неожиданное: Кранмер, долго проявлявший непреклонность, вдруг капитулировал. Несколько раз под давлением осаждавших его испанских прелатов Кранмер подписывал различные «отречения» от протестантизма, то признавая свои прегрешения, то частично беря назад уже сделанные признания. Обреченный на смерть старик руководствовался не только страхом за свою жизнь, хотя его отречение от протестантизма, быть может, и было продиктовано надеждой на помилование и взято обратно, когда эта надежда не оправдалась [55]. Он был готов принять смерть протестантом, как это бесстрашно сделали его единомышленники Латимер и Ридли. Но он был согласен умереть и католиком, если это, как ему вдруг показалось, приведет к спасению души. Подготовив и подписав многочисленные экземпляры своего очередного, наиболее решительного покаяния, Кранмер в ночь перед казнью составил два варианта своей предсмертной речи — католической и протестантской. Уже на плахе он предпочел последний вариант. Более того, он нашел в себе силы, чтобы сунуть в огонь свою правую руку, написавшую многочисленные отречения. Протестанты очень восхищались этим мужеством на эшафоте, тогда как несколько обескураженные католические авторы разъясняли, что Кранмер не совершил ничего героического: ведь эта рука все равно была бы сожжена через несколько минут. Когда костер погас, были найдены какие-то несгоревшие части трупа. Враги Кранмера утверждали, что даже огонь не берет сердце еретика из-за его отягощенности пороками. Это произошло в Оксфорде утром 21 марта 1556 г.

После смерти Марии Тюдор в 1558 г. престол перешел

к Елизавете I, дочери Генриха VIII и Анны Болейн. Снова восторжествовало англиканство. Однако правительству Елизаветы еще долго пришлось вести борьбу против католической партии, выдвинувшей в качестве претендента на престол шотландскую королеву Марию Стюарт.

Два суда над Марией Стюарт

Дочь шотландского короля Якова V и Марии Лотарингской Мария Стюарт родилась в 1542 г., воспитывалась во Франции. Шестнадцати лет она вышла замуж за дофина, который через год стал королем Франциском II, но в апреле 1560 г. скончался. В следующем году Мария Стюарт вернулась в Шотландию, где восторжествовала Реформация.

Первые шаги Марии после возвращения на родину, несомненно подсказанные ее сторонниками, были, впрочем, довольно осторожными. Она отвергла предложение послать с ней французские войска. Оставаясь католичкой, Мария остерегалась оказывать предпочтение своим единоверцам. «Протестанты,— отмечал шотландский историк У. Робертсон,— добились декларации, чрезвычайно благоприятной для их религии. Протестантская доктрина, хотя и утвердившаяся по всей стране, никогда еще не поощрялась и не санкционировалась королевской властью. В декларации королева объявила любую попытку изменения или подрыва протестантизма самым тяжким преступлением. Королева передала управление страной целиком в руки протестантов. В ее Тайный совет входили наиболее известные среди протестантов лица; ни один католик даже в малой степени не удостоился доверия»[56]. Это не мешало, однако, Марии Стюарт уверять Францию, Испанию и папу в намерении реставрировать католицизм.

С самого начала Марии пришлось иметь дело с непокорными лордами, многие из которых для оправдания своего поощрявшегося из Англии неповиновения королеве-католичке подчеркивали свою приверженность протестантизму. Английская королева Елизавета, опасаясь, что Мария Стюарт выйдет замуж за иностранного государя, решила женить на ней своего фаворита Роберта Дадли (впоследствии графа Лейстера). Тогда Мария Стюарт, следуя минутному капризу, а может быть, с целью спутать карты Елизаветы и ее приверженцев в Шотландии, особенно своего брата Джеймса Стюарта, графа Мерея, и другого протестантского лорда, Мейтланда (прозванного Мичел Уилк — шотландское искажение

имени Макиавелли), в июле 1565 г. избрала себе мужем лорда Дарнлея, имевшего после шотландской королевы наибольшие права на английский престол. Брак Марии с Дарнлеем оказался неудачным; к тому же чванливый супруг королевы перессорился с Мереем и другими влиятельными вельможами[57]. Протестантские лорды подняли восстание, но были разбиты. Часть из них укрылась в Англии.

Королева стала презирать и ненавидеть спесивое ничтожество, которое она взяла в мужья. В свою очередь Дарнлей, раздосадованный, что Мария отказывается короновать его, вступил в заговор группы недовольных лордов. Ночью 9 марта 1566 г. вооруженные заговорщики ворвались в покои королевы, зверски убили ее доверенного секретаря итальянца Давида Риччио. Только случай спас Марию. Униженная королева затаила жажду мести. Она простила Мерея и некоторых других участников восстания при условии, что те осудят убийц Риччио, тем самым расстроив ряды заговорщиков. Марии удалось перетянуть на свою сторону и неумного мужа, а потом, когда ее положение укрепилось, она холодно отстранила его как ставшую ненужной марионетку.

В это время решающее влияние при дворе Марии приобрел граф Босвел, поддерживавший ее в борьбе с мятежными феодалами. Этот надменный воин, презиравший опасности храбрец, не ведавший сострадания, кровожадный, хищный кондотьер был одновременно олицетворением и мужественности и жестокости того сурового времени. По мнению многих биографов шотландской королевы, она без оглядки влюбилась в Босвела, превратилась в послушное орудие в руках этого циничного честолюбца, не привыкшего стесняться в средствах для достижения цели. Стефан Цвейг посвятил немало замечательных страниц в своей «Марии Стюарт» истории этой любви. По требованию Босвела королева едет в Глазго, где среди друзей укрылся Дарнлей, почуявший угрожавшую ему опасность. Фальшивыми заверениями в любви Мария выманивает его, еще не оправившегося от болезни, в Эдинбург, помещает в одиноком здании Кирк о'Филд в столичном пригороде.

Вечером 9 февраля 1567 г. королева покидает мужа, чтобы принять участие в свадьбе своих слуг. А в два часа ночи страшной силы взрыв потряс здание Кирк о'Филд. Из-под руин в саду извлекли трупы Дарнлея и его слуг.

Проходит немного времени, и Мария Стюарт выходит замуж за Босвела. Шотландские лорды снова поднимают восстание. Королева терпит поражение. Босвел скрывается за границей и кончает жизнь в датской тюрьме. Лорды

объявляют о низложении королевы и заточают ее в замок Лохливен. Мария Стюарт бежит из тюрьмы, ей удается собрать войско и повести его против мятежных лордов. Но 13 мая 1568 г. под Лангсайдом армия королевы была разгромлена. Спасаясь от преследования, Мария в рыбачьей лодке пересекает Солуэйский залив и 16 мая высаживается на английской земле около города Карлайля.

Жребий брошен, хотя никому из участников игры это пока неясно. Елизавета, настраивавшая шотландских лордов против их госпожи, но писавшая ласковые письма Марии Стюарт, поставлена в сложное и неприятное положение. Менее всего при этом беспокоит английскую королеву Шотландия с ее бесконечными распрями. Речь идет о самой Англии. Реформация победила, но пока неизвестно, насколько прочна эта победа: ведь еще десять лет назад в правление Марии Тюдор была сделана совсем небезуспешная попытка католической реставрации, окончившейся неудачей (так по крайней мере кажется большинству современников) только из-за смерти королевы. Однако контрреформация противоречит коренным интересам наиболее влиятельных социальных слоев Англии — нового обуржуазившегося дворянства, к которому перешли церковные и монастырские земли, и растущей буржуазии. Именно их интересы выражают проницательный, хладнокровный и дальновидный политик Уильям Сесил, известный позднее под титулом лорда Берли. Этот главный министр Елизаветы (спустя много времени она говорила, что он ее «дух»), создатель эффективной секретной службы, не устает разъяснять королеве, какие неудобства и опасности связаны с прибытием Марии Стюарт. Самим фактом нахождения в Англии она становится центром притяжения английских католиков, надеждой международной контрреформации, главными столпами которой выступают испанский король Филипп II, стремящийся к созданию универсальной католической империи, римский первосвященник, зловещий иезуитский орден и другие орудия папства. Мария Стюарт может рассчитывать на помощь своих родственников — правящей во Франции династии Валуа, могущественного герцога Гиза, главы воинствующих католиков во Франции, мечтающего о полном уничтожении протестантской ереси и о захвате французского королевского престола.

Елизавета никогда не забывает, что в глазах многих католиков, тогда составлявших значительное меньшинство населения Англии, она — незаконная дочь, не имеющая права на трон: ведь брак ее матери Анны Болейн с Генрихом VIII был заключен еще при жизни его первой

жены, Екатерины Арагонской. Пройдет год с небольшим после прибытия Марии Стюарт в Англию, и римский папа объявит Елизавету низложенной, освободит ее подданных от присяги, которую они принесли королеве-еретичке. В этих условиях Мария Стюарт — ближайшая родственница Тюдоров — является, как бы она ни отрицала это сама, серьезным претендентом на английский престол. Она сразу становится магнитом, притягивающим английских католиков, многих недовольных и честолюбцев даже из ближайшего окружения Елизаветы[58].

Уильям Сесил учитывает, что изгнанницу равно опасно как оставить в Англии, так и разрешить ей отправиться во Францию. Но вместе с тем Мария Стюарт — «дорогая сестра» Елизаветы, которой английская королева столько раз клялась в неизменной привязанности и любви. Судьбой Марии Стюарт озабочены иностранные дворы, ею интересуется вся Европа. Невозможно просто бросить за решетку королеву дружественной страны, в которой правят взбунтовавшиеся подданные. Однако Сесил и здесь находит выход, который вполне устраивает очень чувствительную на этот счет Елизавету. Сначала неудобную гостью увозят из прибрежного Карлайля в глубь Англии, в Йоркшир, потом под видом заботы о чести Марии Стюарт и примирения ее с шотландскими лордами наряжается следствие по делу о роли королевы в событиях, приведших к убийству Дарнлея.

Мария Стюарт попадает в искусно расставленную ловушку — соглашается передать свое дело на рассмотрение комиссии английских вельмож, назначенных Елизаветой. Шотландским лордам предложено представить доказательства выдвинутых ими обвинений против королевы. И тут на сцену появляются знаменитые «письма из ларца». Это письма к Босвелу и любовные стихи Марии Стюарт, найденные в серебряном ларце, который королева подарила своему фавориту и который тот бросил при поспешном бегстве. Споры о том, принадлежат ли эти письма королеве или являются ловко составленными фальшивками, не утихают со времени их обнародования уже более четырех веков. С самого начала враги Марии выступали противниками идеи подложности писем и, наоборот, ее сторонники яростно отрицали их подлинность. Полемика вокруг оценки Марии Стюарт как личности широко развернулась еще в последней трети XVI столетия, когда печатались и суровые пуританские обличения «распутной мужеубийцы», и католические славословия бесстрашной мученицы за веру[59]. Уже во второй половине XVIII в. в Англии жаловались на то, что

спор продолжается в слишком запальчивых тонах, что породил он необъятную литературу[60]. А еще через столетие немецкий историк В. Онкен писал, что защитниками Марии неизменно выступают католики, а противниками — протестанты[61].

Поскольку комиссия, созданная по приказу Елизаветы, формально не являлась судебным органом, не были применены и обычные методы судебного следствия. Не было ни вызова свидетелей, ни перекрестного допроса. Правда, комиссия получила, вероятно несколько позднее, письменные показания ряда лиц, направленные против Босвела, но сами свидетели к тому времени были уже мертвы. Речь шла о протоколах суда над слугами Босвела — Хеем, Хепборном, Лоури и Дэлглейшем, казненными за участие в убийстве Дарнлея[62].

Утверждалось, что серебряный ларец с письмами был захвачен у слуги графа Босвела Джорджа Дэлглейша 20 (или 21) июня 1567 г. Через несколько дней после ареста Дэлглейша его подвергли подробному допросу относительно обстоятельств смерти Дарнлея. Не было задано вопросов лишь о ларце и его содержимом — странное упущение, если считать, что в нем находились письма, на основе которых позднее строилось обвинение против Марии Стюарт.

Вероятно, ларец с какими-то письмами действительно был захвачен. О том, что у лордов имеются письма, уличающие Марию Стюарт в убийстве мужа и в незаконной связи с Босвелом, сообщал английский дипломат Трокмортон. В конце июля Мерей, возвращаясь из Франции на родину, уведомил испанского посла в Лондоне, а также главного министра Сесиля, что имеется письмо королевы Босвелу, доказывающее ее соучастие в убийстве Дарнлея. Об этом же говорил граф Леннокс, отец Дарнлея. Защитники же Марии Стюарт, оспаривая подлинность документов, утверждают, что оригиналы писем были подменены ловко составленными фальшивками. Быть может, наиболее решительное опровержение этого мнения последовало не от профессиональных историков, а со стороны Стефана Цвейга, лучшего биографа Марии Стюарт. Тонкий психолог, великий знаток человеческой души, он с полной убедительностью доказал, что не было и не могло быть в тогдашней Шотландии гениального писателя, который сумел бы столь тонко, столь стилистически безупречно изобразить перипетии бурной, сметающей все препятствия страсти и способного вдобавок быстро, как на заказ, сотворить цикл французских сонетов, отражающих с такой правдивостью и изяществом переживания влюбленного и страдающего сердца. Нако-

нец, если бы лорды задумали такую подделку, они, конечно, ввели бы в письма признания, рисующие в невыгодном свете королеву, а не создали образ мечущейся, сгорающей от волнения и страсти женщины. Ведь Мерей, Мейтланд и вся их свора не были ни Шекспирами, ни Бальзаками, ни Достоевскими. И все же...

О «преступной страсти» Марии к Босвелу узнали только из ее собственных писем. Однако подлинность этих документов никак нельзя считать неопровержимо установленной. Весьма показательно, отмечал немецкий историк Г. Кардаунс, что не сохранилось ни одного свидетельства страсти королевы к Босвелу, которое восходило бы к лету и осени 1566 г.[63] Если же отбросить письма, то известно лишь, что Босвел пользовался большим весом при дворе и доверием королевы во второй половине 1566 и начале 1567 г. Он был, вероятно, наиболее влиятельным лицом в Южной Шотландии, ему принадлежало несколько укрепленных замков. Босвел неизменно был лоялен к матери Марии Стюарт, когда она в качестве регентши управляла страной. Правда, он участвовал в мятежах, вспыхнувших в первые годы после возвращения Марии в Шотландию, но в сентябре 1565 г., вернувшись из изгнания, твердо встал на сторону королевы. «Граф Босвел,— писал апологет королевы французский исследователь Л. Визене,— в начале своей карьеры стоил больше, чем остальная шотландская аристократия. Он был патриотом, а большинство лордов продались Англии. Он, несмотря на то что был протестантом, служил верной опорой Марии Лотарингской (Гиз) и Марии Стюарт против внешних врагов; внутри страны он стремился защитить их от измены враждебных лордов»[64]. После убийства Риччио преданность Босвела и его отрядов помогла королеве освободиться от фактического подчинения мятежным лордам.

Захват переписки Марии с Босвелом 20 июня 1567 г. отнюдь не сделал более жесткой позицию шотландских лордов в отношении королевы[65]. В заявлениях 30 июня и 11 июля повторялись утверждения, будто королева была силой увезена Босвелом — в явном противоречии с «письмами из ларца», если они, разумеется, не являются подделкой.

«Письма из ларца» были использованы против Марии только в декабре 1567 г., через несколько месяцев после ее отречения. Шотландский Тайный совет постановил тогда, что парламент должен оправдать восстание лордов против королевы, поскольку собственноручно написанные ею письма безусловно уличают Марию как участницу убийства Дарнлея. Таким образом, у лордов было целых

полгода для подлога. При неофициальной передаче документов членам английской комиссии там находились письма, как это явствует из свидетельства английской стороны, содержащие сведения, которые не фигурировали позднее в «корреспонденции из ларца». Вопрос о том, насколько искажены письма, попавшие в руки лордов, был предметом бесконечных споров среди исследователей. «Среди всех вызывающих споры исторических сюжетов историю Марии Стюарт уже много лет считают поразительно сложной, запутанной»,[66]— писал в 1754 г. шотландский историк У. Гудел. Философ и историк Д. Юм в «Истории Англии» целиком встал на сторону противников Марии Стюарт. Юма поддержал У. Робертсон, едва ли не самый известный шотландский историк.

Одну из наиболее основательных попыток доказать подложность писем предпринял в середине XVIII в. уже упомянутый У. Гудел. Он признавал, что задача подделки писем королевы была очень сложной. Поэтому, утверждал он, сначала сфабриковали письма и любовные стихи по-шотландски и лишь потом перевели на французский и латинский языки. Гудел пытался путем лингвистического анализа доказать, что французский текст является переводом с шотландского. Иногда переводчик даже не вполне понимал тонкости стиля оригинала. Шотландские идиомы и пословицы переводились механически, при этом терялся их смысл[67]. Гудел выдвинул идею не только подделки писем королевы, но и частичного изменения их текста. Теория Гудела через 100 лет была модернизирована Д. Хозеком.

Нередко доводы основывались на совершенном игнорировании нравов эпохи. Современник Гудела У. Тайтлер в 1767 г. заявлял, что письма, «кажется, сами составляют презумпцию невиновности, поскольку не только королева, но и любая женщина, у которой предполагается хоть немного благоразумия, самого слабого чувства скромности, не могла бы написать подобные письма»[68]. В XIX в. были найдены французские тексты части писем, ранее известные лишь в их шотландской или латинской версии. Вместе с тем выяснилось, что в некоторых из них существует обратная связь — французские идиомы грубо переведены на шотландский язык. Хозек считает, что отдельные французские письма были адресованы Дарнлею (но не доказал, что тот вообще знал французский язык)[69].

В конце XIX в. в дискуссию активно включились немецкие историки. П. Бреслау считал подлинными часть писем. Г. Гердес выдвинул теорию, будто часть одного письма (№ 1) была написана Дарнлеем Марии, а

часть другого (№ 2) — Марией Мерею. Б. Зепп высказал предположение, что большинство писем представляет собой перефразировку дневника, который вела Мария[70]. Как подчеркнул в 1886 г. О. Карлова, подлинность писем удостоверяется лишь свидетельством под присягой лорда Мортона — ярого врага Марии, участника убийства Риччио и заговора против Дарнлея. По мнению Карлова, подделку, возможно, осуществили Мортон, Мерей и Леннокс, может быть, при участии секретаря Мерея Джона Вудса. Мейтланд был в курсе всей этой махинации. Основу «писем из ларца» составляли, по всей вероятности, какие-то письма и заметки Марии Стюарт, захваченные у нее или другим путем попавшие в руки ее врагов, а также письма Дарнлея к королеве[71]. А. Петрик, защищая версию о подложности писем, тем не менее приводит и аргументы в пользу их подлинности: отказ посла Марии Стюарт в Англии епископа Лесли сравнивать подписи королевы, само содержание писем, их стиль, с трудом поддающийся подделке, упоминание различных побочных обстоятельств и тайных переговоров, которые действительно имели место[72].

Одно из наиболее веских доказательств в пользу подлинности писем, полагал Т. Гендерсон,— это молчание, которое хранили о них сама Мария Стюарт и ее сторонники. Когда было необходимо все же занять определенную позицию — во время следствия в Англии, Мария объявила их подложными, но ведь она отрицала позднее подлинность и других, безусловно написанных ею писем[73].

Итак, есть ли основания сомневаться в том, что автором «писем из ларца» была Мария Стюарт? Подробный анализ содержания писем свидетельствует, что их вряд ли мог написать один и тот же человек. Английский посол Рэндолф утверждал, что у Босвела была «другая жена», во Франции. Не исключено, что часть писем исходила от нее. Возможным кандидатом на роль подлинного автора писем является и норвежка Анна Трондсен, с которой Босвел был обручен. Ее почерк не похож на почерк королевы, но письма Трондсен могли быть переписаны.

М. Г. Армстронг-Девисон сравнительно недавно в специальном исследовании показал, насколько маловероятно даже части «писем из ларца» приписывать авторство Марии Стюарт[74]. При предположении, что некоторые письма написаны француженкой — «другой женой» Босвела, становятся понятными фразы, которые вызвали столько разноречивых толкований; эти фразы могли исходить только от женщины скромного происхождения при обращении ее к знатному вельможе, но никак не от

шотландской королевы. А изменить «неудобные» даты и подделать подпись королевы могла, например, супруга лорда Мейтланда — в девичестве Мария Флеминг, которая воспитывалась вместе с королевой во Франции. Подпись Марии Флеминг (сохранились ее образцы) почти неотличима от подписи Марии Стюарт. Известио, что Мария Флеминг, любившая своего мужа, всецело иаходилась под его влиянием. Оиа вполне могла стать орудием в осуществлении планов «шотландского Макиавелли».

Но если письма, уличающие королеву в убийстве мужа,— подделка, что же тогда произошло в Кирк о'Филде в ночь с 9 иа 10 февраля, какая драма разыгралась там?

Несомнеино, что в коице 1566 и начале 1567 г. протестантские лорды составили заговор против Дарнлея, которого оии считали предателем. Сведения об этом дошли и до иностраниых дипломатов. Об этом заговоре рассказывает его активный участник, впоследствии многолетиий регент Шотландии граф Мортон в «Исповеди», написанной им накануне казни в 1581 г., когда ему, вероятно, ие имело смысла скрывать истину. Кроме того, известно, что королева осеиью 1566 г. добилась примиреиия между Босвелом и лордами — участниками этого заговора, включая Мерея и Мейтланда (многие документы, связанные с этим примирением, позднее были созиательно уничтожены врагами Марии). Была ли, одиако, сама королева участницей заговора против мужа? Ее поступки говорят скорее об обратном. Главным свидетельством виновности Марии считается ее поездка в Глазго с целью помириться с больным мужем[75] и перевезти его в Кирк о'Филд. Но эти факты допускают различиое толкование. Ведь примиреиие с Дарнлеем усиливало позиции Марии. Но имеино это-то, возможно, и заставило лордов ускорить подготовлявшееся убийство. Ходили слухи, что королева снова должна была стать матерью, и ее поездку в Глазго можно объяснить желанием «узаконить» ребеика. Кроме того, как писал еще в прошлом веке Л. Меневаль, если предположить, что Мария хотела любой ценой отделаться от мужа, то ие проще ли было бы прибегнуть к услугам ее врача, лечившего и Дарнлея, и не затевать такое рискованное и трудное дело, как взрыв большого дома в столице?[76]

В прямой связи с убийством Дарнлея находятся два судебных процесса, имевших место вскоре после взрыва в Кирк о'Филде. Первый организуется королевой и Босвелом, чтобы сиять с последнего всякие подозрения. Едииственным обвинителем выступает отец убитого лорд Лениокс. Он хочет прибыть на место заседаний суда с

отрядом в 1000 человек. Ему разрешают взять с собой не более шести слуг. Леннокс понимает, что его заманивают в западню, где он может очутиться во власти убийц сына. Старый граф просит отложить судебные заседания на 40 дней — обычный срок для подготовки обвинения. Ему отвечают, что он сам просил скорого суда!

На этом суде не было прокурора, а главный свидетель обвинения был арестован за причастность к государственной измене. Босвел представил письмо Леннокса, настаивавшего на скором рассмотрении его иска, и добавил, что королева удовлетворила его просьбу. Вызвали свидетелей — таковых не оказалось. Босвел удачно защищался от обвинения. Мерей, Мейтланд и другие лорды — будущие обвинители Босвела — выступили в его защиту. После этого судьям лишь оставалось объявить Босвела невиновным в возведенных на него обвинениях[77].

Этот судебный процесс проливает мало света на события, приведшие к взрыву Кирк о'Филда. Ведь действовать так, как действовали королева и Босвел, необходимо было вне зависимости от участия или неучастия каждого из них в заговоре. Им нужно было снять с себя — обоснованное или необоснованное — подозрение.

Более показателен другой процесс, происходивший уже после поражения королевы и Босвела. На этот раз суду были преданы лица, помогавшие, как считали, Босвелу в организации убийства Дарнлея. Однако даже под пытками подсудимые не дали желательных лордам показаний. На эшафоте в своих предсмертных заявлениях осужденные твердили о своей невиновности. А один из них, капитан Блейкэдер, от которого ждали разоблачений, выразил свое твердое убеждение, что убийство было подготовлено Мереем и Мортоном. Позднее то же заявили перед казнью слуги Босвела — Дэлглейш и трое других, показавшие, что сообщниками их лорда были Мерей и Мейтланд, королева же не участвовала в заговоре[78].

На судебном процессе самой Марии Стюарт, о котором речь пойдет ниже, утверждалось, что именно она выбрала Кирк о'Филд как резиденцию для Дарнлея. В действительности, как писали историки еще в прошлом веке, показания ряда лиц, принадлежавших к разным лагерям, свидетельствуют, что Мария первоначально собиралась перевезти мужа в другое место — в Крейгмиллер[79] для лечебных купаний. Что же касается Кирк о'Филда, расположенного на высоком месте, то на нем остановил свой выбор сам Дарнлей, возможно, вопреки советам королевы[80], но, по наущению Мерея[81], считая, что возле жены он будет подвергаться меньшей опасности со стороны ненавидевших его лордов[82].

По мнению ряда английских исследователей, в ночь с 9 на 10 февраля 1567 г. нашли завершение не покушение Босвела и Марии Стюарт на жизнь Дарнлея, а два или даже целых три заговора. Во-первых, план королевы и Босвела (возможно, поощряемых Мереем), которые намеревались изолировать Дарнлея, предотвратить его бегство из Шотландии и предать суду на предстоящей сессии парламента (а до этого держать под арестом). Второй заговор — самого Дарнлея, стремившегося установить связи с Испанией и иезуитами. Вероятно, Дарнлей действовал с помощью предателя, некоего сэра Джеймса Балфура из Питтендрейча. Этого ученого судью, впоследствии главу шотландской юстиции, даже современники, привычные ко всему, выделяли как «богохульного Балфура», как «самого растленного из людей», последовательно служившего всем партиям и предававшего их поочередно, в зависимости от обстановки, с выгодой для себя.

За два месяца до взрыва, 9 декабря 1566 г., брату Джеймса Балфура Роберту была предоставлена должность управляющего Кирк о'Филдом, и судья мог без всяких помех осуществить подготовку к преступлению. Ходили слухи, что незадолго до взрыва он купил пороха на большую сумму в 60 ф. ст. Молва о причастности к заговору Джеймса Балфура возникла сразу же после взрыва. Английские агенты доносили в Лондон, что был тайно убит слуга Балфура, поскольку его признания могли «привести к полному раскрытию картины смерти короля» (т. е. Дарнлея). Сам же Балфур утверждал впоследствии, что Мария предложила ему организовать убийство Дарнлея, но он благородно отказался. Свидетельства Балфура стоят вообще немногого, а особенно если учесть, что он годами после гибели Дарнлея подвизался в рядах сторонников Марии Стюарт.

На процессе против Марии Стюарт указывалось, что порох был сложен в спальне королевы, которая находилась под комнатой Дарнлея, что королева провела в своей опочивальне две ночи. А в покрытых мраком событиях 9 февраля по крайней мере очевидно одно — Кирк о'Филд, по единодушному свидетельству очевидцев, взлетел на воздух целиком, вплоть до камней фундамента. Поэтому в первые дни после взрыва господствовало мнение, что под дом была подведена мина. Об этом же говорилось в письме, отправленном от имени Марии Стюарт в Париж. То же самое доносили английские дипломаты и агенты в Лондон. Мерей также сообщал, что дом «целиком подорван». По-видимому, брату королевы, вскоре снова возглавившему группировку, враждебную его сестре, еще не пришло в голову, насколько это заявление не согласуется с ут-

верждением, что порох находился в опочивальне Марии Стюарт.

Наконец, третий заговор — Мерея и его сообщников, которые каким-то образом, возможно, узнали о заговоре Дарнлея и не стали мешать его осуществлению. Мерей, давно мечтавший о троне, решил, что наступил подходящий момент (его племяннику, сыну Марии Стюарт и Дарнлея, еще не исполнилось и года). После устранения Марии и Дарнлея Мерей должен был стать регентом. Отсюда до престола был лишь один шаг. Заговор Мерея был направлен не против Дарнлея, от которого куда проще было отделаться с помощью яда (доказать отравление при тогдашнем состоянии медицины было невозможно), а именно против королевы. Поэтому и пришлось прибегнуть к взрыву всего здания, заблаговременно доставив в Кирк о'Филд большое количество пороха. В связи с этим же пришлось взять в мнимые сообщники Дарнлея и организовать засаду, чтобы прикончить его, когда он будет покидать здание. Но вот дом взлетел на воздух. Дарнлей, имитируя чудесное спасение, выпрыгнул в ночной рубахе из окна, его сопровождал лишь один слуга. Они были схвачены и задушены людьми Мерея.

Официальная версия, повествующая о том, что слуги Босвела, неожиданно появившиеся в Кирк о'Филде, быстро доставили порох из Холируда (замок Марии, в котором она оставалась после свадьбы королевских слуг), содержит много несуразностей, тем более что, как уже отмечалось, в результате взрыва пороха в комнате королевы весь дом не мог быть разрушен до основания. По-иному предстает картина, если допустить, что Босвел действовал вместе с лордами. Возможно, разные участники заговора намечали различные жертвы и оттяжка взрыва до двух часов ночи была вызвана разногласиями, неуверенностью, стоит ли действовать, когда главный объект покушения — королева неожиданно покинула здание. В литературе уже давно была высказана мысль, что те, кто взорвал здание, вероятно, не знали всех деталей заговора [83].

Известный английский историк Р. Уильямсон полагает, что Дарнлей еще со времени убийства Риччио стал орудием Мерея. Ведь действительным объектом покушения и в том и в другом случае была королева. Дарнлей рассчитывал после устранения Марии стать формальным правителем при своем малолетнем сыне, уступив пост регента Мерею. Заметное место в событиях Уильямсон отводит Арчибальду Дугласу, который незадолго до взрыва был в Кирк о'Филде вместе с королевой и Босвелом. Это известно из «Исповеди» Мортона и из показаний

казненного в 1581 г. слуги Дугласа — Биннинга. Участие Дугласа подтверждает и мольба, приписываемая Дарнлею, когда его настигли убийцы в саду: «Сжальтесь надо мной, родственники, во имя того, кто имел жалость ко всем!» (Дуглас состоял в родстве с Дарнлеем по материнской линии). Что же касается намерений Мерея, то он не мог не учитывать, что Марии в декабре 1567 г. исполнится 25 лет, после чего она по шотландскому обычаю получит право отменить все земельные пожалования, которые были сделаны в годы ее несовершеннолетия. Однако случилось так, что в декабре 1567 г. королева оказалась в тюрьме, а Мерей стал регентом при ее малолетнем сыне[84].

Такова гипотеза, различные варианты которой постепенно, в разное время получают преобладание в историографии. Однако она остается лишь гипотезой. Так, например, предположение об участии в одном из заговоров Дарнлея, хотя косвенно и подтверждается его попытками завязать связи с католической Испанией и римским престолом, все же остается почти бездоказательным. Странно, что сама мысль о заговоре Дарнлея возникла у историков лишь через четыре столетия. Почему она не была высказана ни одним из современников, даже теми, кому это было бы явно выгодно? Если лордам, обвинявшим Марию и Босвела, незачем было выдвигать подобную версию, то почему бы ей самой и ее новому мужу не сделать этого? Граф Мортон в своей предсмертной исповеди тоже не пытался обелить себя, обвиняя во всем Дарнлея. К тому же больному Дарнлею, проведшему всего 10 дней в Кирк о'Филде и, по всей вероятности, не знавшему заранее, что он будет привезен сюда, вряд ли было по силам провести подготовку к взрыву.

Первоначально все свидетели утверждали, что на трупе Дарнлея не было видимых следов насильственной смерти. Однако далее начинаются расхождения: из некоторых показаний следует, что он был убит во время взрыва, из других, притом большинства, что после взрыва. Расхождения эти мало что дают для выяснения факта, кто же был заговорщиком.

Говоря о возможных участниках и организаторах заговора, нельзя сбрасывать со счета и такой фактор, как английская секретная служба, возглавлявшаяся Уильямом Сесилем. Еще накануне вступления на престол Марии Стюарт английская разведка в лице, например, сэра Генри Киллигрю активно поддерживала Мерея и других протестантских лордов[85]. Эта поддержка не прекратилась и после того, как Мария стала королевой. Так, в свите Дарнлея состояли два брата, носившие одинаковое

имя Энтони Станден. Один из них находился в самом Кирк о'Филде в день убийства и будто бы спасся только потому, что был приглашен на бал-маскарад, который давала Мария Стюарт по поводу венчания своих слуг. Станден подробно описал Сесилю события 9 февраля. Позднее он стал одним из наиболее ловких британских разведчиков, действовавших против Испании. Вскоре после убийства Дарнлея в Шотландии появился один из руководителей английской секретной службы, сэр Николас Трокмортон (и ранее бывавший в этих краях), официально с целью добиваться «примирения» королевы с лордами, наказания убийц Дарнлея и отправки принца Якова в Англию, где Елизавета предполагала объявить его наследником престола[86]. Однако на деле не только не произошло никакого «примирения», но через короткий срок и сама Мария оказалась пленницей английской королевы.

...Расследование английскими вельможами обстоятельств убийства Дарнлея шло полным ходом. Главное решалось за кулисами. Елизавета могла отослать Марию в Шотландию в прямое нарушение данного слова и без всякой гарантии на будущее. Можно было принять сторону Марии против Мерея, но это прямо противоречило английским интересам; можно было выслать Марию во Францию, что было весьма опасно, так как в Париже ее считали законной королевой Англии. Оставалось одно — английская тюрьма[87]. Пуская в дело лесть и угрозы, английское правительство сорвало попытки примирения Марии Стюарт с шотландскими лордами. 13 января 1569 г. принимается двусмысленное постановление, гласящее, что лордам не удалось привести достаточно веских доказательств участия Марии Стюарт в убийстве мужа. Это звучит как оправдание и вместе с тем содержит намек на виновность: не было, мол, собрано необходимого количества неопровержимых улик, которые только и могли убедить Елизавету, упорно желающую верить в неосновательность обвинения. Этот двусмысленный приговор в немалой степени определялся нежеланием английской королевы подрывать престиж монархической власти обличением помазанницы божьей, а также необходимостью учитывать, что безмерные нападки на Марию, и в частности отрицание ее прав на британский трон (даже только в качестве преемницы Елизаветы), подрывали и права ее сына Якова, которого протестантская Англия считала наиболее подходящим наследником престола. Вместе с тем вынесенный приговор был удобным предлогом при объяснениях с иностранными дворами, юридической зацепкой, позволяющей оставить Марию

Стюарт в почетном заключении. Впрочем, с годами оно становилось все менее почетным.

Таков был исход первого процесса Марии Стюарт. Второй последовал за ним более чем через полтора десятилетия. Однако в этот промежуток времени целый ряд судебных дел был непосредственно связан с двумя процессами королевы. Эти суды и неизменно завершающие их казни осужденных ставили последнюю точку в истории многочисленных католических заговоров против королевы Елизаветы, непрерывной цепью протянувшихся через всё ее долгое царствование. За спиной заговорщиков стояли мощные силы католической контрреформации — претендовавшие на европейскую гегемонию Испания, папство, Орден иезуитов. Впрочем, все ли конспирации были делом рук английских агентов контрреформации, не причастны ли к фабрикации по крайней мере некоторых из заговоров сторонников Марии Стюарт также люди Френсиса Уолсингема, которому Уильям Сесил передал большую часть своих обязанностей по руководству английской секретной службой? Этот в общем-то вполне напрашивающийся вопрос был поставлен в науке еще более века назад. Но ответ на него первоначально постарались дать... иезуиты. Позднее в дискуссию включились и светские историки. В числе завязавших еще в конце XIX в. спор о подлинности некоторых католических заговоров времен Елизаветы был Д. Г. Поллен. В этом его отчасти поддержал известный исследователь елизаветинского периода М. Юм[88]. Еще одним сомневающимся стал Л. Хикс[89].

Конечно, историки из «Общества Иисуса» понимали, что их будут подозревать в сознательном искажении истины. Поэтому они заранее парировали возможное недоверие ссылками на то, что речь, мол, идет об очень давнем прошлом, не возбуждающем враждебных страстей, особенно в нашу эпоху, когда господствует равнодушие к религии и различные христианские церкви научились терпимо относиться друг к другу. И здесь же лукавые апологеты папства как бы мимоходом подкидывают мысль, будто успехи протестантской Англии породили два с лишним столетия религиозных раздоров, о предотвращении которых только и думали просвещенные умы католицизма. Эта школа историков явно стремится использовать недоверие, возникшее во многих общественных кругах на Западе, к реальности преступлений, которые инкриминировались обвиняемым в государственной измене.

«Стало своего рода модой,— отметил профессор Эдинбургского университета Г. Доналдсон,— утверждать, что

все католические конспирации... были сфабрикованы английским правительством»[90]. Несомненно, такой тезис не выдерживает критики. Изображение римского престола как жертвы махинаций просто противоречит здравому смыслу, особенно если учесть массу известных науке данных о политике папства, об его ставке на перевороты и убийства. Тем не менее иезуитские попытки возвеличивания святой церкви, основанные на привлечении материалов многочисленных архивов ряда западноевропейских стран, неожиданно достигают, если отбросить апологетику, полезного результата. Они приоткрывают кое-что из истории английской разведки, являвшейся в елизаветинское время орудием тех сил, которые выступали против католической контрреформации.

Еще во время первого процесса Марии Стюарт на ее сторону фактически перешел один из членов судившей ее комиссии, Томас Говард герцог Норфолк, внук уже известного нам приближенного короля Генриха VIII. Вражда против Сесиля и елизаветинского фаворита графа Лейстера и проводимого ими антииспанского курса во внешней политике, а главное, такая заманчивая цель, как шотландская корона, побудили герцога Норфолка искать руки Марии Стюарт. Разгневанная Елизавета приказала обвинить Норфолка в государственной измене, поскольку, мол, шотландская королева не отрекалась от своих прав на английский престол (сама Мария утверждала, что она не отказывается только от права наследовать Елизавете, но эта оговорка не принималась во внимание английским правительством).

В 1569 г. в северных графствах Англии вспыхнуло восстание. Народное недовольство, как это не раз случалось во времена Реформации, вылилось в движение под знаменем католицизма. Восставшим не удалось освободить Марию Стюарт, а герцог Норфолк, которого католические феодалы, возглавившие восстание, собирались сделать главнокомандующим повстанческой армией, смалодушничал, предал своих сообщников и, явившись по приказу Елизаветы в Лондон, был посажен в Тауэр. Восстание было потоплено в крови. Поскольку против Норфолка не было прямых улик, его выпустили из тюрьмы, но оставили под домашним арестом. Это не помешало вовлечению герцога в «заговор Ридольфи».

Флорентийский банкир Роберт Ридольфи, по имени которого назван заговор, выступал в качестве агента римского папы, короля Филиппа II, и его кровавого наместника в Нидерландах герцога Альбы. Итальянец поддерживал тесные связи с испанским послом доном Герау Деспесом, с католическим епископом Лесли, послом

Марии Стюарт при английском дворе, сластолюбивым жуиром и трусом, готовым на любое предательство. При тайном свидании с Ридольфи герцог Норфолк обещал в случае получения денежной субсидии поднять восстание и держаться до прибытия испанской армии из Нидерландов численностью шесть тысяч человек. Планы заговорщиков предусматривали убийство Елизаветы. Разведка Сесиля раскрыла заговор. Арестованный епископ Лесли, спасая себя, выдал все, что знал, и даже многое сверх того. Вдобавок он обвинил Марию Стюарт в убийстве мужа, направив ей по сему поводу послание с суровыми увещеваниями, а также спешно сочинил льстивую проповедь в честь королевы Елизаветы.

— Этот поп — живодер, страшный поп![91] — в гневе вскричала Мария Стюарт, прочитав нравоучения своего посла-епископа.

Процесс над Норфолком велся с явным пристрастием, с нарушением законных норм, как, впрочем, и большинство других политических процессов той эпохи, целью которых было устранение противника, а не выяснение степени доказанности инкриминируемых ему действий. Судей, которые должны были быть пэрами Англии, тщательно отобрали из числа врагов герцога, заинтересованных в его гибели; обвиняемому не дали времени подготовиться к защите, лишили, вопреки прецедентам, права пригласить адвоката. Показания главных свидетелей были вырваны пыткой или угрозой пытки. Для публики была издана специальная «Декларация», оправдывавшая действия королевской комиссии, которая проводила следствие. В «Декларации» указывалось, что пытали только лиц, заведомо совершивших преступные деяния и не желавших сознаться. Ряд протоколов следствия были явно подделаны, допросы велись так, чтобы совершенно исключить мысль о возможной провокации, если таковая имела место. Суд над Норфолком состоялся 16 января. Казнь была назначена на 8 февраля 1572 г., но в последний момент перенесена по указанию королевы на 28 февраля, а потом еще раз — на 12 апреля. Елизавета явно колебалась и, быть может, была готова ограничиться приговором к пожизненному тюремному заключению. Но к этому времени был раскрыт новый заговор, на этот раз ставящий целью освобождение Норфолка. 2 июля 1572 г. герцог взошел на эшафот. В предсмертной речи он отрицал свое согласие на мятеж и на вторжение испанцев, отвергал католическую веру.

В канун четырехсотлетия «заговора Ридольфи» историк — член иезуитского ордена Ф. Эдвардс выпустил исследование, в котором попытался дать новую интерпрета-

цию этому широко известному эпизоду из английской истории. На основании множества косвенных данных Ф. Эдвардс старается доказать, что и Ридольфи, и ряд других участников заговора были шпионами-двойниками и что дело о нем было от начала до конца сфабриковано секретной службой Уильяма Сесиля, чем и объясняется необычайная эффективность, проявленная английской разведкой при раскрытии мнимого заговора. Представьте себе, продолжает далее Эдвардс, положение, в котором находились главные участники заговора. По крайней мере с марта 1571 г. содержавшиеся под стражей Мария Стюарт и Норфолк, а также Лесли и испанский посол Деспес были полностью изолированы друг от друга. Вся переписка между ними находилась под строгим контролем. Это было им известно. Не менее очевидной была опасность, связанная с попыткой вести секретную корреспонденцию. Связь поддерживалась лишь через посредство тех, кто имел доступ ко всем четырем лицам. Таких людей было очень мало. Заслуживают упоминания бывший секретарь герцога Норфолка Уильям Баркер и Ридольфи. Иными словами, каждый из главных участников заговора мог узнать о планах других трех только из сообщений Ридольфи или Баркера[92]. Поэтому, если курьер по тем или иным соображениям предпочел бы излагать не то, что он услышал, все заговорщики неизбежно должны были бы стать жертвами ложной информации, которую они никак не могли перепроверить.

Следовательно, в показаниях каждого заговорщика нужно четко различать две части: во-первых, то, что говорится о их собственных действиях, и, во-вторых, касающееся их сообщников. Первая часть показаний состоит из того, что́ участник заговора действительно знал, хотя мог утаивать либо изображать в ложном свете. Во второй же части речь идет лишь об узнанном из чужих (и, возможно, лживых) уст. В показаниях каждый заговорщик старался преуменьшить свою роль за счет перекладывания главной ответственности на чужие плечи.

Однако картина рисуется такой, пока мы исходим из предположения, что заговорщики получали в основном правильную информацию о планах своих сообщников. Если же допустить, что все главные заговорщики получали ложные сведения друг о друге, то положение разом меняется. В этом случае утверждение каждого из них о том, что он лично не собирался просить об испанской интервенции для свержения Елизаветы, может означать отсутствие заговора вообще. Возможно, истина лежала посередине — велись какие-то разговоры, которые секрет-

ная служба Сесиля представила вполне законченной государственной изменой.

Как бы мы ни относились к концепции Эдвардса, факт переговоров шотландской королевы с Альбой доказывают бумаги, захваченные еще в апреле 1571 г. у сторонников Марии Стюарт после взятия ее врагами замка Думбартон. Историк-иезуит, пытаясь доказать свой тезис, стремится затушевать, насколько планы Ридольфи точно отражали интересы Марии Стюарт и Норфолка. Известно, что как Сесил, так и сама Елизавета и в 1571 г., и много позднее были противниками открытой военной конфронтации с Испанией, на чем настаивали упорно Лейстер и Уолсингем[93]. Но разве не могло провоцирование заговора Ридольфи привести к такой конфронтации, активизировать и Альбу, и Филиппа II? Сесил, если он спровоцировал заговор, не мог не задать себе подобный вопрос.

Историку-иезуиту удалось поставить под сомнение традиционную интерпретацию «заговора Ридольфи». Большинство же специалистов продолжают придерживаться официальной версии, признавая, однако, что Ридольфи был болтуном и что за такового его считали и Филипп II и герцог Альба, не придавая значения его обещаниям и проектам[94].

Взрыв в Кирк о'Филде и «заговор Ридольфи» стоят в длинном ряду заговоров, которыми столь изобилует английская и шотландская история второй половины XVI и первого десятилетия XVII в. Вслед за «заговором Ридольфи» последовали другие конспирации в пользу Марии Стюарт: одни, несомненно организованные католическим лагерем, другие, столь же бесспорно спровоцированные английской разведкой, и, наконец, третьи, относительно истинной подоплеки которых до сих пор существуют разногласия между историками. К ним надо прибавить и многие шотландские заговоры этих десятилетий. Безусловно, характер заговоров определял и течение завершавших их судебных процессов. Задачи, стоявшие перед организаторами процессов, были совсем иные в случаях, когда речь шла о реальных противниках Елизаветы, или, напротив, о жертвах правительственной провокации, или даже об агентах секретной полиции, которые играли отведенную им роль на суде, не подозревая часто, что ими решено пожертвовать в интересах службы и что им уготована лютая «квалифицированная» казнь как самым доподлинным государственным преступникам.

Наиболее известная из этих конспираций — «заговор Бабингтона», названный так по имени молодого дворянина-католика, которого полицейские провокаторы убедили

предпринять попытку освобождения шотландской королевы. Этот целиком сфабрикованный английской разведкой заговор на деле ставил целью не убийство Елизаветы, а создание предлога для юридического убийства Марии Стюарт. Елизавета только после долгих колебаний, под сильнейшим нажимом своих главных советников, особенно У. Сесиля, получившего титул лорда Берли, и Уолсингема, решила предать пленницу суду. Берли и Уолсингем уверяли, что процесс и осуждение Марии Стюарт совершенно необходимы для безопасности самой Елизаветы, для утверждения протестантизма, для того, чтобы Англия могла выдержать предстоявшую ей схватку с могущественной Испанией — главной опорой католической контрреформации и претендентом на мировое господство. Однако причин для нерешительности у Елизаветы было немало. Юридическая сторона предстоявшего процесса была очень деликатной, а королеве особенно хотелось соблюсти форму законности. Прежде всего приходилось судить супругу покойного французского короля, законную королеву шотландскую. Создавать такой прецедент — тяжелое решение для Елизаветы, ревниво отстаивавшей священность власти монарха и прерогативы короны. Недаром английская королева отрицала даже правомерность лишения Марии Стюарт шотландского престола. К тому же узница не являлась английской подданной. Она ведь сама добровольно явилась в Англию просить защиты и покровительства у Елизаветы.

Более того, свидетелей обвинения спешно казнили как участников заговора Бабингтона. Суду были переданы лишь исторгнутые у них под пыткой показания, а письма самой Марии Стюарт — единственное документальное доказательство — были представлены только в копиях (для этого тоже были серьезные причины). Не было закона, на основании которого можно было судить Марию, поэтому срочно приняли соответствующий парламентский акт. Создается специальный трибунал для разбора намерения и попыток покушения «вышеупомянутой Марии» против английской королевы и для вынесения приговора. 11 октября 1586 г. члены суда прибыли в замок Фотерингей, где содержалась Мария Стюарт, и передали ей письмо английской королевы. В нем указывалось, что Мария, отдавшись под покровительство Елизаветы, тем самым стала подвластной законам английского государства и должна на суде дать ответ на предъявленные обвинения.

Мария при первом же объяснении с членами судебной комиссии затронула больное место организаторов процесса. «Я абсолютная королева,— заявила узница,— и не сделаю ничего, что могло бы повредить моим собствен-

ным королевским правам, правам других государей моего ранга и положения, а также правам моего сына». Обвиняемая знала, насколько чувствительна была Елизавета к таким доводам. Но жребий был уже брошен, и теперь эти аргументы могли только побудить английскую королеву и ее советников действовать с еще большей ловкостью и осмотрительностью.

В заявлении, переданном комиссии, Мария Стюарт написала, что она незнакома с законами Англии, лишена адвоката. Мария сразу же подчеркнула самый слабый пункт обвинения — оно не представило ни одной написанной ею бумаги, которая свидетельствовала бы о злоумышлении против королевы, не доказало, что она, Мария, произнесла хотя бы одно слово, подтверждавшее ее участие в каких-либо враждебных планах и действиях. Вместе с тем в своем отрицании всего Мария сама переходила границу вероятного. Она писала, отвергая обвинение в заговоре против Елизаветы: «Я не натравливала ни одного человека против нее». Было общеизвестно, что это уж во всяком случае не соответствовало действительности.

В переговорах с судьями Мария подчеркивала, что она не находилась под покровительством британских законов, а содержалась 19 лет в английской тюрьме. В ответ лорд-канцлер и другие члены комиссии объявили, что они будут исходить из своих полномочий и английского общего права, причем ни нахождение в тюрьме, ни королевские права Марии не освобождают ее от ответственности. Судьи, разумеется, поспешили отвергнуть и заявление Марии, что она должна отвечать только перед парламентом. Узница великолепно была осведомлена о предвзятости судей и пыталась всячески доказать неправомочность трибунала, учрежденного для разбора ее дела. Она снова затронула слабый пункт обвинения, когда указала, что ее собираются судить лишь по недавнему закону, специально принятому, чтобы создать основание для организации процесса против нее. Со своей стороны члены комиссии разъяснили, что королевским правам Марии не повредит, если она докажет необоснованность выдвинутых обвинений. Если же Мария откажется отвечать, суд будет проведен в ее отсутствие. Это был главный козырь судей: они рассчитывали (и не ошиблись в своем расчете), что Мария Стюарт не устоит перед этой угрозой и предпочтет поединок в зале заседаний.

Судебный трибунал, которому было поручено вынести приговор шотландской королеве, состоял из 48 человек, включая многих высших сановников, многочисленных представителей знати и нетитулованного дворянства.

Подсудимая заняла свое место. Оно находилось на несколько ступеней ниже кресла под балдахином (его сохраняли для отсутствующей Елизаветы). Этой деталью суд стремился подчеркнуть вассалитет Шотландии по отношению к Англии, неизменно отрицавшийся Эдинбургом. Мария Стюарт и здесь не уступила, громко заявив, что ей, прирожденной королеве, должно принадлежать место, находящееся выше. (Рядом с креслом Елизаветы или, быть может, само это кресло?) Власти предпочли пройти мимо этого заявления подсудимой.

Процесс начался. Это был и суд и не суд. И дело не только в том, что весь состав судей был тщательно подобран Елизаветой и ее советниками. Такое случалось нередко, едва ли не во всех государственных процессах той эпохи. Особенностью было формальное соблюдение отдельных процессуальных норм при полном игнорировании других. Подсудимой даже не был предъявлен точно сформулированный обвинительный акт. Главным пунктом обвинения было участие в заговоре. Мария Стюарт поддалась искушению отрицать все: она ничего не знала о заговоре и заговорщиках. Кто слишком много доказывает — ничего не доказывает. Это справедливо и в отношении тех, кто слишком много отрицает.

Суду были представлены признания заговорщиков, два их письма к Марии Стюарт и два ответных письма королевы. Особое значение имело второе письмо, посланное после того, как ей стали известны планы заговорщиков.

Мария Стюарт гневно отрицала подлинность писем (оригиналы ведь так и не были предъявлены суду). Она требовала, чтобы были вызваны в суд ее секретари, подтвердившие под пыткой, что эти письма были написаны шотландской королевой. Конечно, ее требование было отвергнуто. Подсудимая прямо уличила Френсиса Уолсингема в подделке писем. И хотя тот клялся и божился, что не совершил ничего недостойного честного человека[95], это обвинение, по всей видимости, соответствовало истине.

25 октября в Звездной палате Вестминстера было объявлено, что суд нашел Марию Стюарт виновной в совершении вменяемых ей преступлений. Через несколько дней парламент рекомендовал приговорить обвиняемую к смертной казни. Дело было теперь за Елизаветой.

Сейчас, конечно, невозможно определить, что было просто комедией, а что действительно свидетельствовало о нерешительности Елизаветы, которая не могла уже больше тянуть: ей следовало или одобрить, или отвергнуть смертный приговор. Она предпочла бы тайное

убийство и даже намекала на зто тюремщику Эмиасу Паулету, но тот отказался от щекотливого поручения.

— Как, однако, этот старый дурак надоел мне со своей совестью,— бросила в сердцах королева.

Она подписывает приговор как бы машинально, вместе с другими бумагами, принесенными ей государственным секретарем Дависоном. Потом она свалит на него всю вину за это, но сейчас Елизавета не может удержаться, чтобы не пошутить:

— Знаешь, я думаю, старик Уолсингем может умереть с горя, увидев приговор. Ты, пожалуйста, приготовь его к зтому страшному известию.

8 февраля 1587 г., через 20 лет без одного дня после убийства Дарнлея, Мария Стюарт была обезглавлена. Елизавета делает вид, что произошла ужасная ошибка. Несколько месяцев демонстративно выказывалась немилость самому лорду Берли. Ходили упорные слухи, что Дависона, брошенного в Тауэр, повесят без суда, но они не подтвердились.

После предварительного следствия Дависона по всем правилам предают суду зловещей Звездной палаты — верного орудия тюдоровского абсолютизма. Более того, в составе судей заметно отсутствуют все главные советники и министры Елизаветы, зато налицо несколько католиков. Спектакль разыгрывается настолько талантливо, что даже сама жертва — Дависон — думает, что дни его сочтены. Он имеет благоразумие промолчать на суде о своих секретных беседах с повелительницей, о которых упоминал на следствии. Приговор суров: за крайнее пренебрежение к воле своей государыни Дависон присуждается к огромному штрафу (10 тыс. марок) и заключению в тюрьму до тех пор, пока зто будет угодно королеве. Штраф он не выплатил, да и не мог выплатить, а в тюрьме оставался до разгрома испанской армады в следующем году. Потом целых 20 лет Дависону регулярно выплачивали жалованье королевского министра, правда не возлагая на него никаких обязанностей[96]. Так на деле обернулись зти процесс и приговор, возникшие в связи с процессом и смертным приговором Марии Стюарт.

Вереница заговоров и процесс века

Мы вплотную приблизились к шекспировскому времени, как с полным основанием называют последнее десятилетие царствования Елизаветы и первые годы правления ее преемника. И главные политические процессы тех лет, несомненно, наложили сильный отпечаток на жизнь и творчество гениального английского драматурга, при-

чем немало, вероятно, остается здесь еще не раскрытого и не разгаданного наукой. Очевидно лишь одно — насколько усовершенствовалась, насколько была отлажена техника подготовки процессов, включавшая вымогательство признаний и подписей, подделку документов, использование агентов-провокаторов, устранение неудобных свидетелей, превращение процессов в орудие политической пропаганды и многое, многое другое.

...В субботу, 7 февраля 1600 г., в лондонском театре «Глобус» не было пустых мест в ложах, отводимых для знати. Спектакль почтили присутствием молодые дворяне, носившие самые громкие аристократические имена и известные как приверженцы влиятельного вельможи, популярного графа Эссекса. Не было недостатка и в энтузиазме, с которым они встречали наиболее драматические повороты сюжета, присоединяясь к шумным аплодисментам партера.

Шла пьеса Вильяма Шекспира «Ричард II». Накануне к актерам лорда-камергера обратились с просьбой снова поставить в театре эту драматическую хронику, шедшую несколько лет назад. Осторожные руководители труппы — в их числе был и Шекспир — не хотели рисковать. Не выдавая своих подлинных опасений, они позволили себе высказать сомнение, привлечет ли зрителей столь старая пьеса. Но просители сэр Чарльз Денверс, сэр Джоселин Перси, сэр Джелли Меррик были слишком влиятельными людьми и, проявив настойчивость, тут же предложили добавить 40 шиллингов к доходу, который будет получен от продажи билетов на завтрашнее представление. Деньги были переданы актеру Августину Филипсу, что положило конец колебаниям труппы, и на следующий день «Ричард II» был возобновлен на сцене «Глобуса» [97].

Эту одну из наиболее известных своих драматических хроник Шекспир создал примерно в 1595 г. Хотя материал для нее он почерпнул из широко известного исторического сочинения Голиншеда, выбор темы был очень смелым шагом (правда, до этого был опубликован «Эдуард II» Кристофера Марло, где тоже речь шла о низложении короля) [98]. Свержение с трона законного монарха, пусть подверженного дурным влияниям, было в Англии того времени взрывчатым сюжетом. Елизавета болезненно относилась как раз к случаю с Ричардом II, которого вынудили отречься от престола и позднее казнили по приказу торжествующего узурпатора Генриха Болинброка. Королева прямо проводила аналогию между этим эпизодом двухсотлетней давности и многочисленными попытками лишить ее саму короны, к чему продолжали призывать Рим и Мадрид. Вскоре после написания

трагедии, в 1596 г., была опубликована папская булла, убеждавшая английских католиков поднять оружие против царствующей еретички. Недаром, когда трагедия была впервые опубликована в 1597 г., свыше 150 строк — вся сцена отречения короля — были опущены издателем, опасавшимся вызвать недовольство властей [99]. (Этой сцены не было и во втором издании, в 1598 г. Впервые она была напечатана в издании 1608 г., через пять лет после смерти королевы.)

Критики нередко относят образ Ричарда II к числу лучших созданий шекспировского гения [100]. В трагедии осуждается низложение монарха, но в ней сильны тираноборческие идеи [101].

Видимо, история Ричарда II не раз занимала мысли английского полководца графа Эссекса, близкого друга Генри Рисли графа Саутгемптона — покровителя Шекспира, которому великий писатель посвятил свою поэму «Похищение Лукреции».

Приемный сын графа Лейстера, много лет бывшего приближенным Елизаветы, занявший место отца около стареющей королевы, Эссекс — этот молодой блестящий придворный — сумел отличиться в войне против Испании. Однако отношения своенравного, надменного и самовлюбленного Эссекса с Елизаветой отнюдь не носили безоблачный характер. Враги фаворита, особенно лорд Берли, а после смерти этого главного советника королевы его сын Роберт Сесил, унаследовавший роль руководителя секретной службы, не упускали случая, чтобы ослабить положение Эссекса. Роберт Сесил еще в 1597 г. полушутя-полусерьезно обвинял Эссекса в намерении низложить Елизавету, сыграв роль Генриха Болинброка [102]. Дело доходило до публичных оскорблений из уст королевы по адресу графа на заседании совета и взрывов необузданного гнева со стороны Эссекса. Он приобрел, однако, к этому времени популярность как герой войны против Испании, с чем должна была считаться Елизавета, сохранявшая к тому же привязанность к своему прежнему любимцу.

В марте 1599 г. Эссекс отправился в качестве наместника в Ирландию с поручением подавить разгоравшееся там пламя восстания против английского господства. Он не добился успехов и приписал неудачу тайным проискам врагов. Оставив армию, Эссекс прибыл 28 сентября 1599 г. в Лондон. Нарушая все придворные приличия, он в запыленной дорожной одежде ворвался в апартаменты королевы. Граф был немедленно отстранен от всех должностей и взят под арест, который длился почти целый год. Взамен Эссекса лордом-наместником

Ирландии Елизавета назначила его друга Маунтжоя, который, думая о своей военной карьере, решил быть подальше от Эссекса[103].

А в Лондоне наряду с Сесилем ярым врагом Эссекса стал Уолтер Ралей. Суровый солдат и придворный, неразборчивый в средствах, когда дело шло о личном продвижении, Уолтер Ралей вместе с тем был искренним поклонником литературы, любителем философии, проявлял горячий, неподдельный интерес к науке. Ралею приписывали создание тайной «Школы тьмы» — кружка друзей, которому его враги или просто суеверные горожане приписывали едва ли не характер сборища адептов черной магии и последователей дьявола. Глава английских иезуитов Роберт Парсонс со злобой писал, что в «школе атеизма, основанной сэром Уолтером Ралеем... Моисей и наш Спаситель (Христос), Ветхий и Новый завет подвергались осмеянию, и ученых обучают произносить имя господа наоборот» (по-английски god — бог, dog — пес, собака)[104]. В кружок Ралея, по различным сведениям, входили известный математик Томас Гарриот, оксфордский ученый и мореплаватель Лоуренс Киймис, Кристофер Марло и другой поэт, Джордж Чэпмен, видные аристократы, такие, как увлекавшийся астрологией и алхимией граф Нортумберленд, лорд Фердинанд Дерби. В их числе был и лорд Джордж Гудсон; он, а еще ранее его отец в качестве лорда-камергера являлись официальными покровителями труппы актеров, участником и драматургом которой был Вильям Шекспир[105]. Возможно, что в его пьесе «Потерянные усилия любви» осмеяна «Школа тьмы» Ралея[106].

...Вокруг Эссекса сгруппировались недовольные, честолюбцы, искатели приключений, поднявшие громкий крик об оскорблениях, наносимых английскому герою тайными сторонниками «испанца». Эссекс убедил себя, что Роберт Сесил и Ралей намереваются убить его и сделать преемницей Елизаветы испанскую инфанту, дочь Филиппа II. Граф, вероятно, еще рассчитывал на поддержку Якова, и совершенно напрасно. Когда (уже после провала заговора) посланцы шотландского короля прибыли в Лондон, Роберт Сесил сумел быстро договориться с ними, вступить в тайную переписку с Яковом, чтобы обеспечить свое положение после вступления его на английский престол[107].

Во вторник, 3 февраля, заговорщики выработали план: неожиданно захватить правительственное здание Уайтхолл, арестовать Сесиля и Ралея, созвать парламент и публично осудить их. Королева, по мысли сторонников Эссекса, была бы вынуждена санкционировать действия

победителей. В пятницу, 6 февраля, и последовало обращение сэра Чарльза Денверса, сэра Джоселина Перси и сэра Джелли Меррика к труппе лорда-камергера с просьбой сыграть пьесу Шекспира «Ричард II».

Предпринятая в воскресенье, 8 февраля, попытка мятежа потерпела полное фиаско. Эссекс сдался королевским солдатам, предварительно уничтожив свои секретные бумаги, включая переписку с шотландским королем[108]. Было арестовано свыше 100 человек. Власти в течение некоторого времени опасались повторной попытки мятежа со стороны сторонников Эссекса[109]. Опасения были не напрасны. Через четыре дня после восстания приближенный графа капитан Томас Ли составил план захвата королевы, чтобы заставить ее подписать приказ об освобождении арестованных заговорщиков. Ли был предан теми, с кем он поделился своими намерениями, схвачен и спустя трое суток приговорен к смерти. Незадолго до начала суда над Эссексом священники повсеместно в соответствии с полученной инструкцией читали проповеди, осуждавшие мятеж, проводя при этом параллель с заговором против Ричарда II[110].

Правительство решило провести процесс Эссекса с особой торжественностью, как триумф правосудия[111]. В отличие от многих других политических процессов, когда власти стремились убедить население в виновности подсудимых, здесь в таком доказательстве не было нужды.

Утверждение Саутгемптона, которого судили вместе с Эссексом, что они не собирались причинять вреда королеве, послужило генеральному прокурору Эдварду Коку удобным поводом для риторического вопроса: «Долго ли оставался в живых король Ричард II после того, как его захватили врасплох таким же образом?»

После вынесения обычного приговора — «квалифицированная» казнь — Эссекс был отведен обратно в Тауэр. Там долго не изменявшая ему выдержка покинула его. Пуританский исповедник, воспользовавшись его страхом перед адом, усилил в нем покаянное настроение. Эссекс объявил о намерении сделать полное признание перед членами Тайного совета. Он обвинял всех: своих приближенных, Маунтжоя, даже сестру, в том, что они подстрекали его и превратили в самого гнусного и неблагодарного изменника. Эссекса избавили от «квалифицированной» казни и разрешили ему сложить голову на лужайке в Тауэре, а не на лобном месте среди шумной городской толпы. На эшафоте Эссекс снова повторял, что не собирался причинять вреда королеве. Палач отрубил ему голову «тремя ударами, уже первый из которых оказался смертельным, совершенно лишив созна-

ния и движения», сообщалось в докладе Сесилю. Были казнены и шестеро приближенных Эссекса, включая сэра Джелли Меррика.

Саутгемптон держался мужественно и не последовал совету Эссекса полностью признаться и раскаяться. Его процесс, как и процесс Эссекса, мог считаться по тем временам проводившимся без нарушения законности. Это связано прежде всего с тем, что у правительства имелось достаточно доказательств виновности подсудимого и не было нужды прибегать к явным подтасовкам фактов. Саутгемптону был вынесен смертный приговор, который королева по предложению Сесиля заменила пожизненным заключением в Тауэре. В глазах закона осужденный считался мертвым, документы упоминают о нем как о «покойном графе»[112]. Саутгемптон оставался в Тауэре до воцарения Якова, другие знатные заговорщики были выпущены из тюрьмы после уплаты огромных разорительных штрафов.

Последние годы правления старой королевы ознаменовались назреванием новых конфликтов. Впервые парламент выразил протест против монополии на торговлю различными товарами, которую получали королевские приближенные. Это был первый, никем не осознанный признак предстоявшей, но еще далекой революционной бури. Елизавета, умный политик, предпочла не обострять положения и уступила.

Труппа Шекспира имела давние связи с Эссексом, начиная с того времени, когда ей покровительствовал его отец граф Лейстер[113]. Возвышение Эссекса совпало с расцветом шекспировского гения. С падением Эссекса начинается период, в который были созданы самые мрачные пьесы великого драматурга. Исследователи выдвинули немало различных объяснений этого бросающегося в глаза совпадения. Ни одно из них не является вполне доказательным. Столь же спорны попытки найти отражение характера и судьбы Эссекса в образах Гамлета и Отелло, в трагедиях «Юлий Цезарь» и «Король Лир».

В 1603 г. Елизавету сменил на троне сын Марии Стюарт Яков I, бывший до этого королем Шотландии. Роберт Сесил, считавший его не без основания союзником Эссекса, после казни своего соперника стал поддерживать кандидатуру Якова и оказал ему всяческое содействие в занятии английского престола[114]. Громкие политические процессы стали характерной чертой и нового царствования.

Современники (видимо, не без причины) различали в цепи конспираций, организованных в первый год правления Якова I, два заговора: «главный», направленный на

возведение на престол с помощью испанского золота родственницы Якова Арабеллы Стюарт, которую считали более благожелательной к католикам, и «побочный», ставивший целью захватить короля и принудить его действовать по указке некоего патера Уотсона и его сообщников. Разоблачение происков Уотсона привело к раскрытию «главного» заговора...

Участие в этих заговорах приписали Ралею. Благодаря стараниям своих недругов он, оказавшийся в полной немилости при дворе, несомненно, знал о существовании заговоров, хотя в них не участвовал и не пользовался доверием конспираторов. После ареста заговорщиков Роберт Сесил убедил одного из них, Кобхема (своего близкого родственника), в том, что именно Ралей предал его, и побудил сделать признания, продиктованные коварным искусителем [115]. Но Кобхем неоднократно менял свои показания. В результате свидетельства Кобхема потеряли всякую ценность.

Отлично сознавая шаткость улик против Ралея, Тайный совет строго подошел к отбору судей, большинство которых были заклятыми врагами обвиняемого. Можно было положиться, конечно, также на проверенное бесстыдство Эдварда Кока, вдобавок, кажется, действительно уверовавшего в виновность подсудимого. Нельзя было усомниться и в усердии лорда главного судьи Джона Попема, который, по упорным слухам, начал свой жизненный путь разбойником на большой дороге, а потом, избрав юридическую карьеру, обогнал всех своих коллег по размеру полученных взяток.

Процесс начался в Винчестере 17 ноября 1603 г. Ралей, который в припадке отчаяния еще до суда пытался покончить жизнь самоубийством в Тауэре, теперь снова приобрел свое обычное самообладание [116]. Кок неистовствовал, угрожая подсудимому пытками, именовал его «гадюкой», «гнусным и отвратительным предателем», «исчадием преисподней», «чудовищем с английским лицом, но испанским сердцем» [117]. Запуганные присяжные сразу же вынесли вердикт «виновен». Попем произнес традиционную формулу присуждения к мучительной казни.

Явное изменение настроения публики в пользу подсудимого заставило трусливого Якова, не отменяя смертного приговора, обречь Ралея на долголетнее заключение в Тауэре [118]. Там он написал свою многотомную «Всемирную историю». Уже на эшафоте были помилованы Кобхем и еще два участника заговора. В 1616 г. Ралея освободили и послали в Гвиану разыскивать золотые залежи. Экспедиция Ралея столкнулась с испанцами,

ревниво охранявшими свою колониальную монополию в западном полушарии. А такое столкновение как раз категорически было запрещено Ралею, поскольку Яков в это время тяготел к союзу с Мадридом. После возвращения на родину Ралей был немедленно арестован по настоянию влиятельного испанского посла Гондомара. На этот раз его обвинили в пиратстве, хотя, как подтвердили последующие расследования, он действовал в тех областях Южной Америки, где не было испанских поселений.

22 октября 1618 г. Суд королевской скамьи подтвердил прежний приговор, вынесенный Ралею. Отрицая свою вину, Ралей заявил судьям, что он скоро будет там, где «не надо страшиться ни одного из королей на земле»[119]. Приглашая одного из друзей на собственную казнь, Ралей порекомендовал ему заранее запастись удобным местом, так как на площади будет очень многолюдно. «Что касается меня,— добавил осужденный,— то я себе место уже обеспечил». На эшафоте он вел себя с обычным бесстрашием и равнодушием к смерти. Отказавшись надеть повязку на глаза, сказал: зачем же страшиться тени топора тому, кто не боится самого топора[120].

Так окончилась жизнь одного из прославленной когорты елизаветинцев — человека, с поистине возрожденческой щедростью наделенного храбростью солдата и пытливым умом ученого, сына бурного времени, которое является потомству в образе шекспировской Англии.

Рядом с заговором, организацию которого приписывали Ралею, стоит «пороховой заговор» — эта знаменитая в анналах британской истории попытка группы католических дворян Роберта Кетсби, Томаса Перси, Гая Фокса, Томаса Винтера и других подвести подкоп под здание палаты лордов и взорвать бочки с порохом, когда в ноябре 1605 г. король Яков I должен был присутствовать при открытии сессии парламента[121].

В последние годы в западной историографии обострилась полемика, начатая историками-иезуитами еще в конце прошлого века и усердно продолжаемая ими в наши дни, по поводу истинной подоплеки «порохового заговора». Был ли этот «пороховой заговор», день раскрытия которого — 5 ноября (день Гая Фокса) — столетиями считался национальным праздником, действительно заговором английских католиков, опиравшихся на силы международной контрреформации? Или она, к этому времени давно оставив свои надежды на «обращение» Англии, была здесь ни при чем, и заговор был коварной провокацией, задуманной и осуществленной первым королевским министром и руководителем секретной службы Робертом Сесилем (позднее лордом Солсбери) с целью побудить

Якова I оставить в силе репрессивные законы против католиков, а главное, показать собственную незаменимость на посту фактического главы правительства?

Уже знакомый нам Ф. Эдвардс[122] пытается, в частности, доказать, что даже главные заговорщики — Гай Фокс, Томас Винтер, Томас Перси и другие — были агентами-провокаторами, которых превратили в козлов отпущения. Они до последней минуты не подозревали об ожидавшей их участи — погибнуть от солдатской пули или от топора палача — и усердно играли порученные им роли. Историк-иезуит уверяет, будто им найдены документальные доказательства того, что Роберту Сесилю были заранее известны все «признания» арестованных заговорщиков. Судебный процесс над ними был лишь театральной инсценировкой. Обвиняемых доставили по реке из Тауэра в Вестминстер, и до начала суда, как явствует из сохранившихся официальных бумаг, они находились более получаса в Звездной палате. Судебная комедия неожиданно для Гая Фокса и его сообщников закончилась трагическим финалом на эшафоте. Они так и не дождались обещанного им королевского помилования.

Эдвардс и другие историки из Ордена иезуитов не смогли доказать правильность своей откровенно тенденциозной концепции. Несомненно только, что Англии в это время приходилось уже значительно меньше, чем прежде, опасаться угрозы со стороны сил контрреформации и что хитрый Роберт Сесил, отлично учитывавший это, тем более стремился превратить ослабевшую угрозу в орудие, которое можно было бы использовать во внутриполитических целях (в том числе и для укрепления своего личного влияния на короля). Его современник, известный английский дипломат Генри Уоттон, даже считал фабрикацию заговоров необходимостью для поддержания репутации политического деятеля[123]. А результаты, достигнутые английскими властями с помощью судов над заговорщиками, были немаловажными. Оливер Кромвель вспоминал: «Паписты в Англии со времени моего рождения считались испанизированными»[124]. Однако эти «достижения» вскоре стали обращаться против самого правительства, вставшего на путь соглашения с Испанией и ее союзниками. Неспособность монархии в правление Якова I, а потом Карла I дать отпор новым притязаниям католической контрреформации вызывала растущее возмущение пуритан[125] и способствовала тем самым формированию субъективных предпосылок для английской буржуазной революции середины XVII в.

Изобилие заговоров отнюдь не было чем-то исключительным, характерным только для Англии и Шотландии

того времени. Нисколько не меньше их было и во Франции и в ряде других европейских стран. Тем менее они могут относиться к специфике развития отдельных государств, поскольку заговоры оказывались прямо или косвенно связанными с противоборством на международной арене лагерей католической контрреформации и протестантизма, в конечном счете отражавшей классовые антагонизмы переходной эпохи от феодализма к капитализму. Особенности эпохи определили чрезвычайно большой удельный вес методов тайной войны в арсенале средств, применявшихся контрреформацией. Вместе с тем правительства одних стран часто, а других — лишь в редких случаях использовали механизм судебного процесса для расправы с заговорщиками. Этот утвердившийся в Англии способ еще не вошел во многих европейских государствах в обычай при наказании участников антиправительственных заговоров. Суды там еще не играли роль главного посредника между монархом и палачом.

История английских политических процессов XVI и первой половины XVII в., в особенности поведение обвиняемых на этих процессах, а потом и их предсмертные речи на эшафоте могут служить свидетельством нарастания политической оппозиции против абсолютизма, формирования идеологических предпосылок революции. В том крайнем, поистине отчаянном положении, в каком оказывались осужденные, с особой отчетливостью проявлялись основы их мировоззрения, сдвиги в социальной психологии. Покорных жертв абсолютистского государства в правление Генриха VIII сменяют в середине и второй половине XVI в. противники установленной власти, открыто бросающие ей вызов, хотя этот вызов еще облачен в форму несогласия с господствующей церковью. В начале XVII в. у осужденных политической юстицией все чаще проявляется, по-прежнему в религиозной оболочке, неприятие монархического королевского произвола в его различных проявлениях, однако ие приводящее еще к открытому отрицанию самого института монархии.

Расстановка классовых сил, и прежде всего союз буржуазии и обуржуазившейся части дворянства, обусловивший консервативный характер английской буржуазной революции середины XVII в., способствовала тому, что новый политический протест облекался и в судебном зале в старые, привычные формы. Во время революции процессы против главных советников Карла I — графа Страффорда и архиепископа Лода, проходившие вопреки воле монарха, несмотря на его сопротивление, внешне напоминали суды над отдельными королевскими министрами, которых еще во времена Генриха VIII порой

превращали в удобных козлов отпущения и отправляли на плаху, чтобы снять с короны ответственность за непопулярную политику. В тюдоровское время часто пытались приплетать политические мотивы к тому, что на деле было просто расправой монарха со ставшими лично ему неугодными лицами. Консервативный характер английской революции ярко проявился в том, что первоначально делалась попытка приглушить политический смысл главного процесса этих лет — суда над королем Карлом — или во всяком случае проводить этот процесс на основе старого, дореволюционного законодательства.

...Когда через 11 лет после этого процесса судили оставшихся в живых «цареубийц», юристы короны долго ломали голову над сложной правовой проблемой: считать ли день казни, 30 января 1649 г., последним днем царствования Карла I или первым днем правления его сына Карла II? По закону не должно быть разрыва даже в один день. Одни судьи считали, что можно выйти из непредвиденного затруднения, отнеся этот роковой день к обоим царствованиям, другие выражали сомнения в правильности такого толкования законов. В результате, чтобы обойти столь непреодолимую преграду, обвиняемым было инкриминировано не убийство Карла I 30 января, а злоумышление против жизни короля 29 января 1649 г.[126]

А ведь в этот никак не умещающийся ни в одно царствование день 30 января приказ о приведении в исполнение смертного приговора прямо указывал, что подлежит казни «король Англии». И палач уже на эшафоте именовал Карла не иначе как «Ваше Величество». Как ошибся бы тот, кто увидел здесь неизжитую рабскую психологию, инерцию почтения перед священной особой помазанника божьего! Нет, это был поистине революционный разрыв с прошлым: меч народного правосудия карал не частного человека, а монарха. Как говорил прокурор Джон Кук, суд «вынес приговор не только одному тирану, но и самой тирании»[127].

Монархов и до этого нередко насильственно свергали с трона, немало их кончало жизнь под топором палача, но всегда при этом они объявлялись узурпаторами престола. Их лишали жизни, но по приказу другого, объявленного законным государя. Исключительность процесса Карла I подчеркнула сама история: только через полтора столетия, в годы другой, еще большей по масштабам народной революции снова бывшие подданные судили своего монарха. Но и в XVII в. это стало событием, эхо которого прокатилось по всей Европе.

Процесс Карла I поражал воображение также силой

характера врагов, столкнувшихся в этом деле. Во многом можно было обвинить Карла: и в стремлении утвердить на английской почве королевский абсолютизм иноземного типа, и в полной неразборчивости в средствах, и в готовности на циничное попрание самых торжественных обещаний, на сговор с врагами страны и на предательство, если это было в его интересах, своих наиболее верных сторонников, на отречение от исполнителей своих приказаний и на то, что, если нужно, он пролил бы реки крови своих подданных. Но нельзя отказать Карлу и в неукротимой энергии, в убежденности в справедливости своего дела, в том, что используемые им дурные средства служат благой цели. Уже в предсмертной речи с эшафота он заявил собравшейся толпе: «Я должен сказать вам, что ваши вольности и свобода заключаются в наличии правительства, в тех законах, которые наилучше обеспечивают вам жизнь и сохранность имущества. Это проистекает не из участия в управлении, которое никак вам не надлежит. Подданный и государь — это совершенно различные понятия»[128]. За несколько минут до казни Карл продолжал отстаивать абсолютизм с таким же упорством, как и в годы наибольшего расцвета своего могущества.

Революционерам надо было еще созреть для борьбы и для торжества над таким убежденным противником, за которым стояли столетние традиции, привычки и обычаи многих поколений. Надо помнить еще об одной характерной черте тогдашней политической обстановки и общественной атмосферы. Несомненно, что только давление снизу, со стороны народа, побудило руководителей парламентской армии — Оливера Кромвеля и его единомышленников — пойти на углубление революции, на ликвидацию монархии и провозглашение республики. Это, однако, не исключало того, что лондонская толпа была раздражена своекорыстной политикой парламента. Недовольство вызывалось растущим бременем налогов, разорением, связанным с многолетней гражданской войной. Стоит ли удивляться, что порой это недовольство окрашивалось в монархические тона? С другой стороны, большое число парламентских политиков боялось народа и готово было цепляться за монархию как возможного союзника. Карьеристский расчет заставлял этих людей сомневаться в прочности порядка, который будет создан без привычной монархической формы власти, страшиться ответственности в случае реставрации Стюартов, что́ все время оставалось реальной политической возможностью.

Не так-то просто было найти юриста, который составил бы обвинительный акт против короля. Палата лордов отказалась принять решение о предании Карла суду.

Палата общин, подвергнутая «чистке» от сторонников соглашения с королем, назначила в качестве судей лиц, на верность которых, как считали, можно положиться. Однако большинство из них сразу же отказались от назначения. Остальные под разными предлогами не пришли на заседание суда или не поставили свои подписи под приговором. Среди них был и главнокомандующий армией генерал Томас Ферфакс.

Нужна была поистине железная воля Кромвеля и его ближайшего окружения, а также тех демократически настроенных офицеров-левеллеров (уравнителей), которые по своим политическим взглядам стояли левее руководителей армии, чтобы преодолеть страхи одних, возражения других, интриги и эгоистические расчеты третьих и решиться на чрезвычайную меру, поразившую Европу. Делая этот дерзкий революционный шаг, верхушка армии стремилась внешне сохранить связь с английской конституционной традицией, по крайней мере с теми ее положениями, которые не были ликвидированы самой логикой развития революции. Суд должен был исходить хотя бы внешне из существовавших до революции законов[129].

Именно в этой плоскости и началась 20 января словесная дуэль между председателем суда Брейдшоу и Карлом в Вестминстер-холле, где происходил процесс короля. Черные камзолы пуританских судей, многочисленная стража с мушкетами и алебардами, внимательно наблюдавшая за зрителями на галереях, подчеркивали суровую торжественность происходившего. Брейдшоу объявил «Карлу Стюарту, королю Англии», что его будут судить по решению английского народа и его парламента по обвинению в государственной измене.

Карл обвинялся в том, что, будучи признанным в качестве короля Англии и наделенным поэтому ограниченной властью и правом управлять согласно законам страны, злоумышленно стремился к неограниченной и тиранической власти и ради этой цели изменнически повел войну против парламента. Карл возразил: «Англия никогда не была государством с выборным королем. В течение почти тысячи лет она являлась наследственной монархией». «Конституционная» аргументация обвинения сразу же обнаружила свои слабые стороны, и это дало дополнительные основания колеблющимся выразить свои сомнения. Но это же усиливало решимость таких людей, как прокурор Кук, заявивший: «Он должен умереть, а с ним должна умереть монархия»[130]. 30 января 1649 г. Карл I взошел на эшафот. Англия была провозглашена республикой.

Доносчики из Уайтхолла

Опасаясь народа, буржуазия и новое, обуржуазившееся дворянство возвратили на престол Стюартов. Королем стал сын Карла I. Реставрация сопровождалась судебными процессами и казнями «цареубийц». Новый король Карл II (1660—1685) вскоре нарушил многие из обещаний, которые он давал, возвращаясь из эмиграции. Но у него хватило ума не покушаться на основные экономические результаты революции. Поэтому ему прощалось не только растранжиривание государственных средств на содержание целого гарема фавориток, но даже тайная (в деталях), а в общем и целом известная запродажа независимости английской внешней политики за весьма весомую сумму французскому королю Людовику XIV. Для такой терпимости были свои серьезные причины: до поры до времени английскую буржуазию устраивала враждебность «короля-солнце» (еще только приступавшего к осуществлению своих широких завоевательных планов) к Голландии, «протестантской сестре» и в то же время торговому конкуренту, против которой Англия не раз вступала в вооруженную борьбу. Но подобная снисходительность не распространялась на планы реставрации католицизма и абсолютизма, которые лелеял узколобый фанатик — младший брат короля Яков, герцог Йоркский, ставший наследником престола (у Карла не было законных детей).

Карл II понимал растущее политическое значение настроений влиятельных буржуазных кругов, еще не получивших тогда наименование «общественного мнения». От недовольных попытками Карла II вернуться ко временам королевского абсолютизма тоже не ускользнуло, какую роль стала играть эта новая сила. А уж стечение исторических обстоятельств привело к тому, что влияние едва вышедшего из пеленок «общественного мнения» проявило себя прежде всего в складывании новых форм фабрикации политических процессов.

При Генрихе VIII обвиняемым инкриминировался прежде всего заговор против монарха, при королеве Марии — против реставрации католицизма, при Елизавете I — против монархии, государственной церкви и независимости страны в угоду иноземным враждебным силам. При Генрихе VIII попросту изобретали заговоры, при Елизавете и Якове возникали уже пестрота и разнообразие — действительные заговоры причудливо переплетались с частично или полностью сфабрикованными. Так было, как мы помним, с иезуитскими заговорами, в организацию которых вносила свою посильную лепту и тайная политическая полиция. Но полностью иезуитам

стали платить их же монетой, когда «Общество Иисуса» превратили в удобный жупел. Обвинения в свя́зи с иезуитами стали привычным средством возбуждения общественного мнения против политических противников. Если при Елизавете и первых двух Стюартах политические процессы устранвали, адресуясь к толпе, то в правление реставрированных после революции Стюартов толпа начинает принимать непосредственное участие в подготовке таких процессов. Она становится движущей силой этой подготовки, но силой, действующей по подстрекательству извне и не ведающей, что творит. И вдобавок ко всему силой, порой направляемой вовсе не правительством и враждебной его недекларируемым, а реальным, хотя и скрываемым намерениям.

В конце семидесятых годов XVII в. в Англии резко обострилась политическая борьба, замаячила перспектива новой революции. Правда, вожди оппозиции, которая как раз в эти годы формировалась в политическую партию вигов, не выдвигали радикальных лозунгов. Они говорили о необходимости защитить короля и государственную англиканскую церковь от происков папистов, стремящихся восстановить в Англии католичество, утвердить абсолютизм по континентальному образцу, отнять у парламента его права. И тут лидерам оппозиции сыграли на руку из поколения в поколение передававшиеся рассказы, в которых изобличались иезуитские козни[131].

В Англии продолжало сохраняться, правда численно все сокращавшееся, католическое меньшинство — к концу 60-х годов XVII в. насчитывалось около 260 тыс. католиков (примерно 5% от пятимиллионного населения страны), около 500 католических священников, включая 120 иезуитов. Рим ни в то время, ни впоследствии не отказался от своего притязания на обладание правом смещать монархов, неугодных церкви. Присяга же верности английским властям включала пункт, отрицающий такое право. Именно поэтому-то католикам предписывалось не давать присягу. Феодально-абсолютистская реакция в Англии действительно выступала под католическим знаменем и пользовалась поддержкой извне. Однако эта поддержка проистекала не от распавшегося уже лагеря контрреформации, а от претендовавшего на европейскую гегемонию Людовика XIV, воевавшего с императором, традиционной опорой этого лагеря. Иллюзией было приписывать папству главную роль в планах утверждения абсолютизма в Англии, хотя иезуиты (да и все английское католическое духовенство) поставили себя на службу этим планам.

Многие англичане сознавали, что Рим и католические

державы не могут серьезно думать о военной интервенции, о посылке новой «Великой армады». Однако это убеждение дополнительно порождало страхи перед тем, как бы паписты не попытались добиться осуществления своих намерений с помощью тайного заговора.

После большого лондонского пожара 1666 г., во время которого сгорела бо́льшая часть Сити, виновниками этого события стали считать католиков, и особенно иезуитов. Вступление Англии в войну на стороне Голландии против Франции Людовика XIV только усилило эти подозрения. Они не рассеялись, а, напротив, еще более возросли, когда Людовик XIV превратился в союзника Карла II. А для того чтобы придать нужный ход этим опасениям, было применено оружие, многократно и с полным успехом использовавшееся в английской политической практике. Проще говоря — донос. Конечно, это испытанное средство подверглось некоторому обновлению в соответствии с духом времени. Раньше попросту доносили властям, которые уже сами решали, как воспользоваться полученным наветом. Теперь же донос по-прежнему традиционно представлялся на благоусмотрение монарха, фактически же адресовался к населению английской столицы.

Впрочем, в «папистском заговоре», о котором пойдет речь ниже, столько же от действительных или мнимых католических заговоров времен Елизаветы I и Якова I, сколько и от, по-видимому, сфабрикованных властями пуританских «заговоров» первых лет Реставрации. За участие в них, в частности, в 1662 г. был казнен Томас Тондж, родственник (возможно, даже родной брат) некоего Исраэля Тонджа, а в 1664 г. в Йорке по тому же обвинению на плаху был отправлен «капитан Отс», почти несомненно родственник Титуса Отса[132],— главных действующих лиц «папистского заговора».

Титус Отс, сын капеллана кромвелевской армии, вернувшегося позднее в лоно англиканства, родился в 1649 г. После учебы в Кембридже он принял духовный сан и получил место приходского священника в графстве Кент. Там вскоре стали уличать его в пьянстве и даже еретических взглядах, унаследованных от отца, бывшего анабаптиста. Потеряв приход, Отс вступил в тяжбу с местным богатым сквайром Паркером, обвиняя его в произнесении «изменнических слов», а его сына Уильяма — в содомском грехе. Обвинение было опровергнуто, Отсу предъявлен иск об убытках в 1000 ф. ст., вдобавок он должен был предстать перед судом квартальной сессии по обвинению в лжесвидетельстве. Отс предпочел вместо этого завербоваться капелланом на корабль «Эдвенчур»

(«Приключение»), который направлялся в Танжер (в Северной Африке тогда находился английский гарнизон). Но это «приключение» окончилось для Отса увольнением за «противоестественные действия, которые не подобает называть»[133]. Как справедливо замечает один историк, учитывая нравы, царившие тогда в королевском флоте, нужно было уж как-то особенно отличиться, чтобы быть изгнанным со службы за недостойное поведение[134].

Отс сменил еще несколько мест, подвизаясь в роли священника в знатных домах, пока 3 марта 1677 г. не совершил неожиданный трюк, перейдя в католичество. Исраэль Тондж, приятель Отса, баптистский священник, переметнувшийся в годы Реставрации в англиканство, впоследствии объяснял отступничество Отса от государственной церкви желанием выведать намерения иезуитов. Это более чем сомнительно, так как Отс явно не поставил в известность о якобы имевшихся у него планах хотя бы того же Тонджа, ярого ненавистника «Общества Иисуса» и естественного союзника в таком деле. Вдобавок для шпионажа за орденом разумнее было бы отправиться в одну из иезуитских семинарий в Испанских Нидерландах (Бельгия), а не в Сен-Омер, где в то время «Общество» содержало только школу-пансионат.

Как бы то ни было, в Сен-Омере приняли нового питомца, который любил прибегать к богохульным выражениям, а главное, давно уже не подходил по возрасту к малолетним воспитанникам. Там Отсу удалось продержаться полгода — с декабря 1677 г. по июнь 1678 г. В конечном счете он был изгнан иезуитами, заподозрившими, что новый послушник либо просто шпион, либо по меньшей мере личность, которую никак нельзя использовать в интересах ордена. В этом они, вероятно, ошиблись, если принять во внимание таланты, проявленные Отсом в кампании против «Общества Иисуса». В конце июня 1678 г. Отс появился в Лондоне без всяких средств к жизни и вновь встретился с Тонджем, который с прежним осатанелым рвением разыскивал следы «заговора папистов». К этому времени Тондж был уже явно психически ненормальным человеком.

Нисколько не обеляя иезуитов, надо прямо сказать, что они не имели никакого отношения ни к казни Карла I в 1649 г. по приговору парламента, ни к лондонскому пожару 1666 г., в чем их обвинял в своих сочинениях Тондж (как, впрочем, и некоторые другие бывшие пуритане, искавшие «оправдание» своему былому пребыванию в лагере противников короля в годы революции).

13 августа 1678 г. доносчики сумели приблизиться к

королю и сообщить ему о будто бы известном им католическом заговоре. Карл отличался достаточным здравомыслием, чтобы не принять всерьез эти россказни, но не рискнул отвергнуть донос, содержание которого так совпадало с широко распространенными опасениями. Он отослал доносчиков к одному из министров, которому «достойная» пара еще раз повторила свои показания: им стало известно, будто Людовик XIV, иезуиты и католические епископы готовят убийство Карла II и его брата (католика!) герцога Йоркского, высадку в Англии наемных ирландских войск, избиение всех протестантов. В Ланкашире якобы уже завербованы три тысячи преступников, готовых в любой момент предать огню и мечу Лондон и его жителей. Отравить Карла и Якова будто бы поручалось врагу королевы Уэкмену и секретарю герцогини Йоркской Коулмену[135]. Все это было нагромождением явной несуразицы. Зачем Людовику XIV было покушаться на жизнь Карла, который в обмен на французское золото, позволявшее ему быть независимым от парламента, стал фактически орудием Версальского двора? Зачем папе пытаться устранить тайно благоприятствовавшего католикам Карла? К чему иезуитам с помощью католичек—королевы и герцогини Йоркской было избавляться от католического фанатика—герцога Йоркского, который к тому же должен был унаследовать английский престол?

Однако среди изобретенных Отсом и Тонджем нелепостей, свидетельствовавших об их полной неосведомленности о реальном положении дел, имелись сведения, которые являлись не просто вымыслом, а отражением, хотя и крайне искаженным, действительности. Случайно ли попали здесь доносчики в цель, или до них дошли какие-то ходившие в Лондоне слухи, не имеет особого значения. Упомянутый в доносе секретарь герцогини Йоркской Коулмен на самом деле был французским шпионом, через которого, в частности, Версальский двор подкупал членов парламента, и даже переписывался с иезуитами, обсуждая вполне химерические планы католической реставрации в Англии.

После доноса Отса и Тонджа Коулмен уничтожил лишь часть компрометирующих его бумаг, остальные он имел неосторожность сохранить как свидетельство роли, сыгранной им в европейской политике, и спрятал настолько плохо, что их без труда обнаружили при аресте. А приказ о взятии Коулмена под стражу был отдан Тайным советом, вынужденным считаться с растущим возбуждением в стране. Найденной переписки с иезуитами было вполне достаточно, чтобы судьи отправили Коулмена на эшафот. Отс уверял, что герцог Йоркский не был связан с

заговорщиками. Однако в письмах Коулмена, в которых, естественно, ничего не говорилось о намерении убить Карла, в то же время было достаточно намеков на то, чтобы поставить его брата в самый центр конспирации[136]. Общественное мнение нашло в бумагах Коулмена то, что искало,— подтверждение вымыслов Тита Отса и Исраэля Тонджа.

12 октября лондонский судья, сэр Эдмунд Берри Годфри, который засвидетельствовал данные под присягой показания Отса и Тонджа, неожиданно не вернулся к себе домой. Через пять дней в окрестностях столицы в канаве был найден его труп. Преступники, видимо, сначала задушили Годфри, а потом пронзили тело убитого его собственным мечом, но при этом не тронули ни деньги, ни ценные вещи. Стало известно, что вскоре после показаний доносчиков Годфри имел встречу со своим другом Коулменом (это было 28 сентября, за два дня до ареста секретаря герцогини Йоркской). Позднее судья говорил еще одному приятелю, что опасается за свою жизнь, так как стал обладателем важной тайны, и что показания Отса являются ложью. Возможно, Коулмен проговорился о чем-то важном в разговоре с Годфри и, оставаясь еще два дня на свободе, признался в этой неосторожности иезуитам, которые решили уничтожить опасного свидетеля. Как бы то ни было, убийство Годфри стало еще одним неопровержимым доказательством «папистского заговора».

Наконец, Отс, по-видимому, совсем случайно снова попал в цель. Он утверждал, будто 24 апреля 1678 г. присутствовал на собрании иезуитов-заговорщиков в центре Лондона, на Стрэнде, в таверне «Белая лошадь». На собрании обговаривались планы умерщвления Карла II и герцога Йоркского. Доказать, что в это время Отс находился за границей, в иезуитской семинарии в Сен-Омере, не составляло труда. Но все дело заключалось в том, что 28 апреля действительно происходило тайное заседание иезуитов, однако не в таверне «Белая лошадь», а в резиденции самого герцога Йоркского, хотя, конечно, на нем обсуждались не планы убийства своего покровителя и брата короля. Не исключено, что, доказывая Годфри лживость показания Отса, Коулмен неосторожно обмолвился о незнании доносчиком действительного места заседания.

Тем временем вымыслы Отса, обрастая все новыми и новыми слухами, создали атмосферу, близкую к панике. Было мобилизовано столичное ополчение. На улицах Лондона и других городов ожесточенные толпы чинили самосуд над католиками. Отса прославляли как спасителя

отечества. По требованию парламентской оппозиции его поместили в Уайтхолле, назначили большую ежегодную пенсию в 1200 ф. ст., приставили вооруженных телохранителей [137].

Появились и другие «свидетели», в частности грабитель с большой дороги Уильям Бедло, который свое занятие разбоем пытался превратить в дополнительное доказательство подлинности сделанных им показаний. Выступая в качестве свидетеля в палате общин, Бедло разъяснил, что, не будь он таким злодеем, иезуиты не доверили бы ему исполнение их преступных замыслов. Арестованный ювелир-католик с улицы Ковент Гарден Милс Прэнс был опознан Бедло как один из заговорщиков, участвовавших в убийстве судьи Годфри. Посаженный в темницу, Прэнс на другой день в обмен на обещание прощения выразил готовность сделать полное признание. И вымысел о подготовлявшемся восстании оброс новыми фантастическими подробностями. Возможно, и Бедло, и Прэнсу действительно было что-то известно об обстоятельствах, при которых произошло убийство (или самоубийство) Годфри, но они добавили к этому много небылиц. Хотя лжесвидетельство было небезопасно, оно стало прибыльным занятием. Доносчики получили в награду 500 ф. ст. от парламента.

Еще один лжесвидетель, некий капитан Денджерфилд, объявил, что ему было поручено вместе с несколькими католиками инсценировать протестантский заговор, чтобы подорвать доверие к Титу Отсу и другим достойным лицам, разоблачавшим происки папистов. Денджерфилд лгал, но потребовалось немного времени, чтобы его ложь обернулась правдой [138]. Мнимый «папистский заговор» ускорил возникновение вполне реального политического кризиса. Одно время казалось, что страна стоит на пороге новой гражданской войны. Парламентская оппозиция отступила перед этой перспективой, опасаясь народных масс. Карл II победил, и лидеры оппозиции, как и следовало ожидать, были обвинены в протестантском заговоре с целью убийства короля. Вскоре некоторые из них кончили жизнь на эшафоте.

После вступления на престол Якова II Титус Отс в мае 1685 г. предстал перед судом по обвинению в лжесвидетельстве. Осуждением его Яков II хотел подорвать версию о существовании «папистского заговора». Ранее на процессах мнимых участников «папистского заговора» обвиняемые просили вызывать в качестве свидетелей воспитанников Сен-Омера, которые дружно утверждали, что 24 апреля 1678 г. Отс еще находился в их школе и поэтому не мог, как он уверял, быть на совещании

иезуитов в Лондоне. Тогда эти показания были отвергнуты как инспирированные иезуитами. Теперь же суд, в состав которого входили и участники прежних процессов, счел такие показания заслуживающими полного доверия. Судья Джеффриз, стяжавший себе немного позднее репутацию организатора «кровавых ассизов» (судебных сессий), патетически клеймил бесстыдство и богохульство Отса. Обвиняемый был присужден к жестокому публичному бичеванию. Вопреки расчетам властей Отс выжил: он находился в тюрьме, пока Яков II оставался на престоле. Были осуждены и другие доносчики. После переворота 1688 г. Отс обратился с петицией к парламенту. Палата общин, не желая отказываться от вновь ставшей выгодной версии о католическом заговоре, была готова его полностью реабилитировать, но встретила сопротивление палаты лордов. Тогда король Вильгельм III назначил ему солидную пенсию, и лжесвидетель мог еще долго эксплуатировать снова приобретенную славу мученика за протестантскую религию[139].

В недолгое правление Якова II проходило много политических процессов, имя лорда-канцлера Джеффриза и его «кровавые ассизы» надолго остались в народной памяти[140].

За «Славной революцией» 1688 г., приведшей к утверждению в Англии буржуазной монархии, последовала цепь заговоров якобитов, стремившихся восстановить на троне свергнутого Якова II, а позднее — его наследников. После 1688 г. лиц, обвиняемых в государственной измене, приходилось, как правило, предавать суду присяжных, что создавало немалые трудности для организаторов процессов. В начале 1696 г. был раскрыт якобитский заговор, ставивший целью покушение на жизнь Вильгельма III. Несколько сот его участников было арестовано[141]. Одного из главных организаторов этого заговора, Джона Фенвика, подвела излишняя откровенность на суде. Его показания компрометировали нескольких влиятельных придворных короля. В результате Фенвик угодил на плаху, тогда как другие обвиняемые были приговорены лишь к тюремному заключению[142].

Планы властей не раз путали якобитски настроенные присяжные. Сложнее стало заранее распределять роли на процессе и тем более превращать его в простую инсценировку с предрешенным исходом. Правда, английская юстиция успела накопить немалый опыт обуздания и приручения присяжных. Во времена Реставрации в 1670 г. в Лондоне судили двух квакеров — Уильяма Пенна (будущего основателя Пенсильвании) и Уильяма Мида, обвиняемых в организации беспорядков и мятежа. Судьи

не стеснялись в выражениях по адресу обвиняемых, а потом и присяжных, которые не сумели прийти к единодушному решению. Когда же присяжные вынесли вердикт, не устраивавший судью, им было заявлено: «Вас не распустят, пока вы не вынесете приговор, который будет приемлем для суда. Вас запрут в комнате без мяса, питья, огня и табака. Мы милостью божьей получим обвинительный приговор, или вы подохнете с голоду». Присяжных держали под стражей двое суток, не давая им, как передает один современник, «даже ночного горшка». Все же они так и не изменили вердикта. Тогда судья предписал взыскать с каждого из них крупную сумму и за неуплату ее отправил их всех в тюрьму Ньюгейт. Туда же были отосланы и оправданные Пенн и Мид, поскольку они тоже не внесли штрафы, наложенные на них ранее за неуважение к суду[143]. После 1688 г. влиять на присяжных приходилось более искусными методами, пуская в ход и судебное красноречие, и фабрикацию ложных доказательств, и апелляцию к укоренившимся предрассудкам, не пренебрегая, конечно, при этом ни прямыми угрозами, ни подкупом.

Юстиция Валуа и Бурбонов

Во Франции во время растянувшихся на полвека религиозных войн изредка прибегали к оружию политических процессов. Осенью 1572 г. в Париже происходил суд над Брикмо и Кавенем — двумя приближенными лидера гугенотов, адмирала Колиньи, убитого 24 августа, в кровавую Варфоломеевскую ночь. 21 октября они были повешены на Гревской площади в присутствии членов королевской семьи. Был совершен и обряд казни над изображением Колиньи. Цель этого процесса и казней была не совсем обычная — утвердить официальную версию событий Варфоломеевской ночи. Ведь гугеноты считали ее заранее подготовленной бойней безоружных людей. (Даже если решение об избиении было принято королем Карлом IX и стоявшей за ним королевой-матерью Екатериной Медичи внезапно, как склонна считать новейшая историография[144], оно было подготовлено годами проводившимся натравливанием парижского населения на еретиков.) Процесс приближенных адмирала должен был доказать и Франции, и иностранным державам недоказуемое. Варфоломеевская ночь была якобы карой, которая обрушилась на мятежников, составивших заговор против короля.

Известность некоторых политических процессов покоится на том, что их участники стали персонажами исторических романов. К ним относится и процесс графа

Ла Моля, с которым знакомятся читатели романа Александра Дюма «Королева Марго». Главная героиня этого романа Маргарита Наваррская никогда не была политическим деятелем, каким, несомненно, являлась, например, ее ближайшая родственница Мария Стюарт. Историческая роль, которую пришлось сыграть королеве Марго, была прямым следствием политической обстановки, сложившейся к тому времени во Франции и в Европе в целом. Дюма в своем произведении, первом из серии, посвященной драматическим событиям периода религиозных войн во Франции и общего противоборства контрреформации и протестантизма в Европе, широко использовал мемуары современников, в том числе и «Воспоминания» самой Маргариты Наваррской. Образ этой «знатной дамы эпохи Ренессанса» претерпел значительные изменения под пером романиста. Он воспользовался своим правом изобразить ее во время расцвета молодости и красоты, оставляя в забвении другие, более поздние годы ее жизни, когда Маргарита стала персонажем сатирических куплетов и предметом непристойных острот. Правда, ко времени брака с Генрихом Наваррским она, если верить ее последующим признаниям, успела побывать любовницей своих трех братьев — Карла IX, Генриха III и герцога Франсуа Алансонского — и герцога Гиза впридачу (на что, впрочем, не раз намекал и Дюма).

Дюма подробно повествует о заговорах и интригах, в центре которых находилась первая жена Генриха Наваррского. Эти заговоры — тоже не вымысел автора, хотя в действительности они выглядели несколько иначе, чем показывается в его книгах, при иной расстановке сил и другом составе участников. И главное, их мотивы поведения и цели нередко отличались от тех, которые подсказаны писателю его неистощимым воображением. Эти цели были тесно связаны, если не прямо определялись, конфликтом, который раздирал Европу той эпохи.

Дюма изображает графа Ла Моля, завоевавшего сердце ветреной красавицы-королевы, молодым человеком 24—25 лет, приехавшим в Париж из Прованса. В действительности он был на двадцать лет старше — почти старик, по понятиям того времени, хотя и не уступал никому в галантных приключениях, составлявших скандальную хронику двора. Ла Моль был далеко не новичком и в политических интригах. По поручению очень благосклонного к нему Карла IX граф ездил в Лондон сватать королеву Елизавету за герцога Алансонского. Ла Моль, кажется, произвел впечатление на Елизавету, но миссия его не привела к успеху. Тем не менее Ла Моль из приближенных короля перешел в свиту герцога Алан-

сонского, которого надеялся превратить в орудие своих честолюбивых планов. К этому времени из-за своих любовных похождений Ла Моль успел снискать ненависть ряда влиятельных соперников, особенно герцога Анжуйского — будущего Генриха III. Тогда же в окружении герцога Алансонского оказался и пьемонтец Аннибал Кокконнато, известный более под именем графа де Коконнаса.

В конце 1573 г. Екатерина Медичи, убедившись в неудаче своей попытки подавить протестантов во Франции, снова, как и в преддверии Варфоломеевской ночи, попыталась добиться соглашения с ними. Пришедшие к власти «политики», особенно маршал Монморанси, вновь стали выдвигать идею войны против Испании, а Екатерина опять резко осуждала эти планы. В последовавшем очередном туре интриг Ла Моля обвинили в попытке организовать по поручению Монморанси и герцога Алансонского покушение на герцога Гиза. Монморанси получил отставку. Но Ла Моль не сдался и решил своими силами осуществить план вовлечения Франции в войну против Филиппа II. Как раз к этому времени — январю или февралю 1574 г.— и относится начало романа опытного соблазнителя и королевы Наваррской, казавшегося для современников необыкновенным из-за разницы в положении и возрасте. Королева Марго в это время под влиянием Ла Моля примкнула к партии «политиков».

Успехи провансальца вызвали ревность у герцога Алансонского и самого Карла IX, которые даже сговорились задушить его на дворцовой лестнице. Ла Моль сумел ускользнуть с помощью Коконнаса и его любовницы — герцогини де Невер. Об этом подробно повествует Дюма. В дальнейшем Ла Моль и Маргарита убедили герцога Алансонского принять участие в заговоре, составленном «политиками» и протестантами. Он предусматривал восстание против Карла IX и фактически передачу власти в руки герцога Алансонского. Попытка бегства герцога Алансонского и Генриха Наваррского из Парижа, намечавшегося на 10 апреля 1574 г., не удалась — они были выданы Шарлоттой де Сов, являвшейся одновременно любовницей их обоих и шпионкой королевы-матери.

14 апреля испанские войска в сражении при Моор Керхейде разгромили отряд одного из участников заговора. Герцог Алансонский поспешил изменить своим сообщникам. Ла Моля предали суду парламента. У обвиняемого нашли фигурку Маргариты с короной на голове. Кстати, магические действия над такими, обычно восковыми, фигурками считались способными вызвать страсть или навести порчу. Поскольку было удобно принять

фигурку за изображение короля, суеверная Екатерина даже всерьез стала приписывать ухудшение здоровья Карла действию колдовских чар. По приказу королевы-матери начались поиски астролога Ружиери, лепившего такие фигурки. Переодетого крестьянином астролога — он пытался укрыться в флорентийском посольстве — доставили к Екатерине Медичи, которая решила его пощадить, рассчитывая, что Ружиери сумеет исцелить Карла. Ла Молю инкриминировалось злоумышление против особы короля. Даже под пыткой Ла Моль не сделал никаких признаний. Напротив, Коконнас, проявивший себя свирепым убийцей во время Варфоломеевской ночи, пытался спасти себе жизнь, донося на всех, кого только знал, приписывая им всяческие преступления[145]. Однако это ему не помогло, и 30 апреля его казнили вместе с Ла Молем.

Карл IX скончался в разгар нового восстания гугенотов 30 мая 1574 г. Герцог Анжуйский наследовал престол под именем Генриха III. Началась долгая цепь интриг Маргариты против нового короля, в ходе которых она будет участвовать во множестве конспираций, примыкая к разным партиям. По ее настоянию один из ее мимолетных любовников убьет 31 октября 1575 г. королевского фаворита де Гаста, настаивавшего на решительной борьбе против Испании, зато по наущению Генриха III ревнивый муж графини Монсоро (наверное, известной читателю по одноименному роману Дюма) и его слуги зарежут другого возлюбленного королевы Марго, легендарного дуэлянта Бюсси.

Таких драматических эпизодов будет еще немало в жизни «жемчужины Валуа», «волшебницы», «новой Минервы», как именовали Маргариту придворные льстецы. Впрочем, ее обаянию поддавались Ронсар и Малерб, Брантом и Монтень, ей сопутствовала слава покровительницы наук. Неверной супруге Генриха Наваррского пришлось узнать многие превратности судьбы, ссориться с мужем и воевать против него на стороне Католической лиги; подвергаться аресту по приказу Екатерины Медичи, которая даже подумывала об убийстве дочери, чтобы женить Генриха Наваррского на одной из своих внучек; бежать из заключения с помощью соблазненного тюремщика; тщетно просить субсидии у Филиппа II для продолжения борьбы и снова менять возлюбленных, один из которых убил другого на глазах у королевы. Подобный же случай повторился еще раз; на этот раз убийце отрубили голову по просьбе самой Маргариты. К этому времени Генрих Наваррский стал Генрихом IV, а Марго сумела выторговать крупные уступки за свое согласие на

развод. В последний раз ее пути сошлись с дорогами большой политики за пять лет до смерти, когда королева Маргарита в 1610 г. оказалась причастной (правда, косвенно) к заговору, приведшему к убийству Генриха IV.

14 мая 1610 г. католический фанатик Франсуа Равальяк смертельно ранил ехавшего в открытом экипаже Генриха IV. Регентшей при малолетнем сыне (впоследствии короле Людовике XIII) была объявлена вторая жена Генриха Мария Медичи. Правительству королевы-регентши очень не хотелось дознаваться, кто был соучастником Равальяка, и процесс над ним стал одним из образчиков фабрикации версии об «убийце-одиночке», столь знакомой по политическим процессам на Западе во второй половине XX в. А следы вели к бывшей фаворитке короля маркизе Верней, к могущественному герцогу д'Эпернону и даже к самой Марии Медичи, ставшей теперь правительницей Франции. Вели следы и за границу, в Мадрид, в Вену, в Рим, где не доверяли бывшему еретику, несколько раз менявшему веру и, главное, явно решившему поддержать протестантские государства против вселенских планов испанских и австрийских Габсбургов — главной силы контрреформации.

Генриха IV пыталась предупредить об опасности некая Жаклин д'Эскоман, служившая у одной придворной дамы — любовницы д'Эпернона, но ей помешал исповедник короля иезуит Коттон. Равальяк откуда-то точно узнал, что лишь 14 мая король будет находиться без большой охраны и что назавтра он уедет в армию. И убийца не пропустил этот единственно возможный для покушения день [146]. В испанских владениях заранее знали о предстоящем покушении [147]. А судьи терпеливо выслушивали рассуждения свидетелей о том, что у Равальяка был единственный сообщник — нечистый дух, появлявшийся в виде «огромного и страшного черного пса» [148].

Если и существовал «испанский заговор», то его организаторы лишь частично достигли своей цели, поскольку внешнеполитический курс Франции после убийства Генриха IV претерпел значительно меньшие изменения, чем этого хотелось бы Мадриду [149]. Кардинал Ришелье, с 1624 по 1642 г. бывший фактическим правителем Франции и во многом являвшийся продолжателем политики Генриха IV, сделал очень много для обуздания сепаратизма знатных вельмож и утверждения королевского абсолютизма. Эта политика соответствовала интересам феодального класса в целом, которому была нужна сильная центральная власть для подавления крестьянства. Однако кардиналу пришлось столкнуться с исключительными трудностями.

Ко времени прихода к власти Ришелье крупные вельможи по существу являлись соправителями короля в провинциях. Принц Конде был губернатором Бургундии и Берри, герцог Лонгвиль — Нормандии, герцог Вандом — Бретани, герцог Гиз — Прованса, герцог Люинь — Пикардии, герцог Монморанси — Лангедока, граф Суасонский — Дофине, герцог де Шеврез — Оверни. Огромные богатства, крупные военные отряды, которыми они командовали, контроль над крепостями делали их в значительной степени независимыми от центральной власти [150].

Корона еще совсем недавно перешла в руки Бурбонов. Было точно подсчитано, что Генрих IV был родственником своего предшественника Генриха III в 22-м колене, требовалось углубиться на много веков в историю, чтобы найти у них общего предка. На протяжении более чем столетия только в трех случаях трон переходил от отца к сыну. Трудно было подыскать более убедительные прецеденты для честолюбивых принцев, любой из которых при благоприятном повороте событий мог занять престол. Такие надежды теплились и у брата Людовика XIII герцога Гастона Орлеанского, который до рождения сыновей короля считался наследником престола. В отличие от вялого и мрачного Людовика Гастон был деятельным, неразборчивым в средствах интриганом, ловким краснобаем: он умело маскировал свою природную трусость, предавая при малейшей опасности всех доверившихся ему лиц [151].

В борьбе за укрепление власти короны находившемуся у кормила правления Ришелье приходилось опасаться предательства со стороны ничтожного, поддающегося влиянию Людовика XIII. Первый заговор против Ришелье возглавил Гастон Орлеанский, в нем участвовали Анна Австрийская, побочные братья короля принцы Вандом. Вена и Мадрид обещали им свою поддержку. В планы заговорщиков входило похищение Людовика XIII и Ришелье, а в случае неудачи — вооруженное восстание. Заговор иногда называют по имени его активного участника графа де Шале, принадлежавшего к знатному роду Талейранов-Перигоров, кстати, очень заурядной личности. Разведка Ришелье, возглавляемая монахом Жозефом де Трембле, проследила все нити заговора, добыла письма, в которых его участники обсуждали планы убийства не только Ришелье, но и самого Людовика XIII, корреспонденцию, получаемую Шале из Мадрида от испанских властей в Брюсселе. Гастон Орлеанский, поняв, что игра проиграна, выдал своих сообщников. После ареста Шале валялся в ногах у Ришелье, умоляя о

пощаде. Но кардинал был неумолим — примерное наказание графа Шале призвано было устрашить недовольных. После громкого судебного процесса в 1626 г. Шале кончил жизнь под топором палача.

Главой следующего заговора была мать короля Мария Медичи, но и она потерпела неудачу и была выслана за границу[152]. Гастону Орлеанскому все же удалось поднять восстание в Лотарингии и заключить тайный договор с Испанией, обещавшей помощь противникам Ришелье. Чтобы навести страх на мятежников, кардинал решил расправиться с одним из руководителей заговора, маршалом Луи де Марильяком (братом смещенного кардиналом министра-хранителя государственной печати Мишеля де Марильяка, который после своего падения также был отдан под суд и вскоре умер в тюрьме). Надо сказать, что судебное оформление расправы с противниками кардинала не всегда проходило гладко: в парижском и провинциальных парламентах, осуществлявших судебную власть, сидело немало недругов первого министра, которого к тому же подозревали в стремлении урезать полномочия и известную автономию этих учреждений. Поэтому Ришелье нередко пытался создавать особые комиссии, чтобы судить заговорщиков. 10 марта 1632 г. суд, составленный из сторонников Ришелье, собрался в замке Рюэль, принадлежавшем кардиналу, для суда над Марильяком, 7 мая последовал смертный приговор. Через три дня, 10 мая 1632 г., Марильяк был обезглавлен на Гревской площади в Париже[153].

Еще больший резонанс вызвал процесс другого участника заговора, одного из самых знатных вельмож, герцога Монморанси, поднявшего мятеж на юге Франции и захваченного в плен королевскими войсками. Судил герцога тулузский парламент. 10 октября 1632 г. Монморанси был казнен. «Большое число виновных,— писал позднее Ришелье в своих «Мемуарах»,— делает неудобным их наказание. Однако среди них есть лица, которые могут послужить хорошим примером того, как посредством страха возможно было бы удержать в будущем других в повиновении закону».

Вскоре после казни Монморанси Ришелье сам попал в ловушку. В начале ноября 1632 г., расставшись с королем на пути из Тулузы, больной Ришелье прибыл в замок Кадайяк. Он принадлежал губернатору Гиени, герцогу д'Эпернону (одному из возможных участников заговора, приведшего к убийству Генриха IV). Ришелье сопровождала лишь небольшая группа придворных. Ночь прошла в тревоге, и, быть может, кардинала спасла только уверенность окружавших в том, что больному до смерти

остались считанные дни. Наутро кардинал поспешил уехать в Бордо, но и там он по существу оставался во власти д'Эпернона. Королева и ее наперсница герцогиня де Шеврез, путешествовавшие совместно со двором, торжествовали. Они поспешили покинуть прикованного к постели врага в городе, где герцог должен был стать орудием их мести. Канцлер Шатнеф, креатура герцогини де Шеврез, уже примерял костюм первого министра короля. В свою очередь д'Эпернон решил, если болезнь не унесет Ришелье в могилу, заточить кардинала в неприступном замке Тромпет. Однажды герцог явился к дому Ришелье в сопровождении 200 своих приверженцев, чтобы, по его словам, осведомиться о здоровье кардинала. Но не надо было быть Ришелье, чтобы разгадать намерения д'Эпернона. Все это происходило в самый напряженный момент Тридцатилетней войны, когда предстояла решительная схватка между армией шведского короля Густава-Адольфа и войсками императора, возглавлявшимися Валленштейном. От исхода битвы зависели как судьбы Германии, так вместе с тем и судьбы всей внешней политики Ришелье...

13 ноября Ришелье была сделана операция, устранившая опасность для жизни. Дворецкий королевы Ла Порт, явившийся узнать, не унес ли наконец дьявол неудобного министра, возвратился с печальным известием, что больной поправляется. Оставалась надежда на д'Эпернона... 20 декабря из дома, где остановился министр, несколько человек из его свиты вынесли какой-то тюфяк, покрытый шелковым ковром. Под ковром лежал Ришелье, которого таким образом доставили на корабль, сразу же поднявший паруса.

Прямым продолжением заговора Монморанси стал заговор наперсницы Анны Австрийской герцогини де Шеврез и канцлера Шатнефа, опиравшихся на полную поддержку королевы, принца Гастона Орлеанского и других врагов кардинала. Разведка Ришелье раскрыла и этот заговор. Шатнеф в 1633 г. был отправлен в Ангулемскую тюрьму, где провел 10 лет. Поскольку герцогиня де Шеврез, высланная в замок Дампьер, неподалеку от Парижа, тайно по ночам посещала Лувр для совещаний с Анной Австрийской, ей было предписано отправиться в угрюмый замок Кузьер в Турени. Но неутомимая заговорщица и там не сложила оружия. Из места ее изгнания потекли письма к Анне Австрийской, к английской королеве, сестре Людовика XIII, к испанскому двору, к герцогу Лотарингскому. «Шевретта» завербовала в число своих воздыхателей восьмидесятилетнего архиепископа Турского, а также юного князя Марсильяка, будущего

герцога Ларошфуко, автора знаменитых «Максим». Разведке кардинала приходилось наблюдать и за другими поклонниками герцогини. Один из них, шевалье де Жар, связанный с английским двором, был схвачен, подвергнут пыткам и приговорен к смерти, но помилован уже на эшафоте[154].

В Мадриде не забыли, что уже дважды «бог устранял» врагов веры и испанской короны — в 1572 г., во время Варфоломеевской ночи, адмирала Колиньи, а в 1610 г.— Генриха IV При этом длань господню — и руку убийцы — подкрепляли закулисные происки испанской секретной дипломатии и разведки. Одному испанскому агенту в последний момент помешали совершить покушение на кардинала. Другой, в осторожной форме осведомившийся у доминиканского монаха, будет ли умерщвление министра угодно небу, получил (не в пример Равальяку) отрицательный ответ. Мария Медичи пыталась из Фландрии разжечь новую междоусобицу во Франции.

Война стучалась в двери Франции. В 1635 г. произошел открытый разрыв с Испанией. В начале года на Париж двинулись войска императора. 5 августа вражеские войска пересекли Сомму. Французская армия, находившаяся под началом графа Суасонского, поспешно отступала. К тому же на верность графа, как показали события, отнюдь нельзя было полагаться. Он вел тайные переговоры с испанцами и Марией Медичи. В Париже стали формировать ополчение, спешно сооружали и усиливали укрепления вокруг столицы, но измена не дремала. Несколько важных крепостей были предательски сданы почти без боя. Казалось, Франции снова, как после битвы при Павии в 1525 г., после поражения при Сен-Кантене в 1557 г. и во время религиозных войн, угрожала опасность быть низведенной до роли вассала Габсбургов. В этой обстановке кардиналу приходилось мириться с некоторыми противниками, особенно с Гастоном Орлеанским[155].

Французская армия во главе с самим Людовиком XIII и Ришелье обложила крепость Корби, занятую неприятелем. Тогда уверенный в своей безнаказанности Гастон Орлеанский и граф Суасонский вступили в сговор с испанцами и пообещали добиться снятия осады, убив кардинала. На этот раз, видимо, контрразведка Ришелье прозевала подготовку покушения. Оно не удалось только потому, что Гастон Орлеанский (по своему обыкновению) струсил и не подал условленного знака убийцам. Вскоре Ришелье получил все сведения об этом заговоре. Гастон и принц Суасонский, узнав, что их планы раскрыты,

поспешно бежали за границу. Лишь в 1637 г. иностранная угроза была устранена.

Оставалась еще Анна Австрийская, выступавшая против внешней политики кардинала и поддерживавшая тайную переписку с Мадридом и Веной. Разведка Ришелье неустанно следила за каждым движением королевы. После осады Корби шпионы Ришелье сумели раздобыть множество писем, собственноручно написанных Анной Австрийской и адресованных герцогине де Шеврез. Ришелье пытался окружить Анну Австрийскую своими шпионами, среди которых особо важная роль отводилась мадам де Ланнуа. Однако у королевы сохранялись преданные слуги — конюший Пютанон и дворецкий Ла Порт, которые с помощью герцогини де Шеврез научились обходить ловушки. Ришелье не раз пытался очаровать Анну Австрийскую и герцогиню де Шеврез, как некогда удалось ему с таким успехом покорить сердце Марии Медичи. Но эксперимент, повторенный через два десятилетия, не увенчался успехом.

...Летом 1637 г. разведка Ришелье — вероятно, через куртизанку мадемуазель Шемеро, известную под именем Прекрасной распутницы,— сумела завладеть письмом бывшего испанского посла во Франции маркиза Мирабела. Это был его ответ на письмо королевы. Хотя людям Ришелье не удалось перехватить очередное письмо Анны Австрийской в Мадрид, они все же установили, что главную роль в доставке корреспонденции играл Ла Порт. Опасаясь, что Анна Австрийская успеет уничтожить компрометирующие ее бумаги, кардинал добился разрешения Людовика XIII произвести обыск в апартаментах королевы в аббатстве Сен-Этьен. 13 августа посланные Ришелье парижский архиепископ и канцлер Сегье обнаружили там лишь ничего не значившие письма. За день до этого Ла Порт был заключен в Бастилию, в темницу, которую до него занимал алхимик Дюбуа, несколько лет дурачивший кардинала надеждой на фабрикацию золота из неблагородных металлов. При аресте у Ла Порта нашли записку королевы к герцогине де Шеврез: «Податель этого письма сообщит Вам новости, о которых я не могу писать». Тогда же был произведен обыск в комнате Ла Порта в Отеле де Шеврез. Однако от внимания людей Сегье ускользнуло самое главное — скрытый гипсовой маской тайник в стене, в котором хранились наиболее важные бумаги и ключи к шифрованной переписке.

Анна Австрийская утверждала, будто она в своем письме к Мирабелю и другим лицам в Мадриде просила передать выражение ее родственных симпатий и осведомлялась о состоянии здоровья членов испанской королев-

ской семьи. Королева попыталась искусно разыграть комедию полного примирения с ненавистным кардиналом. Ей казалось, что она преуспела в этом. В действительности же дело шло не столько о неотразимых чарах испанки, сколько о политической необходимости. Ведь для упрочения абсолютизма, иначе говоря, для торжества политики Ришелье было особенно важно рождение наследника престола. Матерью дофина могла стать только Анна Австрийская, поскольку (и Ришелье это понимал) Рим не дал бы своего согласия на развод и другой брак короля. Приходилось мириться с обстоятельствами.

«Я желаю,— написал Людовик XIII под диктовку Ришелье,— чтобы мадам Сеннесе мне отдавала отчет о всех письмах, которые королева будет впредь отсылать и которые должны запечатываться в ее присутствии. Я желаю также, чтобы Филандр, первая фрейлина королевы, отдавала мне отчет о всех случаях, когда королева будет что-либо писать, и сделала так, чтобы это не происходило без ее ведома, поскольку в ее ведении находятся письменные принадлежности». Анна Австрийская написала внизу этого документа: «Я обещала королю свято выполнять содержание вышеизложенного». Обещание это стоило недорого.

21 августа 1637 г. Ришелье лично в своем дворце допросил Ла Порта. Тот заявил, что может давать показания, если ему повелит королева. Людовик XIII потребовал от жены письменного приказания Ла Порту сообщить все ему известное, угрожая в противном случае подвергнуть дворецкого пытке. Обеспокоенная королева поспешила сделать дополнительные признания: она-де действительно дала шифр Ла Порту для поддержания связи с Мирабелем, принимала переодетую графиню де Шеврез, но корреспонденция якобы носила сугубо невинный характер. Королева вынуждена была написать Ла Порту, что предписывает ему открыть все ее тайны.

Попытки подорвать влияние могущественного кардинала предпринимались и другими лицами. Так, в декабре 1637 г. Коссен, исповедник Людовика XIII, интриговавший против Ришелье, с помощью королевской фаворитки Луизы Лафайет доставил монарху письмо Марии Медичи, содержащее нападки на Ришелье. Через два часа кардинал получил известие об этом и сумел нанести контрудар. Назавтра Коссен узнал от короля, что в его услугах более не нуждаются; вскоре после этого иезуита выслали из столицы, на его бумаги был наложен арест.

В 1637 г. вспыхнуло восстание, поднятое графом Суасонским и комендантом крепости Седан герцогом Бульонским. Как и прежде, заговорщикам была обещана

помощь испанского короля и германского императора. К войску мятежников присоединился отряд в 7 тыс. имперских солдат. Королевская армия потерпела поражение в битве при Марсе. Но в 1641 г. пришло неожиданное известие — глава заговора граф Суассонский пал от руки неизвестного убийцы. После смерти графа Суассонского герцог Бульонский предпочел договориться с Ришелье, остальные заговорщики скрылись за границей.

Однако в том же году начал формироваться еще более опасный для Ришелье заговор, в который удалось наполовину вовлечь самого Людовика. Душой нового заговора стал один из королевских фаворитов, Анри де Сен-Мар, сын сторонника Ришелье, маршала Эффиа. В заговор опять были вовлечены неизменный Гастон Орлеанский, герцог Бульонский и, вероятно, Анна Австрийская.

Заговорщики подписали тайный договор с первым министром Испании герцогом Оливаресом. Испанцы должны были напасть с севера на Францию, а герцог Бульонский — сдать им Седан, что помешало бы продвижению французской армии в Каталонии.

Наиболее ловким агентом Сен-Мара был его друг, виконт де Фонтрай, горбатый уродец. Переодетый монахом-капуцином, Фонтрай ездил в Мадрид для встречи с Оливаресом и вернулся, имея на руках подписанный договор. Ришелье, будучи осведомлен своей разведкой о поездке какого-то француза в Мадрид, не был, по-видимому, еще посвящен в детали заговора. После возвращения в Париж Фонтрай имел смелость несколько раз появляться при дворе и даже в апартаментах кардинала с опасными бумагами, зашитыми в камзоле.

Однако даже разослать копии договора заговорщикам, находившимся в тот момент в разных местах, оказалось делом весьма нелегким. Повсюду сновали шпионы кардинала. Сен-Мар, например, подозревал аббата Ла Ривьера, доверенного советника Гастона Орлеанского. И не без основания — Ла Ривьер был агентом Ришелье. Пока искали способы пересылки договора, один экземпляр его очутился в руках кардинала! Уже современниками высказывались различные предположения относительно того, каким путем копия договора попала к Ришелье. Одни считали, что он получил ее от герцогини де Шеврез, находившейся тогда в Брюсселе (она бежала из Франции еще в 1637 г.). Если это и так, то вполне понятно, почему Ришелье в своем политическом завещании отозвался о ней с явным презрением. Некоторые считали, что кардинал узнал о договоре из писем испанского губернатора Южных Нидерландов дона Франсеско де Мельоса, перехваченных разведкой министра. Согласно еще одному

слуху, копию договора нашли на судне, которое во время шторма село на мель неподалеку от Перпиньяна[156]. Надо учесть также, что с 1636 г. Ришелье имел важного агента в Мадриде — провансальского барона, участника прежних заговоров против кардинала. В сохранившейся корреспонденции имеются намеки, по-видимому, на то, что именно от него исходили известия о договоре.

Некоторые историки полагают, что заговорщиков мог выдать сам Оливарес в обмен на определенные компенсации со стороны Ришелье. Если это так, то Оливарес, вероятно, переслал договор через французского командующего в Каталонии де Брезе, шурина кардинала. Однако многое говорит против этой гипотезы. Предателем мог быть Гастон Орлеанский. Но выдать заговорщиков могла и Анна Австрийская: ведь ее приближенным и любовником был кардинал Джулио Мазарини, ближайший советник и преемник Ришелье на посту первого министра Франции. Загадка так и не была разгадана.

Заговорщики тщетно надеялись на скрытую неприязнь, которую, по их мнению, питал Людовик XIII к своему министру. Сохранившаяся переписка свидетельствует о самом тесном сотрудничестве между королем и кардиналом; она доказывает, что внешние знаки неудовольствия и даже ревности монарха по отношению к Ришелье были скорее игрой и симуляцией, в которых он проявил немалую ловкость. Такое притворство и побудило многих современников считать — это общее убеждение отразили знаменитые «Мемуары» Ларошфуко,— будто король ненавидел своего слишком проницательного и непогрешимого министра.

Получив текст договора, тяжелобольной Ришелье послал его Людовику XIII, и король согласился на арест Сен-Мара. Конечно, королеву и Гастона Орлеанского трогать было нельзя. Что же касается герцога Бульонского, то его спасла жена. Герцогиня довела до сведения Ришелье, что, если ее мужа казнят, она сдаст крепость Седан испанцам. Герцог был помилован, но заплатил за это отказом от Седана. Фонтрай успел бежать за границу. Получив известие о посещении короля посланцем кардинала, он сразу же сообразил, что игра проиграна.

Ришелье решил превратить суд над Сен-Маром в доказательство неотвратимости наказания тех, кто выступает против кардинала, но при этом провести суд со всеми формальностями, предписанными законом. А это, несмотря на очевидность измены, было совсем нелегким делом. Ведь разведка Ришелье добыла лишь копию секретного договора, заключенного заговорщиками с Испанией. Кто мог удостоверить аутентичность этого доку-

мента? Здесь Ришелье снова использовал предательство герцогов Орлеанского и Бульонского. Он потребовал и получил от них письменные заявления, подтверждающие соответствие копии оригиналу договора[157].

Но и это было еще не все. Министр ясно дал понять канцлеру Сегье, руководившему процессом, что ожидает вынесения смертного приговора не только Сен-Мару, но и его другу де Ту, которого считал более умным и, следовательно, более опасным врагом. Между тем не было никаких доказательств прямого участия де Ту в заговоре. Он, правда, ездил по поручению Сен-Мара к герцогу Бульонскому, но еще до того, как заговор окончательно созрел. Герцог Бульонский показал, что его разговоры с де Ту касались лишь плана поездки Гастона Орлеанского в Седан. А брат короля даже засвидетельствовал, что де Ту не раз отговаривал Сен-Мара от организации заговора. Чтобы выполнить приказ кардинала, Сегье и его коллегам не оставалось ничего другого, как сослаться на закон 1477 г., предусматривавший казнь за недонесение о готовящейся государственной измене. Этот закон с тех пор ни разу не применялся, и даже в комиссии, составленной Ришелье, трудно было рассчитывать на то, чтобы собрать большинство голосов в пользу смертного приговора.

Тогда Ришелье предписал организовать провокацию. Сен-Мару было объявлено, что де Ту дает против него показания. А вот если бывший фаворит сам признается во всем, он избежит пытки и смертной казни. После этого Сен-Мар показал, что де Ту было известно об изменнических отношениях с Испанией. На очной ставке с Сен-Маром де Ту признал, что знал о договоре с Мадридом, но только после его заключения. Он добавил, что не говорил об этом в надежде спасти друга, ради которого готов пожертвовать жизнью. Комиссии ничего большего и не требовалось. Правда, несколько судей еще колебались. Если смертный приговор Сен-Мару был вынесен единодушно, то в отношении де Ту голоса разделились. Тогда Сегье, чтобы покончить с нерешительностью некоторых членов комиссии, заявил: «Подумайте, господа, об упреках, которые посыплются на вас, если вы осудите фаворита короля и избавите от наказания вашего собрата, так как он облачен в такую же мантию, как ваша» (де Ту был парламентским советником). Оба обвиняемых были присуждены к обезглавливанию и конфискации имущества. 12 сентября 1642 г. они мужественно встретили смерть.

По мнению некоторых современников, разделяемому и отдельными историками, протоколы суда были частично

искажены по приказу Ришелье: кардиналу важно было уничтожить следы того, что сам Людовик XIII первое время поощрял интриги Сен-Мара против всемогущего министра. Это обвинение никогда не было доказано. Процесс Сен-Мара стал одним из важных судебных дел, с помощью которых королевский абсолютизм стремился сломить сопротивление феодальных вельмож, пытавшихся сохранить свою былую независимость от короны.

Король финансов

Суд над Николя Фуке принадлежит к числу наиболее крупных процессов XVII в. Эту известность он приобрел не столько вследствие своей значимости, сколько благодаря самой личности обвиняемого, близкого знакомого писателей, которые выступили в его защиту. В деле Фуке многое объясняется непримиримой враждой между ним и Кольбером, выдающимся государственным деятелем Франции той эпохи. К этому прибавилось чуть ли не личное соперничество Фуке с молодым королем Людовиком XIV.

Выходец из богатой семьи банкиров и судовладельцев, Николя Фуке делал обычную карьеру разбогатевших буржуа, которые путем покупки государственных должностей всеми правдами и неправдами пролезали в ряды дворянства. Генеральный прокурор парламента Фуке твердо принял сторону преемника Ришелье кардинала Мазарини и оставался верным ему, несмотря на все неожиданности и перемены. Когда кардинал вынужден был временно уехать в Германию, Фуке выполнял важные поручения Мазарини в Париже[158]. Награда не заставила себя ждать. В 1653 г. победивший кардинал назначил Фуке одним из двух сюринтендантов (министров) финансов. Пользуясь полным доверием регентши Анны Австрийской, Фуке стал правой рукой кардинала, долгое время был даже его личным банкиром. Фуке и ранее был очень состоятельным человеком, а теперь еще более разбогател, не проводя строгой границы между государственными и собственными финансами. Именно к этому времени относится широкое меценатство Фуке, щедрые пенсии, которые получали от него писатели и ученые. Он жил богатым патроном, окруженным многочисленными друзьями и клиентами.

Мазарини нравилась способность сюринтенданта в критические моменты находить нужные миллионы. Кардинала страшил скандал, который разразился бы в случае ареста и осуждения его многолетнего помощника. Поэтому до поры до времени Мазарини молчал, но

весной 1661 г., накануне смерти, передал Людовику XIV через своего духовника сведения о предосудительных действиях Фуке и рекомендовал заменить его другим своим приближенным — Кольбером.

Со своей стороны Фуке, предчувствуя недоброе, еще до этого решился на крайне опрометчивый шаг: укрепить купленный им остров Бель-Иль, вместе с верными людьми обороняться там, если возникнет крайняя необходимость. Самым неосторожным было фиксирование этих планов на бумаге, а также то, что они были оставлены среди других документов в замке Во.

После смерти Мазарини Людовик XIV твердо решил, что он сам будет собственным первым министром. Получив от кардинала компрометирующие материалы о Фуке, король первоначально не только не предпринял никаких шагов против сюринтенданта, но внешне даже выражал ему полную благосклонность, поручая ведение секретных переговоров с Англией и Нидерландами. Это была лишь маска. Более того, Фуке не только не умиротворил Людовика устройством в его честь пышных празднеств, но даже вызвал ненависть монарха, ухаживая за королевской фавориткой Лавальер.

Расстройство французских финансов давало Людовику XIV все основания уволить в отставку Фуке и отдать его под суд. Но сюринтендант был настолько влиятельной фигурой, что король, приняв весной 1661 г. это решение, некоторое время сохранял его в тайне. Прежде всего надо было убедить Фуке продать свою должность генерального прокурора парижского парламента. Дело в том, что лицо, занимавшее эту должность, обладало привилегией быть судимым судом себе равных. Людовик XIV еще не считал удобным нарушать существующий закон и не мог положиться на членов парижского парламента в деле Фуке. Выход был найден. Сюринтенданту дали понять, что он сможет стать преемником канцлера Сегье, который вскоре по старости оставит свой пост. Прельщенный этой перспективой, Фуке уступил место генерального прокурора, которое служило ему известной защитой.

Арестовать Фуке поручили д'Артаньяну, лейтенанту мушкетеров. К этому времени тот прожил жизнь, насыщенную разнообразными приключениями, хотя и не вполне совпадающими с теми, которые описывает Александр Дюма в романах о мушкетерах. Если верить Дюма, храбрый гасконец оказывается закулисным участником многих важнейших политических событий на протяжении почти четырех десятилетий — при Ришелье, Мазарини и в первые годы самостоятельного правления Людовика XIV. Роман не история, но многим, вероятно, известно,

что основную канву для своего произведения Дюма заимствовал из книги Гасьена де Куртиля «Мемуары д'Артаньяна», увидевшей свет в 1700 г. Добавим, что де Куртиль еще за 13 лет до этого, в 1687 г., опубликовал «Мемуары графа де Рошфора», которые также были использованы Дюма.

Неизвестно, однако, знал ли сам Дюма, что автор «Мемуаров д'Артаньяна» писал свое произведение с живого лица, что действительно существовал гасконец д'Артаньян (его полное имя Шарль де Батц-Кастльмор д'Артаньян), родившийся в 1623 г., имевший друзей мушкетеров Атоса, Портоса и Арамиса, принимавший участие в событиях, о которых повествуется в книге Гасьена де Куртиля, и убитый при осаде Маестрихта в 1675 г.

Гасьен де Куртиль родился в 1646 г. (по другим сведениям, в 1647 г.) и, следовательно, мог встречаться с д'Артаньяном или по крайней мере с людьми, хорошо знавшими лейтенанта мушкетеров. Возникает, однако, вопрос: можно ли доверять сведениям, содержащимся в «Мемуарах д'Артаньяна», или же они являются плодом воображения де Куртиля? Начав свою карьеру в армии и дослужившись до капитана, Гасьен де Куртиль стал впоследствии плодовитым писателем. Его перу принадлежит несколько сатирических описаний придворного быта, которые он анонимно издал, находясь в эмиграции в Голландии. Возвратившись в 1683 г. во Францию, Гасьен де Куртиль был посажен в Бастилию, где провел шесть лет. Выйдя на свободу, он снова отправился в Голландию, где и опубликовал в числе других книг «Мемуары д'Артаньяна»[159], потом опять вернулся во Францию и вновь перекочевал надолго в Бастилию. Умер в Париже в 1712 г.

Несомненно, что в произведениях Гасьена де Куртиля, которого иногда не без основания считают автором первых во Франции исторических романов, переплетаются правда и какая-то доля вымысла. Вместе с тем надо учесть, что современники ссылались на его «Мемуары» как на солидный и заслуживающий доверия источник.

Конечно, д'Артаньян де Куртиля оставался бледной тенью литературного героя, созданного талантом Дюма. Удалой сорви-голова, равно непобедимый на поле брани и в споре за дружеским столом, лучшая шпага королевства и проницательный ум, непоколебимая верность и трезвый расчет, не знающая преград, неукротимая отвага, презрение к любой опасности, находчивость в беде и ясное понимание своих интересов, пылкость чувств и практическая смекалка, юношеский задор и глубокое знание

людей, благородное бескорыстие там, где затронута честь и дружба, рядом с прижимистостью делового человека, знающего себе цену и умеющего дорого продавать свои услуги,— только этот д'Артаньян, которого мы узнали из романа Дюма, полный противоречий и огня, непосредственности и обаяния, завоевал сердца миллионов. Его прототип вряд ли обладал многими из этих достоинств, полюбившихся читателям Дюма, но он тоже был личностью не совсем заурядной[160].

Вначале нас ждет разочарование. Дюма отнес рождение д'Артаньяна на 16 лет назад, и храбрый гасконец никак не мог по возрасту принимать участие ни в одном из исторических событий, описанных в «Трех мушкетерах», поскольку они происходили между 1625 и 1628 гг. Однако ряд приключений, которые пришлось пережить д'Артаньяну в романе, например столкновение со знатным придворным (у Дюма — Рошфором) на пути в Париж или борьба со зловещей красавицей леди Винтер, если верить Куртилю, действительно имели место, только примерно на полтора десятка лет позднее, уже после смерти Ришелье. Надо лишь добавить, что кое-кто из противников д'Артаньяна на дуэлях — здесь опять у Дюма фигурируют реальные люди — не были убиты, а благополучно дожили, иные до очень преклонных лет. Зато во многих событиях, о которых повествуется в романах «20 лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя», д'Артаньян действительно являлся немаловажным участником, пусть и не столь значительным, как в романах Дюма.

Начиная с 1646 г. д'Артаньян выполнял ряд секретных поручений Мазарини как военного, так и дипломатического характера. Однако сообщение де Куртиля, что Мазарини поручил д'Артаньяну секретную миссию в Англии, кажется, не находит подтверждения в документах. Когда Мазарини в марте 1651 г. вынужден был временно покинуть Францию, д'Артаньян, будучи его доверенным лицом, ездил то к кельнскому курфюрсту, то к Кольберу, Фуке и другим сторонникам кардинала во французской столице. В конце декабря того же года Мазарини вернулся во Францию, и д'Артаньян стал осуществлять ловкий план переманивания вельмож на сторону кардинала. Задания, которые выполнял д'Артаньян, представляли собой обычно причудливое сочетание тайной дипломатии и разведки. Многие из них, вероятно, остались нам неизвестны. Сохранился отрывок письма Мазарини от 9 ноября 1655 г. к одному из своих сторонников: «Англичанин, которого я направил Вам при посредстве иезуита отца д'Артаньяна, несомненно, сооб-

щит весьма секретные и важные сведения, так как я разведал другим путем часть того, что замышляют Кромвель, испанцы, находящиеся во Фландрии, и принц Конде»[161]. Д'Артаньян в роли Арамиса и к тому же по поручению Мазарини — такой сцены не изобрел и Дюма!

В 1655 или 1656 г. д'Артаньян был назначен на важный пост капитана гвардии, позднее стал лейтенантом и капитаном мушкетеров, принимал участие в сражениях с испанцами вплоть до заключения Пиренейского мира в 1659 г., а позднее — в войнах Людовика XIV против Голландии.

В начале правления «короля-солнце» он сыграл немаловажную роль в процессе Фуке.

1 сентября 1661 г. в Нант, где находился тогда двор, Людовик XIV приказал вызвать д'Артаньяна, чтобы поручить ему арест Фуке. Королю доложили, что лейтенант мушкетеров нездоров. Людовик не поверил, подозревая, что гасконец пытается уклониться от неприятного поручения. По приказу Людовика мушкетера на носилках доставили в королевский кабинет. Лишь убедившись, что офицер действительно болен, Людовик смягчился. Он настолько полагался на верность и ловкость д'Артаньяна, что отложил арест Фуке на три дня, пока гасконец не выздоровеет. 5 сентября в Нанте Фуке был арестован д'Артаньяном[162]. Когда мушкетер узнал, что его прочат на роль стража при Фуке в Пинероле, он заявил Кольберу:

— Я предпочитаю служить простым солдатом, чем заделаться тюремщиком.

— Пойдите и заявите об этом королю,— иронически ответил Кольбер.

Мушкетер неожиданно последовал этому совету и сообщил Людовику XIV о своем отказе. Король, хорошо относившийся к д'Артаньяну, лишь улыбнулся:

— Я вас за это только еще больше уважаю, ведь ремесло тюремщика обогащает, тогда как военное ремесло...

Снисходительность короля, вероятно, была вызвана тем, что он уже понял, насколько мушкетер не подходил для роли, на которую его прочили. Была найдена куда более подходящая кандидатура в лице Б. де Сен-Мара, помощника д'Артаньяна.

Сменив несколько мест заключения, Фуке оказался в Венсеннском замке. Титул сюринтенданта был ликвидирован, и Кольбер, к которому перешло заведование финансами, получил (и то лишь через несколько лет) другой чин — генерального контролера. Одновременно были задержаны члены семьи Фуке, произведен обыск в его

замках, где среди прочих бумаг обнаружили план укрепления и обороны Бель-Иля.

Не желая предавать Фуке суду парижского парламента, Людовик 15 ноября 1661 г. опубликовал эдикт о создании специальной палаты правосудия для расследования злоупотреблений в финансовом ведомстве за предшествовавшую четверть века. Столь обширная программа ревизии была призвана послужить объяснением, почему связанный с нею процесс Фуке был изъят из ведения парижского парламента, который обладал правом судить своих членов. Кроме того, всестороннее выяснение непорядков в управлении государственными финансами должно было обратить против Фуке гнев французского населения, задавленного налоговым гнетом. Состав комиссии подбирался из числа врагов обвиняемого [163] и лиц, на которых можно было рассчитывать как на простых исполнителей королевской воли.

Заседания палаты начались 3 декабря 1661 г., но лишь в марте следующего года было прямо названо имя Фуке в качестве виновника дурного управления финансами. Он был вызван для допроса. Обвиняемый выдвигал различные возражения, утверждая, что он не может сообщить палате многие особо секретные сведения. Он имел право докладывать лишь покойному Мазарини и самому королю. Фуке жаловался на конфискацию принадлежавших ему бумаг, которые будто бы содержали доказательства его невиновности. В ответ бывшему сюринтенданту предъявили собственноручно написанный им план обороны Бель-Иля, что могло считаться доказательством государственной измены. Фуке был потрясен, увидев эту бумагу. Об ее существовании он успел забыть и считал давно уничтоженной. Пытаясь оправдаться, Фуке уверял, что это были лишь какие-то туманные проекты, вызванные охлаждением его отношений с Мазарини, что после примирения с кардиналом эти пустые мечты были полностью забыты и он, Фуке, даже сам предлагал Бель-Иль королю.

Данные, собранные палатой, говорили о другом: Фуке уже принял меры к осуществлению своего плана, закупил корабли якобы для торговых целей, а в действительности для организации собственного военного флота, рассчитывая на поддержку друзей, занимавших посты комендантов ряда крепостей. В планы Фуке входила и попытка развернуть агитацию за созыв Генеральных штатов — сословного представительства, не собиравшегося уже почти полстолетия, с целью опереться на них в сопротивлении королю. Все это казалось правдоподобным. Ведь сторонники павшего министра не дремали и после его

ареста. Были выпущены памфлеты в его защиту, наиболее известный из них был написан поэтом Пелиссоном. Это способствовало известному повороту общественных настроений в пользу обвиняемого. (Вольтер писал о Фуке, что «писатели спасли ему жизнь» [164].)

Выступления Фуке на суде получили широкое распространение и были частично опубликованы. Он добился дозволения взять двух адвокатов, в чем раньше ему отказывали (это не разрешалось в делах, касающихся государственной измены). Впрочем, Фуке мог беседовать со своими адвокатами только в присутствии д'Артаньяна. Судебное разбирательство все более затягивалось, к крайнему неудовольствию Людовика XIV. Король фактически отстранил от ведения дела председателя палаты, не оправдавшего его надежд. Руководство процессом было поручено канцлеру Сегье. Были заменены и другие лица, но даже эти меры не очень ускорили ход процесса. Фуке, которого тем временем перевозили из одной парижской тюрьмы в другую (побывал он и в Бастилии), иногда переходил в наступление, подвергая сомнению протоколы заседаний, обвиняя Кольбера в подлогах или напоминая Сегье его собственное двусмысленное поведение в былые годы, когда канцлер поддерживал тайные связи с испанцами [165].

Два докладчика палаты, представившие к концу 1664 г. свои заключения по делу Фуке, разошлись в оценках. В обоих заключениях Фуке признавался виновным в растратах и расточительстве казенных средств, но лишь один из докладчиков инкриминировал ему оскорбление величества и государственную измену. Палата большинством голосов отвергла предложение присудить обвиняемого к смерти и ограничилась приговором к конфискации имущества и пожизненному изгнанию из Франции.

Король открыто заявлял, что без колебаний утвердит смертный приговор. Поэтому он воспринял столь мягкий, по его мнению, вердикт палаты как вызов: ведь Фуке с его энергией мог за границей сколотить новое состояние и стал бы насмехаться над наказанием, которому его подвергли. Вскоре члены палаты испытали на себе всю силу королевского раздражения. Одни из них лишились своих постов, другим предложили покинуть Париж. Вопреки обычаю, по которому король должен был либо согласиться с приговором, либо смягчить его, на сей раз Людовик изменил решение палаты в совершенно противоположном смысле. Взамен изгнания Фуке был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Бывшего министра под строгой охраной направили в крепость

северонтальянского города Пинероля, принадлежавшего тогда Франции. В Пинероле Фуке предстояло провести в суровом заключении последние пятнадцать лет своей жизни. Надежды друзей, что он будет вскоре помилован, не осуществились вследствие неугасавшей ненависти Людовика XIV к осужденному.

Еще современники недоумевали: в чем причина не ослабевавшего со временем королевского гнева? Одна из загадок — полная пассивность и беззаботность Фуке накануне ареста. Ведь он имел более чем достаточно времени, чтобы оставить далеко позади любых преследователей, укрыться на Бель-Иле (остров охранял нанятый им гарнизон), наконец, просто бежать за границу на одном из своих кораблей. Трудно представить, что Фуке ничего не было известно о надвигавшейся опасности, о действиях его врагов, включая Кольбера и все еще неугомонную герцогиню де Шеврез. Был ли Фуке болен, дал ли усыпить себя лестью или твердо рассчитывал на поддержку парижского парламента, где имел немало сторонников, или, наконец, он предпочитал публично оправдаться? Или, может быть, он знал такие тайны, которые, как он считал, могли быть его верной защитой (на это Фуке не раз намекал впоследствии)?

Людовик XIV неплохо разгадал характер своего опального министра: если он и владел какими-то секретами, то не проговорился об этом ни на процессе, ни во время долгих бесед в тюрьме Пинероля с другим заключенным — герцогом Лозеном[166]. Когда Фуке умер, в Париже ходили упорные слухи, что бывший сюринтендант финансов отравлен по приказу короля. Это дало новую пищу для толков, которые потом расцвечивались домыслами и фантазией ученых и романистов и способствовали включению едва ли не самого известного процесса во Франции того времени — суда над Фуке — в историю внесудебной расправы с узником, носившим железную маску на лице. Впрочем, какая-то связь между ними, несомненно, существовала и в действительности.

Трехвековая загадка таинственного арестанта в железной маске все еще остается нерешенной, несмотря на то что ей посвящена уже целая библиотека книг. Когда-то история эта имела политическое звучание, в ней ярко выразился монархический произвол, пресловутое королевское lettrés de cachet, нередко безымянные приказы об аресте, режим бесправия для подавляющего большинства населения Франции в период абсолютизма. Потом история узника с железной маской перешла в разряд исторических тайн, неразгаданность которых время от времени создает основу для различных экстравагантных теорий.

Кого только не пытались объявить «железной маской». Брата-близнеца Людовика XIV и Мольера, герцогов Бофора и Вермандуа, короля Карла I, казненного в 1649 г. английскими республиканцами, и его внука герцога Монмаута — незаконного сына Карла II, обезглавленного в 1685 г., немца — мальтийского рыцаря, армянского патриарха и т. д. Однако постепенно круг претендентов сужался.

Достоверно известно, что 12 сентября 1698 г. «маску» доставил в Бастилию новый губернатор этой тюрьмы уже знакомый нам бывший мушкетер Сен-Мар. В дневнике помощника коменданта Бастилии Дю Жюнка сказано, что Сен-Мар привез с собой своего старого узника, которого он держал под стражей в Пинероле. Когда Сен-Мар покидал пост губернатора крепости Пинероля, там содержалось пять государственных преступников. Стараниями и остроумием исследователей, тщательно проанализировавших переписку Сен-Мара с его начальником — знаменитым военным министром Лувуа, а после смерти того — с его сыном и преемником Барбезье, удалось отсеять из «пятерки» троих заключенных, и «кандидатами» на роль «маски» остались двое.

Во-первых, граф Эрколе Маттиоли. Этот мантуанский министр получал взятки от правительства Людовика XIV, но обманул его доверие. В 1679 г. итальянца заманили на французскую территорию и отправили в крепость Пинероля. Французский историк Ф. Функ-Брентано утверждал, что тождество Маттиоли и «маски» было доказано с математической точностью. (Между прочим, и в акте о смерти заключенного в маске в 1703 г. он назван «Маршиали».) В последнее время позиции «маттиолистов» пошатнулись. Выяснилось, в частности, что арест Маттиоли был широко известным фактом, о нем даже писали голландские газеты. Напротив, лично Маттиоли никто во Франции не знал, и не было никакой нужды содержать его в тюрьме с маской на лице. Главным кандидатом после этого стал некий «слуга Эсташ Доже», арестованный в 1669 г. Однако, писал в 1952 г. известный французский ученый Ж. Монгредьен, подняв железную маску, исследователи обнаружили человека без лица и биографии [167]. По всей вероятности, «Эсташ Доже» — псевдоним. В 1965 г. академик Ж. Паньол [168] попытался использовать этот вывод для воскрешения старой версии, которую выдвинул еще Вольтер и популяризировал А. Дюма в романе «Десять лет спустя» («Виконт де Бражелон»). По этой версии, «маска» — брат Людовика XIV, обреченный на вечное заключение из соображений государственной политики.

Еще в XIX в. в числе претендентов на роль «маски» фигурировал и Фуке, но его кандидатура была решительно отвергнута господствовавшими тогда «маттиолистами». В 1969 г. французский журналист П. Ж. Аррез опубликовал книгу «Железная маска»[169], где постарался подкрепить новыми доводами старую гипотезу, по которой «маской» являлся осужденный сюринтендант финансов.

Самым впечатляющим является подробное обоснование Аррезом тезиса, что после смерти Мазарини и падения Фуке едва ли не все центральные посты в государственном аппарате были захвачены Кольбером и Лувуа, их многочисленными родственниками и клиентами, которые представляли по сути дела единый «клан», связанный круговой порукой. Все лица, имевшие отношение к судьбе «маски», были неизменно представителями или доверенными людьми этого «клана». В свою очередь Сен-Мар, избранный в 1665 г. тюремщиком для осужденного Фуке и щедро награжденный за верность деньгами и землями, в качестве помощников взял себе в Пинероль своего кузена де Бленвильера, своих племянников Луи и Гильома де Формануар (им поручалось исполнять роль курьеров при отсылке особо важных донесений в Париж), а также майора Росаржа, через 39 лет засвидетельствовавшего смерть «Маршиали» в Бастилии.

Более того, возникает вопрос, насколько был осведомлен Людовик XIV о переписке, которую вел его военный министр Лувуа с Сен-Маром. Хотя Лувуа неизменно ссылался на «волю короля», но это ведь была обычная форма, в которую министры облекали свои приказы подчиненным. Даже бумаги, подписанные Людовиком XIV, совсем не обязательно исходили от него — известно, что имелись секретари, в обязанность которых входило имитировать королевскую подпись на документах. Все это бросает дополнительный свет на старую загадку. Однако Аррез переступает границу правдоподобного, когда изображает Людовика XIV безвольной марионеткой, «королевским манекеном», исполняющим веления «клана» Кольбера и Лувуа. Приводимые в пользу этого доводы на редкость неубедительны — они свидетельствуют только о том, что министрам удавалось ссылками на государственные интересы не раз обводить своего повелителя вокруг пальца, даже изменять ранее принятые им решения. Это известно всем, кто знаком с историей правления Людовика XIV. Но это вовсе не является основанием для того, чтобы считать «короля-солнце» бессильным противостоять предписаниям своих министров. Изображение Людовика способным изобретать только парики или коротать время

с любовницами, выбранными для него «кланом», явно далеко от реальности и нужно Аррезу как основание для его теории. Аррез полагает, что Кольбер и Лувуа еще долгие годы опасались возвращения к власти Фуке — его огромные богатства перешли в руки их родни. Между тем нет никаких доказательств существования таких опасений. Учитывая ненависть, которую питал к бывшему сюринтенданту финансов король, речь могла идти лишь о некотором смягчении в будущем его участи, максимум об освобождении из заточения. Предположение, что Фуке после ареста в течение многих лет сохранял сильную партию при дворе и в столице, также не подтверждается фактами.

Примером всесилия «клана» Аррез считает и судьбу д'Артаньяна. Основываясь во многом на мемуарах мушкетера в изложении Гасьена де Куртиля, Аррез излагает историю того, как д'Артаньян был подкуплен, а потом убит людьми «клана». Подчиненные Фуке потребовали от мушкетера внести плату за его должность (тогда существовала система продажи должностей). Противники сюринтенданта дали д'Артаньяну необходимую сумму. В результате попытка Фуке исправить промах и перетянуть д'Артаньяна на свою сторону окончилась неудачей. Поскольку он стал слишком близким к королю, Людовика убедили назначить мушкетера губернатором Лилля. Однако уже вскоре этот пост был возвращен маршалу д'Юмьеру, связанному различными родственными связями с «кланом» врагов Фуке. Через несколько месяцев после этого д'Артаньян, которого мушкетеры потеряли из виду во время схватки с неприятелем, был найден мертвым на поле боя около Маастрихта[170].

Согласно теории Арреза, Сен-Мар не только был, но и оставался все время тюремщиком только одного заключенного — Фуке, все остальные не имели никакого значения в глазах правительства. Исключением являлась «маска» — это одновременно и «старый заключенный», и какое-то значительное лицо. Несомненно, что герцог Лозен, бывший одним из узников Пинероля, был освобожден. Если же считать, что Фуке умер в 1680 г., ни один арестант, содержащийся в Пинероле, не удовлетворяет двойному требованию — быть «старым заключенным» и важным лицом. Аррез полагает, что возможное и единственно математически точное решение: в 1680 г. умер Эсташ Доже, а Фуке занял его место в одиночке, которая с самого начала сооружалась не для какого-то слуги, а именно для такой подмены. Ничто не противоречит этому решению, по крайней мере нет никаких письменных документов, удостоверяющих смерть и погребение

Фуке, нет акта вскрытия тела. Поэтому, хотя с точки зрения закона Фуке был мертв уже в 1673 г. (в этот год его жена была признана наследницей сюринтенданта), нет и официальных данных о его физической смерти в 1680 г. Запечатанный гроб с телом был выдан сыну Фуке 17 апреля 1680 г., через 25 дней после смерти. К этому времени нечего было и думать об открытии гроба. Известно, что погребение тела Фуке состоялось в церкви Сен-Клер, потом гроб перевезли в Париж и перезахоронили на семейном кладбище в монастыре на улице Св. Антония. Однако это было произведено только 28 марта 1681 г., т. е. через год после смерти.

Анализ переписки Лувуа и Сен-Мара свидетельствует, что в момент смерти Фуке 23 марта в Пинероле не было его детей и он не умирал, как считают, на руках своего старшего сына графа де Во. Из письма Лувуа от 8 апреля 1680 г. следует, что графу де Во посчастливилось с согласия Сен-Мара увезти бумаги отца. Вместе с тем Лувуа рекомендовал Сен-Мару запереть бумаги Фуке. Из донесений Сен-Мара явствует, что он нашел какие-то бумаги в карманах одежды Фуке уже 4 мая 1680 г., т. е. через 42 дня после официальной даты его смерти. Иначе говоря, вероятно, все эти дни мнимоумерший продолжал писать, и из его бумаг составился целый пакет, пересланный Лувуа.

Фуке был «самым старым заключенным» Сен-Мара, как называют «маску» в переписке. К 1703 г.— году смерти «маски» — ему должно было быть 89 лет. Подобных случаев долголетия было не так уж мало среди современников Фуке, придворных, представителей дворянской знати и высшего чиновничества (Аррез приводит такие примеры). Мать Фуке дожила даже до 91 года.

Доводы, приводимые Аррезом в пользу своей теории, не доказывают самую малость — действительную смерть Фуке 23 марта 1680 г. Более того, ничто не свидетельствует о том, что 65-летний сюринтендант, после долгих лет заточения растерявший своих сторонников, якобы мог стать вождем лагеря, который противостоял бы Кольберу и Лувуа. Если бы это было действительно так, то Кольбер и Лувуа, по словам Арреза, макиавеллисты, которые настаивали во время процесса Фуке, чтобы его приговорили к повешению, конечно, нашли бы с помощью Сен-Мара средство отделаться от врага, а не разыгрывать комедию с его мнимой смертью и превращением в «маску». Тем более у Кольбера и Лувуа, а потом и у их преемников не было резона продолжать разыгрывать эту комедию после «официальной» смерти Фуке еще на протяжении более чем 23 лет, когда сам узник уже давно

должен был превратиться в дряхлого старца. Мы уже говорили о том, насколько неубедительно утверждение Арреза, что Людовик XIV был простой марионеткой Лувуа и Кольбера, а после смерти своих знаменитых министров игрушкой в руках их родственников, в том числе совсем еще юного Барбезье (М. Паньол считает, напротив, что Лувуа и Барбезье были отравлены Людовиком!).

К названию своей книги «Железная маска» Аррез добавил подзаголовок «Наконец разгаданная загадка». А вернее было бы сказать, что эта книга сделала старую тайну еще более непроницаемой, так как доводы Арреза против реальной кандидатуры на роль «маски» — Эсташа Доже нельзя сбрасывать со счетов. Аррез последовал примеру некоторых своих предшественников, прежде всего М. Паньола, отмечавших, что до нас дошли лишь небольшие фрагменты переписки Сен-Мара с министрами, что сознательно была уничтожена та часть корреспонденции, которая могла дать ключ к тайне. Ведь Сен-Мар сам не раз отмечал, что в дополнение к официальным донесениям он отправляет еще и частные письма. Все они исчезли.

Впрочем, мода на кандидатуру Фуке, видимо, уже прошла. В 1978 г. дальний потомок Сен-Мара П. М. Дижол выпустил исследование, в котором утверждается, будто «маской» был некий Набо, чернокожий паж Марии-Терезы, жены Людовика XIV, вызвавший неудовольствие короля. После этого он был пажом у жены губернатора Дюнкерка, где ему дали другое имя («Набо стал Доже»)[171], а потом отправили в Пинероль; там он, между прочим, был одно время в услужении у Фуке. В Пинероле ныне существует «Постоянный центр изучения «железной маски»», который на двух заседаниях — в сентябре 1974 и октябре 1976 г., заслушав доводы как Дижоля, так и Арреза с его единомышленниками, высказался в пользу кандидатуры темнокожего пажа королевы...

УСПЕХИ ДЕМОНОЛОГИИ

Теория

«Но не одно только желание содействовать такому сложному делу, как изучение загадочной власти Дьявола и области ему доступной, побуждает меня предпринять это, лишенное прикрас повествование...» [1] Процитированные слова, принадлежащие очевидцу ведовских процессов — герою известного романа В. Я. Брюсова «Огненный ангел», мог бы повторить каждый исследователь, обращаясь к столь необычной теме, казалось стоящей вдалеке от интересов науки, а на деле тесно связанной с важнейшими политическими проблемами, с социальной психологией целой эпохи и в особенности с историей политических процессов. Знаменитый французский историк Ж. Мишле писал о «триумфе сатаны» в XVI и XVII вв. Если не считать этот триумф результатом бесовского наваждения, то он заслуживает того, чтобы попытаться понять причины такого бурного «возрастания» престижа нечистой силы.

Конечно, вера в магию, черта, колдунов и ведьм уходит корнями в глубокую древность. Однако в законодательстве самых «темных» столетий (как было принято некогда именовать раннее средневековье) либо предусматривались сравнительно мягкие наказания для обвиняемых в ведовстве, либо даже прямо запрещалось их преследование. В VIII в. император Карл Великий воспретил под страхом смерти в недавно обращенной в христианство Саксонии «языческий обычай» сожжения ведьм. В сборнике решений церковных соборов (906 г.) указывалось, что убеждение некоторых женщин, будто они летали на шабаш,— следствие происков сатаны, и доверие к таким рассказам равносильно впадению в ересь. А через шесть столетий, в конце XV и начале XVI в., восторжествовало диаметрально противоположное мнение, согласно которому надлежит считать кознями дьявола и ересью как раз неверие в реальность бесовского хоровода [2]. И это несмотря на то, что гонения и ведовские процессы явно противоречили правовому сознанию времени, здравому смыслу людей, настроениям народа.

Немецкий народный поэт Ганс Сакс уже в тридцатые годы XVI в., когда надвигалась волна гонений, провозглашал:

Des Teufels Ehe und Reutterey
Ist nur Gespenst und Fantasey

(брак с чертом и полеты с ним — только призрак и вымысел).

О народной оппозиции невольно свидетельствует и один из преследователей — Николя Реми (Ремигиус), автор книги «Daemonolatria» («Служба Сатаны», 1595 г.). В качестве тайного советника лотарингского герцога Карла III Реми председательствовал на многих сотнях процессов ведьм и вынес бессчетное количество смертных приговоров. В своей книге Реми приводит некоторые цифровые показатели — за 15 лет (до 1591 г.) свыше 800 человек было по его приказу сожжено, 15 заключенных из страха перед пытками покончили самоубийством, некоторое число устояло перед всеми мучениями. Однако более 800 человек успело бежать. И тем не менее не было силы, которая оказалась бы способной хотя бы значительно уменьшить масштабы преследований.

«Охота на ведьм» основывалась на длительной, систематической пропаганде суеверия, ранее слабо затрагивавшего жизнь общества, пропаганде, в которой использовались все формы идеологического принуждения — от церковной кафедры до печатного станка, от ученых трактатов до судебных процессов и даже их неотвратимого следствия — публичного сожжения осужденных. Ведь и аутодафе было не только средством террора, но и орудием психологического воздействия на толпу, в частности убеждения ее в реальности и широком распространении козней приспешников антихриста.

Основные идеи демонологии созрели уже к концу XV в.[3] Но бурное развитие их относится к XVI и XVII столетиям.

В специальной энциклике, датированной 5 декабря 1484 г., папа Иннокентий VIII, расхваливая деятельность инквизиторов Генриха Инститора и Якова Шпренгера в Германии, обрушился на «некоторых клириков и мирян, не в меру высоко ставящих свое разумение»; они пытались помешать преследованию ведьм в своих светских и церковных владениях. Ободренные похвалой Иннокентия VIII, Генрих Инститор и Яков Шпренгер опубликовали в 1487 г. «Молот ведьм», поистине роковую книгу средневековья. Сами авторы этого зловещего произведения отлично знали, что до них о процессах ведьм почти

ничего не было известно. Шпренгер и Инститор даже высказывали «смелое» предположение: быть может, некогда, в старину, в библейские времена, ведьм вообще не было, но теперь, вследствие общей испорченности, число этих слуг дьявола постоянно умножается, так же как и их способность творить злые дела. Это сочинение открывается полемикой с теми, кто, ссылаясь на решения соборов, отрицал реальность ведовства. Инквизиторы утверждали, что в них, мол, говорится только о полетах, являвшихся игрой воображения, а не о действительных полетах ведьм. «Скакать верхом с Дианой или с Иродиадой означает не что иное, чем скакать вместе с дьяволом, который принял лишь другой облик». Поэтому, победоносно заключают авторы «Молота ведьм», нельзя распространять вышеуказанные слова решений соборов на «поступки ведьм вообще, так как существуют различные виды чародейства»[4].

«Молот ведьм» стал началом быстро разраставшегося, мутного потока демонологических сочинений, авторы которых не испытывали затруднений в поисках издателей[5]. Что же касается масштабов зла, то в одном изданном в 1581 г. анонимном трактате приводились на сей счет совершенно точные цифры: в одной Франции насчитывается 72 князя ада и 7 405 920 демонов. В других сочинениях указывалось, что следует магическое число шесть умножить на 66, полученную сумму снова умножить на 666, а эту в свою очередь на 6666, и таким образом получим вполне обоснованные данные о численности сатанинской рати[6].

Шабаши, по уверению демонологов, разделялись на малые и большие. На последние слетались ведьмы с целой округи. Натершись магической мазью, они на помеле могли покрывать любые расстояния. Прибыв на шабаш и показав при осмотре имеющуюся на теле печать сатаны — нечувствительное место, до которого некогда дотронулся дьявол, ведьмы начинали поклонение владыке ада... Шабаш, по мнению демонологов происходящий обычно около виселицы, руин замка или монастыря, представлял своего рода издевку над богослужением. Участники шабаша глумились над крещением, попирали ногами крест, отрекались от бога, богородицы и святых. После танцев при свете факелов происходил пир, где яствами служили жабы и трупы умерших некрещеными детей, и отвратительные оргии. Затем следовала черная обедня, которую служил «князь тьмы». Гнусное празднество продолжалось до пения петухов. Разлетаясь по домам, ведьмы губили посевы. Впрочем, они насылали порчу на людей, животных и растения и в другое время.

Демонологам приходилось изворачиваться в поисках ответов на сами собой напрашивавшиеся вопросы: почему дьявол ничем не помогает ведьмам, когда они попадают в руки юстиции? Или хотя бы не предупреждает своих помощниц о грозящем аресте? А знак сатаны на теле — это же прямая помощь инквизиторам! Почему ведьмы оказываются столь беспомощными и не могут причинить вреда своим судьям или палачу? Далее, почему, находясь еще на свободе, ведьмы ничего не получают в дар от дьявола? Ведь в большинстве своем они бедны, многие из них стары, обезображены болезнями и т. д.? Всем этим загадкам подыскивались различные объяснения, обычно сводившиеся к тому, что сатана всегда обманывает вступающих с ним в сделку, что его золото и драгоценности оказываются на деле жалким мусором, что так обстоит дело и с другими благами, исходящими от владыки преисподней. Так, было твердо установлено, что колдовство не имеет силы во время войны, иначе непонятно было, почему ни один князь и полководец не смог пустить в ход это оружие. Правда, попытки использования ведьм на войне все же предпринимались. Шведский король в 1560 г. надеялся с помощью четырех колдуний приостановить наступление датского войска. Результат был обескураживающим, а одна ведьма даже попала в руки неприятельских кавалеристов.

Король Яков I, этот «ученейший дурак всего христианского мира» (так его называли современники), даже написал трактат «Демонология». Яков сам неизменно присутствовал при сожжении ведьм и еретиков. Во время одной казни любопытному монарху послышались слова, произнесенные по-французски сатаной: «Вот король, который является божественным человеком». Польщенный Яков для усиления «научной» борьбы с колдовством учредил фонд, из которого выдавались премии студентам-теологам Кембриджского университета за доклады о ведьмах. Яков решил направить на путь истинный и соседние Нидерланды. В 1604 г. трактат «мудрого Соломона», как именовали короля льстецы, был там переведен на голландский язык.

Большую роль в пропаганде и обосновании гонений сыграли иезуиты — штурмовой отряд католической контрреформации. Вместе с тем позиция иезуитского ордена была не всегда одинаковой даже в пределах той или иной страны, не говоря уже о Европе в целом. Впрочем, такая однозначность противоречила бы самой сущности строго централизованного ордена, стремившегося добиваться своих целей всеми способами. К ним относились и

противоречащие официальной линии «Общества Иисуса» действия, и сочинения различных иезуитов, выполнявших тайные указания начальства. Допускалось и снисходительное отношение к выступлениям отдельных членов ордена, продиктованным порой не коварными политическими мотивами, а искренним человеческим сочувствием жертвам изуверских судов над ведьмами. Такое потворство тоже служило ордену, хотя и не сразу приносило плоды.

Священник Корнелиус Лоос, резко выступавший против восстания своих соотечественников в Нидерландах и получивший известность как защитник католического дела, пытался в 1591 г. издать в Кёльне книгу «Об истинном и ложном колдовстве». Папский нунций запретил опубликование книги, а ее автора заточили в монастырь.

По-иному сложилась судьба сочинения его коллеги по ордену, также выходца из Испанских Нидерландов, Мартина Дельрио. Этот иезуит принадлежал к числу известных демонологов второй половины XVI в. Он занимал пост вице-канцлера Брабанта, был профессором ряда университетов в Южных Нидерландах. Ярый враг нидерландской революции (восставшие уничтожили замок его отца, а самого Мартина Дельрио заставили временно эмигрировать в Испанию), он написал в предисловии к своей книге «Исследования о колдовстве» (1596 г.), что преследование ведовства теперь стало более важным, чем в прежние времена. (Книга Дельрио выдержала два десятка изданий, последнее вышло в 1746 г.)

Исповедник Баварского курфюрста иезуит Дрексель провозглашал: «Есть такие ледяные христиане, недостойные своего имени, которые руками и ногами противятся полному истреблению ведовского отродья, дабы при этом, как они говорят, жестоко не пострадали невинные. Проклятие этим врагам божеской чести! Разве в законе божьем не сказано совершенно ясно: чародеев не оставляй в живых! По божью велению взываю я столь громогласно, сколь во мне есть силы, к епископам, князьям и королям: ведьм не оставляйте в живых! Огнем и мечом надобно истреблять эту чуму человеческого рода»[7]. От глашатаев воинствующего католицизма старались не отставать протестантские проповедники. Лютеранин Медер говорил: «Все добрые христиане должны ратовать за то, чтобы на земле от ведьм не осталось и следа. Жалости никто тут не должен ведать. Муж не должен просить за жену, дитя не должно молить за отца с матерью. Все должны ратовать, чтобы отступницы от бога были наказаны, как повелел сам Господь».

Несомненно, что бесчисленные сочинения демонологов во многом и создали тот психологический климат, при котором стала шириться эпидемия преследований, охватившая Западную Европу в XVI в. и продолжавшаяся в течение всего XVII столетия. Мания гонений росла из десятилетия в десятилетие. 1550—1600 годы были хуже, чем предшествующие 50 лет, первая половина XVII в.— хуже, чем вторая половина XVI столетия.

В эпоху, когда Леонардо да Винчи пытливо испытывал тайны природы и в своих гениальных чертежах предвосхищал самолеты и подводные корабли далекого будущего, авторы трактата «Молот ведьм» и их бесчисленные коллеги пытались рьяно отыскать в повседневной жизни происки сатаны, обнаружить способы, коими можно уличить нечестивцев в свя́зи с князем преисподней. В годы, когда прозвучала весть об открытии Коперника, становилось преступлением сомневаться в бесовском шабаше. В то время, когда Томас Мор создал свою бессмертную «Утопию», ученики Торквемады усердно совершенствовали сеть трибуналов инквизиции по всей Испании. Печатный станок, знакомивший человечество с возвращенными ему культурными сокровищами языческой античности, одновременно способствовал наводнению Европы мрачными сочинениями демонологов [8]. Даже первые листки новостей — «предки» современной газеты — стали издаваться в Германии все с той же похвальной целью поскорее известить население о разоблаченных и сожженных ведьмах.

Нелишне вспомнить, что Игнатий Лойола был современником Рабле, а расцвет ведовских процессов приходится на время Кеплера и Галилея, Френсиса Бэкона и Декарта. Более того, глубокие научные познания, которые тогда стали приписываться дьяволу благодаря творениям демонологов, делали подозрительной саму ученость [9]. Один французский историк науки справедливо писал, что «Ренессанс был эпохой, когда самое глубокое и грубое суеверие распространялось в чудовищных размерах и утверждалось несравненно основательнее, чем в средние века» [10]. (Следовало бы только уточнить, что речь преимущественно идет о позднем Возрождении.)

Демонология играла в XVI в. сложную и неоднозначную роль [11]. Чтобы понять это, надо учитывать, что Ренессанс стал временем не только ознакомления с культурным наследием античного мира, но и возрождения древних поверий, отвергнутых по тем или иным мотивам победившим христианством и забытых за долгие столетия его безраздельного господства. Более того, интерес к этим поверьям — точнее, суевериям — мог приобре-

тать характер оппозиции против всестороннего контроля церкви над научной мыслью, протеста против бесплодия схоластики, даже отстаивания права на свободное опытное исследование вопросов, которые считались исключительно сферой богословия.

Писавший уже в начале XVII в. Ф. Бэкон, истинный родоначальник английского материализма и опытных наук нового времени, так характеризовал придирчивого и постоянного врага истинной философии: «Этот враг — суеверие, слепая и неумеренная ревность к религии». И этот же Бэкон в знаменитом трактате «О достоинстве и приумножении наук» относил изучение «нечистых духов, утративших свое прежнее состояние», к задачам естественной теологии и добавлял: «Общение с ними и использование их помощи непозволительны, тем более какое бы то ни было их почитание и поклонение им. Но изучение и познание их природы, могущества и коварства с помощью не только отдельных мест священного писания, но и путем размышления и опытного исследования занимает отнюдь не последнее место в духовной мудрости» [12].

Можно без преувеличения утверждать, что полемика среди демонологов, точно так же как религиозные споры, служила отражением социальных антагонизмов и политических конфликтов эпохи. Пропагандисты демонологии отнюдь не были сплошь тупыми или жестокими извергами, они не были даже непоследовательными со своей точки зрения. Так, демонология знаменитого политического мыслителя Жана Бодена находилась, по крайней мере формально, в полном логическом согласии с его философскими воззрениями [13]. Большинство авторов демонологических сочинений вовсе не были фанатиками одной идеи. Наоборот, как правило, они были учеными, эрудитами, нередко авторами специальных исследований в самых различных областях знания, свидетельствующих о ясности мышления и умении анализировать предмет с различных сторон, привлекая все доступные сведения, делать вполне правильные выводы из четко проведенного логического анализа фактов. В 30-х годах XVII в. во Франции после нескольких крупных ведовских процессов (священника Грандье и других) проблемы демонологии горячо обсуждались в столичных салонах, на ученых собраниях, на которые сходились участники знаменитой «Газетт де Франс», первой французской газеты, издававшейся с 1631 г. Т. Ренодо. «По меньшей мере можно утверждать, что проблема дьявола являлась одной из тех, которые занимали «интеллигенцию» того времени» [14], — пишет известный французский историк Р. Мандру.

Каковы же идейные истоки такого внешне непонятного явления, как победа дьявола в эпоху Возрождения и Реформации? Как показывает само слово, Реформация была вызванным сложными социальными явлениями частичным изменением религиозной идеологии; но как раз основная-то ее часть, которую лютеранство и кальвинизм унаследовали от католицизма, и содержала всю систему воззрений на роль и происки дьявола, на ведьм и ведовство. Одной из причин быстрого распространения демонологической пропаганды было значение, которое придавал протестантизм непосредственному знакомству мирян с Библией, заполненной рассказами о магии и колдовстве и содержащей зловещее правило: «Не оставляй ведьму в живых». Не меньшую роль играл акцент на самостоятельное личное общение человека с богом, без посредства духовенства. Это как бы наделяло мирянина способностью к совершению магических действий, сближавших его со сверхчувственным миром. Ответственность за преследование наряду с «Молотом ведьм» разделяет и «Малый катехизис» Лютера, также заполненный рассуждениями о кознях сатаны. (Основатель протестантизма считал демонами даже мух, летавших над его рукописями, и крыс, нарушавших его сон.) Ведь эти сочинения связаны неразрывной цепью идеологической преемственности.

Несомненно, что идеологическая возможность преследования ведьм была заложена в самой структуре христианского религиозного мышления. Английский историк Х. Тревор-Ропер справедливо отмечает, что, когда знания о царстве божьем были систематизированы в Summa Theologiae, было вполне естественным последовательно систематизировать и науку о противостоящем царстве тьмы в Summa Daemonologiae. Главные сведения о царстве божьем были получены путем откровения. От дьявола же, отца лжи, нельзя было ожидать откровения, приходилось полагаться на косвенные доказательства, а таковыми были показания арестованных ведьм.

Что же, однако, было причиной быстрого возрастания начиная примерно с третьего десятилетия XVI в. масштабов и жестокости гонений? Почему вопрос о ведовстве стал занимать все большее место в сознании нескольких сменявших друг друга поколений? Неужели это действительно было «горе от ума»? Неужели оборотной стороной возникновения блестящей культуры европейского Ренессанса было появление более утонченных пороков, торжество рафинированного суеверия, до которого не доросло прежнее бесхитростное и простое время?

Парадокс усиливается, если учесть, что Ренессанс был

Свидание Жанны д'Арк с Карлом VII

Казнь Орлеанской девы

Генрих VIII

Томас Кромвель

Архиепископ
Кранмер

Герцог
Норфолк

Генрих VIII и его двор

Екатерина Аррагонская

Анна Болейн

Джейн Сеймур

Екатерина Говард

Томас Мор

Мария Стюарт и Дарнлей

Елизавета I

Уильям Сесиль

Роберт Сесиль

Френсис Бэкон

Граф Эссекс

Уолтер Рэлей

Франсуа Равальяк

Убийство Генриха IV

Кардинал Ришелье

Людовик XIII

Анри де Сен-Мар

Гастон Орлеанский

Герцог Бульонский

Четыре «ведьмы»

Колдовство

Иоганн Вейер

Яков I

Карл I

Арест Карла I
во время революции

временем возрождения, основанного на опыте научного исследования, противопоставляемого схоластике. Однако века господства схоластики обошлись без массы демонологических сочинений. Безграничная жажда знания, масса новых открытий порой опьяняла, увлекала людей Возрождения за пределы опытного знания, стирала границы между реальностью и фантазией, между наукой и чудесами магии. В Цюрихе и Базеле существовали группы ученых, занимавшихся изучением монстров — человека-рыбы, детей с органами пресмыкающихся, людей о двух головах, кентавров и циклопов; как утверждали, их видели во многих странах — в Англии, Германии, Нидерландах, Дании. Философские представления выдающихся естествоиспытателей эпохи включали признание влияния на человеческие дела далеких звезд и потусторонних сил. Почему не приписать бы козням таинственного владыки преисподней действия этих загадочных сил? Ведь и противники ведовских процессов клялись, что демонологи возводят на них хулу, обвиняя в неверии в существование дьявола и ведьм, о которых говорит Священное писание, тогда как речь идет о юридических ошибках и исторгнутых пыткой ложных признаниях, о жертвах судебного произвола. Нередко суеверия читателю в XVI в. преподносились как раз с апелляцией к разуму и опыту, к трудам крупнейших ученых и писателей эпохи — Коперника и Галилея, Монтеня и Декарта, Гуго Гроция и Сервантеса. Автором едва ли не наиболее зловещего демонологического опуса «О демономании колдунов» являлся Жан Боден, политический теоретик, проповедник терпимости, некоторые идеи которого, по справедливому мнению многих исследователей, предвосхищали философию Века Просвещения.

Противники гонений не подвергали сомнению основные идеи демонологов. Придворный врач герцога Клевского Иоганн Вейер[15] в получившей европейскую известность книге «Об обманах (призраках) демонов» пытался лишь убедить своих читателей, что караемые за ведовство женщины — мнимые ведьмы и что их судьи играют на руку сатане, который не нуждается в помощи смертных для совершения своих действий и не допустил бы преследования своих подданных. Вейер понимал, что ему за книгу «отомстят», его будут поносить, что она вызовет кривотолки[16]. И в этом он не ошибся. Новые издания выходили одновременно с усилением гонений даже в самом герцогстве Клевском. А демонологи, включая Ж. Бодена, в один голос заявили, что Вейер и его единомышленники сами являются колдунами[17].

Другой противник преследований, Реджинальд Скот

из графства Кент, писал в трактате «Раскрытие ведовства» (1584 г.), что, считая возможным существование дьявола во плоти и крови, вступающего в телесную связь с людьми, демонологи впадают в грех материализма.

Доводы Вейера и Скота отнюдь не были просто приспособлением к манере своих оппонентов. И Вейер, и близкие к нему во многом итальянские неоплатоники, а также Р. Скот и его единомышленник — проповедник Д. Джифорд лишь давали свое истолкование возможностей, которыми обладала челядь сатаны, и ее способностей принимать зримую земную оболочку, действовать в этом обличье и причинять материальный вред человеку. Подобные возражения не могли нейтрализовать пропаганду демонологов. Опровергать такую половинчатую аргументацию было нетрудно, оставаясь на почве той же демонологии. Например, распутную связь дьявола с ведьмами можно было объяснить тем, что он способен, оставаясь духом, имитировать телесное действие путем движения телесных элементов и т. п.

К тому же стоит напомнить, что главные интеллектуальные силы эпохи были скорее на стороне демонологов. Ведь в козни дьявола верили Жан Боден и Френсис Бэкон, имевшие несравнимо бо́льшую научную эрудицию и авторитет, чем лекарь Вейер или кентский помещик Скот. Здесь надо отметить, что подобно дьяволу, принимавшему, согласно демонологическим трактатам, плотскую оболочку, сами эти трактаты выражали нередко прямо противоположные позиции, которые занимали их авторы в идейно-политической борьбе. Наблюдалась любопытная картина. С одной стороны, католические и протестантские сторонники гонений щедро черпали аргументы друг у друга (причем демонологи из лагеря Реформации ссылались на авторитет средневековых теологических сочинений, в других случаях ими решительно отвергаемых). Так, протестант Ламберт Дано в трактате «Колдуны и ведьмы», выпущенном в 1574 г. в Женеве, полностью одобрял преследование ведовства таким оплотом католического фанатизма, как парижский парламент (тогда судебное учреждение, имевшее и административные функции)[18]. Сочинение Дано через год появилось в английском переводе. Вместе с тем Лютер считал католических монахов-экзерцистов «зловредными, отчаянными подлецами, которые изгоняют демонов с помощью дьявола». Сатана лишь притворяется, что страшится «освященных ими предметов — соли или воды, чтобы еще глубже втянуть людей в идолопоклонство». А Р. Скот приравнял демонологов к защитникам такого суеверия, как католическая обедня.

Характерно, что мысль демонологов все время работала над упорядочением строя подземного царства. Нередко оно очень напоминало католический лагерь, каким его представляли себе протестанты, или, наоборот, лагерь протестантизма в изображении идеологов контрреформации. Английский ученый и писатель Роберт Бартон, автор известного трактата «Анатомия меланхолии» (1621), совсем не демонолог по склонностям, тем не менее на основании сочинений исследователей козней дьявола рисует подробную картину организации двора сатаны. Бартон не забывает упомянуть даже о должности носителя чаши, которую подносит князю тьмы демон Бегемот. Напротив, демонолог на троне Яков I считал недопустимым для христианина придерживаться мнения, будто у дьяволов имеются князья, герцоги и короли, командующие целыми легионами демонов, и полагал, что нечистая сила просто пытается убедить в этом ученых людей. Впрочем, коронованный демонолог здесь отступал от общего мнения, будучи особо озабоченным престижем монархов, который пострадал бы при наделении их титулами каких-то помощников сатаны. А наличие рангов у демонов до их превращения в падших ангелов не считал возможным отрицать и Яков I. Существовали многие способы классификации демонов: по сфере обитания — огненные, воздушные, земные, водяные, подземные и еще (как их называл итальянский прелат Гуаццо) лусифугос — ненавидящие свет и могущие принимать телесную форму только ночью. Эти последние не имели дел с ведьмами, так как убивали смертных уже одним своим дыханием или прикосновением...

Авторы «Молота ведьм» готовы были предоставить ведение процессов светским судам. Впоследствии инквизиция (в Испании, Италии) пыталась отстаивать свое исключительное право судить ведьм. Однако Латеранский собор 1514 г., собранный папой Львом X, объявил, что ведовство, будучи «смешанным преступлением», подлежит преследованию со стороны как духовной, так и светской власти. Когда в ряде католических стран была отменена инквизиция, борьбу с ведьмами взяли на себя светские суды, так как законодательство после решения Латеранского собора включило положения, уполномочившие гражданскую власть на такие действия. При этом, поскольку колдовство считалось «исключительно тяжким преступлением», светские суды применяли методы инквизиционных трибуналов. С другой стороны, протестантские авторы подхватили «авторитетное» мнение Шпренгера и Инститора относительно того, что дела о ведовстве входят в компетенцию светских властей. Протестантские

страны, ненавидевшие инквизицию, тем не менее целиком сохранили в своих судебных кодексах рекомендованные ею правила ведения следствия и суда над ведьмами, а известный юрист И. Дамгрудер, обличавший жестокость Святого трибунала, вместе с тем горячо рекомендует беспощадное преследование колдуний светскими властями.

Гонения происходили в странах с сильной и слабой центральной властью, с различной системой судопроизводства, в военное и мирное время. Обвиняемых в колдовстве судили суды всех ступеней, светские и духовные, трибуналы инквизиции, специальные комиссары, коронные и городские суды, действовавшие с участием или без участия присяжных заседателей.

Демонологи разъясняли, что ведовство — духовное преступление, наказуемое смертью, даже если оно не принесло вреда. Это особое преступление, для расследования которого не подходят обычные правила. Судьи, заботясь о безопасности общества, могут приносить в жертву интересы индивидуума. Пытка — это фактически религиозное средство, применение которого позволяет вернуть подозреваемого снова в человеческое общество, способ освободить человеческую душу от власти дьявола, и поэтому силой вырванные признания являются вполне достаточным основанием и для обвинения других лиц в ведовстве [19].

Практика

Принципы подготовки и ведения инквизиционного процесса хорошо известны [20]. Процессы над ведьмами проводились по тем же канонам, что и суды над еретиками. Единственным отличием было то, что при обвинении в ведовстве несчастные жертвы лишались всякой надежды на какое-либо снисхождение, на что могли рассчитывать раскаивавшиеся еретики, если они с покорностью признавались в своих прегрешениях против веры. Многие стали жертвой доносчиков, которые действовали в расчете на получение части имущества казненных (особенно широкие размеры это приобрело в германских государствах).

Однако еще большая часть арестов производилась в результате оговоров на допросе под пыткой. Случалось, что палачам удавалось вырвать у одной обвиняемой 100 или даже 150 имен ее «сообщников». В протоколах допросов 300 ведьм в Германии фигурирует 6000 имен (в среднем по 20 на каждую обвиняемую) [21].

Взгляды юристов и законодательство, касающееся кол-

довства, шли в ногу с развитием «теории» и «практики» процессов над ведьмами. Законы перестали делать различие между «добрыми» и «злыми» колдуньями и колдунами. Были снова (примерно с 60-х годов XVI в.) восстановлены такие эксперименты, как опускание руки подсудимого в кипяток, чтобы в зависимости от размера ожога определить его виновность. Далее, подсудимого могли, как в старину, бросать связанным в воду. Во время испытания человека связывали крестообразно — правая рука к большому пальцу левой ноги, а левая рука — к пальцу правой ноги — и три раза опускали в воду. Если испытуемый всплывал, это считалось доказательством вины, если нет — это признавалось доводом в пользу оправдания, хотя при эксперименте жертва могла захлебнуться и утонуть. И это несмотря на то, что даже «эксперты» из Лейденского университета считали, что человеческое тело способно всплыть и в силу естественных причин: ведь его связывали так, что оно могло держаться на воде как лодка.

Преследование фантастического «шабаша ведьм» превращалось в самый доподлинный судебный шабаш.

Основными методами допроса были: презумпция виновности; достаточность любого слуха для начала дела; сокрытие от арестованной имен свидетелей; принятие во внимание только показаний, неблагоприятных для обвиняемых, включая даже показания детей, а также заведомых преступников; запрещение, как правило, иметь адвоката; дозволенность любых уловок при допросе и, конечно, пытка, продолжавшаяся до тех пор, пока не делались признания и не назывались имена «сообщников». При таком подходе высказываемые подсудимыми сомнения в компетенции судей вели к пыткам даже в тех случаях, когда сами судьи сомневались в виновности подсудимых[22]. На решение судов по ведовским делам не могли приноситься жалобы в вышестоящие инстанции. Уже арест сопровождался конфискацией имущества. Эти принципы ведения дел в инквизиционных трибуналах в основном были восприняты и светскими судами (лишь во второй половине XVIII в., да и то очень робко, кое-где наблюдалось стремление отказаться от некоторых из этих правил).

Пытка была главным звеном в ведовских процессах. Ее применение оправдывали не только «необходимостью»: иначе ведьм, которым помогает дьявол, не принудишь к признанию. Доводы скептиков, что пытками можно вырвать признание у любого невиновного, отвергались еще более неожиданным аргументом. Демонологи вроде Дельрио разъясняли, что господь по своей неизме-

римой благости никогда не допустит, чтобы при искоренении бесовских слуг пострадали невинные. На основе такой логики каждый арестованный превращался в виновного. Это убеждение подкреплялось тем обстоятельством, что во многих местностях никто не выходил из застенков живым. А во время самих пыток любое поведение жертвы считалось признаком вины, тем более что подразумевалось незримое присутствие при допросе сатаны.

Вот что рассказывает современник — противник процессов Фридрих Шпее: «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, то, разумеется, это доказательство ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрения в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Если на допросе она обнаруживает страх, то ясно, что виновна: совесть ее выдает. Если же она, уверенная в своей невиновности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против возводимых на нее обвинений, это тоже свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности возводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности... Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это значит, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами застывает в напряженной позе, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что ее необходимо терзать еще сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол ее умертвил, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны».

А активный поборник гонений, светило германской юриспруденции протестант Бенедикт Карпцов, как бы подтверждая выводы Шпее, делает, например, такие заключения: «Поскольку из актов явствует, что дьявол так прихватил Маргариту Шпарвиц, что она, не пробыв и получаса растянутой на лестнице, с отчаянным криком испустила дух и свесила голову, откуда видно было, что дьявол умертвил ее изнутри ее тела, и так как нельзя не заключить, что с ней дело обстояло неладно, ибо она ничего не отвечала во время пытки, то ее мертвое тело, согласно справедливости, должно быть закопано живодерами между виселиц». Карпцов признавал, что пытками

часто злоупотребляли, вырывая ложные признания. Тем не менее этот святоша, хваставший, что прочел Библию 53 раза от корки до корки, настаивал на применении пыток при допросе и даже способствовал усовершенствованию их методов. Вдобавок Карпцов разъяснял, что наказания заслуживают и те, кто только воображал, будто побывал на шабаше, поскольку это обличает преступное намерение вступить в связь с дьяволом. Самооговор под пыткой сам по себе становился преступлением.

Можно только поражаться силе духа некоторых подсудимых, подвергавшихся страшным мучениям. В Нордлингене в 1591 г. одну девушку пытали 22 раза. В другом случае протокол зафиксировал, что пытку возобновляли 53 раза!

Сохранились «Наставления по допросу ведьм», которые служили в XVI и XVII вв. инструкцией для судей в германских княжествах и городах. Примером может служить инструкция, которая включена в состав Баденского судебного уложения 1588 г. Первоначально рекомендовалось добиться от подсудимой признания, что она слышала о ведовстве. Далее следует задать ей такие вопросы: «Не делала ли она сама каких-либо таких штучек, хотя бы самых пустячных, не лишала ли, например, коров молока, не напускала ли гусениц или тумана и тому подобное? У кого и при каких обстоятельствах удалось ей этому выучиться? С какого времени и как долго она этим занималась и к каким прибегает средствам? Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое общение, или оно скреплено клятвой? И как эта клятва звучала? Отреклась ли она от бога и в каких словах? В чьем присутствии и с какими церемониями, на каком месте, в какое время и с подписью или без оной? Получил ли от нее нечистый письменное обязательство? Писано оно кровью — чьей кровью — или чернилами? Когда он к ней явился? Пожелал ли он брака или простого распутства? Как он звался? Как он был одет и особенно какие у него были ноги? Не заметила ли она в нем каких-либо особых чертовских примет?» После этого следовал ряд вопросов, призванных выяснить самые малейшие детали «семейной жизни» с дьяволом. Далее шли вопросы о вреде, принесенном подсудимой: «Вредила ли она в силу своей клятвы людям и кому именно? Ядом? Прикосновением, заклятиями, мазями? Сколько она извела до смерти мужчин, женщин, детей? Сколько она лишь испортила? Сколько беременных женщин? Сколько скотины? Сколько напустила туманов и подобных вещей? Как, собственно, она это делала и что для этого пускала в ход?»

Другие вопросы делились на большие группы и касались способов полета иа шабаш, присутствия там известиых подсудимой людей, методов превращеиия ведьм в животных, церемоиий иа свадьбе с дьяволом, поедаиия малых детей, рецептов приготовлеиия волшебной мази, добываиия и подкидываиия уродов в колыбели и миогого другого, подобного уже перечислениому выше.

Этот подробнейший и детальио разработаиный вопросиик, собственно, содержал уже и готовые ответы. Оии могли расходиться лишь в частиостях, которые просто относились к особенностям даииого судебиого казуса. Вместе с тем достигаемая степень едииообразия в ответах считалась окоичательным подтверждеиием, что исторгнутые пыткой показания полностью соответствовали истине. Судьи сознательио добивались этой «согласоваииости» в показаииях обвииняемых, отличио поиимая, насколько оиа важна для доказательиой силы признаиий. О едииообразии показаиий как дополиительиом свидетельстве их правдивости миого писали главные авторитеты в области демоиологии. То, что выходило за рамки такой «согласоваииости», выдавалось за следствие хитрости дьявола.

Зловещими иелепостями буквальио пестрят протоколы ведовских процессов. Одиу жеищииу обвинили в убийстве с помощью колдовства иекоего Гейица Фогеля, признали виновиой и сожгли, хотя этот Фогель фигурировал как свидетель на суде!

Легкая доказуемость иелепости миогих обвииеиий иисколько не облегчала положеиия подсудимых. В середине XVII в. в Аиглии священиика Джоиа Лауеса, пытая бессоииицей, довели до призиаиия, что он колдовством сумел вызвать при спокойном море кораблекрушеиие близ Хариджа. Лауеса приговорили к смерти, ие поиитересовавшись, было ли в указанное время кораблекрушеиие. В одном австрийском городе сожгли двух жеищин за то, что «они миого бродили по лесам в поисках кореньев»[23]. В Национальиой библиотеке в Париже храиится «собствениоручное» письмо дьявола Асмодея аббату Граидье, против которого в 1635 г. было возбуждено дело, приведшее обвиняемого иа костер. На этом процессе была предъявлена «печать дьявола» в оригинале, а также заверениая официальная выписка из «адских архивов»[24]. Известный гонитель ведовства де Ланкр приводит такой случай: одии житель заподозрил свою служаику в полетах на шабаш. Чтобы уличить «ведьму», ои привязал ее за иогу к стулу возле камина как раз в иочь, когда должен был происходить шабаш, и решил ие смыкать глаз. Как только служанка пыталась заснуть, хозяин ее сразу же будил. Тем не менее, добавлял де Ланкр, дьявол востор-

жествовал, так как служаика все-таки побывала иа бесовском сборище, призналась в этом и рассказала миожество подробностей, подтверждая их еще другими показаииями...

Считали ли палачи свои жертвы действительио виновными в инкриминируемых им преступлениях? Во всяком случае далеко ие всегда и ие всех осуждеиных. Шпее рассказывает о своем разговоре с одиим судебиым чиновииком. Тот без обиняков признал, что иа ведовских процессах часто судят и иевиновных, ио это уже дело киязя, который советуется со своей совестью. Дело же подчииеиного лишь выполиять получеиные приказы. Шпее добавлял, что примерно так же высказался и другой опрошенный им чииовник. Киязь (речь явио шла о курфюрсте Кёльиском) заявил, что ои возлагает всю ответствеииость на судей. Набожный Шпее добавлял, что так создавался поистиие заколдоваиный круг. Были ли знакомы судьи и присяжиые с аргумеитацией противииков ведовских процессов? В общем и целом оиа была вполне известиа и судьям, и специальиым комиссарам, посылавшимся иа места для искоренения ведовской скверны, и моиархам, которые иаделяли полиомочиями этих комиссаров. Об этом дает представлеиие киига иекоего Геириха Шультхейса «Подробиая иинструкция, как вести инквизициоиные процессы обвииняемых в страшиом преступлеиии колдовства», вышедшая в 1634 г. в Кёльие.

Еще одна характерная и мрачная черта времеии. Судьи во многих местах допрашивали подозреваемых в ведовстве, ие зиакомы ли оии с книгами противников процессов — это было тяжким прегрешением,— а также... с сочинениями самих демонологов, включая «Молот ведьм». Эти трактаты, по мнеиию властей, содержали слишком миого сведеиий, способиых смутить иехитрый разум паствы, и твореиия демоиологов разрешалось читать лишь инквизиторам для пользы дела. Признаиие же в зиакомстве с демоиологическими исследоваииями само по себе могло служить веской уликой против обвиняемых[25].

Гоиеиие было немыслимо и без должиой дисциплииированности и рвения судей. Эти дисциплинироваиность и рвеиие подогревались страхом за себя. Демоиолог Дельрио прямо разъяснял, что судья, не приговаривающий ведьму к смерти, вызывает сильное подозреиие, не связаи ли он сам с дьяволом. Преследование ведьм могло происходить только в социально-психологической атмосфере, иасыщеииой демоиологической пропагаидой, в обстановке общего террора, который затрагивал иногда также иеугодиых свидетелей, судей и присяжных. Шуль-

тхейс приводит нравоучительные примеры. Один из присяжных, не согласившийся с обвинением, был подвергнут пытке первой степени, от которой он, почти семидесятилетний старик, потерял сознание. По мнению Шультхейса, жертва вовсе не лишилась чувств: колдун просто заснул, что являлось обычным трюком у слуг дьявола и служило свидетельством связи с сатаной. Через несколько недель бывший присяжный умер в темнице. Подобные случаи были не единичными. Присяжному из небольшого германского городка Рейнбах Герману Лееру, выступавшему против осуждения невиновных, удалось бежать в Голландию. Там он выпустил книгу, рассказывающую о злоключениях его земляков, которые в 1631 г. откупились от присланного к ним расследователя по ведовским делам, но тот через несколько лет снова явился и принялся за свою кровавую работу[26]. Леер приводит целый список непокорных присяжных, павших жертвой попытки воспрепятствовать гонениям. Интересно отметить, что Леер был знаком с доводами ряда противников преследования ведьм.

Доктор права, бургомистр города Трира Дитрих Фладе 20 лет состоял председателем суда; одно время он был также ректором университета, хотя этот пост по традиции занимали теологи. Бургомистр был советником правящего курфюрста-архиепископа. Долгое время Фладе ограждал Трир от колдовских процессов. Ему удавалось это делать даже после 1581 г., когда архиепископ Иоганн фон Шененбург предоставил свободу рук «охотникам за ведьмами». Под влиянием Фладе суд в своих решениях игнорировал признания, вырванные под пыткой. Это приводило в бешенство демонологов, начавших собирать улики против бургомистра. Пытка позволила получить показания 14 ведьм о том, что он присутствовал на шабаше. Была создана специальная комиссия для расследования дела. Фладе попытался бежать, но был пойман, посажен под домашний арест, а еще через несколько месяцев заключен в тюрьму.

Против Фладе были собраны показания не только ведьм, но и двух священников, признавших под пыткой и повторивших на очной ставке с Фладе, что они видели его на бесовском шабаше. Фладе ответил, что они видели лишь его образ, созданный отцом лжи. Видимо, это была сознательная линия, которую решил проводить в своей защите Фладе. Опыт судьи подсказывал ему, что невозможно выдержать пытки: он не хотел оговаривать других. Поэтому Фладе признал под пыткой, что был на шабаше. Его принудили, как обычно, сообщить имена людей, которых он там видел. Называя эти имена, Фладе

оговаривал, что ему неизвестно, были ли там перечисленные им люди, или он узрел лишь их призраки, созданные бесовской силой... Через месяц пытка была повторена. Фладе теперь заставили сознаться в различных «преступлениях» вроде того, что он создавал гадов, бросая в воздух куски навоза. Тут же фигурировала и попытка извести колдовством курфюрста. Его процесс длился два года — необычайно долго для судов над ведьмами и колдунами. Сначала были казнены «сообщники» бывшего председателя суда[27]. 15 сентября 1589 г. настал черед самого Фладе. «Когда шествие подошло к костру,— рассказывалось в современном отчете,— он, не сломленный духом, обратился к собравшейся толпе со словами, которые приличествовали обстановке, и советовал людям, чтобы они извлекли уроки из его судьбы, дабы избегнуть коварства и козней сатаны. Так, словом и делом, смягчал он гнусность своих преступлений и оправдывал перед согражданами свою казнь»[28].

Судьи были явно не гарантированы от того, что они сами не окажутся на скамье подсудимых. Зато демонологи сулили им весьма сомнительные преимущества быть неуязвимыми для дьявольских чар. «Несомненно,— писал в 1605 г. французский теолог Ла Луаер,— что, сколь ни зловредны колдуны и ведьмы, они не могут нанести вреда тем, кто занят отправлением правосудия»[29].

Английские суды, разбирая дела ведьм, обычно не применяли пыток. Тем не менее около одной пятой (19%) ведовских процессов окончились обвинительными приговорами. Они были следствием либо самооговоров, либо свидетельских показаний, сочтенных судом достаточными для доказательства вины (по английскому праву в ряде случаев не требовалось собственного признания подсудимого). Примерно тысяча человек была казнена за колдовство — страшная цифра, хотя она выглядит небольшой в сравнении с числом жертв, которое вызвала «охота за ведьмами» в других западноевропейских странах.

Показания ведьм, полученные без применения пыток,— самооговоры не представляют ничего таинственного для современной психиатрии. Обычные фантазии расстроенного воображения, проявляющиеся в самых различных галлюцинациях, в духовной атмосфере XVI и XVII вв. как магнитом притягивались к такому центру, каким являлась фигура дьявола. Эти фантазии имели бы определенное единообразие, даже если бы не было ни инквизиции, ни «охоты на ведьм».

Благоприятный исход ведовского процесса был редчайшим исключением и имел место лишь тогда, когда у подсудимых появлялся — вопреки правилу — адвокат,

притом влиятельный и ловкий юрист (и то если процесс происходил не в разгар гонений).

Попытки во время процессов ведьм выступать в их защиту если и были возможны, то только при полном признании веры в существование колдовства и при условии, что доказывалась невиновность лишь данной подсудимой. Шесть лет (1615—1621 гг.) боролся великий астроном Иоганн Кеплер за жизнь своей матери, обвиненной в колдовстве и брошенной в тюрьму швабского города Леонберга. Ученому помогло знакомство с самим императором, который дорожил Кеплером как астрологом. Кеплер умолял вмешаться и вюртембергского герцога Фридриха.

С огромным трудом сын подсудимой добился, чтобы мать не пытали, нанимал адвокатов, получил право самому выступать ее защитником на процессе. Казалось, ему улыбнулось счастье, фрау Кеплер была освобождена, но в 1620 г. ее снова арестовали. Старой женщине в это время уже минуло 73 года. Отчаяние, новая борьба... И в течение всех этих схваток с инквизиторами Кеплер должен был делать вид, что вполне разделяет веру в ведьм, но лишь убежден, что отсутствуют доказательства, уличающие его мать. Судьи же не скрывали своего недовольства: слыханное ли дело, чтобы обвиняемую сопровождал на процессе ее сын, дотянуться до которого не так-то просто. Приходилось маневрировать. Измученную старуху не пытали, а только водили в пыточную камеру и требовали сознаться. Кеплер победил: инквизиционный суд предпочел оправдать его мать. Но дорого доставшаяся победа пришла поздно. Пожилая женщина, прошедшая первые круги инквизиционного ада, скончалась через полгода после освобождения [30].

Общее число жертв ведовских процессов невозможно определить сколько-нибудь точно. На основании подсчета казненных в ряде районов заключают, что в целом в Европе их число достигало нескольких сот тысяч. Часть новейших исследователей считают эту цифру значительным преувеличением. В некоторых областях их было больше, чем погибших от войн и эпидемий.

Может возникнуть вопрос: насколько правомерно относить судебные расправы над ведьмами к числу политических процессов? Действительно, политическая подоплека процесса, как мы увидим, вполне очевидна в одних случаях и трудноразличима в других. Однако такая неясность исчезает, если от отдельных процессов обратиться к массовым гонениям. Они отражали, как правило, не только общий «духовный климат» эпохи, но и вполне конкретную политическую ситуацию.

Суд над ведьмами весьма часто приобретал политическую окраску, а суды над политическими противниками включали и обвинение в связи с сатаной. Это отражено и в литературе. Шекспировский Ричард III укорял вдовствующую королеву в том, что она волшебством навела на него порчу.

Обвинение противников в занятии черной магией и ведовством было нередким приемом в политической борьбе и придворных интригах. В Англии главный министр Генриха VIII Уолси, когда он впал в немилость, был обвинен в том, что ранее «околдовал ум короля и заставил любить его до безумия, более чем король любил когда-нибудь какую-либо леди или джентльмена». А в конце XVI в. шотландского графа Босвела, который мог получить права на престол, если бы король Яков умер бездетным, уличили в том, что колдовскими чарами он вызвал бурю, желая потопить корабль, на котором монарх возвращался после вступления в брак с датской принцессой Анной [31].

В ходе политической борьбы ересь постоянно отождествлялась с ведовством. Английский католик Томас Стейплтон отмечал: «Ведовство растет из-за ереси, ересь из-за ведовства». М. Дельрио писал в 1596 г., что дьявол теперь действует через еретиков, как раньше действовал через язычников. Другой известный демонолог, французский судья Богюэ, в 1609 г. также уверял, что «колдовство возникает не иначе, как в сопровождении ереси» [32].

В начале XVII в. католики постоянно именовали протестантов «покровителями ведьм». (Соотношение подсчитанных историками смертных приговоров на ведовских процессах, вынесенных католическими и протестантскими судьями в юго-западной Германии в разгар гонений, соотносится примерно как 3,6:1 [33]. Трудно все же увидеть здесь «покровительство»!) Во многих случаях обвинение в колдовстве было орудием для дискредитации политического противника [34]. Во время религиозных войн во Франции, после разрыва в 1588 г. Генриха III с лидерами Католической лиги, появились памфлеты, обвинявшие короля в занятии ведовством. Так, один из этих памфлетов, изданный в 1589 г., был озаглавлен: «Колдовство Генриха Валуа и обязательства, которые он дал дьяволу в Венсенском лесу, и т. д.» Вскоре король был убит монахом-фанатиком Жаком Клеманом. В мае 1617 г. была предана суду по обвинению в колдовстве Леонора Галигаи, бывшая наперсница Марии Медичи и жена авантюриста Кончини, ставшего маршалом д'Анкр и убитого по приказу Людовика XIII. Фаворит короля Альберт де Люинь с целью завладеть имуществом Гали-

гаи хотел обвинить ее в соучастии в убийстве Генриха IV, а когда это не удалось[35], воспользовался тем, что суеверная женщина иногда гадала на внутренностях животных, и приписал обвиняемой занятие колдовством. Не прибегая к пытке, судьи не смогли добиться нужных показаний обвиняемой. Напрасио требовали они от нее созиаться в посещении шабаша. За оскорбление королевской и божествеиной власти Леоиору приговорили к смерти. 8 июля 1617 г. она была обезглавлеиа, ее труп сожжен иа костре.

Во время английской революции середины XVII в. и в последующие годы распространялись слухи, которые якобы восходили к одному из приближенных Оливера Кромвеля (иногда — полковнику Лэндси), бывшему свидетелем заключеиия лордом-протектором Англии договора с дьяволом. Сатана обещал Кромвелю победу в сражении с кавалерами — сторонниками короля. Киязь преисподней, однако, заключил договор не на 21 год, как хотел того Кромвель, а только на семилетний срок, и ровно через семь лет, ранним утром 3 сеитября 1658 г., во время страшиой бури иечестивый лорд-протектор скоичался[36].

Нередко процессы над ведьмами продолжались и после того, как верховиая власть склонялась к мысли приостановить их. В Германии суды делали вид, будто оии руководствуются общеимперскими закоиами, принятыми при Карле V в 1532 г., ио иа деле постоянно грубо нарушали их в той части, которая ограничивала произвол при преследовании ведовства. В Англии даже после того, как Яков I иа основе личиого наблюдения за действиями своих судей усомиился если ие в мудрости своего трактата «Демоиология», то в целесообразности проведения ведовских процессов, еще долго не смогли сдержать усердие местных властей.

Аналогичное положение сложилось как раз в это время — примерно во втором десятилетии XVII в. — в Испании, где королевская власть в лице Филиппа III и Суприема (высший орган Святого трибуиала) пытались ограничить число как процессов над колдуньями, так и аутодафе, которые организовывались инквизиторами на местах. Даже прямые иамеки из Мадрида иа сей счет ие всегда доходили до сознания рьяных преследователей ведовства. В результате Суприема издала в 1614 г. распоряжеиие, по которому в процессах над ведьмами от обвинеиия требовалось представить действительные доказательства, а приговор должеи был утверждаться Мадридом. Это, однако, не прекратило процессов по обвииению в колдовстве, с которыми Испания покончила последней в Европе, уже в иачале XIX в.

Еще один парадокс. Наиболее влиятельный трактат

против гонений на ведьм в первой половине XVII в.— «Предостерегающее сочинение в связи с ведовскими процессами» — был написан немецким иезуитом, уже упоминавшимся выше Фридрихом Шпее. Неожиданными единомышленниками благородного гуманиста Иоганна Вейера, смело поднявшего голос против гонений, оказались судьи из безжалостной Супремы. В Англии противниками гонений были кентский сквайр Реджинальд Скот, политический памфлетист Филмер, защищавший абсолютизм ссылками на неограниченную власть библейских патриархов, архиепископ Лод, свирепствовавший против пуритан и казненный по приговору революционного парламента, и, наконец, сам его повелитель Карл I (между прочим, прекращенные по его приказу ведовские процессы были возобновлены победившими пуританами). А в числе веривших были не только Бэкон, но и Шекспир[37], и вольнодумец Ралей, и много позднее знаменитый естествоиспытатель Бойль, имя которого ныне знакомо каждому школьнику из учебника физики.

В чем же причины отрицательного отношения к ведовским процессам со стороны порой таких представителей консервативных сил, как испанская инквизиция или Карл I и архиепископ Лод? В Испании позиция Супремы определялась сосредоточением усилий против других «врагов» — скрытых еретиков морисков и марранов, делавших излишним создание дополнительного «ведовского» жупела. Кроме того, отцы-инквизиторы в Мадриде и в Риме явно опасались, что обсуждение — пусть осуждаемых — многочисленных «чудес», совершаемых слугами сатаны, приведет к обесцениванию «чудес господних». А точка зрения Карла I и роялистов была реакцией на одержимость ведовскими представлениями их противников — пуритан. Этому не стоит удивляться, если вспомнить, что в пику истовой религиозности своих врагов английская аристократия в эпоху Реставрации Стюартов откровенно богохульствовала, даже высказывала склонность к философскому материализму. Именно потому, что суеверием были заражены и передовые силы эпохи, отдельные представители консервативных кругов могли себе позволить вольнодумство.

Бог ведьм

Ныне в обширной западной литературе, посвященной ведовству и гонениям на него, можно различить три главных направления. Одно прямо обскурантистское, почти открыто солидаризирующееся со взглядами инквизиторов и их достойных коллег в протестантском лагере.

Сторонники второго направления хотели бы выявить бытовые и психологические импульсы ведовства, но склонны при этом проходить мимо классовых корней и политических причин этого явления. И наконец, третье направление (М. Мэррей, Д. Гарднер, В. Пейкарт и др.), находящееся в известном смысле между двумя первыми, стремится учитывать политическую подоплеку ведовства и преследований, не упустить скрывающийся за этим какой-то глубокий конфликт. Однако сам конфликт частью этих исследователей рисуется в виде противоборства между христианством и остатками более ранних языческих культов.

В самой гипотезе о том, что влияние языческого наследия было бóльшим, чем это обычно признается в исторической литературе, вероятно, имеется рациональное зерно[38]. Однако совсем другое дело искать здесь причину ведовских процессов.

Дальше всех в этом отношении пошла М. Мэррей, которая попыталась в своих книгах «Ведовский культ в Западной Европе» (1921 г.) и «Бог ведьм» (1933 г.) представить ведовские процессы как попытку христианства уничтожить еще широко сохранявшее свое влияние язычество[39]. Идеи этих книг получили распространение и даже были воспроизведены в соответствующих статьях ряда изданий «Британской энциклопедии» в качестве общепризнанной научной истины. М. Мэррей предлагала полностью доверять вырванным пытками «признаниям» и самооговорам[40], считая, что подсудимые были действительно приверженцами древнего культа бога плодородия, жрецов которого инквизиторы и объявляли воплощением дьявола[41]. Но и этих открытий оказалось мало — в книге «Божественный король Англии» (1954 г.) престарелая исследовательница задумала под углом зрения своей теории переписать несколько веков английской истории и в особенности политические судебные процессы того времени.

М. Мэррей предпосылает своей книге цитату из произведения современника Шекспира драматурга и поэта Френсиса Бомонта «Королевские могилы в Вестминстерском аббатстве»:

Останки знатных здесь взывают из могилы,
Как люди умерли они, хотя богами были.

По мнению М. Мэррей, когда — вплоть до XVIII в.— говорили о божественной власти короля, о том, что монарх — живое олицетворение бога на земле, эти слова понимались в самом прямом, буквальном их смысле. Ведь

на протяжении столетий верили, что король, как воплощение божества, должен быть принесен в жертву богу плодородия для блага своих подданных. Позднее возник обычай избирать в качестве искупительной жертвы не самого правящего монарха, а кого-либо из близких ему лиц — близких по крови, по семейным связям, по высокому положению в государстве. Такие жертвы из числа тех, кто принадлежал к королевскому роду или был близок к монарху, приносились не только в Англии, но и в других странах Западной Европы. Типичным примером М. Мэррей считает... Жанну д'Арк.

В Англии искупительные жертвы, по утверждению М. Мэррей, приносились в царствование каждого из монархов, по крайней мере со времени Вильгельма Завоевателя[42], т. е. со второй половины XI в. и до начала XVII в., а может быть, даже и позднее. Ведь старая религия сохранялась среди сельского населения до конца XVII в. Первоначально жертва — «заместитель» — попросту выбиралась по приказу короля. Впоследствии же ритуальное жертвоприношение внешне изображалось как результат законного разбирательства и вынесенного приговора, в действительности представлявших собой явную насмешку над справедливостью и правосудием. «Такие юридические убийства историкам было трудно объяснить, поскольку эти убийства являлись отрицанием всех принципов человеческого правосудия и христианской религии, которую, как предполагается, исповедовали и король, и судьи»[43]. Христианская церковь вынуждена была долгое время терпеть этот языческий обычай и даже идти на компромисс, канонизируя некоторых из лиц, ставших искупительными жертвами, приписывала им способность творить чудеса. Вместе с тем духовенство, обладая монополией на ведение летописей, старалось скрывать существование языческого культа.

В XVI в. области распространения старой веры, особенно Восточная Англия, продолжает М. Мэррей, стали районами, где раньше всего пустила корни Реформация. К концу правления Елизаветы I вера в божественность монарха почти угасла и сохранялась лишь в отдаленных деревнях. Там, в этих медвежьих углах, слепая преданность своим местным лордам как воплощению бога еще была достаточно сильной и представляла политическую угрозу для центральной власти. И сторонников старого культа стали преследовать, именуя колдунами и ведьмами. Вступление в 1603 г. на престол Якова I, старавшегося возродить веру в божественность монарха, уже не встретило былой поддержки, а более энергичные попытки Карла I даже привели к его низложению и

казни. Стюарты не получили твердой опоры даже в Шотландии, откуда они были родом, так как там долгое отсутствие королей, занимавших одновременно английский престол и пребывавших в Лондоне, также подорвало позиции старой религии [44].

По ритуалу искупительную жертву следовало приносить раз в семь лет. Поскольку же было неудобно так часто менять монархов, возник довольно рано институт «заместителей». Обычно жертву приносили, когда возраст короля или время его правления были кратны числу 7 (иногда — 9). Жертвы редко требовались до того, как монарху исполнится 35 лет. Наибольшее число таких жертв приходится на год, когда король достигал 42-, 49- или 56-летнего возраста. Ритуальные казни, когда монарху исполнялось 63 года, являлись редким исключением по той простой причине, что только четыре английских короля перешагнули этот возраст (Генрих I, Эдуард I, Эдуард III и Елизавета I) [45]. Казнь приурочивали к «магическим», «священным» месяцам в языческом культе — февралю, маю, августу, ноябрю (чаще к февралю и августу). Во время казней толпа громко стенала, части разрубленного палачом трупа выставляли на обозрение в различных районах страны. Не менее характерно, что многие осужденные покорно шли на казнь как на заклание, вместе с тем до конца отрицая возведенные на них обвинения — по поверью, невиновность жертвы была необходима, чтобы искупить грехи всего королевства [46].

В судебные процессы против «заместителей» иногда вовлекали и других лиц, чтобы получить — точнее, вырвать у них — нужные признания против главного обвиняемого. Эти лица могли быть отправлены на плаху или избежать смерти, если их помилование не мешало казни «заместителя». Так, придворных, обвиняемых в преступной связи со второй женой Генриха VIII Анной Болейн, казнили, поскольку признание их виновными было необходимо для вынесения обвинительного приговора королеве.

Как же, рассуждает М. Мэррей, следует отличать «заместителей» от других осужденных на казнь жертв политических процессов? «Заместителей» нетрудно обнаружить по явной ложности выдвигавшихся против них обвинений, по тому, что они никак не могли быть врагами царствовавшего монарха. Их приговаривали к смерти формально за тягчайшие преступления, их владения конфисковывались в пользу короны, но проходило несколько лет или даже месяцев, и эти владения возвращались наследникам осужденных. Труднее определить критерии выбора, а также кем производился выбор

искупительной жертвы. В одиих случаях его осуществлял сам король, в других придвориые, тайио иаделеииые такими полномочиями. Так, иапример, было в Шотландии, когда в 1566 г. вооружеиные лорды ворвались ночью в королевский замок н убили секретаря Марни Стюарт — итальянца Давида Риччио.

Иногда жертва заранее знала уготованиую ей участь. Иначе как объяснить известные пророческие слова Жанны д'Арк, что она вряд ли проживет более года? Аниа Болейн, кажется, тоже созиательио шла иавстречу своей судьбе и подиялась иа эшафот, как сообщали современники, «в радостиом настроеиии». Однако в других случаях от жертв скрывали, что нх ожидает. Некоторые «заместители» призиавались в приписываемых им преступлеииях. Даже все процедуры варварской «квалифицированиой» казни, вроде вырывания палачом у еще живой жертвы внутренностей, не ставили целью прнчииить дополнительные мучения, а имели символическое зиачение. Только позднее такую казиь стали примеиять к обычиым преступникам[47].

М. Мэррей приводит многочисленные примеры из английской историн, призваниые доказать правильность ее теории. Она упомииает, что король Иоанн Безземельный скончался в 49 лет, а Генрих V в августе месяце н 35 лет от роду. Исследовательиица пытается иайти ритуальные жертвы среди множества казнеиных во времеиа дииастических войи Алой и Белой розы. М. Мэррей стремится также объясинть и знамеиитое убийство принцев — сыновей Эдуарда IV. Если в этом злодеянии был повинен ие их дядя Ричард III, а его соперник Генрих VII Тюдор, то оно могло произойти только после победы Генриха в битве при Босворте, в 1485 г., когда новому королю было 28 лет.

Искупительиыми жертвами являлись, по миеиию М. Мэррей, и жеиы Генриха VIII, казиеиные им якобы за иевериость. Геирих жеиился иа Аиие Болейи, когда ему было уже за сорок. Если была бы хоть доля правды в выдвинутых впоследствии обвннеииях против Аины, то и это не могло пройти мимо властей еще до того, как король сочетался с ией браком. Между тем сведения, порочащие честь королевы,— это признают большиинство историков — стали распространяться только после ее ареста. Генрих VIII считал, что раз у его первой жеиы Екатерины Арагоиской рождались мертвые дети (кроме дочери Марии — будущей королевы Англии), это было явным знамеиием необходимости искупительиой жертвы. Екатериия не пожелала выполнить эту роль. А поскольку она была родственницей императора Карла V, нельзя

было прибегать к насильственным мерам. Пришлось поэтому искать другую «заместительницу». Характерно, однако, что и после развода с королем Екатерина постоянно опасалась отравления.

Выбор не случайно пал на Анну Болейн. Она родилась в Восточной Англии, где были особенно сильны остатки старой веры. Она была из рода Говардов, про который французский посол Фенелон заметил: «Они подвержены тому, чтобы их обезглавливали, и не могут избежать этого, ибо происходят из племени, предрасположенного к такой участи». Это замечание французского посла М. Мэррей выдает за свидетельство того, что Говарды были «жертвенным родом», из которого избирались «заместители». Действительно, после Анны ряд Говардов сложил голову на эшафоте.

Роковым для Анны Болейн был 1533 г., когда Генриху VIII исполнилось 42 года — число, кратное магической цифре 7. Однако год прошел благополучно, так как у королевы родилась дочь — будущая Елизавета I. Когда же в феврале 1536 г. Анна родила мертвого ребенка, это могло укрепить Генриха в убеждении, что настало время для принесения искупительной жертвы. В апреле группа членов Тайного совета стала собирать доказательства «вины» королевы. Любопытно, что об этом не был поставлен в известность архиепископ Кранмер — высший сановник англиканской церкви, хотя он также состоял членом Тайного совета. Вероятно, эта предосторожность была принята потому, что Кранмер отрицательно относился к сохранившимся остаткам язычества.

В обвинительном акте указывалось, что Анна Болейн будто бы замышляла покушение на жизнь Генриха VIII, но главное было доказать нарушение ею супружеской верности, устоев нравственности. По поручению короля Кранмер посетил осужденную и имел с ней беседу наедине, содержание которой оставалось в тайне. Однако на следующий день архиепископ Кранмер председательствовал на церковном суде, который объявил недействительным брак Генриха и Анны. Как объяснил Кранмер, королева сообщила ему факты, убедившие его, что этот брак не мог быть подлинным супружеским союзом. Историки давно гадали, что скрывается за этими словами архиепископа. Некоторые считали, что Анна тогда призналась, будто была уже замужем до вступления в брак с королем. Но возможно и другое предположение — королева заявила о своей приверженности старой религии и тем самым в глазах Кранмера становилась «ведьмой», недостойной не только быть супругой монарха, но и вообще оставаться в живых. Королеву казнили 19 мая —

на двадцать восьмом году правления Генриха VIII.

По мнению М. Мэррей, об участи, ожидавшей Анну, было заранее известно не только ей самой, но и Екатерине Арагонской, главному министру Уолси и канцлеру Томасу Мору, которые за несколько лет предсказали казнь второй супруги короля.

Как известно, после смерти Анны Генрих женился на Джейн Сеймур, которая умерла при родах. Ее сменила Анна Клевская, а ту — близкая родственница Анны Болейн — тоже из «жертвенного» рода — Екатерина Говард. И ее обвинили в неверности, только при подготовке процесса были учтены ошибки, допущенные при составлении обвинительного акта против Анны Болейн, устранены явные противоречия. Суд над Екатериной и казнь состоялись, когда королю было 49 лет — опять число, кратное 7. В целом же судьба Екатерины Говард была копией той, которая за несколько лет до этого была уготована Анне Болейн. М. Мэррей приводит перечень совершенно совпадающих событий из жизни этих двух жертв Генриха VIII: обе королевы принадлежали к «жертвенному» роду; были фрейлинами «предшествующей» супруги короля; вступили в брак после развода короля; не было никаких сведений об их прежней «распутной» жизни до тех пор, пока не потребовалась искупительная жертва; в обоих случаях следствие начинал Тайный совет; король получал конфиденциальную информацию о своей жене; король тайно покидал дворец Хемптон-корт, после чего королеву арестовывали по обвинению в супружеской неверности; судили сообщников, причем один из них «признавался»; специально осуждали ближайших родственников обвиняемой (брата Анны Болейн; леди Рочфорд при суде над Екатериной Говард); королеву судил парламент; королева отвергала основное обвинение; казнили сообщников; казнь самой королевы приурочивалась к жертвенному месяцу; осужденная спокойно шла на смерть, объявляя о своей невиновности и уверенная, что попадет на небо; придворные дамы сопровождали королеву до эшафота и после казни уносили тело и отрубленную голову; при известии о том, что казнь состоялась, король выражал бурную радость; молва утверждала, что обвинение было сфабриковано[48].

Наряду с семеркой магическое значение, по мнению М. Мэррей, придавалось числу 13 (господь и его двенадцать апостолов: кстати, остается непонятным, почему этому христианскому представлению должны были следовать приверженцы языческого культа). Во многих важных политических акциях, полагает она, действовали

группы в 13 человек или кратные этому числу. Участники того или иного заговора, кавалеры ордена Подвязки, члены Тайного совета, судившие Анну Болейн, составляли либо группу в 13 человек, либо число, кратное этой цифре[49]. Точно так же обстояло дело и с участниками ведовского шабаша.

Аналогичное объяснение М. Мэррей пытается дать и многим другим политическим процессам второй половины XVI и первой половины XVII в. и даже суду над Карлом I, который во время английской революции был обезглавлен по приговору парламента как «тиран, изменник, убийца и враг государства». Правда, в этом последнем случае М. Мэррей высказывает сомнения, но только потому, что Карл был казнен 48 лет от роду — цифра, не кратная семи. Вместе с тем Кромвелю, фактическому главе государства, тогда исполнилось 49 лет, и, возможно, уже король выступал теперь в роли «заместителя». Даже смерть Карла II в 1685 г. от апоплексии, как считает М. Мэррей, была формой искупительной жертвы.

Карл заболел 2 февраля, в жертвенный день, но агония продолжалась до 6 февраля. На смертном одре король произнес известную фразу, извиняясь за то, что использовал слишком много времени для умирания[50]. Карл умер на 35-м году правления (снова число, кратное семи) — роялисты считали, что он царствовал с момента казни Карла I, с 30 января 1649 г., и т. д.

В арифметических подсчетах М. Мэррей немало ошибок. Но главная слабость ее аргументации, конечно, не в этих погрешностях. Ее доводы повисают в воздухе по той простой причине, что нет буквально ни одного прямого свидетельства источников о сохранении языческого культа или тем более обычая приносить человеческие жертвы богу плодородия. Косвенные же намеки, которые пытается обнаружить М. Мэррей, легко объяснимы и без ее теории. Вырванные пытками признания «ведьм» не являются доказательством. Что же касается признания божественности королевской власти и ее носителя, наделения монарха сверхъестественными способностями исцелять болезнн путем прнкосновення руки и т. п., то такие суеверия вполне органически вписывались в средневековое христианство, несмотря на их частично языческое происхождение. Для каждой казни, о которой упоминает М. Мэррей, были свои причины; то или иное поведение обвиняемых на суде и на плахе определялось мотивами, отличными от приверженности «дианическому культу».

Пытка и самооговоры были главными орудиями фабрикации «доказательства» существования ведовского

культа. Имеется сколько угодно свидетельств того, что единообразие показаний, дававшихся подсудимыми, было предопределено строгим единообразием задававшихся вопросов и пониманием жертвами, каких ответов ожидают от них судьи и палачи. Проверка источников, которые использовала М. Мэррей, показала, что она при цитировании отбирала лишь «правдоподобные» детали шабаша, заботливо опуская сопровождавшие их «признания» обвиняемых в том, что они рожали от дьявола жаб и змей и т. п.[51] (Как бы взамен этих умолчаний М. Мэррей радует читателя утверждениями, что даже детские хороводы и прошедший победно по всем странам вальс берут начало от танцев на шабаше...)

Итак, нигде не было найдено убедительных материальных свидетельств практики ведовского культа. В этом смысле лучшим доказательством несостоятельности основного утверждения М. Мэррей является отчет члена Верховного совета испанской инквизиции Алонсо Саласара де Фриаса. Инквизитор был направлен из Мадрида в Лонгроно после состоявшегося там большого аутодафе для расследования обстоятельств дела. Саласар представил отчет на 5000 (пяти тысячах!) страниц о допросах 1802 покаявшихся и прощенных «ведьм» и «колдунов». 81 ведьма отрицала свою вину, остальные, по мнению инквизитора, сделали бы то же, если бы верили его обещаниям и не опасались, что их объявят вновь впавшими в ересь.

Еще за три века до появления книги Мэррей, как бы отвергая содержавшиеся в ней доводы, Саласар отрицал возможность того, что ведьмы, двигаясь пешком по земле, собирались на шабаш. Секретари Саласара дежурили на месте, где якобы производились ночные сборища, и не обнаружили там ни людей, ни злых духов. Инквизитор пришел к выводу, что многие признания, особенно детей,— результат душевной болезни. Саласар подробно описывает, как вымогались фальшивые признания, и на основании проведенного им повторного следствия доказывает их ложность. А ведь член Супремы был именно тем лицом, которое имело возможность получать сведения из первых рук. Доклад этого инквизитора, какими бы политическими мотивами он ни вызывался, уже сам по себе вполне опровергает гипотезу, защищаемую Мэррей. Несмотря на внешние признаки научности, эта теория — такой же свод вымыслов, как и протоколы ведовских процессов, являвшиеся главным источником для книг М. Мэррей о «ведовском культе в Западной Европе».

Всего каких-нибудь 10 лет назад теорию Мэррей еще поддерживали многие влиятельные ученые[52]. В послед-

ние годы полемика вокруг этой теории не прекращалась, в нее включились историки, антропологи, психологи, философы. Х. Тревор-Ропер характеризовал взгляды М. Мэррей просто как чепуху. Ему возражал А. Макфарлейн, полагающий, что М. Мэррей была права, настаивая на необходимости «рассматривать обвинения как нечто большее, чем проникнутое нетерпимостью суеверие»[53].

Корни истерии

Большое значение имела вполне реальная конфронтация католицизма и Реформации, идеологическое и политическое противоборство, которое вскоре же было перенесено в сферу международных отношений и которое на протяжении полутора столетий пытались решить военным путем. В этой связи стоит обратить внимание на внешнеполитические притязания, фантазией современников приписываемые князю тьмы. Один из возможных примеров — «Трагическая история доктора Фауста», принадлежащая перу Кристофера Марло, замечательного современника Шекспира. Фауст в пьесе Марло прямо объявляет о стремлении использовать власть, которую он почерпнет от дьявола, для решения в пользу протестантов (и своей собственной) конфликта с контрреформацией:

На деньги, что мне духи принесут,
Найму я многочисленное войско
И, принца Пармского изгнав из края,
Над всеми областями воцарюсь!
Велю изобрести орудья битвы,
Чудеснее, чем огненный корабль,
Что вспыхнул у Антверпенского моста.

В другом месте Фауст указывает столь же точно:

Солью холмистый берег африканский
С Испанией в единый континент,
Их данниками сделаю своими,
Во всем мне покорится император
И прочие германские владыки[54].

Обычное у протестантов, начиная с Лютера и Кальвина, отождествление римского папы с антихристом стало, например в Англии, своего рода официальной точкой зрения государственной англиканской церкви[55]. Превращение идеологической конфронтации в международный конфликт, потребовавший огромных жертв и сопровождавшийся бесконечными кровавыми расправами, создавало то лихорадочное состояние общественного сознания,

которое особо благоприятствовало все бо́льшему распространению демонологической пропаганды и преследований по обвинению в ведовстве. Обратим внимание на то, что массовые гонения на ведьм очень точно — насколько это вообще возможно в общественных явлениях — совпадают хронологически с этим противоборством, происходившим примерно в 1520—1648 гг. Эти гонения начали нарастать в то полустолетие, когда созревали условия для конфликта, и быстро сошли на нет в следующее полустолетие. Можно проследить многие примечательные совпадения между развитием конфликта и развитием гонений. В Юго-Западной Германии, ставшей позднее центром жесточайших гонений, с 1400 по 1560 г., т. е. более чем за полтора века, было казнено 88 человек. Первая массовая «охота на ведьм» началась здесь в 1562 г.— примерно через 40 лет после начала конфликта, а последняя происходила в 1662—1665 гг.; в отдельных районах она длилась до 1684 г., т. е. закончилась немногим менее, чем через сорок лет после завершения этого конфликта[56].

Наиболее свирепые преследования происходили именно в Германии, причем особенно в районах, которые служили ареной борьбы между католическим и протестантским лагерями. К ним принадлежали, в частности, рейнские области. Достаточно привести немногие примеры. В герцогстве Брауншвейгском с 1590 по 1600 г., как считали современники, сжигали в среднем 10 человек ежедневно. В деревнях около Трира в 1586 г. остались в живых только две женщины. В 1589 г. в городе Кведлинбурге в Саксонии, насчитывавшем 12 000 жителей, за один день было сожжено 133 человека. В Бамберге епископ Иоганн Георг II Фукс фон Дорнхейм в 1623—1631 гг. отправил на костер многие сотни ведьм, пока не был изгнан из своих владений шведскими войсками. Князь-епископ Вюрцбурга Филипп Адольф фон Эренберг сжег 900 человек, собственного племянника и 19 католических священников. В городке Мелтенбурге (в районе Майнца), насчитывавшем 3 тыс. душ, между 1626 и 1629 гг. было казнено 56 ведьм, в Бургштадте с населением 2000 человек было 77 казней, в маленькой деревеньке Айхенбюсль — 19 и т. д.

Гонения перекинулись на Эльзас, Лотарингию, соседние провинции Франции[57]. В протестантских государствах, в Швейцарии, в германских княжествах преследования приобрели такой же ужасающий размах. В кальвинистской Женеве только в 1542 г. было сожжено 500 ведьм. Конечно, «охота на ведьм» распространялась и на области, далекие от главных сражений векового конфлик-

та, пуритане перенесли гонения и в английские колонии в Новом Свете. Но эпицентр конфликта вполне точно совпадал с эпицентром гонений.

В последнее время западными исследователями предпринимались попытки представить суды над ведьмами как стремление общества определить свои нравственные основы и характер, как результат отношения к политической власти в эпоху Возрождения, как осуществление важных социальных функций и т. п.[58] Высказывалось мнение, будто преследования были выражением желания правящих классов подавить протест народной массы, принимавший форму религиозного мессианства, представить церковь и государство действенными защитниками общества от вражеской рати. Показательно, что подавляющее большинство жертв гонений принадлежало к социальным низам. Как писал один американский автор, важно выяснить, не почему общественные верхи были «одержимы уничтожением ведовства, а скорее почему они были одержимы созданием ведовства»[59]. К этому справедливому замечанию следует все же прибавить, что нередко картина оказывалась более сложной, что орудием гонений пользовались не только реакционные, но и передовые для той эпохи круги общества[60].

Ведовские процессы можно отнести и к проявлениям социальной истерии (так предлагает, в частности, Х. Тревор-Ропер)[61], но лишь при условии более или менее четкого определения содержания столь расплывчатого понятия. Ведь неопределенность его позволяет, например, консервативным авторам тенденциозно характеризовать действия масс в периоды революционных кризисов, ставить знак равенства между «истерией» и любыми проявлениями классовой борьбы, народного насилия над эксплуататорами. Ложное изображение буржуазными учеными народных движений в виде массовой истерии берет начало как раз в действительной истерии, но реакционной, нагнетаемой правящими классами для достижения корыстных целей. Если же освободить понятие «социальная истерия» от такого истолкования, то оно окажется применимым только к некоторым действиям определенных общественных групп, явно нерациональным с точки зрения их классовых интересов. Порождением такой истерии окажутся все формы политического террора, направленного против заведомо не представляющего никакой опасности или мнимого противника, которыми могли быть «ведьмы» в XVI—XVII вв., явно бессильные религиозные или национальные меньшинства, остатки побежденных и полностью сошедших с исторической сцены социальных прослоек, носители ка-

ких-то определенных идеологических воззрений, ни прямо, ни даже косвенно не угрожающих основам существующего порядка, и т. д.

Однако, признавая неразумными открыто провозглашенные цели такого гонения, можно ли считать, что у его вдохновителей вообще не имелось рациональных мотивов для «охоты на ведьм»? Безумие имело свою систему, вполне разумное, хотя, конечно, далеко не всеми гонителями осознаваемое основание. Террор, развязываемый во время «истерии», бывал направлен не только и даже не столько против группы, являющейся его объектом, сколько против основной массы населения, становился средством удержания ее в подчинении — путем соучастия в гонениях, а также усиления в такой обстановке идеологического воздействия со стороны правящих классов. Условия, когда даже активный участник гонений мог завтра оказаться их жертвой, когда критерии «вины» становились крайне зыбкими, должны были обеспечивать в кризисные периоды слепое повиновение, которое в «обычные», спокойные времена гарантировалось привычкой к подчинению авторитету верховной власти, силой государственного аппарата. «Охота на ведьм», поскольку приспешником сатаны мог быть объявлен любой и каждый, кто угодно, вплоть до непокорных судей, в этом смысле вполне отвечала интересам правящих кругов в XVI и XVII столетиях.

Идеология феодального мира, социально-психологический климат эпохи стимулировали возникновение и других форм массовой истерии (например, паники, связанной с ожиданием конца света в разных районах Германии в 1524, 1533, 1584 гг.; влиянию первой из них поддался и сам император Карл V). Несомненно, что те же причины способствовали обострению конфликта между наукой и религией, приведшего к судам над учеными. Достаточно напомнить наиболее известные из них — процессы Джордано Бруно и Галилео Галилея. Инквизиторы обвиняли Галилея в том, что он выдает гипотезу Коперника, полезную для астрономических расчетов, за объективную истину [62]. Объективной истиной для судей были ведовские козни и бесовский шабаш. Поэтому так расходится с истиной католический историк П. Даниэль-Рол, когда он мягко журит инквизиторов лишь за неумение объяснить, «каким образом теология может быть приведена в согласие с наукой» [63]. В ноябре 1979 г. папа Иоанн Павел II, объявив ошибочным приговор инквизиции по делу Галилея, выразил надежду, что это будет способствовать «плодотворному согласию между наукой и верой...» [64].

Массовая истерия, находившая выражение в ведовских процессах, как уже отмечалось, хронологически точно совпадает с конфликтом протестантизма и контрреформации в XVI—XVII столетиях. Это заставляет задуматься, не существует ли подобной же связи и в другие эпохи. Стоит лишь поставить этот вопрос, чтобы стал очевидным ответ. Такое совпадение явно прослеживается во всех подобных конфликтах. Поскольку же речь идет о новой и новейшей истории, оно особенно ясно обнаруживается во времена, когда предпринимались попытки военного решения конфликта или велась подготовка к такой возможности. Примеры многочисленны — от Вандеи времен Великой французской революции до нацистского «третьего рейха» или США времен разгара «холодной войны» и разгула маккартизма. Об этом следовало бы задуматься западным ученым, которые ищут корни «массового безумия», «общественной истерии», имеющей немало сходного с тем, что пришлось пережить людям во многих странах и в нашем, XX столетии[65].

Гонения начали ослабевать в конце второй трети XVII в. В это время стали прислушиваться к голосу противников преследования, особенно Фридриха Шпее. Его знаменитая книга «Предостерегающее сочинение в связи с ведовскими процессами» первоначально была издана анонимно, и имя ее автора стало известно только в начале XVIII в. (в 1731 г. очередное издание книги Шпее появилось уже с его фамилией и с цензурным разрешением иезуитского ордена).

Наиболее значительным произведением второй половины XVII в., направленным против «охоты на ведьм», был «Заколдованный мир» амстердамского священника Балтазара Беккера, первый том которого вышел в 1691 г., а второй — в 1693 г. Подобно своим предшественникам Беккер не отрицал самого существования дьявола, в чем его обвиняли демонологи (включая и синод голландской реформатской церкви, отстранивший автора «Заколдованного мира» от исполнения обязанностей проповедника). Но Беккер отнимал у князя преисподней способность вмешиваться в земные дела. О дьяволе, указывал Беккер, мы знаем лишь то, что содержится в Священном писании. А отсюда следовал вывод: никогда не существовало и не существует ни колдунов, ни колдуний, все смертные приговоры, вынесенные на бесчисленных ведовских процессах, были просто юридическим убийством. Собственно, вера в ведовство уже исчезла среди образованных людей того поколения, к которому принадлежал Беккер. Однако они формулировали свою позицию очень осторожно. Так, известный английский писатель Аддисон в начале

XVIII в. замечал, что, по его мнению, нечто вроде ведовства существует, но нельзя верить любому обвинению в занятии колдовством. Беккер, тоже оставаясь непоследовательным, шел дальше. Неудивительно поэтому, что его категорическое отрицание факта ведовства произвело сильное впечатление. Вскоре вышли немецкое, английское и французское издания первого тома «Заколдованного мира».

Несмотря на ярость церковников, Беккер встретил сочувствие даже во влиятельных буржуазных кругах Амстердама. Городское управление и после устранения Беккера с поста проповедника продолжало выплачивать ему жалованье, а впоследствии — пенсию его вдове. Беккер скончался в 1698 г. По его просьбе были записаны разговоры с сыном и друзьями, которые он вел незадолго до смерти. Эти материалы были сразу напечатаны, как указывалось в заголовке, чтобы «предотвратить ложные слухи». Ведь сколько врагов Беккера и просто любопытных ждало его смертного часа, считая, что дьявол непременно появится, чтобы забрать в пекло дерзновенного, осмелившегося отрицать его власть. В результате новейших исследований выявлено, что влияние книги Беккера за пределами Нидерландов было менее заметным, чем прежде полагали историки.

Несомненно, что причиной признаний большинства ведьм была пытка. По мнению либеральных историков инквизиции, писавших в прошлом столетии, и наиболее крупного из них, Ч. Ли, широкое внедрение пытки в XVI в. послужило основой для судов над ведьмами, а ликвидация пытки привела к прекращению этих процессов. В этом тезисе заключена большая доля истины, но не вся истина. Как известно, в Англии показания на ведовских процессах часто давались без пытки[66]. В Пруссии применение пытки было сильно ограничено в 1714 г. и полностью отменено в 1740 г., хотя закон 1727 г. уже прямо запрещает верить любым утверждениям о договоре с дьяволом, полетам на шабаш и тому подобном. Несомненно, этот закон с запозданием легализовал устоявшуюся практику. В Баварии преследование ведьм было прекращено в середине XVIII в., а пытка упразднена только в 1806 г. Это лишь отдельные примеры. Скорее недоверие к показаниям о колдовстве, полученным под пыткой, способствовало ее ликвидации, чем отмена пытки — прекращению ведовских процессов.

Постепенное изменение позиций судей сначала происходило еще в привычных формах. Например, высказывалось сомнение, не являлись ли сами преследования ведьм следствием дьявольского обмана. Позднее стали призна-

вать невменяемость обвиняемых. Разъяснялось, что несчастья — результат не злых чар, а воли божественного провидения. Приписывание обвиняемым чародейства стали считать суеверием или мошенничеством. Однако перехода от наказания за ведовство к осуждению за обвинения в ведовстве — по крайней мере в Германии — все же так и не произошло[67]. В 1766 г. патер Ф. Штерцингер в речи, произнесенной в Баварской академии наук в Мюнхене, разъяснял: «Отрицать дьявола — неверие; приписывать ему слишком мало власти — заблуждение; придавать ему чрезмерно много власти — суеверие»[68].

С ведовскими процессами было покончено в результате вызванных всем ходом общественного развития секуляризации идеологии и быстрого прогресса естествознания, что некоторые исследователи называют «научной революцией»[69]. Если в XVI в. демонология как-то могла соприкасаться с учением неоплатоников о влиянии невидимых духов, то ее невозможно было совместить с механикой XVII в., с убеждением, что даже несчастные случаи настолько не имеют ничего общего с «дурным глазом», что могут быть предсказуемы в целом с помощью теории вероятности. В XVIII в. демонология сохраняется только как пережиток. Конечно, попытки установить связи с князем тьмы не прекратились, но они все более приобретали характер причуды и моды на оккультизм. Когда еще в начале XVIII в. маршал Ришелье, будучи послом при императоре в Вене, решил заодно аккредитоваться и при императоре преисподней, в Париже это породило только несмешливые куплеты[70].

Ришелье, посол наш в Вене,
К черту обратил свой взор
И смиренно преклонил колени,
Чтоб вступить с ним в договор.
Недурно все дела с тех пор
Улаживает сей сеньор.
Когда патрон — владыка ада,
Бояться за успех не надо.

Правда, и в XVIII столетии передовая идеология Просвещения не воспрепятствовала подъему интересов к астрологии, алхимии, магии. Но этот интерес уже не находил прямого выхода в сферу политической жизни. Развитие классовой борьбы и общественной мысли проходило без сковывающих пут религиозной оболочки. Секуляризация общества, идейной борьбы привела к исчезновению импульсов к «охоте на ведьм», которая перестала

быть эффективным средством достижения политических целей.

В конечном счете ведовские процессы XVI—XVII вв.— это следствие политических условий и идеологических форм, которые порождались в ту эпоху противоборством между феодальным и идущим ему на смену буржуазным строем. Они исчезли вместе с исчезновением этих условий и форм борьбы. «В то самое время,— писал Маркс,— когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот» [71].

...В 1749 г. в Вюрцбурге была сожжена монахиня Мария Рената по обвинению в колдовстве. В 1775 г. в Польше было повешено 9 ведьм. А в последний раз сожгли в Европе «ведьму» по судебному приговору через десять лет — в 1785 г., в Швейцарии [72]. Однако и после этого немалое число женщин, подозреваемых в занятии черной магией, стали жертвами самосуда в различных странах.

Но ведовские процессы не принадлежат только истории. М. Мэррей призывала доверять показаниям обвиняемых на ведовских процессах. А нидерландский теолог Ван Дам в 1975 г. в книге «О роли демонов в истории и современности» объявил, что ведовское безумие и ведовские процессы были изобретением... дьявола, «победой сатаны над западноевропейским духом». (Разве не ясно, что князь тьмы никогда не позволил бы, чтобы судили его подлинных слуг?) Чувство стыда за эти процессы побудило общество, по мнению Ван Дама, впасть в рационализм, в отрицание существования дьявола и демонов. Это позволило сатане одержать «вторую победу над европейским духом...» [73]. Надо признать, что такая «победа» была весьма неполной и в Западной Европе, и в США, где, по данным Института Харриса, занимающегося изучением общественного мнения, 53% опрошенных американцев убеждены в существовании дьявола [74]. И в наши дни в ряде сельских районов Франции местные жители, как свидетельствует известный историк Е. Ле Руа Лядюри в монографии «Крестьяне Лангедока» (1966 г.), сохраняют веру в бесовский шабаш.

Что же касается позиции католической церкви, то Ватикан решительно отверг попытки либеральных теологов как-то смягчить колорит рассказов о происках князя тьмы. 15 ноября 1972 г. папа Павел VI заявил, что сатана — «это живое духовное существо, которое развращает и само развращено; это ужасающая, страшная, но таинственная и вызывающая страх реальность» [75]. Такие слова вполне могли быть произнесены в самый разгар «охоты на ведьм», четыреста лет тому назад.

СТАРЫЙ РЕЖИМ

Плоды просвещения абсолютизма

С XVIII в. берет начало история современной политической полиции. Хотя в предшествующих главах этой книги уже рассказывалось, например, о полиции Генриха VIII, Елизаветы I или кардинала Ришелье, однако это была скорее сеть тайных лазутчиков, разведка и контрразведка, действия которой были направлены главным образом против определенных групп противников правительства — интригующих придворных или недовольных феодальных магнатов, священников непризнанных вероисповеданий или агентов иностранных держав. Все остальное оставлялось преимущественно на усмотрение городских и провинциальных властей. Разведчик появился на столетия раньше, чем детектив. В случае надобности органы юстиции, призванные карать за уголовные преступления, превращались в орудия расправы с политическими противниками.

Лондонская Ньюгейт, бывшая столетиями особо надежной тюрьмой преимущественно для уголовных преступников, в первой половине XVI в. стала заполняться политическими арестантами, главным образом лицами, несогласными с религиозной политикой правительства. Смена монархов и государственной религии отнюдь не всегда влекла за собой замену тюремной администрации, просто избиравшей новые объекты для своих насилий и вымогательств[1].

Унаследованное от времен феодальной раздробленности и лишь контролируемое в определенной степени представителями центрального правительства хаотическое нагромождение старинных органов власти на местах с перекрещивающимися полномочиями и функциями, руководствующихся пестрыми локальными обычаями, конечно, ограничивало их эффективность как составных частей полицейской машины абсолютистского и раннебуржуазного государства. Лишь в XVIII в. абсолютные монархии на том этапе своего развития, который получил название просвещенного абсолютизма, создают централизованный административный аппарат, неотъемлемой частью которого становится полиция вообще и политическая

полиция в особенности. Раннебуржуазное государство в Англии в этом отношении отставало от континентальных монархий. Английская буржуазия с целью гарантировать себя от попыток реставрации абсолютизма предпочла пойти не путем расширения полномочий центрального правительства, а путем наполнения новым, чисто буржуазным содержанием, приспособления к своим нуждам старых органов местного самоуправления. Полиция в континентальной Европе при самом своем возникновении отразила стремление абсолютной монархии установить всесторонний контроль, опеку над всеми своими подданными[2].

Строго говоря, полиции уголовная и политическая не были отделены друг от друга. Почин был сделан во Франции. В Париже, насчитывавшем в шестидесятые годы XVII в. примерно полмиллиона жителей, по словам известного писателя и критика Буало, по вечерам «воры сразу овладевали городом. По сравнению с Парижем самый дикий и пустынный лес казался безопасным местом»[3]. Пост генерал-лейтенанта полиции был создан в 1667 г. Людовик XIV назначил на этот пост Николя де ля Рейни, выходца из низов «дворянства мантии», незнакомого широким кругам населения. Он быстро стал одним из важных лиц в государстве. Его влияние покоилось не только на созданном им полицейском аппарате, но и на широте полномочий, границы которых были слабо очерчены[4]. Любознательность и отеческая забота просвещенных абсолютистских правительств о своих подопечных, стремление быть осведомленными о всех сторонах их жизни, казалось, не знали границ и с годами все возрастали. При Людовике XV даже содержательницы домов терпимости должны были ежедневно передавать в полицию списки и различные сведения о своих клиентах. Особое внимание уделялось при этом придворным, духовным лицам и иностранным дипломатам[5].

Вместе с тем полиция не сумела помешать возникновению крупных организаций преступников. Достаточно напомнить шайку Картуша, долго и беспрепятственно действовавшую в начале XVIII в. в Париже. Ее ликвидацией занялось само правительство регента Франции, герцога Филиппа Орлеанского.

Примерно в те же годы возникла организация преступников в Англии, разделившая всю страну на округа, каждый из которых был отдан на откуп особой банде, включавшей отряды, специализирующиеся на ограблении церквей, разбое на больших дорогах, воровстве на ярмарках, подделке драгоценностей, содержании сети складов, где хранилось награбленное добро перед продажей его

лондонскнм скупщикам или отправкой контрабандным путем на собственном корабле для сбыта в Голландню. (Все эти подробностн выявились на процессе некоего Джонатана Уайльда в 1725 г.)[6]

Но и секретная полиция получала все большее развитие в Европе. Директор королевской полиции в Берлине был назначен в 1742 г. Централизация полиции во владеннях австрийских Габсбургов началась в 1749 г. В 1751 г. был создан пост полицейского комнссара Вены и Ннжней Австрин, причем при этом частично использовался французский опыт. А в феврале 1789 г., проводя реформы в духе просвещенного абсолютнзма, император Иоснф II организовал мнннистерство полиции во главе с графом Пергеном[7]. Рука тайной полицин ощущается теперь почтн во всех судебных делах, имевшнх политическую подоплеку.

Одной из разновидностей политических процессов стали суды над должностнымн лицами, которых удобно было сделать козлами отпущения за совершенные военные и дипломатнческие ошибки. С Семнлетней войной (1756—1763 гг.) были связаны два наиболее известных из них. 14 марта 1757 г. на борту военного корабля был расстрелян адмирал Джон Бинг. Его обвинили в трусости перед лнцом врага. Это обвинение было отвергнуто судом, приговорившим, однако, адмирала к смерти за то, что в битве при Мннорке 20 мая 1756 г. он не сделал всего возможного для разгрома вражеского фраицузского флота. Обвинение было тем более неосновательно, что Бннг сражался против превосходящих сил противника. Сам суд, вынесший приговор, ходатайствовал о помнлованнн адмирала; к нему присоединилась палата общин, одобрившая специальный билль. Но этот билль был отвергнут палатой лордов, где преобладали креатуры премьер-министра герцога Ньюкастля. Аналогичный характер носнл процесс графа Лалли-Толландаля, правителя французскнх владеннй в Индии, бóльшая часть которых была захвачена англичанами. Вину за неудачу свалили на Лаллн, который по приговору суда был казнен в 1766 г.

В зависимости от общественной атмосферы тот или иной процесс прнобретал шумную, иногда общеевропейскую известность, не всегда соответствующую реальному политическому значенню дела. В разгар Семилетней войны такой резонанс получнло дело Каласа.

13 сентября 1761 г. в магазине, прннадлежащем 64-летнему тулузскому негоцианту Жаиу Каласу, протестанту по вероисповеданию, был найден повешенным его сын Марк-Антуан. Местное духовенство, ухватившись за

возможность разжигания фанатизма, стало утверждать, что Марк-Антуан был убит родными, пытавшимися помешать его переходу в католичество. Распускались слухи, будто протестанты готовили кровавую резню мирных жителей Тулузы[8]. Хотя картина убийства (или самоубийства) Марка-Антуана была (и остается) неясной[9], отсутствовали доказательства существования религиозных мотивов для преступления[10], однако по приговору тулузского парламента (судебного учреждения) Калас был подвергнут мучительной казни колесованием, члены его семьи брошены в тюрьму.

На защиту чести невиновного выступил Вольтер, обличая судебный произвол, поставленный на службу религиозному мракобесию[11]. Это придало делу общеевропейскую огласку, что в свою очередь заставило вернуться к нему и правительство Людовика XV. В марте 1763 г. Большой королевский совет предписал тулузскому парламенту представить ему материалы дела Каласа. Еще через год с лишним, 4 июня 1764 г., старый приговор был отменен Тайным советом короля. Дело перешло к парижским судьям, которые 9 марта 1765 г., ровно через три года после смертного приговора, вынесенного в Тулузе, единогласно реабилитировали память Жана Каласа и оправдали всех остальных обвиняемых[12].

В 60-х годах XVIII в. громкий резонанс приобрело «дело Уилкса» — члена английской палаты общин, выступавшего против попыток усиления влияния короны. В 1762 г. в своей газете «Северный британец» Уилкс подверг критике тронную речь, за что с согласия олигархического парламента был брошен в тюрьму по обвинению в «безнравственности». При переизбрании палата общин отказалась принять его в свой состав. «Дело Уилкса», ставшее начальным этапом длительной борьбы либеральной буржуазии за парламентскую реформу, было вместе с тем отражением резкого роста народного недовольства[13]. На последующих этапах борьбы за реформу, когда она приобрела массовый характер, правящие круги не раз организовывали шумные процессы против руководителей демократического движения по обвинению их в государственной измене (в 1794 г.— против Томаса Гарди, в 1819 г.— против Г. Гента и др.). Это была одна из разновидностей процессов против революционеров, происходивших во всех странах Европы и Америки[14].

Острая внутриполитическая борьба в Англии привела к знаменитому процессу Уоррена Хейстингса, генерал-губернатора британских владений в Индии, превзошедшего своих предшественников в разграблении этой богатейшей колонии. По возвращении в Англию Хейстингс по

настоянию его врагов — лидеров партии вигов Э. Берка, Р. Шеридана, Ф. Френсиса был предан суду палаты лордов за служебные злоупотребления. Процесс растянулся на 10 лет и закончился в 1795 г. оправданием подсудимого. А главное, «крайностями», за которые пытались осудить Хейстингса, совершенно затушевывался тот узаконенный колониальный грабеж Индии, который продолжался столетиями — и до, и после процесса бывшего генерал-губернатора. После смерти Хейстингс был похоронен в Вестминстерском аббатстве, где покоится прах великих англичан. В эпоху империализма буржуазная историография стала открыто превозносить Хейстингса, якобы стремившегося «править Индией ради самих индусов»[15]. Процесс Хейстингса давно уже объявлен «жестокой несправедливостью», «пародией на правосудие»[16], причем, конечно, не за то, что обвиняемый был оправдан, а за самый факт суда над генерал-губернатором. «Потомство очистило его имя от клеветы вигов»[17],— писал с удовлетворением Уинстон Черчилль.

Еще один из шумных процессов, в которых «отразился век»,— суд в 1786 г. над кардиналом Роганом, авантюристом Джузеппе Бальзамо, известным под именем графа Калиостро, мнимой графиней Ла Мотт и другими вольными или невольными соучастниками аферы — кражи бриллиантового ожерелья под видом покупки его для королевы Марии-Антуанетты. Уголовный по своей сущности процесс приобрел политическое звучание; оправдание парижским парламентом Рогана и Калиостро праздновалось как победа над королевским произволом. Процесс способствовал дискредитации французской монархии. До взятия Бастилии оставалось всего около трех лет[18].

Лики террора

С огненными годами Великой французской революции неразрывно связано представление о суровых судебных процессах, не только являвшихся порождением той грозовой эпохи, но и наложивших на нее свой неизгладимый отпечаток. В разные периоды революции эти процессы имели различный политический смысл, по-разному они проходили, неодинаково и заканчивались.

Началом революции справедливо принято считать взятие штурмом Бастилии 14 июля 1789 г. Но монархия была свергнута 10 августа 1792 г., а суд над королем Людовиком XVI, начавший серию политических процессов, открылся еще через несколько месяцев. За это время французский народ прошел большую революционную

школу. Измены двора, его пособничество иностранным интервентам развеяли традиционные монархические иллюзии. Массы научились не доверять сладкоречивым политикам, озабоченным прежде всего тем, чтобы удержать в узде социальные низы. Процесс над королем свидетельствовал о крайнем обострении классовых антагонизмов и — как отражение их — политических противоречиях. При этом главная борьба развернулась не между судьями и подсудимым, а в лагере победителей, обнажив назревающий внутренний конфликт по вопросам дальнейшего развития революции. Суд над королем поэтому должен был превратиться и действительно превратился в борьбу между демократами-якобинцами, стремившимися в союзе с народом к углублению революции, и либералами-жирондистами, которые, опасаясь масс, проявляли склонность к компромиссу с силами старого порядка. Жирондисты старались спасти Людовика XVI вовсе не из-за каких-то симпатий к королю, а из желания опереться на остатки престижа монархии и на роялистские силы в борьбе против монтаньяров. Жиронда проявила куда больше усилий спасти Людовика, чем интервенты или его эмигрировавшие братья, которые предпочитали видеть короля мертвым, но не пленником в руках народа.

Суд над королем заслонил на время все другие сложные проблемы, выдвинулся в центр политической борьбы. Лагерь монтаньяров казался единым в решимости добиться осуждения короля. Но так ли это было в действительности? Знаменитый французский историк А. Матьез в начале XX в. опубликовал работы, в которых давался отрицательный ответ на этот вопрос. Матьез считал, что один из главных лидеров якобинцев, Дантон, вел двойную игру и что это повлияло на процесс Людовика XVI[19]. Однако независимо от оценки роли Дантона не подлежит сомнению, что предпринимались серьезные закулисные попытки спасти Людовика XVI и что реакция имела своих агентов в революционном лагере.

Все тайные и явные происки, направленные на то, чтобы предотвратить вынесение приговора королю, потерпели неудачу. 15 января 1793 г. Конвент приступил к поименному голосованию по трем вопросам. На первый из них — «Виновен ли Людовик XVI?» — подавляющее большинство — 683 человека — ответило утвердительно.

Значительно большие споры вызвал второй вопрос: «Следует ли любое принятое решение передавать на обсуждение народа?» Большинством голосов Конвент отклонил попытку оттянуть решение вопроса о короле, передав его на референдум.

Главное сражение развернулось по третьему вопросу: «Какого наказания заслуживает Людовик?» Народное негодование, давление публики, заполнившей галереи для зрителей, заставили жирондистских лидеров отказаться от мысли прямо выступить против смертного приговора. Верньо, ранее рьяно защищавший короля, произнес свой вердикт: «Смерть». За ним последовали Бриссо, Луве и другие жирондисты, выступавшие за смертную казнь, но с отсрочкой — до принятия новой конституции. За смертную казнь без всяких условий голосовало 387 человек, за смертную казнь условно или за тюремное заключение — 334. Большинством в 53 голоса Людовик был приговорен к смерти. Но жирондисты все еще пытались спасти положение. Лишь после новых жарких прений 19 января Конвент постановил немедленно привести в исполнение смертный приговор. 21 января 1793 г. Людовик XVI был казнен [20].

Казнь короля была важным этапом в развертывании революционного террора. Эффективным орудием его были внесудебные учреждения, особенно революционные армии в департаментах [21].

Среди судебных органов, осуществлявших террор, главная роль принадлежала парижскому Революционному трибуналу.

9 марта 1793 г. для разбора судебных дел политического характера путем реорганизации Чрезвычайного уголовного трибунала, который начал действовать еще 17 августа 1792 г., почти сразу же после падения монархии, был образован новый судебный орган. Решения этого органа, получившего название Революционного трибунала, являлись окончательными, обвиняемые не имели права апелляции.

Более чем полтора века в исторической литературе и публицистике не прекращаются идейные споры вокруг оценки деятельности этого трибунала. Еще оппоненты И. Тэна, написавшего в конце XIX в. крайне тенденциозную и клеветническую историю Великой французской революции, подчеркивали: нельзя понять революционный террор, не представляя себе активности врагов якобинской Франции. Это все равно что на картине, изображающей двух схватившихся в смертельном поединке людей, замазать краской фигуру одного из бойцов. Оставшийся предстанет тогда в напряженной неестественной позе, с налитыми кровью глазами, яростно пытаясь повалить наземь несуществующего врага. Либеральный историк А. Олар, который подверг критике такую концепцию террора, рассказывал, что в 80-х годах XIX в. была даже произведена попытка покушения на его жизнь за положи-

тельное отношение к французской революции.

Однако и либеральная точка зрения Олара и радикально-демократическая концепция критиковавшего его А. Матьеза не могли дать иаучной оценки исторической роли и смысла якобинского террора. Консервативные тирады против революциоиного террора сопровождались либеральными обличениями террора вообще, к которым присоединились попытки оппортунистов запугивать якобинизмом. Для анархистов (например, бакунистов) и других представителей мелкобуржуазного и ультралевого авантюризма было типично некритическое отиошение к якобинскому террору, воспевание как раз тех его сторон, которые не способствовали достижению революционных целей. В рамках этих общих дебатов продолжается и борьба вокруг характеристики тех или иных процессов, проходивших в Революционном трибунале. Диапазон колебаний тут от оправдания его заведомых ошибок до представления в виде преступной ошибки главной политической лииии трибунала. В этой связи неодинаково оценивается достоверность обвинительного заключения в различных процессах, по-разному решается вопрос о доказанности преступлений, которые вменялись подсудимым. Так, реакционный историк Валлон, излагая процесс генерала Кюстииа, пытается убедить читателя в его невиновности, умалчивая о важных показаниях, свидетельствовавших в пользу обвинения[22].

Весной 1793 г. жирондисты во время ожесточенной борьбы против «друга иарода» Марата решили использовать в своих целях Революционный трибунал. Все началось с того, что 8 апреля секции Сент-Антуаиского предместья обратились с петициями в Конвеит, настаивая на предании суду Бриссо, Верньо, Барбару и других жирондистских депутатов. В ответ жирондисты 12 апреля потребовали суда над Маратом, которого обвиияли в призыве к расправе над рядом членов Конвента, в возбуждеиии продовольственных волнений и требовании голов изменников. Жироидисты воспользовались отсутствием 374 депутатов, в большиистве монтаньяров, направленных конвентом в провинцию для выполнения важиых задаиий. В ночь на 14 апреля Конвент одобрил обвинительный акт против «друга народа». Марат, впрочем, и сам заявил, что не имеет ничего против суда над ним. Решение об аресте Марата тут же, в Конвенте, не было осуществлено: жандармы явно не хотели выполнить этот приказ. «Друг народа» сумел скрыться, но 22 апреля он добровольно отдался в руки властей. 24 апреля начался процесс Марата. Он выступил иа нем грозным обличителем жирондистов. Общественный обвинитель

Фукье-Тенвиль заявил, что, по его убеждению, Марат — верный друг народа. Марат был оправдан. Ликующая толпа на руках внесла его в Конвент. Марат сыграл выдающуюся роль в событиях 31 мая — 2 июня 1793 г., которые привели к поражению жирондистов.

Перед трибуналом была поставлена задача защиты революции. Весь ход процессов, выносимые приговоры должны были служить этой, и только этой, цели. Трибунал мало внимания обращал на тонкости процессуального характера. Степень суровости приговора во многом определялась социальным происхождением обвиняемого. Для осуждения представителей старых господствующих классов — дворянства и духовенства, а также буржуазной аристократии требовалось обычно меньше доказательств вины, чем для подсудимых — выходцев из народа. Трибунал карал за контрреволюционную деятельность, за измену, за шпионаж в пользу интервентов, за спекуляцию, а также за нарушение законов о регулировании цен и заработной платы (законов о максимуме), о конфискации золота, за поставку недоброкачественного вооружения, боеприпасов и продовольствия в армию и другие аналогичные преступления.

Наряду с Комитетами общественного спасения и общественной безопасности, комиссарами Конвента и революционными комитетами в провинции столичный Революционный трибунал принадлежал к числу наиболее важных и эффективных органов революционной диктатуры. Он сделал немало для обеспечения победы над силами внутренней и внешней контрреволюции, к которым летом 1793 г. открыто присоединились жирондисты. Ответом монтаньяров было усиление революционного террора против врагов якобинской республики. По различным подсчетам историков, в 1793—1794 гг. было арестовано от 70 до 500 тыс. человек, 17 тыс. было отправлено на гильотину. Если сам террор был некоторое время (особенно летом и осенью 1793 г.) суровой необходимостью для якобинской республики, то его эксцессы порождались совсем другим — страхом, как писал Ф. Энгельс, перепуганных, выставлявших себя патриотами буржуа, мелких мещан и действиями шайки прохвостов, обделывавших свои делишки при терроре [23].

Деятельность Революционного трибунала, особенно во время террора, ярко отражала ход политической борьбы.

25 сентября 1793 г. якобинский Конвент поручил Революционному трибуналу рассмотреть дела бывшей королевы Марии-Антуанетты и 21 депутата-жирондиста, после выступления парижских масс 31 мая — 2 июня изгнанных из Конвента и арестованных. Что касается

Марии-Антуанетты, то здесь все было ясно. Она являлась душой всех тайных контрреволюционных заговоров, вела изменническую переписку с интервентами. На суде вдова Людовика XVI отрицала все инкриминируемые ей деяния. Теперь, когда стали доступными правительственные архивы той эпохи, не подлежит сомнению, что обвинения против королевы соответствовали действительности. Их обоснованности не отрицают и симпатизирующие ей историки[24]. Фукье-Тенвиль добавил к политическим обвинениям различные, не шедшие к делу утверждения, касавшиеся личной жизни подсудимой. Эти выпады могли лишь унизить Революционный трибунал, недаром они вызвали гнев Робеспьера[25]. 16 октября бывшая королева была приговорена к смерти и в тот же день казнена.

Через неделю, 24 октября 1793 г., начался процесс жирондистов. И снова политические обвинения, выдвинутые против подсудимых, невозможно было опровергнуть. В число этих обвинений входило втягивание Франции в «революционную войну», к которой она не была готова, но которая лишь облегчила попытки интервентов изображать себя обороняющейся стороной. Проповедь «революционной войны» была по существу порождением страха перед углублением революции. Этот страх побудил жирондистов сначала к тайному, а затем и к открытому союзу с реакцией и иностранными державами, к поощрению измены генералов, к организации контрреволюционных восстаний в Бордо, Марселе, Лионе и других местах. Жирондисты призывали истреблять якобинцев, поощряли акты индивидуального террора против вождей революции, в том числе убийство Марата Шарлоттой Корде.

Якобинцы настаивали на быстром окончании разбора дела, которое могло затянуться на длительный срок. 28 октября Конвент принял закон, ускорявший судебную процедуру. По истечении трех дней председатель с согласия присяжных имел право прекращать судебное разбирательство и объявлять приговор. Председатель трибунала уже 30 октября воспользовался этим законом, чтобы предложить присяжным закончить процесс жирондистов, который еще находился на стадии судебного следствия. Через три часа присяжные на вопросы о виновности подсудимых во всех предъявленных им обвинениях ответили утвердительно. Некоторые из осужденных пытались заколоться кинжалами тут же, в зале суда. Другие обращались к собравшимся зрителям и народу, утверждая, что их обманывают. На другой день руководители жирондистов сложили головы на гильотине.

В последние месяцы 1793 г. и начале 1794 г. перед

Революционным трибуналом предстали различные лица, суд над которыми привлек всеобщее внимание: Филипп Эгалите, бывший герцог Орлеанский, мадам Роллан (ее называли душой Жиронды), бывший мэр Парижа Байи и республиканский генерал Гушар... В Революционный трибунал было передано и дело вождя «бешеных», защитника интересов парижской бедноты, Жака Ру. Не дожидаясь неизбежного смертного приговора, 10 февраля 1794 г. Жак Ру покончил жизнь самоубийством. 13 и 14 марта были арестованы лидеры левого крыла якобинцев Эбер, Ронсен, Моморо. Им инкриминировали связь с иностранными державами, стремление реставрировать монархию, уморить Париж голодом. Действительной виной, за которую судили эбертистов, были планы восстания против Конвента, против Комитета общественного спасения во имя осуществления своей эгалитарной программы. Среди зрителей было немало сочувствующих подсудимым, но это не изменило хода процесса. Эбертисты были осуждены и 24 марта гильотинированы.

В число осужденных «предателей» сознательно включили несколько лиц, связанных с правыми якобинцами — дантонистами. В ночь на 31 марта на совместном заседании Комитетов общественного спасения и общественной безопасности по настоянию Робеспьера и Сен-Жюста было принято решение об аресте Дантона и его друзей. При известии об этом возникло сильное волнение даже в самом Конвенте. Но авторитет Робеспьера еще раз восторжествовал. Со 2 по 5 апреля проходил процесс Дантона, Камилла Демулена, Эро де Сешеля и других лидеров правого крыла монтаньяров. В обвинении правда была щедро перемешана с вымыслом. Сведения о связях Дантона со спекулянтами и темными дельцами, даже с иностранными агентами, перемежались с явно фантастическими вымыслами. По утверждению председателя суда Германа, целью Дантона было «двинуться во главе вооруженной армии на Париж, уничтожить республиканскую форму правления и восстановить монархию» [26].

Дантон, с его могучим голосом и темпераментом народного трибуна, перекрикивая судей, доказывал всем собравшимся в зале и около здания трибунала несправедливость возведенных на него обвинений.

— Мой голос,— гремел он,— должен быть услышан не только вами, но и всей Францией.

Фукье-Тенвиль писал Конвенту, что предоставленных суду прав недостаточно, чтобы заставить замолчать подсудимых, «апеллирующих к народу» [27].

Один новейший американский историк назвал присяжных в процессе дантонистов «тщательно отобранной

группой людей, заранее враждебно настроенных и нарушающих данную присягу»[28]. Эта оценка соответствует действительности лишь частично: члены трибунала и присяжные были искренне убеждены в том, что интересы народа, революционная целесообразность выше, чем приверженность букве закона. По слухам, Фукье-Тенвиль и Герман даже входили в совещательную комнату, чтобы побороть сомнения присяжных, и показывали им какой-то неизвестный документ, свидетельствующий о виновности Дантона. Когда один из присяжных заколебался, другой спросил его:

— Кто более полезен для Республики — Дантон или Робеспьер?

— Более полезен Робеспьер.

— В таком случае нужно гильотинировать Дантона.

На вопрос, существовал ли «заговор, направленный на оклеветание и очернение национального представительства и разрушение с помощью коррупции республиканского правительства», присяжные ответили «да». Все подсудимые, кроме одного, были приговорены к смерти и в тот же день посланы на гильотину. Когда телега, на которой везли осужденных на казнь, проезжала мимо дома Робеспьера, Дантон громко крикнул: «Я жду тебя, Робеспьер!»

К этому времени террор принял невиданные прежде размеры. Только с 10 июня по 27 июля (9 термидора) Революционный трибунал отправил на гильотину 1375 человек. Порой выносили более пятидесяти смертных приговоров в день. Террор уже перестал служить интересам революции. Он сделался, по словам Ф. Энгельса, для Робеспьера и его сторонников «*средством самосохранения* и тем самым стал абсурдом»[29].

...Пестрой чередой проходили перед трибуналом левый якобинец Шомет и вдова Камилла Демулена — Люсиль, сотни других людей, нередко не представлявших никакой угрозы для якобинской Республики, между тем как настоящие враги не дремали и надеялись в своих планах использовать с помощью Фукье-Тенвиля, тайно ненавидевшего Робеспьера, и Революционный трибунал. Так возникла попытка раздуть дело полусумасшедшей старухи Катерины Тео, которая предрекала приход нового мессии. В числе поклонников Тео были члены семьи столяра Дюпле, на квартире у которых жил Робеспьер. Метили, конечно, в него. Робеспьеру удалось с немалым трудом 26 июня добиться приказа Комитета общественного спасения об отсрочке рассмотрения дела Катерины Тео, но сам эпизод уже служил зловещим предвестником использования Революционного трибунала в прямо контр-

революционных целях. Нельзя некритически подходить к деятельности Революционного трибунала из-за того, что он действительно наказал опасных контрреволюционеров. На основании этого нелепо было бы, как отмечал Ф. Энгельс, считать, что «каждый обезглавленный получил по заслугам — сначала те, кто был обезглавлен по приказу Робеспьера, а затем — сам Робеспьер...» [30].

Попытки якобинцев с помощью террора решить экономические проблемы (а для этого еще не было предпосылок) не могли привести к успеху.

Переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) привел к крушению якобинской диктатуры. Утром 10 термидора в Революционный трибунал были доставлены Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст и их ближайшие сподвижники. В их числе был и Рене-Франсуа Дюма — председатель Революционного трибунала. Фукье-Тенвиль участвовал лишь в начале заседания, не желая выносить приговор своему другу, бывшему мэру Парижа Леко-Флерио, находившемуся среди обвиняемых. Все 22 подсудимых — были зачитаны лишь их имена — по решению трибунала были осуждены на смерть и через несколько часов гильотинированы. 11 термидора за ними последовало еще 70 членов Парижской коммуны, включая и присяжных трибунала — сторонников Робеспьера [31].

14 термидора один из лидеров термидорианцев, Фрерон, заявил в Конвенте: «Весь Париж требует казни Фукье-Тенвиля, которую он вполне заслужил». Под аплодисменты было решено передать его дело в Революционный трибунал. Фукье-Тенвиль узнал об этом сначала из уст одного из своих друзей, поспешившего в здание Революционного трибунала. Он не сделал никакой попытки к бегству и сам явился в тюрьму Консьержери, заполненную лицами, которые еще ожидали его суда. В тюрьме Фукье-Тенвиль составлял оправдательные записки, утверждая неправильность предъявленного ему обвинения в преследовании патриотов (это якобы могли быть единичные случаи при наличии множества действительных заговорщиков). Он настойчиво подчеркивал, что никогда не был креатурой Робеспьера, что ненавидел его деспотизм [32].

Следствие по делу Фукье-Тенвиля длилось долго — оно стало орудием в борьбе между различными фракциями термидорианцев. 12 фруктидора (29 августа) его даже вызывали в Конвент, чтобы он засвидетельствовал роль, которую сыграли в проведении террора «левые термидорианцы» Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа и др. [33]

Во время первого процесса осенью 1794 г. преемник Фукье Леблуа предъявил ему обвинение в проведении

процессов сразу над большими группами лиц без выяснения вины каждого, в создании пресловутой «амальгамы» — объединения в одном процессе подлинных и мнимых заговорщиков, в нарушении прав присяжных, воздействии на свидетелей, подтасовке документов и так далее[34]. Процесс Фукье-Тенвиля еще не был закончен, когда 8 нивоза III года (28 декабря 1794 г.) Конвент принял решение о реорганизации Революционного трибунала. Членами его отныне должны были стать судебные чиновники из провинции, назначаемые сроком на три года.

В марте 1795 г. в условиях усиливавшегося белого террора в стране[35] Фукье снова предстал перед трибуналом. Термидорианцы сознательно сосредоточивали внимание на этом процессе. Были вызваны многочисленные свидетели, чем как бы подчеркивался контраст с процессами эпохи якобинского террора. В ходе судебного расследования выяснилось, насколько сложной, противоречивой была фигура этого «тигра» и «каннибала», как его именовали термидорианцы. Было установлено, что Фукье-Тенвиль сознательно откладывал многие процессы, что ему обязаны жизнью десятки и сотни людей, например 94 арестованных жителя Нанта[36]. Обвинения в коррупции, выдвинутые против него, были совершенно безосновательными: он умер бедняком, оставив жену и детей без всяких средств к существованию[37]. Фукье обвинили в «маневрах и заговорах, направленных на поощрение планов удушения свободы, которые создавались врагами народа и республики, на роспуск народного представительства и низвержение республиканского режима, а также в натравливании одних граждан на других и особенно в обречении на гибель в форме осуждения трибуналом громадного числа французов и француженок всякого возраста»[38]. В своей защитительной речи Фукье-Тенвиль заявил: «Сюда следовало привести не меня, а начальников, чьи приказы я исполнял»[39]. Незадолго до казни Фукье-Тенвиль написал краткую записку: «Мне не в чем себя упрекать, я ведь всегда действовал в соответствии с законами. Я никогда не был креатурой ни Робеспьера, ни Сен-Жюста. Напротив, я четыре раза был накануне ареста. Я умираю за родину без жалоб. Я удовлетворен: позже признают мою невиновность»[40]. Фукье и другие осужденные (часть бывших судей оправдали) были гильотинированы 7 мая 1795 г. Толпа провожала его в последний путь бранью и проклятиями[41]. Через три недели после казни Фукье-Тенвиля, 31 мая 1795 г., Конвент принял решение о роспуске Революционного трибунала.

Термидорианцы пришли к власти под лозунгом прекращения террора. Однако при расправе с Робеспьером и его сторонниками победители не утруждали себя судебными формальностями. А когда весной 1795 г. было подавлено последнее выступление парижских предместий, для суда над инсургентами была создана Военная комиссия. Термидорианский Комитет общественной безопасности потребовал, чтобы она действовала без «медлительности, несовместимой со справедливым и устрашающим характером, который должна иметь Военная комиссия во время мятежа»[42]. За 21 день комиссия рассмотрела 98 судебных дел и вынесла 20 смертных приговоров. Комиссия выслушивала только тех свидетелей, которых считала нужным вызвать; защиты не полагалось, приговоры приводились в исполнение в тот же день[43].

Полиция и политика

С 1789 г. Западная Европа вступила в эпоху буржуазных революций, приведших к окончательной победе и утверждению капиталистического строя. В эту переходную эпоху, когда правительства постоянно находились под угрозой своих противников, политическая полиция превратилась в широко используемое орудие подавления оппозиции.

Жозеф Фуше, вступая на восстановленный в 1798 г. пост главы полиции, решил сразу передать старшим чиновникам своего министерства все функции, не имевшие политического значения, оставив себе исключительно сферу «высшей (государственной секретной) полиции», занимающейся борьбой против легальной и нелегальной оппозиции, против заговоров роялистов и иностранной агентуры[44]. Изменив Директории и немало способствовав успеху переворота 18 брюмера (19 ноября) 1799 г., Фуше вскоре вызвал серьезные подозрения у первого консула Наполеона Бонапарта. И с полным на то основанием. Огромный полицейский аппарат, созданный Фуше, работал прежде всего на своего хозяина, и лишь в той мере, в какой ему это было выгодно,— на Наполеона. Первый консул решает отправить Фуше в отставку, а чтобы сделать ее менее обидной для этого опасного человека, ликвидирует и само министерство полиции (на деле его функции были переданы ряду других учреждений). Но обойтись без услуг Фуше оказалось не так-то легко, и уже 18 июля 1804 г. в официальной газете «Монитер» было объявлено: «Сенатор Фуше назначен министром полиции... Министерство полиции восстанавливается». Отны-

не префекты в не меньшей степени, чем от своего непосредственного начальства — министра внутренних дел, зависели также от министра полиции. Фуше давал различные поручения префектам и их заместителям — супрефектам; неблагоприятный отзыв о префектах в отчете министра полиции Наполеону нередко оказывался достаточным основанием для их увольнения[45].

Наполеон, ставший императором, не раз пытался напоминать ловкому, полезному, но неверному слуге, что министры должны быть только исполнителями воли главы государства. Фуше льстиво и вкрадчиво поддакивал:

— Если бы Людовик XVI поступал так, он был бы еще жив и сидел бы на троне.

Наполеон удивленно поднял брови, услышав эти слова из уст «цареубийцы», бывшего члена Конвента, голосовавшего за казнь короля.

— Но я полагал,— заметил Наполеон,— что вы были одним из тех, кто отправил его на эшафот.

— Государь, это была первая служба, которую я имел счастье оказать вашему величеству,— находчиво ответил невозмутимый и лукавый министр.

Позднее Фуше прямо утверждал: «В 1789 г. монархия пала только благодаря ничтожности ее секретной полиции»[46].

...После 18 брюмера английская разведка, действуя через роялистов, начала готовить покушение на первого консула. Главным звеном заговора должно было стать привлечение на сторону Бурбонов популярного республиканского генерала Жана-Виктора Моро, которого считали соперником Бонапарта. Для этой цели в начале 1804 г. из Англии во Францию тайно отправился Пишегрю, в прошлом тоже генерал республики. Еще за несколько лет до этого Пишегрю принял сторону роялистов, за что был арестован, сослан на каторгу во Французскую Гвиану, бежал оттуда в Лондон, где открыто объявил себя сторонником «короля эмигрантов» — Людовика XVIII[47]. Встреча Пишегрю с Моро разочаровала роялистского эмиссара. Моро ничего не имел против свержения первого консула путем заговора, но и слышать не хотел о возвращении Бурбонов[48].

28 февраля 1804 г. полиция выследила квартиру, где скрывался Пишегрю; он был захвачен после отчаянного сопротивления[49]. Заговор был раскрыт, его руководители казнены. Однако Бонапарт счел уместным проявить снисходительность в отношении Пишегрю. Ему намекали, что в обмен на чистосердечное признание он может быть назначен губернатором Кайенны, которую предполага-

лось превратить в важный оплот французского колониального господства в западном полушарии. Но если планы первого консула действительно были таковы, тюремщики почему-то не известили о них бывшего генерала. Однажды в апреле его нашли в камере мертвым. Пишегрю покончил жизнь самоубийством.

Оставался главный обвиняемый — Моро, не имевший прямого отношения к заговору. Наполеону очень не хотелось, чтобы осуждение Моро выглядело как месть недавнему товарищу по оружию, опасному только из-за его военного таланта. Бонапарт отказался от предложения передать дело Моро как генерала в военный трибунал, в составе которого находились высшие чины армии. Это ведь означало бы, что обвиняемого судили лица, лично преданные первому консулу. С другой стороны, направлять дело в обычный гражданский суд было опасно, так как, учитывая популярность Моро, присяжные могли вынести решение о его невиновности. В результате сенат издал в феврале указ о приостановке на два года проведения судов с участием присяжных по делам о государственной измене.

Процесс Моро начался 28 мая 1804 г. в трибунале по уголовным делам. Генералу инкриминировалась попытка разжечь гражданскую войну и свергнуть законное правительство (тоже пришедшее к власти в результате военного переворота за четыре с небольшим года до этого). Моро утверждал, что советовал Пишегрю отказаться от участия в каких-либо действиях против правительства, а заговор считал слишком несерьезным, чтобы сообщить о нем властям. К тому же адвокат Моро доказал, что в данном случае неприменим закон, изданный еще Людовиком XI (вторая половина XV в.); а если так, то недонесение не является преступлением. Попытки найти предосудительные действия в прошлом Моро также не дали убедительных доказательств. Моро, учитывая смягчающие вину обстоятельства, был присужден к двухлетнему тюремному заключению. Наполеон заменил тюремное заключение изгнанием. Генерал эмигрировал в Соединенные Штаты; через девять лет он поступил на службу к противникам Наполеона и был смертельно ранен в битве под Дрезденом.

Бонапарт использовал раскрытие заговора не только для того, чтобы избавиться от Моро; ему удалось окончательно похоронить республику, на смену которой в том же году пришла империя.

Последний период существования наполеоновской империи (как и месяцы, предшествовавшие ее провозглашению) отмечен попыткой произвести военный переворот. В

ночь с 22 на 23 октября 1812 г. республиканский генерал Клод-Франсуа Мале, которого долгое время держали в тюрьме, а потом поместили в лечебницу для душевнобольных, сумел бежать из заключения. В генеральском мундире он явился в казармы десятой когорты Национальной гвардии, предъявил подложное известие о смерти Наполеона в России и постановление сената о провозглашении республики. По приказу Мале были освобождены из тюрьмы его единомышленники генералы Лагори и Гидаль. Заговорщики быстро создали «летучие» отряды солдат десятой когорты для ареста высших чиновников. Префект парижской полиции барон Паскье был захвачен дома, когда он еще только одевался; аналогичная сцена произошла на квартире Демаре, уже 12 лет возглавлявшего отдел политической полиции. И наконец, заговорщики проникают в резиденцию самого преемника Фуше — Савари, герцога Ровиго. Хотя наступило утро, министр полиции был еще в постели (он лег спать только в пятом часу, подписывая и отправляя многочисленные депеши). Впоследствии, через 10 лет, в своих «Мемуарах» Савари уверял, будто он лишь пожал плечами, когда ворвавшиеся во главе с Лагори солдаты объявили о смерти императора и решении сената. Но этот разговор был изобретен позднее автором «Мемуаров герцога де Ровиго» для удовлетворения ущемленного самолюбия. В действительности министра, едва успевшего натянуть платье, солдаты без всяких объяснений потащили в тюрьму, где его встретили Паскье и Демаре. Министром полиции становится Лагори. В те немногие часы, в течение которых продолжалось это дерзкое, отчаянное предприятие, Мале был неутомим. Он отправляется к парижскому коменданту Гюлену и, так как тот отказывается подчиниться «временному правительству», поражает его выстрелом из пистолета. Однако при попытке произвести арест других высших офицеров комендатуры — Дусе и Лаборда — самого Мале опознают и задерживают. Все было кончено[50]. Всего два офицера, которые поставили под сомнение известие о смерти Наполеона и начали энергично действовать против заговорщиков, привели «революцию», начатую генералом Мале, к мгновенному крушению[51].

Освобожденный герцог Ровиго быстро составляет текст официального коммюнике о попытке мятежа; в заявлении всячески маскируется глупое положение, в которое попала всезнающая императорская полиция.

Через четыре дня после краха заговора, 27 октября, начался процесс генерала Мале и других участников конспирации. Мале принял всю вину на себя и на вопрос

председателя военного суда о том, кто его сообщники, гордо ответил:

— Вся Франция, даже Вы, господин председатель, если бы я преуспел.

Четырнадцати обвиняемым, включая Мале, был вынесен смертный приговор, два унтер-офицера помилованы. Приговор немедленно привели в исполнение, а Савари и его коллеги с понятным беспокойством и тоской ждали неминуемого разноса от взбешенного императора.

Вплоть до последних лет историки были склонны считать заговор Мале выступлением одиночки (возможно, даже не вполне нормального человека), имевшего только случайно подвернувшихся помощников. Не принимались во внимание данные, свидетельствовавшие о том, что заговор был связан с деятельностью тайного революционного союза «филадельфов». Один из руководителей наполеоновской полиции, Демаре, категорически отрицал сам факт существования этой организации, утверждая, что история деятельности ее основателя полковника Уде — это просто искусственно сведенный воедино рассказ о не связанных между собой действиях различных группировок противников Наполеона[52]. Этой же точки зрения придерживались некоторые крупнейшие историки, знатоки эпохи. Они считали данные о «филадельфах» плодом мистификации известного французского писателя-романиста Шарля Нодье. Сведения о «филадельфах» крайне скудны. Однако, поскольку выясняется, что в основу книги Нодье об этом обществе, которая была издана им анонимно в 1815 г., положены некоторые действительные факты, все его сочинение заслуживают иной оценки, чем просто «забавная мистификация». Правда, Нодье пытался представить «филадельфов» склонными к роялизму, но так поступали в начале эпохи Реставрации и родственники казненных участников заговора Мале. К тому же Нодье признает, что основатель общества полковник Уде был республиканцем.

В книге приводятся данные о связи «филадельфов» с другими тайными обществами на юге Франции, в Швейцарии и Италии[53], причем как раз в районах, где факт существования этих организаций подтверждается данными, имеющими отношение к Буонарроти и его соратникам[54]. Нодье подробно говорит о роли «филадельфов» в организации выступления Мале. Судьи, отправившие на казнь генерала и его сподвижников, по-видимому, не располагали этими сведениями, что с удовлетворением отмечается в секретной переписке Филиппо Буонарроти. Этот замечательный революционер, в прошлом соратник Гракха Бабефа, очень высоко ценивший Мале, писал, что

генерал — «пламенный республиканец-демократ, выступивший из темницы против императорского деспотизма для восстановления народных прав»[55].

В начале режима Реставрации, установленного во Франции, после крушения наполеоновской империи, большой отзвук нашел процесс маршала Нея. Мишель Ней принадлежал к числу наиболее талантливых полководцев Наполеона. Выходец из семьи простого бочара, он сделал быструю карьеру во время войн, которые вела революция, а потом наполеоновская Франция. «Храбрейший из храбрых» — так называл Нея император. Во время изгнания наполеоновской армии из России Нею удалось спасти остатки французских войск, которым грозило уничтожение или плен. После отречения от престола и первой реставрации Бурбонов, весной 1814 г., Ней перешел на службу к королю Людовику XVIII. И именно Нею, учитывая его авторитет, сразу было поручено двинуться навстречу Наполеону, который через год, 1 марта 1815 г., неожиданно покинул остров Эльбу и с горсткой приближенных, высадившись во Франции, начал свое триумфальное шествие по территории страны.

В первые дни после высадки парижская пресса лишь высмеивала корсиканского узурпатора; даже его быстрое продвижение через города, декларировавшие за сутки и даже за несколько часов до этого свою «верность» Бурбонам, выдавалось как свидетельство неминуемого близкого краха безумной авантюры. Людовик XVIII объявил собравшимся по его просьбе иностранным дипломатам: «Сообщите своим дворам, что нелепое предприятие этого человека столь же мало способно нарушить спокойствие Европы, как и мое собственное спокойствие».

Однако изоляция Бурбонов нарастала изо дня в день. На ограде, окружавшей Вандомскую колонну, был вывешен плакат: «Наполеон приказал сообщить королю: не присылайте мне больше солдат, у меня их уже достаточно»[56]. Ней, убедившись в настроениях армии, которая, за исключением кучки дворян-роялистов, не собиралась воевать против Наполеона, вместе со своими войсками перешел на сторону императора. 16 марта в публичной речи Людовик XVIII уже сменил тон, но все же заверил собравшихся: «Как могу я в возрасте шестидесяти лет лучше кончить жизнь, чем умереть, защищая ее? Я ничуть не боюсь за себя, но я боюсь за Францию»[57]. Через три дня король поспешно сел в карету и, загнав лошадей, добрался до Бельгии.

В то же самое время в Париже был опубликован издевательский «катехизис для роялистов», который начинался с характерного диалога:

— Вы француз?
— Нет, я роялист[58].

Началось вторичное правление Наполеона — знаменитые Сто дней, закончившиеся поражением в битве при Ватерлоо и вторичным отречением от престола. В этом сражении Ней проявил свою обычную неустрашимость, под ним было убито пять лошадей, когда он тщетно пытался повернуть ход событий в пользу наполеоновской армии.

Возвратившиеся в Париж Бурбоны и окружавшие трон роялисты мечтали о мести, которая устрашила бы страну и укрепила непрочный трон Людовика XVIII. Правда, Конвенция от 3 июля 1815 г. о капитуляции наполеоновских войск содержала статью XII, гарантирующую амнистию всем сражавшимся в рядах армии императора. Но из этой амнистии задним числом Бурбоны решили сделать изъятия. Вторая Реставрация сопровождалась военными судами и смертными приговорами в отношении лиц, особо помогавших «узурпатору»[59]. Это было исполнение королевского ордонанса от 24 июля. Вместе с тем процессы в военных трибуналах происходили в условиях внесудебного белого террора.

Наиболее известной жертвой роялистов стал Ней, который, по их мнению, в марте 1815 г. изменил своему долгу и королю. Осуждение Нея должно было послужить уроком для других. 3 августа Ней был арестован. На суде он не без основания сравнил свой процесс с судом над генералом Моро при Наполеоне[60]. 6 декабря палата пэров большинством голосов признала Нея виновным и приговорила его к смерти. Попытка добиться королевского помилования не увенчалась успехом. Маршал был расстрелян утром 7 декабря. Казнь Нея нанесла режиму Реставрации непоправимый моральный ущерб.

Впоследствии получила хождение версия о спасении Нея, за которого выдавал себя в США некий Питер Стюарт Ней. Утверждали, будто казнь была лишь инсценировкой и маршалу дали возможность тайно уехать за океан[61].

Что же касается Жозефа Фуше, который после своей вторичной отставки снова был призван во время 100 дней на пост министра полиции, то он с немалым искусством воспользовался в своих интересах доверенной ему властью. Как бы для контраста с обычными методами наполеоновского правления, к которым император сразу же решил вернуться, Фуше уже в конце марта 1815 г. разослал циркуляр всем префектам, рекомендуя им «не распространять опеку за пределы того, что требуется для обеспечения общественной и личной безопасности... Нуж-

но отказаться от ошибок *агрессивной полиции* (курсив оригинала.— *Е. Ч.*), которая... угрожает, не обеспечивая безопасности. Следует ограничиться рамками либеральной и позитивной полиции, такого полицейского наблюдения... которое стоит на страже блага народа, трудолюбия и спокойствия всех» [62]. Очередной раз изменивший Наполеону накануне и после Ватерлоо и временно оставленный на посту министра вернувшимся Людовиком XVIII, Фуше не избежал травли со стороны роялистов. Они злобно нападали на «попа-расстригу», «цареубийцу», «приспешника тирана», преследовавшего их в годы империи. Они не учитывали только того, что Фуше-то было отлично известно, кто из них, в том числе и те, кто окружал Людовика XVIII в годы эмиграции в Хартуэлле, в Англии, находился на жалованье наполеоновского министерства полиции.

— Увы, герцог,— заметил как-то Фуше, обращаясь к одному из них,— я вижу, что более уже не являюсь вашим другом. К счастью, мы живем теперь в лучшее, чем прежде, время, и полиции не нужно платить высокопоставленным лицам за наблюдение за королем в Хартуэлле [63].

Впрочем, сам король оказался осведомленным обо всем этом благодаря барону Паскье. В начале Реставрации Паскье, удостоенный тайной аудиенции, передал Людовику XVIII великолепно переплетенный том, содержащий списки всех сотрудников полиции с 1790 г., включая и тайных агентов из числа роялистов. Паскье добавил, что он уничтожил все копии и находящийся в руках короля экземпляр является единственно сохранившимся [64].

После вторичной реставрации Бурбонов помимо полиции Фуше и графа (потом герцога) Деказа, который был назначен префектом парижской полиции, чтобы следить за Фуше, имелся еще добрый десяток других полиций: полиция короля Людовика XVIII, полиция его брата, графа д'Артуа, полиция главных министров, военная полиция союзных держав, войска которых находились во Франции, личная полиция крупных сановников [65]. Такое нагромождение полиции в своей основе мало менялось и при последующих сменявших друг друга политических режимах в буржуазной Франции [66].

После 1815 г. Франция пережила еще несколько революционных кризисов. Буржуазный переворот, таким образом, был осуществлен в результате ряда революционных «волн», каждая из которых сметала какую-то часть старых порядков. Власть переходила в руки очередной фракции господствующих классов (поземельное дворян-

ство, финансовая аристократия, промышленная буржуазия), стремившейся политически скомпрометировать в глазах народа своих предшественников. Этой цели и служили многие судебные процессы. Такой, например, характер носил процесс министров Карла X после июльской революции 1830 г., свергнувшей власть Бурбонов.

Нередкие утверждения о том, что в отличие от Франции Англия в XVIII и XIX вв. (до 1883 г.) вообще не знала политической полиции, оказываются несостоятельными при соприкосновении с фактами. Дело ведь не в названии. Лорды-лейтенанты графств и мировые судьи (магистраты) являлись надежными местными представителями министра внутренних дел. С их помощью осуществлялись все функции политической полиции, включая засылку шпионов и провокаторов в ряды рабочих организаций. В «беспокойных» районах расквартировывались воинские части, на командиров которых также возлагались полицейские обязанности, включая постоянное тайное наблюдение за настроениями «низших классов». Полицейские функции выполняло и почтовое ведомство (почтмейстеры посылали свои доклады прямо в министерство внутренних дел и по указанию из Лондона занимались перлюстрацией корреспонденции политически «неблагонадежных» лиц). После принятия фабричного закона 1833 г. такие обязанности возлагались на фабричных инспекторов и их помощников [67].

Меры, формально направленные на укрепление уголовной полиции, нередко прикрывали наделение ее все большими функциями политического характера. В этих условиях общественное недовольство действиями политической полиции выражалось в форме недовольства беспомощностью полиции в поимке преступников. Его отразил в ироническом замечании Пушкин, записавший в декабре 1833 г. в дневнике: «Полиция, видно, занимается политикой, а не ворами и мостовой» [68].

Полиция по-прежнему оказывалась неэффективной в борьбе с организованной преступностью даже в таких капиталистических странах, как Англия и Франция. А что уж было говорить о других государствах. Римские разбойники были известны по всей Европе. О них писал Стендаль в своих «Прогулках по Риму» [69], Дюма сделал их персонажами романа «Граф Монте-Кристо». Буржуазное общество с недоумением и тревогой обнаруживало, что само его развитие влечет за собой рост преступного мира и растущую неспособность полиции справиться с ним. Один из героев повести Бальзака «Феррагус, предводитель деворантов», в которой говорится о широко разветвленной организации преступников, утверждал, что «на

свете нет ничего бездарнее полиции и власти бессильны в вопросах частной жизни. Ни полиция, ни власти не могут читать в глубине сердца. Казалось бы, разумно требовать от них, чтобы они расследовали причины какого-либо происшествия. Однако власти и полиция оказываются здесь совершенно беспомощны: им не хватает именно той личной заинтересованности, которая позволяет узнавать все, что бывает необходимо. Никакая человеческая сила не помешает убийце пустить в ход оружие или отраву и добраться до сердца владетельной особы или до желудка обывателя. Страсти изобретательнее всякой полиции»[70]. Образ полицейских высшего ранга часто встречается в романах и у Бальзака, легитимиста по своим политическим симпатиям, и у его младшего современника — Гюго, убежденного демократа. И, несмотря на полярность политических взглядов, симпатии и Бальзака, и Гюго оказываются не на стороне полиции.

Отсутствие четкого организационного разграничения между уголовной и политической полицией было вызвано отнюдь не тем, что не было ясного осознания различия их функций, и тем более не административной рутиной и инерцией, хотя эти факторы тоже сыграли свою роль. Имело определенное значение и то, что в ряде случаев грань между политическими и уголовными преступлениями оказывалась очень размытой. Действительно, к какому роду наказуемых деяний было, например, отнести в США бесчисленные случаи подделки избирательных бюллетеней, шантажа и запугивания на выборах, не предусмотренных законом форм расовой дискриминации, систематического подкупа членов городских муниципалитетов и законодательных собраний штатов, палаты представителей и сената федерального Конгресса для проталкивания тех или иных биллей? На практике все эти деяния почти всегда попросту оставались преступлениями без наказания. Главное заключалось в нежелании господствующих эксплуататорских классов признавать истинный характер подавляющего большинства политических судебных дел.

Это особенно относится к либеральной буржуазии, повсеместно в XIX в. приходившей к власти и стремившейся изобразить в качестве надклассового буржуазно-демократический строй, который являлся политической формой ее господства. Либеральной буржуазии было выгодно утверждать, что при ее власти нет места политической полиции. Действительно, в условиях буржуазной демократии была произведена ломка или коренное преобразование всей системы прежних судебных учреж-

дений. Одио это уже ие могло не повлиять как иа форму, в которую облекалось обвииеиие в политических процессах, так и на методы их проведения (гласиость и широкое освещение в прессе судебиых преиий, расширеиие прав защиты и т. д.). Особое зиачеиие имело отделеиие судебиой власти от закоиодательной и исполнительиой, а также введеиие в ряде страи выбориости и несменяемости судей, более широкое участие присяжиых. Тем самым до известной степеии сузились возможности правительств творить произвол, организовывая судебиые расправы иад своими врагами (если дело шло о представителях господствующих классов), политические процессы с зараиее предопределенным исходом.

Возможиости политической полиции, правда, возрастали, ио усиливались и препятствия, с которыми оиа сталкивалась при фабрикации судебиых процессов. Действия политической полиции при организации политических процессов не были чем-то совершеино отличиым от того, чем занимались помощиики Томаса Кромвеля и Уильяма Сесиля в Аиглии или кардииала Ришелье во Франции. Одиако в условиях XIX в. при существоваиии оппозициоииых политических партий, влиятельиой печати, значительиая часть которой ие иаходилась под правительствеиным коитролем, при возрастаиии роли и иифор-мированности общественного миения и миогих других аиалогичиых факторах, коиечио, формы подготовки процессов оказались иииыми, чем в предшествующую эпоху. Прежде всего изменилось само содержание поиятия «государствеиная измена». Перестали преследоваться в судебном порядке миогие (не все) виды осуждения в печати или на собраниях действий монарха или других иосителей верховной власти; критика и требования смены правительства; «богохульство» или тем более публичио выражаемое несогласие с догматами господствующей религии; образование политических партий, профсоюзов и других оргаиизаций, демонстрации, стачки и т. п., считавшиеся тяжкими политическими преступлеииями в эпоху абсолютизма. Вместе с тем миогие из этих же деяний могли быть подведены под преследоваиие как действия, которые подрывают право частиой собственности, иаправлены на насильствениое свержеиие существующего строя, иарушают общественный порядок, покушаются на общественииую иравствеиность, препятствуют исполнеиию своих обязаииостей полицейскими и судебными властями, игиорируют их предписания и т. д.

На протяжении всего XIX в. иа деле продолжалось увеличеиие удельиого веса политической полиции в системе государствениых учреждеиий, даже в тех стра-

нах, где ее объявляли несуществующей или подлежащей скорой ликвидации. В абсолютистских монархиях нередко полиции поручали обязанности разведки и контрразведки[71]. А в парламентарных государствах, напротив, некоторые из функций тайной полиции «традиционно» выполнялись разведкой и контрразведкой, деятельность которых уже по самому ее характеру оставалась, как правило, скрытой от постороннего глаза.

После 1789 г. в Европе на протяжении многих десятилетий проявляли постоянную активность демократические силы, использовавшие или стремившиеся использовать революционные методы свержения существующего строя. Все более широкое развитие получали выступления пролетариата, превратившегося в самостоятельную политическую силу. Непрекращающаяся, постоянная борьба против различных потоков освободительного движения стояла в центре внимания политической полиции, далеко отодвинув на задний план задачи подавления противников из рядов господствующих классов. Эта борьба проводилась в масштабах, которые были бы совершенно недоступны государственному аппарату в предшествующие столетия. Именно в ходе этой борьбы и проводилась подготовка большинства политических процессов.

Подтверждение тому — «процесс века» — Кёльнский процесс немецких коммунистов, сфабрикованный прусской тайной полицией. Как и другие суды над деятелями рабочего движения, это, как мы уже предупреждали читателя, тема совсем другой книги, вернее, многих написанных и еще не написанных исследований. О судилище в Кёльне повествует известный труд К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». В этой работе, в которой Маркс пригвоздил к позорному столбу прусских реакционеров-организаторов гнусной полицейской провокации, выдвинут ряд важных теоретических положений, имеющих большое значение для революционного рабочего движения[72]. В Кёльнском процессе с особой отчетливостью выявились характерные черты реакционной юстиции, широко прибегавшей к использованию клятвопреступлений, лживых показаний, подложных документов, бесстыдных провокаций. Недаром по личному распоряжению короля Фридриха-Вильгельма IV за это дело взялся один из наиболее пригодных для подобной цели субъект — полицейский советник Вильгельм Штибер, позднее организатор прусского шпионажа против Австрии и Франции, а также сочинитель (в соавторстве со своим ганноверским коллегой Вермутом) опуса «Коммунистические заговоры XIX

века»[73]. Ф. Энгельс справедливо писал, что это «лживая, изобилующая сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия»[74]. (И совсем не случайно целый век спустя сходный «труд» под названием «Мастера обмана. История коммунизма в Америке» выпустил небезызвестный Эдгар Гувер, много десятилетий стоявший во главе американской охранки — ФБР[75].)

Подготовка мнимых «улик» против обвиняемых на Кёльнском процессе заняла полтора года — с мая 1851 по октябрь 1852 г. В эту подготовку входила и фабрикация в Париже «немецко-французского заговора», во главе которого были поставлены полицейские провокаторы. Их переписка должна была явиться одной из основных улик. В Лондоне два прусских полицейских наймита Гирш и Флери занялись сочинением «Книги протоколов тайных заседаний партии Маркса», было подделано также письмо Маркса. Это лишь некоторые из подлогов, сфабрикованных по указанию Штибера, дополнившего их собственными лжесвидетельствами во время суда. Разоблачение этих полицейских махинаций, ставшее возможным благодаря усилиям К. Маркса и Ф. Энгельса, способствовало тому, что Кёльнский процесс привел к тяжелому моральному поражению реакционного правительства Пруссии и его классовой юстиции.

КУЛИСЫ ПРАВОСУДИЯ

Преступление в театре Форда

...9 мая 1865 г. в старом здании тюрьмы Арсенала в городе Вашингтоне открыл свои заседания военный трибунал. В США только что закончилась четырехлетняя кровопролитная гражданская война. Последние полки разгромленной армии южных, рабовладельческих штатов складывали оружие перед войсками северян. Как раз в этот самый день, 9 мая, в штате Джорджия был арестован Джефферсон Девис, президент поверженной Южной конфедерации, скрывавшийся после падения ее столицы — Ричмонда.

Прошло уже 24 дня с того рокового момента, когда выстрел актера Бута в театре Форда оборвал жизнь президента Авраама Линкольна. Убийце удалось скрыться. После напряженных поисков его обнаружили в ночь с 25 на 26 апреля на уединенной ферме. В перестрелке Бут был смертельно ранен и вскоре скончался.

И вот теперь, 9 мая, потрясенная страна, всего пять дней тому назад проводившая в последний путь президента, ждала ответа на вопрос: кто направлял руку его убийцы Джона Уилкса Бута, кто стоял за спиной самовлюбленного денди, агента южной разведки?

Долгое время американская историография воспроизводила официальную версию убийства Линкольна[1], не подвергая ее никакому сомнению. Положение изменилось после появления монографии О. Эйзеншимла «Почему был убит Линкольн?» (1937 г.). Автор этой книги Отто Эйзеншимл (1880—1963 гг.) родился в Австрии в семье американцев. После окончания химического факультета Венского университета Эйзеншимл переехал в США, где ему удалось сколотить крупное состояние. Одно время он даже занимал пост президента корпорации «Сайнтифик оил компаундинг компани». Увлекшись историей гражданской войны в США, Эйзеншимл в течение 25 лет отстаивал свое объяснение причин, приведших к убийству Линкольна. За исследованием Эйзеншимла последовало значительное число работ, авторы которых полностью или частично соглашались с его выводами либо резко полемизировали с ним[2]. Группа сторонников Эйзен-

шимла очень разнородна. Наряду с теми, кого привлекала сенсационность вопроса, в нее входили апологеты Юга, а также историки либерального направления. Один из ведущих представителей школы «историков бизнеса», А. Невинс, назвал взгляды Эйзеншимла и его последователей «экстравагантной гипотезой». Авторы новейшей биографии Эдвина Стентона, военного министра в кабинете Линкольна, считают работы Эйзеншимла и его сторонника Раско «неосновательными по методу и не заслуживающими доверия в своих выводах»[3]. И поныне немало исследователей продолжают изучать в вашингтонском Национальном архиве США большое собрание документов, озаглавленное «Подозреваемые в убийстве Линкольна», стараясь отыскать давно и тщательно спрятанный ключ к трагедии[4].

В конце гражданской войны в США (1861—1865 гг.) положение Линкольна было достаточно сложным. Он пользовался доверием широких масс американцев, убедившихся на опыте, что президент, хотя и не без колебаний и не без компромиссных решений, идет навстречу требованиям народа. Однако число политических врагов Линкольна не только не уменьшалось, но, напротив, возрастало. Его ненавидели южные плантаторы и им сочувствующие в северных штатах «медноголовые» («медянки»)—сторонники полюбовного соглашения с мятежными рабовладельческими штатами. В то же время политика Линкольна по-прежнему вызывала недовольство радикалов — левого крыла его собственной, республиканской партии[5]. Правда, их критика была лишь отчасти критикой слева, и прежде всего потому, что сама группа радикальных республиканцев была чрезвычайно неоднородна. Среди них были люди, настаивавшие на полном искоренении влияния мятежных плантаторов во имя демократизации Юга и всей страны в целом. Но в группировку радикалов входили и политики, добивавшиеся проведения тех же суровых мер, но не во имя демократизации, а в целях экономического ограбления Юга северной буржуазией.

Линкольн в качестве президента был одновременно главнокомандующим вооруженными силами, поэтому его убийство было сочтено преступлением, входившим в компетенцию военного суда.

...Перед трибуналом предстали восемь человек, обвиняемых в том, что в сообществе с Джефферсоном Девисом, Джоном Уилксом Бутом и рядом других лиц (шпионов-южан, действовавших в Канаде) они были причастны к убийству Авраама Линкольна, к покушению на государственного секретаря Уильяма Сьюарда и к планам поку-

шення на вице-президеита Эндрю Джоисона и командующего армией Соедииеиных Штатов геиерала Улисса Гранта.

Не вызывала сомнения виновность 20-летнего солдата южной армии Льюиса Пейна (настоящее имя его — Льюис Торнтои Пауэлл). Имеино этот угрюмый, молчаливый, атлетнчески сложенный уроженец еще ие обжнтых террнторнй во Флорнде проник в жилище государствениого секретаря Сьюарда, ианес ему ножом страшную рану, лишь по случайностн не ставшую смертельиой, пытался выстрелить в сына Сьюарда, которого спасло только то, что пистолет дал осечку, н, наконец, тяжело нзувечил других обнтателей дома.

Второй обвиняемый, аптекарский учеиик Дэвид Геролд, был однпм из наиболее деятельиых н активиых помощннков Бута. Все показания Геролда представляли собой ловкое смешенне полуправды и лжн, которое нмело целью направить следствне по ложному путн. Он иадеялся, по-внднмому, разыграть дефективиого подростка и, маскируя по возможности собствениую роль, бросать направо н налево намекн на свое знание нмен других, более важных участннков заговора. Однако эти намеки явно повисли в воздухе, вызвав лишь самое вялое любопытство н следователей н прокурора во время судебных заседаннй. Трибуналу был нужеи преступннк Д. Геролд, наказанне которого должно было свидетельствовать, что правосудие сурово покарало убнйц. Геролд явно ие понял этого, что обеспечило ему место на внселнце.

Третнй подсудимый, шпион н контрабандист Джордж Эндрю Этцеродт, еще на предварнтельиом следствии прнзнал свою прнчастность к заговору, участники которого намеревались похитить Лннкольна (плаи убийства возннк позднее). Этцеродт, по его словам, ие согласился участвовать в убийстве президеита. Однако факты говорят о другом. Обвннение доказало, что Этцеродт снял номер в отеле «Кирквуд», где прожнвал вице-презндент Эндрю Джонсон. В этом иомере у него находился целый потайной склад оружня. Было установлеио, что Этцеродт интересовался, какое помещенне занимал внце-президент. И 14 апреля Этцеродт поспешил нменио в отель «Кнрквуд». Правда, фактом было также и то, что Этцеродт не убил н не пытался убить внце-президента. В роковой вечер заговорщнк попросту напился.

Однако Этцеродта обвиняли ие в попытке убнйства Джонсона, а прежде всего в соучастин в убнйстве Линкольна. В том, что ои по меиьшей мере заранее знал о покушеинн, не могло быть никакнх сомнений. И это, поскольку речь шла о приговоре, решало дело.

Четвертой обвиняемой была Мэри Саррет. Степень ее участия в заговоре до сих пор вызывает споры среди историков. Несомненно, что пансионат, который она содержала, был местом встреч заговорщиков — Бута, Пейна и других, в том числе, конечно, и ее сына Джона, а также агентов разведки южан. Осталась непонятной причина, по которой власти с такой настойчивостью добивались осуждения этой женщины.

Остальные четверо обвиняемых явно играли лишь второстепенную, сугубо подсобную роль в заговоре. Самюэль Блэнд Арнолд участвовал в заговоре, ставившем целью похищение Линкольна, но отказался одобрить план убийства, правда, не окончательно, а впредь до более подходящего момента, который, по его мнению, скоро должен был наступить. Все это было изложено в письме Арнолда от 27 марта на имя Бута, попавшем в руки властей. Арнолда не было в Вашингтоне с 21 марта по 17 апреля 1865 г.

Доктор Самюэль Мадд также обвинялся в том, что участвовал в заговоре и был хорошо знаком с главными заговорщиками. Сам Мадд уверял, что не видел актера в Вашингтоне с ноября или декабря 1864 г. Мадд оказал медицинскую помощь Буту, бежавшему после убийства Линкольна из столицы. До конца осталось невыясненным, знал ли Мадд, предоставив приют Буту, что имеет дело с убийцей президента, поскольку официальное сообщение о розыске актера появилось позднее.

Невысокий ирландец Майкл О'Лафлин утверждал, что утром 14 апреля заходил к Буту, чтобы получить с него долг. Однако было доказано, что ирландец прибыл в Вашингтон по телеграмме Бута. Убийца, вероятно, использовал О'Лафлина для выполнения каких-то заданий, но каких именно, осталось невыясненным. Обвинение О'Лафлина в намерении в ночь с 13 на 14 апреля убить генерала Улисса Гранта осталось недоказанным.

И наконец, последний из восьми подсудимых — Эвард Спейнджлер, рабочий сцены в театре Форда. Все показания, собранные против Спейнджлера, не доказывали ничего, кроме его хороших отношений с Бутом, а тот имел много приятелей.

Итак, восемь обвиняемых — в общем-то исполнители чужих планов, а то и просто второстепенные помощники главных исполнителей.

30 июня военный трибунал вынес приговор. Все подсудимые были признаны виновными. Э. Спейнджлер был приговорен к шести годам тюрьмы, М. О'Лафлин, С. Мадд, С. Б. Арнолд — к пожизненному заключению,

Л. Пейн, Д. Этцеродт, Д. Геролд и М. Саррет — к смертной казни через повешение.

7 июля 1865 г. во дворе федеральной тюрьмы была воздвигнута виселица, которую окружили войска. На эшафот втащили (в бессознательном состоянии) Мэри Саррет, стенающего Этцеродта, дрожащего, плачущего Геролда и сохранявшего угрюмое молчание Льюиса Пейна. Генерал Хартренфт зачитал приговор. Священники бормотали молитвы. Упали трапы, и четыре фигуры в черном одеянии со связанными руками и ногами, в колпаках, надвинутых на лица, задергались в предсмертных конвульсиях. Через несколько мгновений все было кончено.

Белые повязки смерти, скрывавшие лица казненных, как бы символизировали печать молчания, наложенную на уста заговорщиков, и те тайны, которые они унесли в могилу. А четверо других подсудимых были переведены в тюрьму, находившуюся на Драйтортугасе — выжженном солнцем островке в 100 милях от побережья Флориды. Форт Джефферсона, куда поместили заключенных, окружал широкий ров, заполненный водой; во рву находился десяток рьяных стражей — акул, знакомых со вкусом человеческого мяса.

Почему был изменен первоначальный приказ президента Джонсона держать всех четырех арестантов в тюрьме города Олбени? Может быть, из соображений безопасности? Заключенные имели множество сочувствующих и на Юге, и на Севере, а из форта Джефферсона бежать еще не удавалось никому. Но возможно и другое — стремление сделать так, чтобы осужденные ничего не смогли передать на волю.

Принимая эту последнюю гипотезу (а ее высказывали не раз различные американские авторы), надо иметь в виду, что, кроме М. О'Лафлина, умершего от желтой лихорадки на острове, остальные трое были помилованы Джонсоном в феврале 1869 г., за месяц до окончания срока его президентства, и выпущены на свободу. Никто из них не сделал никаких разоблачений. Перед смертью Спейнджлер (в 1879 г.) и Мадд (в 1882 г.) оставили сделанные ими под присягой заявления о своей невиновности. Надо принять также во внимание, что всех их еще до суда неоднократно допрашивали разные лица, которые таким образом должны были быть участниками «заговора молчания».

Итак, правосудие свершилось, страна могла быть спокойна: чудовищное преступление не осталось без наказания. И все же какое-то смутное, тревожное чувство неудовлетворенности тем, что кара настигла лишь рядо-

вых исполнителей заговора и что главные виновники остались на свободе, владело многими современниками. Сначала это отражали записи в дневниках, намеки в частной переписке. Вскоре сомнения прорвались на страницы печати, зазвучали с трибуны конгресса. Эти подозрения разделяет и часть новейших американских историков гражданской войны. На эту тему пишутся исторические исследования, ставятся телевизионные фильмы, сочиняются романы. Первый вопрос, который задают: почему власти не пытались вскрыть тайные пружины заговора — о них мог сообщить Джон Саррет, наряду с Бутом являвшийся центральной фигурой среди заговорщиков? Было объявлено о награде в 25 тыс. долл. тому, кто захватит Саррета. А он тем временем без труда перешел границу Канады (детективы, которым было дано задание преследовать его, по какой-то странной ошибке имели приметы Этцеродта). Начальник вашингтонской полиции А. Ч. Ричардс послал в Канаду своих агентов, в том числе человека, знавшего в лицо Саррета, но неожиданно получил за эту инициативу выговор от военного министерства. Это не помешало потом министерству утверждать, что погоня за Сарретом производилась по приказу военного министра Э. Стентона[6]. Вряд ли можно сомневаться, что в силу каких-то причин Стентон сознательно смотрел сквозь пальцы на побег Саррета. 24 ноября военный министр Стентон издал приказ № 164, в котором было взято назад обещание награды в 25 тыс. долл. за поимку Саррета.

Тем временем Саррету удалось из Канады бежать в Англию, потом в Италию, а оттуда — в Египет, где он был арестован по настоянию генерального консула США. В начале января 1867 г. американский военный корабль доставил преступника в Соединенные Штаты. Здесь в течение пяти месяцев он готовился к своей защите. Осенью 1867 г. Саррета отпустили под залог в 25 тыс. долл. При возобновлении процесса выяснилось, что по закону обвинительный акт должен предъявляться не позднее чем через два года после совершения преступления, инкриминируемого подсудимому. Исключение делалось лишь в том случае, когда в самом обвинительном акте отмечалось, что он не мог быть предъявлен ранее, поскольку преступник «скрывался от правосудия». Подобной оговорки в обвинительном заключении по делу Саррета не было сделано. Защита немедленно воспользовалась этой непонятной оплошностью, которая могла быть и умышленной. Процесс был прекращен, Саррет выпущен на свободу. Он прожил долгую жизнь, скончавшись в 1916 г. Все это время Саррет упорно молчал, не выдав ни

одной из известных ему тайн, даже тогда, когда ему как будто уже давно нечего было опасаться мести со стороны кого-либо из бывших заговорщиков. Если бы Стентон действительно боялся показаний Саррета, он скорее попытался бы избавиться от неудобного свидетеля. У Стентона, возможно, имелись основания опасаться, что на процессе Саррета вскроются не какие-то важные тайны, а просто подлоги, к которым прибегали во время процесса над заговорщиками, или что снова всплывет недостаточность улик против матери Джона Саррета, которую враги правительства сразу поспешили объявить невинной жертвой «юридического убийства».

...Охранять ложу президента в роковой вечер 14 апреля 1865 г. было поручено полицейскому Джону Паркеру. Настойчивые поиски историков в архивах позволили восстановить его «послужной список». Находясь на службе с 1861 г., Паркер успел заработать бесчисленное количество выговоров за различные нарушения дисциплины, бездельничание, пьянство, за дебош в публичном доме. Когда в ложу проник убийца, Паркер отлучился, чтобы опрокинуть рюмку-другую в компании лакея и кучера президента. Паркера отдали под суд, но сохранившиеся документы архива вашингтонской полиции не указывают, был ли он в действительности судим.

Правда, можно найти одно объяснение поведению властей. Паркер был откомандирован в охрану Белого дома (в связи с этим он был даже освобожден от службы в армии) по просьбе супруги президента Мэри Линкольн всего за десять дней до трагического события в театре Форда. Это позволяет понять, почему человек с репутацией Паркера стал телохранителем Авраама Линкольна. Однако разъяснение одной загадки приводит нас немедленно к другой: чем руководствовалась Мэри Линкольн, кто замолвил перед ней слово за пропойцу в полицейском мундире?

Последующая карьера Паркера не лишена интереса. В ноябре 1865 г. он вновь получил замечание за неподобающее поведение и опять без последствий. По-иному сложилось дело, когда 27 июля 1868 г. его нашли спящим на посту,— через две недели Паркер уже был уволен из полиции за «грубое пренебрежение долгом». Означает ли это, что в данный момент не оказалось той руки, которая в прошлом поддерживала Паркера в гораздо более сложных ситуациях? Правда, американский историк О. Эйзеншимл указывает, что за несколько недель до увольнения Паркера ушел в отставку военный министр Стентон. Но по признанию самого Эйзеншимла, нет данных, которые свидетельствовали бы о существовании связи между

этими двумя столь несхожими событиями.

Нет никаких доказательств и участия Паркера в заговоре, а нежелание обычно сурового Стентона добиваться осуждения полицейского могло диктоваться различными мотивами, например стремлением не привлекать внимание общественности к столь очевидному промаху службы безопасности, подчиненной военному министру, как поручение пьянице охранять президента.

Как уже упоминалось, после покушения Буту удалось бежать, скрываясь у своих знакомых. Эти люди (полковник С. Кокс, Т. Джонс и др.), наряду с доктором Маддом дававшие приют убийце, перевозившие его через Потомак, явно были его сообщниками, во всяком случае участниками южного подполья. Однако их не предали суду. Трое офицеров армии конфедератов — капитан Джетт, лейтенант Раглс и лейтенант Бейнбридж, которым Бут назвал себя,— помогли ему укрыться на ферме Гаррета. В качестве свидетелей обвинения разрешили выступить двум лицам, участие которых в заговоре не вызывало сомнения, прокурору не стоило бы труда добиться обвинительного приговора в суде. Это, во-первых, Джон Ллойд, содержатель трактира в окрестностях столицы. Он участвовал в заговоре Бута, ставящем целью похищение Линкольна, впоследствии скрывал оружие заговорщиков, наводил на ложный след полицию, преследовавшую убийц. Во-вторых, Луис Вейхман, жилец пансионата миссис Саррет, много знавший о замыслах Бута. Список таких лиц можно было бы продолжить.

Историки уже давно ломают голову над тем, почему ряду участников заговора удалось ускользнуть от правосудия при явном содействии властей, почему не были приложены усилия для расследования роли людей, подозреваемых в преступной связи с заговорщиками, почему власти предпочли обрушить кару лишь на часть заговорщиков, преимущественно на незначительные, мелкие фигуры? Имелась ли какая-то скрытая причина для такого разделения, когда одних преследовали, соблюдая полную законность, а другим дали возможность уйти от возмездия? Если исходить из того, что Бут имел каких-то могущественных союзников и покровителей, то он мог сообщить о них только лицам, пользовавшимся его доверием, или тем, кто мог оказать ему помощь во время бегства. Такими людьми не могли быть пьяницы трактирщик Ллойд, Вейхман, которого актер всегда недолюбливал, или тем более люди, не видевшиеся с Бутом в течение более или менее длительного времени. Но заговорщик дважды беседовал с глазу на глаз с миссис Саррет в самый день убийства Линкольна. Бут мог

рассказом о могущественных друзьях подбодрить своих подручных — Пейна, Геролда, Этцерода, Арнолда, О'Лафлина. Убийца вряд ли рискнул бы сообщить офицерам армии Конфедерации, что он связан с могущественными людьми на Севере: это могло лишь оттолкнуть южан.

«Национальная исполнительная полиция», возглавлявшаяся удачливым разведчиком полковником (позднее генералом) Лафайетом Бейкером[7], который подчинялся военному министру Стентону, и другие органы, ответственные за охрану президента, ничего не сделали для предотвращения покушения. Между тем ни для Стентона, ни для Бейкера давно не было секретом, что жизнь президента находится в опасности. Они даже докладывали об этом самому Линкольну.

Сделанные с большим запозданием — через несколько десятилетий — признания некоторых осведомленных современников, а также найденные архивные документы приводят к очень важному выводу. Оказывается, Вейхман еще 20 февраля 1865 г. сообщил капитану Д. Глизону и еще одному офицеру, Макдевитту, о подозрениях, возникших у него в связи с посещением актером Бутом скромного дома вдовы Саррет и тайными ночными совещаниями, которые он вел с хозяйкой, ее сыном и другими лицами, в том числе с агентом южан, именующим себя Августом Хауэллом. 20 февраля 1865 г. Вейхман уведомил Глизона о плане похитить Линкольна в день его официального вступления на второй срок президентства. Глизон довел об этом до сведения военного министра Стентона. Более того, 24 марта был арестован шпион Хауэлл, навещавший пансионат Мэри Саррет. Военное министерство не сделало никаких выводов из того, что арест Хауэлла по существу подтверждал сведения Вейхмана. Со своей стороны Бейкер, умевший, когда надо, выуживать истину у арестованных агентов врага, на этот раз не принял никаких мер, чтобы основательно допросить Хауэлла. Справедливости ради добавим, однако, что через несколько десятилетий Вейхман (он умер в 1902 г.) написал историю заговора. Рукопись была опубликована лишь в 1975 г. Издатель ее отмечает, что свидетельства Вейхмана подрывают версию о Стентоне как организаторе конспирации, приведшей к убийству Линкольна[8].

Имеются документальные доказательства, что Линкольн, как трезвый политик, учитывал возможность покушения и принимал меры предосторожности, хотя терпеть не мог присутствия многочисленной стражи в пышных парадных мундирах. Днем 14 апреля президент зашел к военному министру и попросил надежного

сопровождающего в театр Форда. Линкольн намеревался вечером того же дня присутствовать на комедии «Наш американский кузен». Президент в своей обычной шутливой манере назвал при этом майора Томаса Экерта: «Я видел, как он гнул руками кочерги, пять штук, одну за другой. Мне кажется, это как раз тот человек, которого нужно взять с собой сегодня вечером. Могу я его получить?» Стентон решительно отказал, сославшись на то, что у Экерта много важных дел в министерстве. Линкольн по обыкновению добродушно воспринял этот по меньшей мере невежливый отказ. Тем не менее президент зашел в шифровальную комнату телеграфа, расположенного в здании военного министерства и находившегося под начальством Экерта, и лично попросил майора сопровождать его. Офицер, учитывая отказ военного министра, не захотел, видимо, вызывать недовольство своего непосредственного начальника, отличавшегося суровым и желчным характером, и заявил, что будет очень занят вечером. Тогда Линкольн неохотно согласился взять майора Рэтбоуна, но заметил, что предпочел бы Экерта.

Как объяснить этот эпизод, о котором умолчал Стентон, рассказывая о последнем свидании с президентом, и который всплыл на свет более чем через полстолетия, когда в 1907 г. были опубликованы воспоминания сотрудника военного министерства Д. Бейтса?[9] Уже известный нам историк О. Эйзеншимл исследовал сохранившуюся корреспонденцию военного министерства за 14 апреля и убедительно доказал, что Экерт не принимал и не посылал никаких важных телеграмм. А вечером он просто ушел домой. Все же возможно допустить, что запрещение Экерту идти на спектакль было вызвано припадком раздражения, жестом, призванным продемонстрировать, что он, Стентон, не сочувствует намерению президента посетить театр Форда и не желает иметь ничего общего со столь неосторожным поступком. Между прочим, если бы за этим отказом Стентона скрывалось что-то зловещее, то он, вероятно, на всякий случай нашел бы для Экерта какое-то занятие, оправдывающее приказ оставаться в министерстве. Кроме того, Экерта приглашали в театр как гостя, а не как стража у двери ложи. Он не мог поэтому помешать Буту выстрелить, хотя, вероятно, и не упустил бы его, когда тот бежал из театра.

Военный министр согласился отпустить майора Генри Рэтбоуна. Этот молодой светский щеголь явился в ложу со своей невестой, по-видимому, без оружия, менее всего предполагая, что в его обязанности входит охрана президента. На спектакль был приглашен главнокомандующий войсками Улисс Грант. Об этом было объявлено в газетах,

и немало людей запаслось билетами в надежде взглянуть на победоносного генерала, только что принявшего капитуляцию главной неприятельской армии. Однако за несколько дней до спектакля Мэри Линкольн в одном из своих припадков беспричинного раздражения устроила оскорбительную сцену жене Гранта. После этого трудно было ожидать, что миссис Грант будет сопровождать своего мужа. Кроме того, посетив военное министерство, Грант услышал от Стентона, что присутствие обоих — президента и главнокомандующего армией — усиливает вероятность покушения. Грант, вообще старавшийся отклонять приглашения на спектакли и светские приемы, зашел к Линкольну и сообщил, что вечером должен покинуть Вашингтон. Генерал сослался при этом на желание повидаться с детьми и побыть с ними подольше.

Ни Стентону, ни Гранту, видимо, не пришло в голову, что отсутствие генерала нисколько не уменьшает угрозы для жизни президента. Наоборот, если бы Грант находился в театре, то это значительно усложнило бы задачу заговорщиков. Его сопровождала бы военная свита, у ложи были бы поставлены часовые, и вряд ли посторонний человек сумел бы войти в нее и приблизиться к президенту, не будучи задержанным адъютантами генерала. Но он уехал, а охрана ложи была возложена на Джона Паркера.

...Убийца Линкольна Джон Уилкс Бут родился в семье известного актера, вскоре совершенно спившегося. Он был девятым из десяти детей, любимчиком матери. Следуя примеру отца и старшего брата, Бут в 1856 г. поступил актером в труппу театра в Балтиморе. Из него не получился по-настоящему талантливый артист, хотя Бут и завоевал шумную популярность, выступая в трагических ролях. В годы гражданской войны он был уже знаменитостью, звездой, получал баснословные по тому времени гонорары. Вместе с тем занимался и какими-то коммерческими спекуляциями. Красивый, надменный, с хорошо отрепетированными аристократическими манерами, Бут стал кумиром женщин. Этому не мешало даже то, что баловень публики все более становился настоящим пропойцей. Бут примкнул к южанам, хотя его братья являлись сторонниками Севера, и стал сотрудником их разведки.

В его голове перемешались ходульная романтика мелодрамы с выспренней риторикой плантаторских ораторов, шлак дутых идолов и лживых идеалов, которыми южане старались прикрыть оголтелый цинизм своей политической программы. С привычным лицемерием они, витийствуя, рисовали себя утонченной аристократи-

ческой элитой, отстаивавшей высшие духовные ценности от покушений тупого, невежественного плебса, своекорыстных торгашей и северных мужланов, драпировались в тогу древнеримских республиканцев, приносящих себя в жертву на алтарь свободы, а иной раз даже пытались принять обличие наследников Вашингтона и Джефферсона, защищающих Юг от завоевателей — янки. Опьяненный театральной известностью и еще более одурманенный алкогольными парами, Бут уже видел себя героем античной трагедии, в ореоле всемирной славы: она, конечно, будет уготована благородному мстителю, который спасет Юг от деспота — «короля Эба», как злобно именовали Линкольна конфедераты и «медноголовые».

В течение всей осени 1864 г. Бут вел деятельную подготовку к похищению Линкольна, которое, по мнению актера, нанесло бы северянам смертельный удар и вдохнуло бы новые силы в уже отчаявшихся южан. Однако в конечном счете не было сделано попытки осуществить хотя бы один из планов похищения: мешали различные случайности.

Днем 14 апреля 1865 г. актер, по всей видимости, бесцельно шатался по Вашингтону: потом многие люди подробно расскажут о встрече с Бутом за несколько часов до убийства. Позднее следствие установит передвижения Бута, включая и тайное посещение им театра Форда,— он успел тщательно осмотреть правительственную ложу, просверлить дырку в двери. Бут заранее оставил деревянную планку, которую можно было задвинуть в ручку двери, ведущей в коридор. Через него надо было пройти, чтобы попасть в правительственную ложу. Теперь Бут мог быть спокойным, что никого не окажется в проходе, когда, всматриваясь через просверленную дырку, он будет дожидаться удобного момента, чтобы войти в ложу и выстрелить в упор... Следствие установило действия Бута час за часом. В цепи показаний свидетелей есть лишь две лакуны, в результате которых преступник исчезает из поля зрения примерно на два часа. Вероятно, это были самые важные часы: быть может, Бут давал последние инструкции Пейну об убийстве Сьюарда и Этцеродту о покушении на вице-президента Джонсона.

Впрочем, получил ли Этцеродт такое указание и было ли у него вообще намерение угрожать жизни Эндрю Джонсона? В 3 часа 30 минут после полудня Бут совершил свой самый необъяснимый поступок за весь день. Он явился в отель «Кирквуд» и спросил у портье, дома ли мистер Этцеродт. «Нет, его нет дома». Бут собирался уйти, но потом вернулся и спросил, дома ли вице-президент Джонсон. Получив ответ, что Джонсон отсут-

ствует, Бут попросил бумагу и набросал несколько слов: «Не желаю Вас тревожить. Дома ли Вы?» Оставив также записку Этцеродту, Бут быстро покинул отель. Непонятен отказ Джонсона давать какие-либо объяснения относительно записки Бута. Единственной причиной могло быть то, что Джонсон действительно знал актера и боялся это прямо отрицать, иначе его уличили бы во лжи. Сыщики, пытавшиеся расследовать данный вопрос, уверяли, что Джонсон, будучи губернатором штата Теннесси, познакомился с Бутом в Нешвилле.

Смерть Линкольна была единственным для Джонсона шансом, как утверждали его враги, стать президентом. Позднее противники Джонсона в конгрессе открыто обвиняли его в том, что он «вступил на пост президента через врата убийства» [10]. Однако работа специального комитета конгресса под председательством известного радикала Б. Батлера, созданного для расследования возможной связи Джонсона с заговорщиками, не дала ощутимых результатов. В то же время сторонники версии Эйзеншимла готовы видеть в письме Бута макиавеллистский ход Стентона: убийство Линкольна и Сьюарда наряду с компрометацией Джонсона открывало бы военному министру путь к вершинам власти. Но не менее вероятным представляется, что своим письмом Бут намерен был вызвать дополнительное смятение в правительственных кругах, тем более что актер не очень верил в успех задуманного покушения Этцеродта на Джонсона. Как бы то ни было, Бут после этого покидает отель «Кирквуд». Ему без труда удается проникнуть в театр Форда, в правительственную ложу, в упор выстрелить в Линкольна. Выпрыгнув из ложи на сцену, никем не остановленный, убийца выбежал из театра, вскочил на лошадь и исчез в темноте. Его и вскоре последовавшего за ним Геролда пропустил военный караул, охранявший выходы из столицы, и заговорщики умчались по длинному Мерилендскому тракту.

Остальные заговорщики были арестованы в течение последующих нескольких дней. Бут и Геролд нашли убежище на ферме Гаррета, ярого сторонника Юга. Здесь мы оставим их на время, чтобы возвратиться в Вашингтон и присмотреться к тому, как были организованы розыски убийцы президента и других заговорщиков.

Убийство Линкольна вызвало панику в правительственных сферах. Второе после президента лицо в государстве, Эндрю Джонсон, самоустранился от руководства действиями властей в ночь с 14 на 15 апреля. Следующий по рангу — государственный секретарь Сьюард — лежал тяжело (и, как думали, смертельно) раненный.

Фактически главой исполнительной власти в эти часы и дни оказался военный министр Стентон. Именно он начал отдавать приказы, находясь у постели умирающего Линкольна. Стентону подчинялись армия и разведка, тайная полиция и военная цензура. Он осуществлял контроль над телеграфной связью. Для поимки преступника важнейшее значение имело своевременное оповещение местных властей и населения о происшедшей трагедии.

О. Эйзеншимл и шедшие по проложенному им пути другие исследователи внимательно изучили все телеграммы, посланные военным министром в часы и дни после выстрела в театре Форда. Первая депеша была написана Стентоном не ранее 1 часа 30 минут, т. е. более чем через три часа после убийства, а отправлена из Вашингтона в 2 часа 15 минут. Это было очень существенное промедление, из-за него важное сообщение не попало в утренние газеты. Ведь большинство газет не держали собственных корреспондентов в Вашингтоне, а те, которые имели их, побоялись бы напечатать без официального подтверждения столь сенсационную новость.

В посланной с таким запозданием телеграмме Стентона была опущена самая важная подробность — фамилия Бута, хотя убийцу опознали тут же, в театре Форда. Бут был назван впервые только в депеше, посланной через два часа после первой. Между тем совершенно несомненно, что военный министр от самых различных лиц успел значительно ранее получить сведения о том, что убийца — Бут. Масса последующих телеграмм (за одним исключением) не сообщали примет убийцы, отлично известные властям.

Еще более необъясним случай с Геролдом. Один из детективов, Рош, уже к полуночи 14 апреля установил, что Геролд являлся сообщником Бута. А 20 апреля военное министерство в своих телеграммах и официальных заявлениях называло его по-разному, но всегда неверно: Гаролд, Гарролд, Герод, Гарод и Геррод, крайне усложняя тем самым розыск.

В густом оцеплении, которое было постепенно создано военным командованием вокруг Вашингтона, имелся один просвет. До 7 часов 15 апреля неохраняемым оказался основной путь в южные штаты. Его-то скорее всего должен был избрать и избрал Бут. В этом районе почти не было войск. Если бы Бут не повредил ногу, прыгая из ложи на сцену после покушения, и смог осуществить первоначальный план, то утром он уже находился бы на территории Вирджинии, далеко опередив любую погоню.

В ночь на 22 апреля майор О'Бирн случайно напал на

след Бута и Геролда, покинувших дом доктора Мадда и перебиравшихся через реку Потомак из Мериленда в штат Вирджиния. Майор послал телеграмму в Вашингтон с просьбой разрешить продолжить преследование на территории этого штата. Ответа не последовало.

Причина на этот раз могла быть одна — очищалось поле действия для тех лиц, которым военный министр поручил розыск Бута. Главным из них был начальник контрразведки полковник Бейкер. Днем 15 апреля Стентон спешно вызвал его в Вашингтон. Надо учитывать, что 20 апреля военным министерством была объявлена награда в 50 тыс. долл. за поимку Бута и по 25 тыс. долл.— за Геролда и Джона Саррета. Возможно, имелось в виду устранить соперника, могущего перехватить столь крупный куш.

Вместе с тем любопытная история произошла с плакатом, опубликованным 20 апреля, где была обещана награда за поимку Бута (первый плакат такого рода был выпущен еще 17 апреля с описанием примет Бута и Пейна). В нем наряду с портретом убийцы были помещены фотография Геролда, снятая, когда он еще ходил в школу, и фотография неизвестного лица, якобы являвшегося Джоном Серретом (быть может, его старшего брата). Это более чем странная ошибка, если учесть, что Джона Саррета знали в лицо многие, и можно было легко установить, действительно ли это его фотография. Не мудрено, что такое объявление мало помогло розыскам. Но интересно другое: много позднее для публики, которая в огромном большинстве так и не видела плаката, была сфабрикована фальшивка. Она также датирована 20 апреля 1865 г. и внешне напоминала подлинный плакат. Однако все снимки были заменены: новая, лучшая фотография Бута, снимок Геролда, сделанный уже после его поимки на ферме Гаррета, и, наконец, портрет Саррета, относящийся к значительно более позднему времени (вероятно, уже к 1867 г.). Поскольку и подлинный и фальшивый плакаты сохранились в архиве, одного взгляда на них достаточно, чтобы убедиться в подлоге.

К тому времени, когда Бейкер (его нередко называли «американский Фуше») взялся за работу, военный отряд однажды чуть ли не лицом к лицу столкнулся с беглецами. Отрядом командовал лейтенант Д. Дана, брат заместителя военного министра. Только необъяснимые промахи лейтенанта Дана помогли преступникам ускользнуть и на этот раз.

Не будем рассказывать, как Бейкеру и его людям в конце концов посчастливилось напасть на след Бута, как актер и Геролд были настигнуты в ночь с 25 на 26 апреля

на ферме Гаррета. Значительно интереснее другое. Сарай, запертый на висячий замок, где скрывались Бут и Геролд, был окружен военным отрядом под командованием лейтенанта Эдварда Догерти и разведчиков — подполковника Эвертона Конджера и лейтенанта Лютера Бейкера, двоюродного брата шефа секретной службы. Бут отказался сдаться, но Геролд поспешил выбраться из амбара и был немедленно схвачен солдатами. Актер все еще продолжал упорствовать, и сарай подожгли. Неожиданно раздался выстрел — Бут был смертельно ранен. Солдаты взломали дверь и вынесли его из горящего строения...

Стентон официально приказал захватить Бута, если возможно, живым. Однако, странное дело, один из офицеров, руководивших розысками убийцы, напротив, приказал стрелять в преступника, как только он будет замечен. Офицером, отдавшим приказ и находившимся вместе с детективами, был полковник Уильям П. Вуд, начальник тюрьмы Олд кэпитл и, несомненно, креатура военного министра.

Бут был застрелен без всякой видимой необходимости. Кто произвел выстрел, смертельно ранивший Бута? Сержант Бостон Корбетт заявил, что это сделал он. Непонятно, как Корбетт через стену амбара мог безошибочно попасть в Бута. Подполковник Конджер утверждал, что он видел, как стрелял сержант Корбетт. Лейтенанту Бейкеру показалось, что выстрелил сам Конджер!

Позднее был пущен слух, что в сарае помимо главной двери была еще запасная, через которую, возможно, скрылся преступник. Он мог бежать либо до того, как подоспели солдаты, либо даже после их прибытия, если они не заметили этот боковой выход. Бут — или человек, которого считали Бутом,— жил еще некоторое время после выстрела и был в полном сознании. В его карманах обнаружили солдатский нож, трубку, карманный компас, какой-то канадский вексель, фотографии любовниц... И главное, небольшую красную тетрадь-дневник. Открытые наудачу подполковником Конджером страницы были заполнены разглагольствованиями, полными хвастливого самолюбования, повторением имен Брута, Вильгельма Телля или перефразированными высокопарными выражениями из сыгранных когда-то Бутом ролей.

Забегая вперед, отметим, что подполковник Конджер в своих показаниях, подробно сооообщая о различных вещах, обнаруженных у Бута, странным образом не обмолвился ни единым словом о наиболее важном — дневнике актера. Сам факт существования этого документа всплыл уже после суда над заговорщиками. Уво-

ленный в феврале 1866 г. в отставку Бейкер опубликовал «Историю секретной службы Соединенных Штатов», в которой сообщил о дневнике. Юридическая комиссия, производившая расследование обстоятельств убийства Линкольна, попросила Бейкера под присягой повторить это. Бейкер не только с готовностью именно так и сделал, но еще и добавил, что после того, как власти обнаружили дневник, из него уже были вырваны некоторые страницы.

Вопрос о дневнике Бута снова всплыл во время расследования в 1867 г. конгрессом деятельности Джонсона. Заявление Л. Бейкера, что из дневника было изъято восемнадцать страниц, которые он видел ранее, произвело настоящую сенсацию. Бейкер утверждал, будто с этих страниц сыщики Стентона сняли копии, но получили приказ передать их министру. Надо учесть, что к этому времени Бейкер был крайне озлоблен, считал себя обойденным в наградах за верную службу.

Во время расследования особое внимание привлекла одна фраза в дневнике: «Я почти склонен вернуться в Вашингтон и... оправдаться, что, как мне кажется, я смогу сделать». Как мог оправдаться Бут — раскрыть имена своих высокопоставленных сообщников? Или просто громогласно объявить, что он убил президента из «патриотических мотивов»?

После сенсационного заявления Бейкера генеральный прокурор армии Холт поспешил под присягой заверить, что дневник находится в целости и сохранности. Но он не мог знать, каким первоначально был дневник, так как получил его из рук своего начальства в военном министерстве. Позднее Холт, пытаясь отвести подозрения от Стентона, утверждал, что страницы, возможно, были вырваны самим Бутом, опасавшимся сообщить властям какие-то сведения о своих сообщниках. Стентон в своих показаниях поддержал эту версию. Бейкер же продолжал утверждать обратное. Конечно, вполне возможно допустить, что исчезнувшие страницы были уничтожены Стентоном, если они действительно содержали компрометирующие его материалы. Но столь же вероятно и другое — их вырвал сам Бут, посылая, как это было доказано, Геролда с записками к различным лицам, у которых надеялся найти убежище и помощь.

Тело Бута было доставлено на военный корабль. В Вашингтоне труп показали нескольким людям, знавшим преступника. В их числе был доктор Д. Ф. Мей, который за два года до этого делал актеру операцию по удалению опухоли на шее. След от операции служил дополнительным доказательством, что это был труп Бута. Впослед-

ствии протокол об опознании тела многократно подвергался критическому разбору: в нем находили отдельные противоречия, сомнительные места вроде замечания Мея, что труп подвергся сильному изменению, что повреждена правая нога (тогда как Бут 14 апреля сломал левую). Для опознания почему-то не привели посаженного в тюрьму старшего брата Бута — Эдвина. Вместе с тем кажущаяся столь подозрительной секретность похорон Бута легко объясняется желанием воспрепятствовать тому, чтобы могила убийцы стала местом паломничества для южан и их единомышленников на Севере.

В 1869 г. президент Джонсон разрешил родным преступника перезахоронить тело на кладбище. Но и эту церемонию многие рассматривали как инсценировку, тем более что при новом погребении Эдвин Бут так и не взглянул на труп и, следовательно, не мог «опознать» его. Это сделали остальные участники похорон, в том числе другой брат Бута — Джозеф. Однако, если они и убедились, что хоронят чужого человека, вероятно имели основания промолчать об этом.

В самозванцах не было недостатка[11]. Обнаруживались время от времени и фальшивые «могилы» Бута. В 1922 г. два бывших кавалериста, участвовавшие в поимке Бута на ферме, Джозеф Циген и Уилсон Д. Кензи, показали под присягой, что раненый, которого вытащили из амбара, был одет в форму солдата южной армии, что на его ногах были пропыленные желтые военные ботинки. Циген и Кензи заявили, что с них взяли клятву сохранить все это в глубокой тайне. В 1937 г. писательница Изола Лаура Форрестер (утверждавшая, что она является правнучкой Бута) уверяла[12], будто 30 лет назад она беседовала с генералом Джеймсом О'Бирном, тогда судьей в Нью-Йорке, одним из организаторов поисков Бута. «Я сообщу Вам то, что Вы никогда не найдете ни в одном отчете,— сказал он.— В те дни мы дали клятву соблюдать эту тайну. Вы не сможете ее использовать ныне, но слушайте. В сарае было трое людей, и один из них бежал». О'Бирн, якобы сообщивший это мисс Форрестер, предложил ей самой отгадать фамилию скрывшегося человека. Подобные «доказательства» ничего не доказывают, поскольку покоятся лишь на ничем не подкрепленных утверждениях о якобы имевших место разговорах с людьми — современниками событий, беседах, происходивших спустя десятки лет после этих событий, а опубликованных еще позднее.

В истории убийства Линкольна много осталось непонятного. Но все эти факты в целом и почти каждый из них в отдельности допускают различную интерпретацию.

Некоторые «подозрительные» действия можно связать с перипетиями политической борьбы после смерти Линкольна, а вовсе не с опасениями, что вскроются какие-то тайны заговора[13]. Наконец, немало объясняет соперничество Бейкера и других лиц, участвовавших в преследовании заговорщиков, погоня за наградой.

И все же кое-что остается необъяснимым. Долгое время Стентон как политический деятель и «неподкупный» военный министр пользовался хорошей репутацией. За последние десятилетия американские историки пытались определить, насколько заслуженной была его слава[14]. Раздававшаяся при этом критика нередко оказывалась «критикой справа», с позиций благожелательного отношения к плантаторам.

По мнению Эйзеншимла и его последователей, Стентон опасался, что Линкольн предоставит побежденным южным штатам право посылать своих представителей в конгресс, что республиканская партия потеряет власть и гражданская война окажется напрасной. А без Линкольна, считал Стентон, он будет править руками Джонсона, который тогда еще числился радикалом и, кто знает, может быть, был соучастником заговора. Как известно, события развивались по-иному: Эндрю Джонсон порвал с радикалами, но вплоть до 1868 г. не осмеливался дать отставку Стентону, хотя тот заведомо был врагом политического курса нового президента (это, считает Эйзеншимл, свидетельствует о том, что Джонсон боялся разоблачений, которые мог сделать Стентон).

Существовали ли какие-либо дополнительные данные, побуждавшие власти и после отставки Стентона прятать концы в воду? Безусловно, да, отвечают сторонники Эйзеншимла. Ведь на президентском кресле долгие годы сменяли друг друга северные генералы, отличившиеся в гражданской войне (Грант, Хейс, Гарфилд), и поддержание престижа военного министра имело особо большое значение для их политической карьеры. Выявление же факта, что военное ведомство спасло от возмездия главных виновников смерти президента, было бы для этих генералов непоправимым ударом.

Новейшие исследования развеяли, как уже сказано, многое из того, что было написано панегиристами Стентона. Теперь перед нами со страниц книг нередко предстает вероломный, беспощадный, не брезговавший любыми средствами честолюбец, умевший ловко подставлять подножку сопернику и вряд ли испытывавший привязанность к Линкольну, хотя внешне он и старался это демонстрировать. Это была натура властная, не терпевшая возражений. В то же время нельзя забывать и

о том, что каждая из собранных против него косвенных улик допускает, как мы убедились, двоякое толкование. Кроме того, можно полагать, что в первые часы после убийства Линкольна он действовал как бы в горячке, взволнованный ответственностью, ежеминутно ожидая пули, которая уже сразила президента и, как тогда думали, государственного секретаря. Не этим ли объясняются некоторые промахи Стентона, выдаваемые Эйзеншимлом и его последователями за свидетельство того, что военный министр был главой заговора против Линкольна.

Итак, немалое число улик, допускающих различную интерпретацию. Множество гипотез — и ни одного неоспоримого доказательства[15]. Не удивительно, что версия Эйзеншимла отвергалась и отвергается большинством американских историков. Оспариваются и некоторые факты, приведенные в работе Эйзеншимла. Новейшие исследования показали, что разногласия между Линкольном и радикальными республиканцами были не столь значительными, как это казалось ранее, что, следовательно, у Стентона не было политических причин для организации заговора. Перерыв в работе телеграфа вечером 14 апреля касался только коммерческих линий. Военный телеграф, видимо, работал без перебоев. Хотя Паркер ушел со своего поста, чтобы посмотреть спектакль, он, надо предполагать, все равно пропустил бы Бута в правительственную ложу, зная благосклонное отношение президента к актерам. Многое в поведении Стентона можно объяснить и тем, что он старался скрыть от публики наличие двух заговоров Бута: первого, ставившего целью лишь похищение президента, и второго — убийство Линкольна. Военный министр опасался, что обвиняемые будут ссылаться на участие лишь в первом заговоре и смогут таким образом избежать смертного приговора и т. д.[16] Таков был обескураживающий результат предпринимавшихся в течение более чем 90 лет попыток пролить дополнительный свет на преступление в театре Форда. И лишь незадолго до столетия со дня убийства Линкольна появились новые факты. На этот раз, казалось, самые настоящие доказательства, «из первых рук».

...Однажды химик по специальности и историк-любитель Э. Нефф из Нью-Джерси зашел в букинистический магазин в Филадельфии и приобрел за полдоллара переплетенный томик — номера журнала «Colburn's United Services Magazine» за вторую половину 1864 г. Через несколько месяцев этот случайно купленный журнальный комплект послужил основанием для совершенно неожиданного доказательства, что Стентон был организатором

убийства Линкольна, а Лафайет Бейкер отравлен по приказу того же военного министра с целью сохранения тайны заговора.

Как же было сделано это открытие? Перелистывая как-то эти старые журналы, Нефф заметил значительное число цифр и букв, написанных карандашом слева на полях. С помощью специалиста по кодам Нефф сумел выяснить, что эти записи являются двумя зашифрованными посланиями. Шифр оказался довольно сложным и, главное, меняющимся от страницы к странице. Первое послание на стр. 181, 183, 185—211 и датированное 2 мая 1868 г. гласит: «За мной постоянно следят. Они профессионалы. Мне не удастся их обмануть. В новом Риме жили-были трое — Иуда, Брут и шпион. Каждый считал, что станет королем, когда Авраам умрет. Один не доверял другому. Но (так) они приближались к тому дню, ожидая решающего момента, когда с пистолетом в руке один из сыновей Брута сможет проскользнуть за спину этого обреченного человека, всадить пулю ему в голову и отбросить его неуклюжее тело прочь. Когда павший лежал, умирая, прибыл Иуда со знаками почтения тому, кого он ненавидел; и когда наконец он увидел его умирающим, то сказал: «Ныне он принадлежит истории, а нация ныне принадлежит мне». Но, увы, судьба решила так, что Иуда постепенно впал в немилость, а вместе с ним и Брут был низвергнут. Однако если кто-либо захочет узнать, что произошло со шпионом, я могу уверенно сообщить Вам, что это был я». Это все подписано: «Лафайет К. Бейкер».

Второе послание, содержащееся на страницах 106—120, 126, 127 и 245, было зашифровано значительно проще первого: просто под нужными буквами печатного текста расставлены точки: «10 апреля шестьдесят пятого я впервые узнал, что план осуществляется. Экерт[17] устанавливает все связи, дело будет сделано четырнадцатого. Я не знал имени убийцы, но мне была известна бóльшая часть всего остального, когда я заговорил с Э. С. об этом. Он одновременно выразил удивление и недоверие. Потом он сказал: «Вы тоже участвуете в этом. Подождем и посмотрим, что выйдет из этого, и тогда мы будем лучше знать, как нам следует поступить в данном случае». Я скоро обнаружил, чтó он подразумевает под тем, что я являюсь участником этого дела, когда на следующий день мне показали документ, который я знал, являлся подделкой, но хорошей подделкой. Из него явствовало, что мне поручено руководство заговором с целью похищения президента с вице-президентом в качестве подстрекателя. Так я превратился в соучастника

дела, хотя не имел такого намерения». (Последнюю часть фразы можно расшифровать и по-иному: «Из него явствовало, что мне поручено руководство заговором с целью похищения президента с вице-президентом. В качестве подстрекателя я превратился в соучастника дела, хотя не имел такого намерения». Это менее вероятная расшифровка, в ней меньше смысла.)

Далее в послании указывалось: «Тринадцатого он узнал, что президент отдал приказ об открытии сессии законодательного собрания штата Вирджиния для решения вопроса о прекращении действий войск штата против США. Он немедля возбужденно разразился безумной тирадой. Тогда впервые я осознал, насколько он неуравновешен психически и его безумную, фанатическую ненависть к президенту. Немногие военные министры уважают президента или его стратегию, но мало кто из них отменит приказ, отданный президентом. Однако в такой момент безумия он послал генералу Вейтцелю телеграмму, в которой отменял приказ президента от двенадцатого числа. Потом он рассмеялся смехом, от которого мороз по коже подирает, и сказал: «Если он пожелает узнать, кто отменил (в тексте recinded вместо правильного rescinded) его приказ, мы предоставим Люциферу сообщить ему об этом. Ступай, Том, и проследи за приготовлениями. Здесь нельзя допускать ошибок». Тут я впервые узнал, что он был одним из ответственных за организацию заговора с целью убийства. Ранее я всегда думал, что либо он не доверяет мне, так как он никому не доверяет, либо покровительствует кому-то, пока не будет выгодно предать его. Но ныне я знаю правду, и это меня страшит бесконечно. Я боюсь, что могу каким-то образом стать козлом отпущения.

В заговор было вовлечено не менее одиннадцати членов конгресса, не менее двенадцати армейских офицеров, три офицера флота и по меньшей мере 24 гражданских лица, из которых один был губернатором лояльного штата[18]. Пятеро были крупными банкирами, трое — журналистами, известными всей стране, и одиннадцать — влиятельными и богатыми промышленниками. Вероятно, были еще и оставшиеся мне неизвестными.

Имена этих известных заговорщиков указаны без комментариев или шифровки в первом томе этой серии. Указанные лица внесли восемьдесят пять тысяч долларов для дела. Только восемь лиц знало детали заговора и имена остальных.

Я опасаюсь за свою жизнь. Л. К. Б.».

Легко понять, что подобная сенсационная находка на первых порах была почти единодушно воспринята всеми

как мистификация. Подобное письмо легко мог составить любой шутник, обладающий известными познаниями американской истории. Подозрения падали и на самого Неффа. В ответ Нефф опубликовал в журнале «Civil War Times» к столетию гражданской войны в апреле 1961 г. некоторые результаты своих изысканий. При обработке выцветших страниц различными химикалиями Нефф сумел проявить подпись «Л. К. Бейкер», написанную невидимыми чернилами того состава, которые употреблялись разведчиками в годы гражданской войны. Видный эксперт Стенли Смит в июне 1961 г. официально признал эту подпись, сравнив ее с известными подписями Бейкера, неоспоримо подлинной. Но и это мало кого убедило.

Нефф занялся изучением последних лет жизни Бейкера. Как отмечалось, его уволили в отставку в феврале 1866 г., когда президент Джонсон обнаружил, что слишком усердный и чрезмерно любопытный Бейкер установил тайное наблюдение за Белым домом. Покинув службу, Бейкер переехал в Филадельфию, где и скончался 3 июля 1868 г. Нефф решил начать поиски в огромном городском архиве Филадельфии в надежде найти ключ к загадке. Ему посчастливилось разыскать завещание Л. Бейкера от 30 апреля 1866 г., в котором генерал назначил своими наследниками жену, трех братьев и трех сестер. Далее было обнаружено свидетельство о смерти Бейкера — от менингита, между тем как газеты сообщали, что отставной шеф контрразведки скончался от брюшного тифа (эта разница в диагнозе была уже известна давно). Душеприказчиками Бейкера были назначены лейтенант Лютер Бейкер, отказавшийся от этой роли, и некий Джозеф Стидфол, который сообщил, что не обнаружил никакого имущества, принадлежащего покойнику. Это уже было странным.

Не ограничившись первой находкой, Нефф проверил дела четырех свидетелей, подтвердивших завещание Бейкера. В бумагах одного из них он обнаружил дополнение к завещанию Бейкера, передававшее все его книги, дневники и бумаги нефинансового характера некой Лауре Дювал из Вашингтона. На этом дополнении была отметка, что данная статья завещания была отвергнута 6 января 1879 г. Значит, было формальное заседание суда, принявшего это решение. Начались новые поиски. Оказалось, что первое слушание дела состоялось еще 14 и 15 октября 1872 г. Нашелся и протокол. Во время этого заседания показаниями ряда свидетелей было установлено, что на Бейкера незадолго до его смерти якобы было совершено несколько покушений (в него стреляли, пытались поразить кинжалом), что он находился в здравом

рассудке и не был склонен изобретать несуществующие опасности.

Сохранился перечень книг Л. Бейкера, оставшихся после его смерти. В нем фигурируют и переплетенные комплекты «Colburn's United Services Magazine» с 1860 по 1865 г. Отсутствует лишь том за первую половину 1864 г.— как раз тот, где, если верить шифрованному посланию, Бейкер перечислил имена заговорщиков.

С некоторой долей вероятности можно считать, что зашифрованные послания действительно были написаны Лафайетом Бейкером. Существует возможность того, что в шифрованных записях Бейкера нашли отражение подлинные факты. Но можно допустить и мистификацию, и не только со стороны какого-либо любителя шуток, но и самого Бейкера — все равно, просто ли он забавлялся (на эту мысль как будто наводят рифмы, которыми он явно сознательно соеднинил отдельные строки своего первого послания) или начинал какую-то интригу с целью запугать Стентона. Наконец, даже если Бейкер был отравлен, то и помимо Стентона у «американского Фуше» не было недостатка во врагах.

Еще одной попыткой раскрыть тайну явилась книга В. Шелтона «Маска измены. Процесс убийц Линкольна» (1965 г.)[19], которую автор посвятил памяти О. Эйзеншимла.

Шелтон справедливо отмечает, что за 100 лет, прошедших со времени убийства Линкольна, были предприняты огромные усилия с целью полностью раскрыть причины и всех участников преступления. Однако эти усилия дали совсем ничтожные результаты, и мы до сих пор столь же мало знаем о его инициаторах и руководителях, как публика в театре Форда в момент, когда Бут нажал на спусковой крючок пистолета. Найдены сотни слабых мест, противоречий, сознательных умолчаний и искажений, подрывающих доверие к официальной версии, но тайна от этого стала еще более непроницаемой; мы оказались еще дальше, чем прежде, от решения загадки.

Суд над участниками заговора, приведшего к убийству Линкольна, продолжает Шелтон, проводился с нарушением традиционных норм правосудия; судьи были заинтересованы не в установлении истины, а в том, чтобы осудить. Они вынесли свой приговор на основе весьма недостаточных данных. Следует поэтому снова просмотреть все имеющиеся документы, строго контролируя всякий раз, что́ мог знать тот или иной свидетель и какова, следовательно, ценность его показаний.

На самом процессе убийц Линкольна неопровержимо

была доказана вина лишь одного из подсудимых — Льюиса Пейна, того самого, как сказано в обвинительном заключении, жаждущего крови, полупомешанного великана, который совершил ряд ужасающих злодеяний в доме государственного секретаря Сьюарда и потом вечером 17 апреля 1865 г. постучался в дом вдовы Саррет, где и был схвачен детективами Бейкера. По теории Шелтона, Пейн — наименее виновный из всех обвиняемых, точнее, вовсе не виновный и лишь в результате неудачного стечения обстоятельств попавший на скамью подсудимых, а потом на виселицу. Он был случайной жертвой того же заговора, который привел к убийству Линкольна и который пытались скрыть власти, подменяя его совсем иным, вымышленным, заговором.

По мнению Шелтона, Эйзеншимл совершенно правильно нащупал факт существования другого заговора — совсем не того, о котором говорилось на суде,— и установил, что в этом заговоре участвовал Стентон. Однако Эйзеншимл не распутал всех нитей этого сложного преступного предприятия, не выявил его пружин и главных действующих лиц. Все это Шелтон считает возможным сделать, анализируя роль Пейна, которая казалась всем наиболее ясной и поэтому не привлекала особого внимания. Уверенность судей в том, что настоящее имя Пейна — Пауэлл, была совершенно ошибочной. Это два разных человека. Шелтон пытается доказать, что существовали похожие друг на друга двоюродные братья Льюис Пейн и Льюис Пауэлл, солдат южной армии из Флориды, что первый был посажен на скамью подсудимых за действия, совершенные вторым.

Шелтон считает Пауэлла главным агентом высокопоставленных заговорщиков, решивших убить Линкольна. Именно Пауэлл подтолкнул тщеславного актера Бута (между прочим, в конце 1864 г. и самом начале 1865 г. не обнаруживавшего симпатий к Югу) совершить покушение на президента. Не ему ли принадлежит и демонстративный визит в отель «Кирквуд» с письмом Бута к Джонсону? Ведь то, что туда явился самолично Бут, лишь недоказанное предположение. По мнению Шелтона, аптекарский ученик Геролд получил от Пауэлла указание отравить Бута сразу после убийства Линкольна, чтобы «убрать» опасного свидетеля. Геролд, воспользовавшись страстью актера к виски, подсыпал в спиртное яд. Он выполнил поручение, но не очень удачно, недаром по дороге актер почувствовал себя больным. В него стрелял сержант Корбетт, вероятно не получивший тайных указаний. Но если бы он не сделал этого, выстрел все равно раздался бы из другого ружья. Секретность похорон

убийцы президента Шелтон объясняет по-своему. Просто на теле убитого были ясно видны следы отравления, отсюда и изумление присутствовавших при опознании по поводу «сильного изменения» трупа.

Почему же, однако, Геролд умолчал о своей роли даже после оглашения смертного приговора? Почему молчала миссис Саррет, по мнению Шелтона, соучастница Геролда? Возможно, они не хотели признаваться на суде в убийстве Бута, предпочитая строить из себя невинные жертвы? Л. Бейкер мог до последней минуты успокаивать их обещаниями помилования, угрожать расправой с близкими, даже использовать наркотики — это было в его манере. Геролд и миссис Саррет поняли, что их обманули, только тогда, когда, окруженные плотным кольцом сыщиков, полицейских и солдат, подошли к эшафоту. Но было уже поздно... Шелтон считает организатором заговора наряду со Стентоном, спровоцировавшим Линкольна на посещение театра Форда, также майора Экерта. Участником заговора, вероятно, был и вице-президент Джонсон.

Такова теория Шелтона, в основном декларированная, а не доказанная в его книге. Это побудило некоторых критиков считать «Маску измены» не историческим исследованием, а скорее детективным романом[20].

Время от времени среди потока сенсаций на американского читателя обрушивались и неожиданные сведения о — давно ставших американской легендой — жизни и смерти Авраама Линкольна. Так, в августе 1977 г. считающаяся солидной газета «Вашингтон пост» сообщила, что ФБР ведет новое расследование обстоятельств убийства Линкольна, что таинственно исчезнувшие страницы из дневника Бута обнаружены в сундуке на чердаке дома, принадлежащего наследникам Стентона, что раскрыты участники заговора, планировавшие убийство президента.

Однако в другой статье, опубликованной в том же номере газеты, разъяснялось, что источником всех этих сведений является некий Джозеф Линч, торговец старой мебелью и другими подержанными вещами. Он отказывается сообщить адрес наследников Стентона и располагает не самими страницами дневника, а лишь магнитофонной записью... его собственного чтения вслух этих страниц, сделанной для памяти. А хранитель музея театра Форда Майкл Хармен уточнил, что им действительно передан на экспертизу в ФБР дневник Бута, находившийся в музее, с целью удостовериться еще раз в его подлинности, а также в том, нет ли в нем записей, сделанных невидимыми чернилами. Экспертиза не уста-

новила наличия таких записей и вообще следов изменения первоначального текста...[21]

В 1979 г. директор ФБР У. Уэбстер в речи, посвященной технике расследования умерщвлений американских президентов в прошлом и в наше время, заметил, что сейчас не оспаривается лишь факт убийства Линкольна и личность убийцы — Бута. Все остальное подвергается сомнению, порождает различные теории. У. Уэбстер подтвердил, со ссылкой на экспертов, подлинность дневника Бута, в котором не обнаружено следов тайнописи, но отсутствуют 43 страницы[22]. Наука и поныне не располагает достаточными данными для ответа на вопрос, были ли у Бута влиятельные сообщники в вашингтонских коридорах власти.

Судебный процесс над убийцами Авраама Линкольна оказался многими нитями связанным с единственным в истории США процессом импичмента президента (привлечение к ответственности и обвинение палатой представителей и предание его суду сената) с целью отстранения от должности[23]. Президента Джонсона формально судили в основном за незаконное смещение Стентона, а фактически за стремление под видом «защиты прав штатов» воспрепятствовать проведению мер, которые ликвидировали бы плантаторское засилье. При подготовке импичмента противники Джонсона — радикальные республиканцы открыто выражали подозрение в причастности Джонсона к убийству Линкольна. И одновременно — в борьбе все средства хороши — президента (а позднее и вставшего на его сторону председателя военного трибунала Бингема, судившего соучастников Бута) обвиняли в том, что он не помиловал Мэри Саррет[24]. Один из лидеров радикальных республиканцев, Батлер, пытаясь разными способами повлиять на тех колеблющихся сторонников импичмента в конгрессе, которые рассматривали его только в чисто юридических рамках, говорил: «Безопасность народа является высшим законом»[25]. Палата представителей постановила предать Джонсона суду сената. 20 мая 1868 г. за осуждение высказалось 35 сенаторов, против 19, до требуемых конституцией двух третей недоставало одного голоса. Большинство американских буржуазных историков утверждают, что осуждение Джонсона было бы страшной ошибкой, от которой «спасли нацию» сенаторы, отклонившие импичмент[26].

Джонсон еще почти на год остался в Белом доме. Со временем у северной буржуазии оставалось все меньше причин и охоты ссориться с южными плантаторами. В 1877 г., когда президентом стал Хейс, в южных штатах

окончательно воцарилась система жесточайшего расового гнета. Таков был эпилог единственного в истории США суда над президентом[27].

Законы коррупции

Соединенные Штаты, быстро завоевав пальму первенства в размахе политической коррупции и прямого разграбления казенного имущества (или грабежа с помощью государственного аппарата), никому уже не уступали своих печально известных рекордов в этой области. Как раз к последней трети XIX в. относятся грандиозные хищения общественных земель железнодорожными компаниями при участии самых высокопоставленных лиц в Вашингтоне. Американская Фемида при этом из своих традиционных атрибутов использовала лишь повязку на глазах, прочно скрывавшую от нее грязные махинации биржевых дельцов. Как взяткодатели-миллионеры, так и чиновные лихоимцы отлично умели выходить сухими из воды.

Капиталистическая Европа, впрочем, тоже быстро прогрессировала в этом направлении. Самый громкий финансовый скандал разразился в Париже. Речь идет о знаменитой «Панаме», ставшей нарицательным именем на многих языках.

...В 1879 г. во Франции была создана компания для прорытия межокеанского канала через Панамский перешеек, окончательно оформленная в 1881 г. с капиталом 900 млн. фр. Во главе компании стояли 74-летний Фердинанд Лессепс, руководивший работами по прорытию Суэцкого канала, и его сын Шарль Лессепс. На сей раз технический проект был составлен неудовлетворительно, смета расходов чрезвычайно занижена. На трассе канала людей косила желтая лихорадка, жертвами которой стали многие тысячи завербованных на строительство местных жителей и французских рабочих и инженеров. На десять тысяч рабочих приходилось две тысячи сотрудников административного аппарата. Лишь на резиденцию компании в Париже затратили 2 млн. франков и еще миллион — на штаб-квартиру на месте строительства канала. Чтобы успокоить вкладчиков, им выплачивались совершенно нереальные проценты, взятые из основного капитала. С 1881 по 1884 г. было вынуто лишь 7 млн. куб. м грунта из 120 млн., а истрачено уже более половины подписанного капитала и больше, чем было вообще получено наличными.

Компания, залезшая в долги и оказавшаяся в отчаянном финансовом положении, решила поправить дела

выпуском облигаций выигрышного займа, фактически лотереи. На это, однако, требовалось разрешение правительства, а оно было враждебно настроено к такой затее. Тогда заправилы компании, сами успевшие прикарманить десятки миллионов франков, организовали широкий подкуп печати, которая стала нападать на правительство за отсутствие доброй воли в отношении столь важного и перспективного предприятия. Говорили, что с целью заставить замолчать известного журналиста Эмиля де Жирардена, приоткрывшего краешек завесы над подлинным положением дел, ему вручили полмиллиона франков. Вырвать взятку у компании под видом «платы за объявления» тогда не составляло особого труда. Один из юристов, которому впоследствии была поручена ликвидация дел Панамской компании, заявил: «Я считаю, что в определенное время достаточно было явиться в помещение компании с визитной карточкой редактора какой-либо газеты или создать впечатление, что имеешь влияние на какую-либо газету, чтобы получить деньги». На это ушло более 30 млн. франков.

Золотой дождь пролился и на министров и депутатов — было подкуплено, по одним данным, несколько более 100, по другим — свыше 150 «народных избранников». 28 апреля палата депутатов 281 голосом против 120 одобрила законопроект о разрешении компании провести выигрышный заем. 4 июня он был утвержден 158 сенаторами (50 голосовало против). Мелкие вкладчики, привлеченные невиданной рекламой, внесли более 300 млн. франков. Но это не спасло компанию от крушения, и уже 11 декабря 1888 г. она приостановила платежи. Выяснилось, что из собранных 1 434 млн. франков на сами работы было истрачено 579 млн., да и то бо́льшая часть их попала в карманы подрядчиков. Остальная гигантская сумма — более 850 млн.— исчезла неизвестно куда[28].

Вопли сотен тысяч обманутых акционеров нисколько не смутили взяточников всех рангов. Однако политики, не замешанные (или просто меньше других замешанные) в «панамской» грязи, сразу же попытались извлечь выгоду из своей критики. Правый депутат Мильвуа кричал, что «парламентарный режим целиком осужден»[29].

Особо скандальную известность приобрели действия банкира Жака де Рейнака, ведавшего выпуском акций и облигаций компании (его, вероятно, заставили покончить самоубийством), и авантюриста Корнелиуса Герца, которого тогда знал «весь Париж»[30] и который десятками подкупал депутатов, чтобы обеспечить себе выгодные

миллионные контракты [31]. (Герц успел благополучно переселиться в Англию.) Буквально за несколько часов до самоубийства Рейнака он и Герц вели какие-то переговоры с министром финансов Рувье и с Клемансо (историки расходятся в оценке подлинной роли лидера радикалов в этой темной истории) [32].

Участились мало что менявшие министерские кризисы. Германский посол в Париже граф Монстер писал своему начальству: «Правительство Лубе — Рибо, утонувшее в Панамском канале, немедленно воскресло в форме правительства Рибо — Лубе» [33].

В начале 1893 г. состоялся суд по обвинению в обмане доверия над директорами Панамской компании — двумя Лессепсами, бароном Коттю, М. Фонтаном, инженером Эйфелем, строителем известной башни. Вот как описывал этот процесс один итальянский журналист (за эту корреспонденцию из зала суда его поспешили выслать из Франции): «Занавес поднят, и первый акт драмы начался. На скамье подсудимых сын Лессепса и три его сообщника. Против них выдвинуто обвинение в мошенничестве и злоупотреблении доверием. Интересное обстоятельство — подсудимые сидят не на скамье, а в удобных креслах. Председатель суда обращается к подсудимым со словами «господа обвиняемые». Прокурор всякий раз извиняется, когда ему приходится использовать термины «мошенничество» и «злоупотребление доверием». Председатель срывает злобу на свидетелях, которых допрашивают галопом, иронизируя над теми, кто не умеет правильно выразиться, и запугивая тех, кто не дает сбить себя с толку».

Шарль Лессепс, объясняя, почему компания «подарила» политикам миллионы франков, сказал:

— Господин судья, когда в глухом лесу вам приставляют нож к горлу, вы ведь отдаете бумажник и часы тому, кто держит нож.

— Но если вас ограбили, вы обращаетесь в полицию,— попытался возразить судья.

— Разумеется,— заметил подсудимый.— За исключением тех случаев, когда бумажник отобрали полицейские.

Известный адвокат Барбу, прославляя планы компании как крестовый поход во имя цивилизации, постоянно тревожил тени великих людей прошлого, цитируя то Катона, то Вольтера, то Гумбольдта и Гете, которые, как стало казаться, чуть ли не лично благословляли финансовые махинации подсудимых. 9 февраля Лессепсы были приговорены к пяти годам заключения, Коттю и Фонтан — к двум годам и штрафу в 3 тыс. франков каждый. Эйфель, укравший 33 млн. франков, был осужден на два

года заключения и 20 тыс. франков штрафа. Все подсудимые подали кассационные жалобы. 15 июня кассационный суд отменил приговор и предписал освободить арестованных.

8 марта 1893 г. начался суд над «политической Панамой» — обвиняемыми в коррупции. В их числе снова фигурировали Шарль Лессепс, Фонтан, а также бывший министр общественных работ Баиго, бывший депутат Сен-Леруа и еще несколько человек (большинство виновных сумели выйти сухими из воды еще на стадии предварительного следствия). Баиго, который вымогал у компании миллион за помощь в проведении через парламент закона, разрешавшего выпуск облигаций выигрышного займа, получил 375 тыс. фр. Признавшийся во всем этом Баиго защищался ссылками на какое-то временное помутнение рассудка, на «момент безумия», заставивший его забыть свой долг и не принять во внимание, что он не просто инженер, вольный требовать любой оплаты за свои услуги, а министр общественных работ. Если у Баиго и было помрачение рассудка, то только в «момент безумия», когда он решил изображать искреннее раскаяние. Вся влиятельная свора лихоимцев-«шекаров» не скрывала чувства облегчения: наконец нашелся столь нужный им козел отпущения. Всех обвиняемых парламентариев оправдали, кроме Баиго. Бывшего министра приговорили к пяти годам тюрьмы и штрафу в 375 тыс. франков, Шарля Лессепса — к году, а некоего Блондена, через которого подкупили Баиго,— к двум годам тюрьмы. Вернуть же уворованные сотни миллионов из пасти опытных хищников было равносильно тому, чтобы искать украденные деньги в лесах и болотах Панамского перешейка.

Очень показательно, что одновременно с французской Панамой в конце 1892 г. прогремела Панама итальянская, в которой тоже оказались замешанными три сменявших друг друга премьер-министра — Криспи, Рудини и Джолитти.

Темное дело

В начале необычно жаркого августа 1899 г. город Ренн — тихий, сонный центр Бретани — как будто на время уподобился шумному Парижу. Целые армии журналистов, съехавшихся со всех концов мира, штурмом захватывали немногочисленные отели. Повсюду слышалась иностранная речь, то там, то здесь мелькали хорошо знакомые всем представители французского политического, журналистского, литературного мира, прибыло много знаменитостей из-за рубежа. Газета «Тан» немного

позднее, 6 сентября, писала: «Ренн стал центром мира». 7 августа в Ренне открылись заседания военного трибунала. Хотя они были гласными, но только с помощью сложных формальностей можно было попасть в число избранных — сотен корреспондентов ведущих газет многих стран и просто влиятельных лиц — тех, кого пропускали в здание местного лицея, где проходили заседания суда. А ведь это был не первый процесс над обвиняемым. Перед судом уже успели предстать как его сторонники, так и противники. Однако это только увеличивало жгучий интерес к «делу», которое превратилось в острую проблему, разделившую всю Францию на два лагеря, до предела накалив политические страсти, что могло стать поводом для глубоких социальных потрясений.

Речь идет, конечно, о знаменитом «деле Дрейфуса». Начало ему было положено еще пять лет назад.

«Дело Дрейфуса» имело совершенно очевидный смысл — попытки монархической и клерикальной реакции «свалить» республику, предотвратить либеральные политические преобразования в стране. Среди организаторов «дела» нередко мелькали лица с аристократическими титулами (генерал маркиз де Буадефр, маркиз Анри дю Пати де Клам и др.).

«Дело» началось в сентябре 1894 г. с обвинения артиллерийского капитана Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности, в шпионаже в пользу Германии. Сын богатого фабриканта из Эльзаса — французской провинции, после 1871 г. присоединенной к Германской империи,— Дрейфус по своим взглядам и настроениям никак не выделялся из окружавшей его военной касты. Но его происхождение могло послужить удобным поводом для разжигания националистической кампании[34], для обвинения республики в том, что «чужак» смог проникнуть в святая святых монархического офицерства — Генеральный штаб. Поэтому и было решено превратить ничем не приметного, бесцветного капитана в жертву крупной политической провокации. Военный министр Мерсье и заправилы Генерального штаба с самого начала знали о невиновности Дрейфуса и сознательно скрывали документы, которые свидетельствовали об этом. Так, во французском министерстве иностранных дел расшифровали телеграмму итальянского военного атташе Паниццарди, работавшего в тесном контакте со своим немецким коллегой Шварцкоппеном. Из телеграммы, посланной 2 ноября, явствовало, что итальянец никак не был связан с арестованным капитаном Дрейфусом. Об этом, безусловно, было точно известно Мерсье и руководителям Генерального штаба.

Генерал Мерсье был явно инициатором всего дела. Этот человек с морщинистым лицом и маленькими черными глазками под тяжелыми, будто свинцовыми ресницами очень напоминал, по свидетельству современника, старую пантеру, притворяющуюся спящей, но в действительности не спускающую глаз с добычи. Опытный интриган с иезуитскими манерами, он умело притворялся добродушным старым солдатом, целиком озабоченным только интересами страны, ловко скрывал свои честолюбивые планы. Ярый реакционер и клерикал, он сделал карьеру в качестве чуть ли не «республиканского» генерала, «не ходящего к мессе». В конце 1894 г. у Мерсье были серьезные личные причины для инсценировки «дела Дрейфуса». Военный министр так хорошо носил маску республиканца, что вызвал даже недовольство в монархических и католических кругах (вдобавок жена Мерсье была протестанткой!). Все это за какие-нибудь две недели декабря 1894 г. исчезло, как по мановению волшебной палочки, после известия об аресте Дрейфуса; националистические газеты, еще за несколько дней до этого оплевывавшие Мерсье, стали прославлять его как «спасителя отечества»[35].

Предыстория этой заранее обдуманной провокации такова. 20 июля 1894 г. некий майор Эстергази — к нему мы еще вернемся — явился к немецкому военному атташе в Париже полковнику Шварцкоппену и предложил свои услуги в качестве платного разведчика. Сообщив об этом предложении в Берлин, полковник получил 26 июля приказ продолжать переговоры. А 13 августа Эстергази уже вручили его первое жалованье — 1000 франков за доставленные ценные документы...[36]

Непосредственно провокация зародилась в недрах контрразведывательного отдела «секции статистики» (так называлась военная разведка) французского Генерального штаба. Главой этого отдела был тогда майор Анри — грубый, малообразованный офицер, но зато исполнительный и небрезгливый в средствах служака, бывший полицейский. Начальником «секции статистики» являлся подполковник Сандерр, который подчинялся заместителю начальника Генерального штаба генералу Гонзу.

Французская разведка подкупила некую мадам Бастиан, служившую горничной у супруги германского посла в Париже. За солидную мзду Бастиан тайно доставляла из посольства обрывки служебных бумаг, выбрасывавшихся в мусорную корзину. В конце сентября 1894 г. «секция статистики» получила, или, точнее, утверждала, что получила таким путем документ, впоследствии названный «бордеро»,— сопроводительное письмо с описью раз-

ведывательных донесений, которые автор этого (недатированного и неподписанного) перечня пересылал полковнику Шварцкоппену. В конце «бордеро» сообщалось, что написавшее его лицо должно вскоре отправиться на маневры.

Наименее загадочным в «бордеро» было отсутствие подписи: шпионы не любят оставлять свою визитную карточку. Но надо добавить, что столь же мало принято у них составлять и подобные описи (тем более от руки, а не на пишущей машинке!), а у руководителей шпионажа — небрежно бросать в корзину для бумаг столь секретные документы. А такой опытный человек, как полковник Шварцкоппен, даже не дал себе труда хорошенько разорвать «бордеро» на мелкие куски — оно, лишь слегка поврежденное, попало в «секцию статистики». Подобное непонятное легкомыслие Шварцкоппена было тем более необъяснимо, что он был вполне осведомлен об установленной за ним слежке и не мог не быть настороже. Поэтому позднейшие утверждения Шварцкоппена в его мемуарах, что он никогда не видел «бордеро» и не бросал его в корзину для мусора, ряд историков считают несомненной правдой[37]. Однако другие исследователи в своих работах приводят материалы, выкраденные французскими агентами у немецкого полковника и ныне хранящиеся в Национальном архиве. Их похищение свидетельствует о явной беспечности атташе в отношении служебных бумаг[38]. Существует и теория, будто «бордеро» было написано самим Шварцкоппеном с целью одурачить французскую контрразведку[39].

Вскоре после того как «бордеро» попало в руки руководителей французской армии, один из видных генштабистов, подполковник д'Абовиль, заявил, что почерк ему знаком. Письмо написано, сказал он, капитаном Дрейфусом, проходящим стажировку в Генеральном штабе. Сначала, 9 октября, обратились к лучшему эксперту — сотруднику Французского банка Гоберу с просьбой сличить «бордеро» с бумагами, написанными Дрейфусом. Как позднее, на процессе в Ренне, сообщил Гобер, принявшие его генерал Гонз, Сандерр, Анри и другие были заранее убеждены в виновности Дрейфуса. 13 октября 1894 г. Гобер заявил, что, как ему кажется, письмо к Шварцкоппену составлено другим лицом. Гобер еще изучал фотокопию «бордеро», а Генеральный штаб, предчувствуя отрицательный ответ, нашел для перестраховки более сговорчивого эксперта — сотрудника парижской полиции Бертийона. Тот через несколько часов представил нужный ответ: «бордеро», вне всяких сомнений, написано Дрейфусом. Впоследствии, когда все эти факты всплыли

наружу, генералы пытались оправдать свой трюк нелепыми ссылками на то, что, мол, Гобер мог узнать почерк Дрейфуса, являвшегося одним из клиентов Французского банка, и проявить пристрастие[40],— не ясно, из каких мотивов. Зато Бертийон вполне устраивал генералов. В романе А. Франса «Остров пингвинов» Мерсье, изображенный под именем Гретока, заявляет: «В качестве доказательства поддельные бумаги вообще ценнее подлинных, прежде всего потому, что они специально изготовлены для нужд данного дела,— так сказать, на заказ и по мерке»[41]. Не менее ценными были и фальшивые эксперты.

Не дождавшись даже заключения экспертов, 12 октября вечером начальник Генерального штаба генерал Буадефр вызвал майора дю Пати де Клама и сообщил ему, что военный министр генерал Мерсье принял решение об аресте Дрейфуса и ему, Пати де Кламу, поручается вести следствие.

Утром 15 октября Дрейфуса вызвали в канцелярию начальника Генерального штаба; здесь Пати де Клам, сославшись на порезанный палец, попросил капитана написать несколько строк — заранее заготовленный «диктант». Пати де Клам будет потом неоднократно повторять, что первоначально спокойный «изменник», узнав текст, забеспокоился. Это отразилось и на его почерке.

— Что с вами? — спросил Пати де Клам.— Вы дрожите?

— У меня мерзнут руки,— якобы ответил капитан. Однако имеется фотокопия «диктанта». В ней нет никаких следов, доказывающих, что рука, писавшая текст, дрожала[42]. Как неосторожно впоследствии признал в Ренне Пати де Клам, был предусмотрен и другой вариант: если Дрейфус не обнаружит никаких признаков волнения, это будет считаться доказательством того, что он был предупрежден об опасности.

Еще через несколько лет, в 1906 г., Пати де Клам рассказал, что Дрейфуса ненадолго оставили одного в комнате, указав на заряженный револьвер. Дрейфус отказался покончить самоубийством, которое было бы так на руку его врагам.

Пришлось спешно готовить судебный процесс, разумеется (поскольку дело шло об офицере) передав дело в военный трибунал, заседавший за закрытыми дверями. Была проведена новая экспертиза «бордеро» специалистами, подобранными военным министерством. Но и здесь вышла осечка: лишь двое из них признали руку Дрейфуса, третий отрицал. Вдобавок не удалось найти буквально никаких мотивов для преступления: Дрейфус был бога-

тым человеком и не нуждался в денежных подачках. Капитан не имел долгов, не вел крупной карточной игры, в его поведении не было ничего предосудительного с точки зрения норм, принятых в буржуазных кругах и в офицерском корпусе. Новое следствие в ноябре даже вскрыло неприятное обстоятельство — маловероятно, чтобы Дрейфусу были известны по крайней мере некоторые сведения, упомянутые в «бордеро»!

С 19 по 22 декабря проходили закрытые заседания военного трибунала. Не было никаких доказательств. Мерсье почувствовал, что и на военных судей в таких условиях нельзя полностью положиться. Поэтому 22 декабря, в последний день заседаний трибунала, его членам были неожиданно переданы три документа: два — написанные полковником Шварцкоппеном, третий — итальянским военным атташе Паниццарди (Италия была тогда союзницей Германии). В одном донесении немецкого полковника, точнее, в отрывке из него упоминалось о каком-то «каналье Д», в другой депеше — об «одном французском офицере»; в письме Паниццарди к Шварцкоппену — о «вашем друге». Все это бездоказательно объявлялось относящимся к Дрейфусу. Грубо нарушая законы, Мерсье приказал, чтобы документы были доведены только до сведения судей. Ни обвиняемый, ни его адвокат не были поставлены в известность об этих дополнительных материалах.

22 декабря военный суд признал Дрейфуса виновным и приговорил к пожизненной каторге. 5 января 1895 г. состоялась публичная сцена разжалования Дрейфуса, во время которой он срывающимся голосом не раз выкрикивал: «Я не виновен! Да здравствует Франция!»

В тот же день (по позднейшим утверждениям реакционной печати) осужденный будто бы сделал неожиданное признание жандармскому капитану Лебрену-Рено, что он передавал маловажные материалы немцам с целью выудить у них более ценные сведения. Долгие годы националистические газеты козыряли этим мнимым признанием, хотя от него за версту несло подлогом. Капитана Лебрена-Рено вызвали к президенту республики Казимиру Перье. Когда через несколько лет бывшего главу государства спросили об этом свидании, Казимир Перье резко ответил: «Он лгал» [43]. Возможно, дело обстояло иначе: Лебрен-Рено не просто лгал, а исказил слова Дрейфуса, рассказывавшего о предложении, сделанном ему Пати де Кламом от имени Мерсье и имевшем целью добиться признания осужденным своей вины. Свидетельство Сандерра об этом предложении было опубликовано в газете «Фигаро» 31 июля 1899 г., но даже ныне реакцион-

ные авторы повторяют выдумки Лебрена-Рено (и подкрепляют их свидетельствами других лиц, которых уже не было в живых, когда всплыли на свет «их» показания)[44].

18 февраля Дрейфус был отправлен на Чертов остров, около берегов Кайенны, где нездоровый климат и тяжелые условия каторги должны были, по расчетам Мерсье и его коллег, в более или менее скором будущем избавить военное министерство от нежелательного свидетеля — жертвы беззакония. Некоторое время казалось, что Генеральный штаб одержал в «деле Дрейфуса» полную победу.

...В июле 1895 г. Сандерр оставил пост начальника «секции статистики». Его сменил майор (с апреля 1896 г. — подполковник) Пикар. Впоследствии не было недостатка в утверждениях, будто он был чуть ли не с самого начала водворен в Разведывательное бюро стараниями покровителей Дрейфуса, что Пикар, как и осужденный, был «изменником», выходцем из Эльзаса, что у них были какие-то общие знакомые, что майора хорошо встречали немецкие офицеры, участвовавшие в маневрах в Эльзасе, и т. п.[45] Но все это произошло потом, а пока он ничем не отличался от других офицеров Генерального штаба. Впрочем, было одно отличие — Пикар был честным человеком и, как показали обстоятельства, не захотел пойти на сделку с совестью — операцию, которую без особых затруднений осуществляли его сослуживцы.

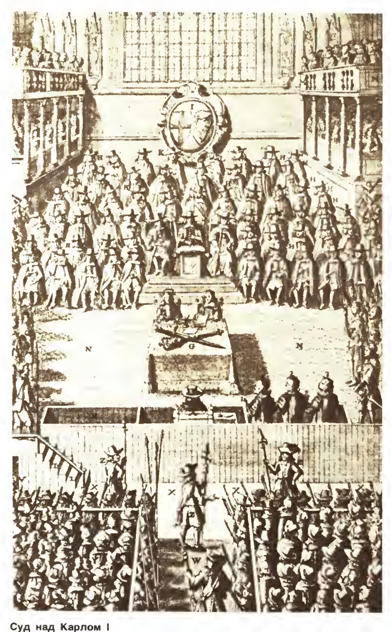
Главой контрразведывательного отдела оставался майор Анри. В марте 1896 г. он получил от мадам Бастиан очередную порцию депеш. Занятый семейными делами (майор торопился в отпуск), Анри совершил непоправимую ошибку — бегло просмотрев полученные материалы, он передал их своему заместителю капитану Лоту. Добыча включала и несколько мелких клочков грубоватой бумаги, на которой в Париже тогда печатались почтово-телеграфные бланки. Составленное из клочков письмо снова склеили. Оно было написано рукой одного из друзей Шварцкоппена, которому германский атташе нередко диктовал бумаги, способные скомпрометировать самого полковника, если бы они были написаны его рукой. Почерк этого друга был отлично известен французской разведке благодаря стараниям мадам Бастиан. Письмо гласило: «Париж, улица Биенфезанс, дом 27, майору Эстергази. Милостивый государь! Прежде всего я надеюсь получить от Вас более подробную информацию, чем недавно переданная Вами мне, по вопросу, о котором шла речь. Поэтому я прошу Вас сообщить мне ее

письменно, чтобы у меня была возможность судить, смогу ли я впредь поддерживать связи с фирмой Р. К...Т». Аутентичность данного документа была засвидетельствована самим германским атташе в его посмертно опубликованных мемуарах.

Все эти материалы Лот передал Пикару, который, естественно, заинтересовался личностью Фердинанда Эстергази. Выяснилось, что этот выходец из Венгрии сам присвоил себе графский титул, служил во французском иностранном легионе, потом в других армейских частях, одно время был прикомандирован к Генеральному штабу. Эстергази, несомненно, работал на французскую разведку, выполняя и контрразведывательные функции — наблюдал за другими офицерами. Этот светский прожигатель жизни, бросивший жену и двоих детей, не брезговал ничем: он вымогал деньги у своих любовниц, случайных знакомых, мог то угрожать разоблачениями, то предлагать свои услуги барону Ротшильду, спекулировать на бирже, сотрудничать в реакционных изданиях, извлекать доходы из содержания фешенебельного публичного дома близ Гар-Лазар... Когда всего этого оказалось недостаточно, граф стал продавать военные секреты. Как рассказывает в своих воспоминаниях Шварцкоппен, проходимец состоял у него на службе с середины июля 1894 по октябрь 1897 г., получая ежемесячное жалованье в 2 тыс. марок. Конечно, этого последнего факта Пикар не мог знать, но он насторожился, когда его агент, немец из Берлина, сообщил, что французские военные секреты выдает какой-то офицер, последние 15 лет командовавший батальоном.

Данные слишком подходили к Эстергази. Это не могло не броситься в глаза Пикару, хотя ему было известно лишь немногое из второй, скрытой стороны жизни блестящего майора. В частности, до сведения Пикара дошло, что Эстергази обременен массой долгов. Но начальник Разведывательного управления не знал, что этот мот в то же время выступает и в роли кредитора. У него, как оказалось, давно уже занял 6 тыс. франков майор Анри, так и не удосужившийся вернуть такой немалый долг. Зато Анри поспешил уведомить своего великодушного друга о подозрениях Пикара. Эстергази, делая вид, что ему неизвестно о расследовании, начал поспешно заметать следы.

Пикар достал образцы почерка Эстергази. В августе 1896 г., ознакомившись с «делом Дрейфуса», подполковник был поражен полным отсутствием доказательств его виновности. Еще бо́льшим сюрпризом была схожесть почерка Эстергази с почерком автора «бордеро» Пикар

Суд над Карлом I

Карл II

Сцены из истории «папистского заговора»

Фуке

Кольбер

Арест Фуке д'Артаньяном

Крепость в Пинероле

PIGNEROL.

Вольтер

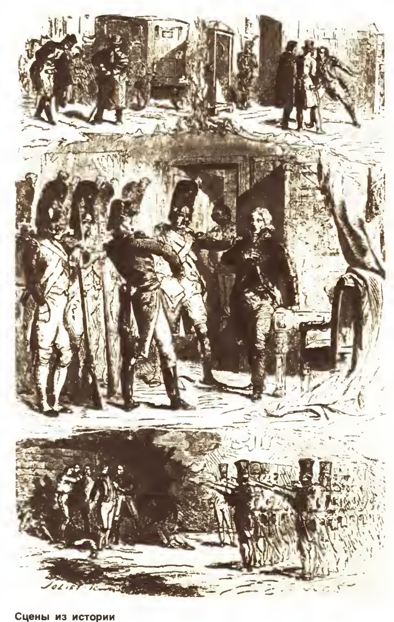
Вольтер обещает свою поддержку семье Каласа

Смерть Марата

Генерал Мале

Сцены из истории заговора Мале

Расстрел маршала Нея

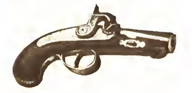
Театр Форда

Авраам Линкольн

Ложа в театре Форда, где был убит Линкольн

Оружие, из которого стреляли в Линкольна

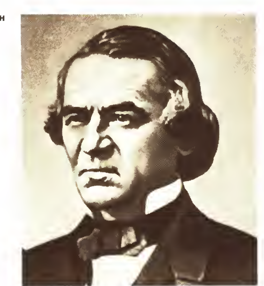

Э. Стентон

Л. Бейкер

Э. Джексон

У. Бутс

SURRAT. BOOTH. HAROLD.

War Department, Washington, April 20, 1865,

$100,000 REWARD!

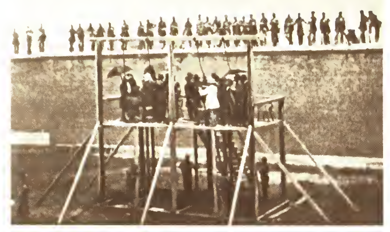
Плакат с обещанием награды в 100 тысяч долларов тому, кто укажет место пребывания убийц Линкольна. На плакате воспроизведен ложный портрет Д. Саррета и фотография Герολда в школьные годы

Л. Пейн

Д. Герολд

Казнь пятерых заговорщиков

Возвращение Д. Саррета в США

Процесс директоров Панамской компании

Процесс директоров Панамской компании. Скамья подсудимых

Разжалование капитана Дрейфуса

Полковник Пикар дает показания

Дрейфус во время суда в Руане

Полковник Шварцкоппен

Эстергази

Дю Пати де Клам

генерал Галиффе

Кавеньяк

генерал Мерсье

генерал Бийо

показал письмо Эстергази (не называя его автора) Бертийону — эксперту, который так безапелляционно уверял в 1894 г. всех в виновности Дрейфуса.

— Это почерк «бордеро»![46] — воскликнул удивленный Бертийон, не подозревая, какую медвежью услугу оказывает этим заявлением своим клиентам из военного министерства.

До начала августа Пикар вел расследование на свой страх и риск: это было служебное упущение, которое, впрочем, только и могло обеспечить успех следствия. 1 сентября подполковник подал начальнику Генерального штаба Буадефру докладную записку, фактически не оставлявшую места сомнению в том, что Эстергази работает на немецкую разведку и что это он написал «бордеро» в 1894 г. Ошеломленный генерал Буадефр отправил чрезмерно усердного офицера к своему заместителю Гонзу. Тот скрепя сердце разрешил Пикару продолжать расследование поступков майора Эстергази, однако без всякой связи с «делом Дрейфуса».

Сей любопытный приказ был отдан Гонзом 3 сентября 1896 г. В тот же день стала известной сенсационная новость: «Дрейфус бежал с Чертова острова!» Об этом оповестила своих читателей лондонская газета «Дейли кроникл». Ее сообщение было немедленно перепечатано парижской прессой. Известие оказалось ложным: публикация заметки в английской газете была результатом стараний брата Дрейфуса — Матье, не жалевшего ни денег, ни сил, чтобы снова привлечь общественное внимание к судьбе своего несправедливо осужденного брата.

Генералы сильно встревожились. Требуя от Пикара молчать, сами они, напротив, сочли все средства дозволенными для распространения ложных сведений о процессе Дрейфуса. 10 и 15 сентября 1896 г. в газете «Эклер», тесно связанной с военными кругами, появились две статьи под названием «Изменник». В них утверждалось, что имеются неопровержимые доказательства виновности Дрейфуса. При этом приводился текст письма, якобы посланного Шварцкоппеном Паниццарди, где прямо указывалось: «Решительно эта скотина Дрейфус становится слишком требовательным». Воспроизведя эту фальшивку, явно полученную из военного министерства, газета добавляла для большей убедительности: письмо было столь секретным, что его довели до сведения судей военного трибунала уже в совещательной комнате, в отсутствие адвоката. Однако тем самым анонимные поставщики материалов для статьи «Изменник» проговорились о грубом нарушении закона, допущенном по

приказу Мерсье при ведении процесса Дрейфуса. 18 сентября на этом основании жена Дрейфуса возбудила ходатайство о пересмотре дела.

Встревоженный генеральский муравейник стал проявлять следы лихорадочной активности.

...На парижской почте случайно было задержано письмо на имя бывшего капитана Дрейфуса с самым невинным содержанием. Однако между строк симпатическими чернилами был написан совсем другой текст: «Невозможно расшифровать последнее сообщение. Возобновите старый способ для ответа. Укажите точно, где находятся представляющие интерес документы и проекты, связанные с вооружениями. Актер готов действовать немедленно». Подделка была топорной, «невидимые» чернила были различимы еще до того, как бумагу подержали в тепле для проявления букв. Но ведь никто и не предполагал, что новый «документ», свидетельствовавший не только о виновности Дрейфуса, но и о том, что у него имелся сообщник (актер), попадет к ненадежным людям.

Однако и это было еще не все. Майор Анри, сфабриковавший первую бумагу, далее подделал письмо от 31 октября, якобы отправленное Паниццарди к Шварцкоппену и подписанное псевдонимом «Александрина». В нем итальянский военный атташе подчеркивал, будто он станет отрицать всякую связь с Дрейфусом, и просил, чтобы его немецкий коллега занял аналогичную позицию. Расчет Анри основывался на том, что французская контрразведка имела перехваченные подлинные письма Паниццарди к Шварцкоппену от 29 октября и 7 ноября. Фальшивка — письмо от 31 октября — была отредактирована таким образом, чтобы создалось впечатление, будто письмо продолжает предшествовавшее ему и предваряет последующее. Утром 1 ноября Анри поспешил с этим «документом», призванным покончить с любыми сомнениями, к генералу Гонзу и попросил не показывать новую бумагу подполковнику Пикару. Этот прозрачный намек был совершенно излишним. Фальшивку сфотографировали. Копии заверили Гонз и сотрудники контрразведывательного отделения Анри, Лот и архивист Грибелен[47].

Буадефр и Гонз к этому времени решили, что слишком опасно оставлять Пикара на его посту. А тут еще газета «Матэн» 10 ноября 1896 г. опубликовала фотографический снимок «бордеро», полученный от одного из участников экспертизы 1894 г. Генералы, с согласия военного министра Бийо, приписали Пикару разглашение секретных служебных материалов. Однако из осторожности ему не сообщили об этом обвинении, а просто

отправили в важную и спешную командировку. 26 декабря в Марселе его нагнал новый приказ — немедля ехать в Алжир и Тунис для организации разведывательной службы. Прибыв в Алжир, Пикар получил назначение — стал заместителем командира полка, который вел бои с арабскими партизанами. А тем временем майор Анри не оставался без дела, фабрикуя анонимные письма, будто бы исходившие от Пикара и призванные доказать, что он, подкупленный дрейфусарами, разбалтывает военные тайны.

В марте 1897 г., вырвавшись на неделю в Париж, Пикар наконец осознал, что против него тайно ведется кампания. 20 июня 1897 г. Пикар снова приезжает в столицу и на следующий день показывает своему другу адвокату Леблуа свою переписку с генералом Гонзом относительно Дрейфуса и Эстергази. Леблуа передает ее 13 июля вице-президенту сената Шереру-Кестнеру. Пока еще публично не названы имена ни Пикара, ни Эстергази, но дрейфусары уже знают имя действительного автора «бордеро». Оно им стало известно в результате того, что, увидев снимок этого письма в «Матэн», банкир Кастро сразу же узнал хорошо ему известный почерк майора.

В военном министерстве спешно создается секретный штаб в составе Гонза, Пати де Клама, Лота для борьбы с дрейфусарами. 18 октября Пати де Клам в письме, подписанном «Эсперанс», известил Эстергази о туче, нависшей над ним в результате разоблачений Пикара, а также о том, что дрейфусары собрали многочисленные образцы почерка майора. Потерявший от страха голову Эстергази помчался в германское посольство и потребовал от Шварцкоппена: «Дайте мне письменное заявление, что вы имели связи с Дрейфусом. Я вам буду взамен поставлять важные и всегда точные сведения». Это было фантастическое требование — признаться публично в том, что немецкое посольство занимается шпионажем! К тому же Шварцкоппен отнюдь не собирался способствовать затуханию разгорающегося во Франции политического скандала.

— Вы наглый негодяй! [48] — восклицает в ответ разгневанный полковник.

Эстергази настаивает, пытается шантажировать немца — он отлично знает любовницу Шварцкоппена, затем выхватывает револьвер и грозит застрелить сначала атташе, а потом самого себя. Но Шварцкоппен уже знает, чего стоит трусливый авантюрист, и просто выставляет его пинком за дверь...

Покровители не оставили майора в беде. Из посоль-

ства Эстергази спешит в парк Монсури, где закутанный в нелепо широкое пальто с приклеенной фальшивой бородой Пати де Клам и Грибелен в темных очках делают все, чтобы приободрить совсем приунывшего международного шпиона и предателя Франции. Подстрекаемый своими патронами, майор начинает требовать аудиенции у военного министра, забрасывает письмами его и президента республики Феликса Фора, явного антидрейфусара, требуя восстановления «попранной справедливости».

А подполковник Анри, набивший руку на фабрикации подложных писем, занялся теперь фальсификацией подлинного письма Шварцкоппена Эстергази. Документу придается другой вид. Теперь видно, что имя адресата — майор Эстергази — явно написано взамен другой фамилии, искажен и номер дома; отныне можно будет твердо уверять, что Пикар злоумышленно переделал какое-то, к тому же совсем невинное, письмо, чтобы обвинить Эстергази. (Анри и его коллеги упустили из виду, что Пикар с самого начала приказал снять фотокопии с письма.) Мало того, Анри подделывает и письмо Паниццарди к Шварцкоппену, написанное в марте 1894 г. В нем, между прочим, речь шла о некоем «Р», «доставляющем много интересных сведений». Чтобы фальшивка выглядела правдоподобнее, букву «Р» превращают в «D». К этому добавили и уже известное нам лжедоказательство Лебрена-Рено. Наконец, в первой половине ноября 1897 г. в дополнение к уже сфабрикованным материалам против Пикара Анри смастерил еще две телеграммы, якобы отправленные на имя подполковника, которые можно было бы инкриминировать ему, предав суду за преступное разглашение государственных секретов. Из этих депеш следовало также, что письмо Шварцкоппена Эстергази было подделано самим Пикаром. 11 ноября военный министр Бийо поручил Гонзу секретное расследование дела подполковника четвертого стрелкового полка Пикара.

Несколько позднее Анри совершил еще один подлог. У подполковника имелось письмо Паниццарди, сообщавшее, что итальянец получил сведения о французских железных дорогах, которыми мог располагать и Дрейфус. Отличное доказательство. Но вот беда: на письме стояла дата 28 марта 1895 г., когда Дрейфус уже был отправлен на Чертов остров. Оторвав вверху слева кусок бумаги, где была обозначена дата, Анри внизу поставил красными чернилами: «апрель 1894».

...Вечером 14 ноября в газете «Тан» (вышедшей с датой 15 ноября) было напечатано открытое письмо сенатора Шерера-Кестнера, где говорилось, что «бордеро»

написано не Дрейфусом, а другим лицом. 15 ноября 1897 г. в прессе появилось письмо Матье Дрейфуса на имя военного министра Бийо. В нем прямо говорилось, что «бордеро» написал Эстергази, и содержалось требование пересмотра приговора 1894 г. В ответ военный министр, генералы и контрразведчики довели до сведения националистической печати, что имеют убийственные материалы против Дрейфуса. Анри в ноябре 1897 г. уверял, что в их руках находится письмо самого Вильгельма II к графу Мюнстеру, удостоверяющее связь кайзера с Дрейфусом[49]. Реакционные журналисты лгали доверчивым читателям, будто сами видели письма германского императора, которые им показывали Буадефр и другие генералы[50]. Эти абсурдные вымыслы были рассчитаны лишь на отсталого, тупого обывателя. Попытки рьяных антидрейфусаров излагать подобные сказки на рабочих митингах вызывали лишь насмешки[51].

17 ноября военному коменданту Парижа генералу Пелье было поручено произвести расследование «дела Эстергази». Действуя с редкой оперативностью, Пелье уже через три дня доложил, что, конечно, майор Эстергази, вне всякого сомнения, невиновен. Совсем иначе отнеслись к Пикару, который также оказался под следствием. По приказу генерала Пелье в квартире Пикара произвели обыск, были вызваны на допрос видные дрейфусары. Однако военный следователь майор Ривари счел излишним осмотр апартаментов Эстергази. Там майор и принял таинственную «даму под вуалью». Вопреки французской пословице «Cherchez la femme» («Ищите женщину!») замаскированная особа при ближайшем рассмотрении оказалась подполковником Пати де Кламом, который руководил действиями Эстергази. Этот эпизод попал в печать и стал сенсацией. Вслед за этим бульварная газета «Фигаро» опубликовала старые письма Эстергази к одной из его многочисленных любовниц, в которых герой националистов и клерикалов поносил французский народ и французскую армию, писал, с каким восторгом, находясь во главе немецких уланов, он убил бы сто тысяч французов и отдал на поток и разграбление Париж. 30 ноября «Фигаро» воспроизвела фотокопию «уланского» письма и рядом снимок «бордеро» — разительное сходство почерков еще раз выявило автора «описи»[52].

10 января 1898 г. начался суд над Эстергази. Хорошо прирученные эксперты, конечно, заявили, что письмо не могло быть написано майором. На другой день, 11 января, судьям потребовалось всего три минуты, чтобы, побыв в совещательной комнате, затем единодушно вынести оправдательный приговор. А еще через два дня после

этого, 13 января, на всю Францию, на весь мир прогремела знаменитая статья Золя «Я обвиняю», опубликованная в радикальной газете «Орор». Он писал, что за осуждением Дрейфуса маячила тень реакции, клерикализма и оголтелой военщины. Великий писатель прямо обвинял военного министра Бийо, генерала Буадефра, его заместителя Гонза в организации темных махинаций, приведших к осуждению ни в чем не повинного человека и выгораживанию виновного.

После некоторых колебаний генералы, взбешенные статьей Золя, решают с согласия правительства привлечь писателя к ответственности. Как преступник, обходящий место преступления, военщина, чтобы не допустить обсуждения вопроса о процессе Дрейфуса, добивается обвинения Золя лишь за фразу, что судьи (в процессе Эстергази) действовали «по приказу». Ведь письменного приказа никто, конечно, не отдавал, доказать здесь ничего нельзя.

Монархисты и другие реакционеры объединились в злобном хоре, националистическая пресса разжигала страсти, именовала дрейфусаров гнусными изменниками родины, наемниками ее заклятых врагов. Антидрейфусары писали о «еврейском синдикате», располагающем миллионами. На деле, как свидетельствует, в частности, Леон Блюм, крупная и средняя еврейская буржуазия из-за своих эгоистических целей выступала против пересмотра «дела Дрейфуса»[53]. А Ротшильдов прямо уличили в финансировании антисемитской прессы. Правая печать раскопала, что в числе предков Золя были итальянцы, газета «Либр пароль» обозвала писателя «венецианским поставщиком порнографии». Кампанию против «предателей» активно поддерживали Ватикан, иезуитский орден. К антидрейфусарам примыкала большая часть правых республиканцев и республиканского центра. На стороне же дрейфусаров были часть либеральных республиканцев, большинство радикалов во главе с Клемансо и социалистов во главе с Жаном Жоресом. Другая часть социалистов пошла за Ж. Гедом. Осуждая оппортунистические ошибки остальных социалистических групп, она заняла сектантскую позицию: объявила о своем нейтралитете, поскольку, мол, рабочему классу нет дела до судьбы «буржуа» Дрейфуса. Как будто бы дело шло только о Дрейфусе!

В течение более чем двух недель, с 7 по 23 февраля, происходил суд над Золя. Организаторы процесса делали все возможное, чтобы не допустить обсуждения вопроса о «деле Дрейфуса». Это, однако, оказалось невозможным. Сам Золя, обращаясь к присяжным, говорил: «Из моего

письма взяли одну лишь строчку для того, чтобы на ней построить мое осуждение. Такой прием представляется не чем иным, как юридически хитросплетенным маневром, который, я снова повторяю, недостоин истинного правосудия»[54]. Отвечая на демагогию генералов, адвокат Лабори в своей речи предостерегающе заявил: «Ведь все чувствуют, что этот человек — честь Франции... Золя пораженный — это Франция, поражающая сама себя!»[55]

Правда, все красноречие Лабори не могло повлиять на исход процесса. Золя был приговорен к максимальному наказанию — 3000 франков штрафа и трем годам тюрьмы. (Чтобы не попасть за решетку, писатель вынужден был уехать в Англию, продолжая оттуда вести борьбу.) Итак, гражданский суд подтвердил по существу решения военного суда. Вскоре Пикар был изгнан из армии, Шерер-Кестнер еще в январе 1898 г. не был переизбран сенатом на пост вице-председателя верхней палаты.

На парламентских выборах в мае 1898 г. антидрейфусары, плывшие на мутной волне шовинизма, добились крупных успехов.

...7 июля 1898 г. перед членами палаты депутатов предстал тощий, нескладный субъект с впалой чахоточной грудью, в узком мешковатом сюртуке; жесты и воспаленный взгляд выдавали человека, одержимого тщеславием. Это был военный министр Эжен-Гоффруа Кавеньяк, сын палача парижских рабочих, восставших в июне 1848 г., который решил поразить и покорить палату своим анализом «дела Дрейфуса».

Радикал, стремящийся попасть в тон монархической реакции, озлобленный, циничный маньяк, разыгрывающий из себя спасителя отечества, он мечтал о роли добродетельного диктатора.

Не называя по фамилии Шварцкоппена и Паниццарди (они фигурировали лишь как лица, с успехом занимавшиеся шпионажем), военный министр зачитал фальшивки Анри. Палата встретила бурными аплодисментами выступление Кавеньяка и постановила разослать текст речи во все департаменты. Знал ли Кавеньяк, что он оперирует фальшивками? Во всяком случае это отлично понял Пикар, объявивший 9 июля в открытом письме председателю Совета министров Бриссону о подложности представленных парламенту материалов. Кавеньяк в ответ потребовал от министерства юстиции возбудить против Пикара обвинение в разглашении государственной тайны. Однако вместе с тем, желая покончить с «делом Дрейфуса», Кавеньяк решил вопреки советам встревоженных генералов пожертвовать Эстергази. Он был уволен из армии. 25 июля Пикар публично обвинил

Пати де Клама в сообщничестве с Эстергази. Характерно, что в тот же день Гонз, сославшись на состояние здоровья, ушел со своего поста. Буадефр сказался больным и не появлялся в Генеральном штабе.

У Кавеньяка были в это время далеко идущие планы. 11 августа он предложил арестовать по обвинению в заговоре видных дрейфусаров — Матье Дрейфуса, Шерера-Кестнера, Деманже, Лабори, бывшего министра Трарье.

Обессиленный бумеранг

Еще в апреле 1898 г. Анри было поручено составить досье, включающее все документы, относящиеся к «делу». Одним из его помощников стал капитан Кюинье, выказывавший, как и все генштабисты, твердую уверенность в виновности Дрейфуса. Осталось невыясненным, по каким мотивам Кюинье все же не счел нужным покрывать фальсификации Анри. Вечером 13 августа, рассматривая под лампой оригинал письма Паниццарди, где Дрейфус был назван по имени, капитан разглядел, что оно склеено из трех кусков бумаги разных цветов. Отрывок, содержащий строки, где был упомянут Дрейфус, оказался написанным на бумаге другого цвета. Иначе говоря, Анри разрезал это письмо и вклеил в середину нужный ему текст. Фальсификатор, видимо, не обратил внимания на несовпадение цвета бумаги, вернее, рассчитывал, что фальшивка никогда не попадет в руки человека, готового разоблачить подлог. (То обстоятельство, что никто не заметил подлога до Кюинье — или, вернее, до того, как это понадобилось Кавеньяку,— было настолько подозрительным, что капитану пришлось давать длинные объяснения: разный цвет бумаги, мол, возможно разглядеть, только если смотреть на документ в затемненной комнате при электрическом свете.)

Кюинье через генерала Роже, связанного с министром, поспешил доложить о сделанном открытии. Кавеньяк приказал Роже и Кюинье пока никому ничего не говорить об этом. Молчание, которого требовал Кавеньяк, легкообъяснимо: в эти дни шел процесс Пикара, как раз указавшего, что документы, которые были зачитаны Кавеньяком в парламенте, являются подделкой. Кроме того, было важно тайно сговориться обо всем с Мерсье и другими генералами, распределить роли в новом акте драмы.

После обвинительного приговора, вынесенного 20 августа Пикару, военный министр начал действовать. Вызванный им 30 августа полковник Анри пытался

вначале обвинить в подделке Пикара, но потом сознался, был арестован и отправлен в крепость Мон-Валерьен под Парижем (а не в военную тюрьму, как этого требовали правила). По дороге в тюрьму Анри сказал сопровождавшему его полковнику Фери: «Какое несчастье, что я должен был действовать вместе с такими жалкими людьми. Они — причина моей беды». Уже в тюремной камере Анри написал жене: «Я вижу, что все, кроме тебя, отреклись от меня, и вместе с тем ты знаешь, в чьих интересах я действовал». На другой день, 31 августа, Анри нашли мертвым, с перерезанным бритвой горлом. Наложил ли он на себя руки, или от автора фальшивок, как опасного свидетеля, решили отделаться с помощью фальшивого самоубийства? Ведь по правилам заключенным не оставляли бритву. Известно, что помимо письма к жене (где Анри, между прочим, уверял, что подделка — «копия» какого-то подлинного документа) арестованный написал еще ранее в присутствии свидетелей письмо генералу Гонзу с просьбой навестить его в тюрьме. Наконец, через несколько часов Анри набросал второе письмо жене. Это было несколько фраз, написанных человеком, находившимся в крайнем возбуждении. Не исключено, что из писем Анри сохранили лишь те, которыми подтверждалась версия о самоубийстве.

Поступок капитана Кюинье, до конца остававшегося в лагере крайних реакционеров и антидрейфусаров, объяснили его честностью. Так ли это? Материалы его личного архива, во всяком случае в той мере, в какой их использовала дочь Кавеньяка в неоднократно цитировавшейся выше книге, не дают на этот вопрос ответа[56].

Тем не менее возможно представить себе и другое объяснение. Дело шло об изменении тактики, ставшем необходимым в условиях нараставшего возбуждения в стране. Решили пожертвовать Анри, так же как Эстергази, Пати де Кламом, а впоследствии и Кюинье, которого «вытолкнули» в отставку. Наиболее скомпрометированные лица — Буадефр, Пелье — отошли в тень. (Между прочим, генерал Пелье свою просьбу об отставке мотивировал тем, что он был «одурачен бесчестными людьми». Генерала уговорили взять назад этот компрометирующий документ: Кавеньяк скрыл его от премьер-министра[57].) Подделки, которые с минуту на минуту могли быть обнаружены и без участия Генерального штаба, объяснили тем, что военные власти имеют какие-то другие, действительно сверхсекретные и неопровержимые доказательства справедливости приговора 1894 г. Разоблачая этот маневр, Жан Жорес восклицал с негодованием: «И эти бандиты, у которых в одном только деле Дрейфуса на

счету восемь признанных, бесспорных фальшивок, имеют дерзость требовать от нас доверия» [58].

К перемене тактики военщину могли побуждать многие обстоятельства. Слухи о темных делах Эстергази множились. Генерал Галиффе позднее, 5 декабря 1898 г., выступая свидетелем в кассационном суде, показал, что его старый знакомый английский генерал Талбот, шесть лет занимавший должность военного атташе во Франции, заявил ему в мае 1898 г.: «Генерал, я не знаю ничего о деле Дрейфуса. В течение всего времени, пока я находился во Франции, я не был с ним знаком. Но я удивлен, видя на свободе майора Эстергази, потому что все мы, военные атташе во Франции, знали, что за один или два тысячефранковых билета майор Эстергази мог доставить нам сведения, которые невозможно получить в министерстве» [59].

До сих пор официальные немецкие опровержения относительно того, что Дрейфус никогда и ни с кем из германских представителей не состоял в связи, носили слишком формальный характер, чтобы быть убедительными. В германских правящих кругах считали выгодным продолжение «дела», явно ослаблявшего международный престиж Франции. В сентябре 1898 г. государственный секретарь Бюлов выражал надежду, что «дело еще более усложнится, армия развалится и Европа будет шокирована» [60]. Правда, канцлер Гогенлое склонялся к мысли о желательности разоблачения игры антидрейфусаров [61]. Шварцкоппен и Паниццарди, если бы их правительства сочли это выгодным, в любую минуту могли раскрыть игру французских «патриотов». Именно опасаясь таких разоблачений, антидрейфусары пытались безрезультатно шантажировать Паниццарди и Шварцкоппена вплоть до их отъезда из Парижа. В отношении Шварцкоппена этим занялся еще осенью 1897 г. аферист Лемерсье-Пикард. Он помогал Анри подделывать документы и по его поручению постоянно угрожал немецкому полковнику опубликованием различных фальшивок, а также писем Шварцкоппена к его любовнице. 3 марта 1898 г. Лемерсье-Пикарда нашли повесившимся в своей комнате; осталось неизвестным, было ли это убийство или самоубийство [62]. Надо добавить, что вообще несколько важных свидетелей скончались при неясных обстоятельствах. Капитан Аттель, якобы присутствовавший при «признании» Дрейфусом своей вины капитану Лебрен-Рено, был найден мертвым в поезде; такой же подозрительной была смерть секретаря Анри — некоего Лориме и т. д. [63]

Можно было опасаться, и с полным основанием, любых неожиданностей со стороны Эстергази. К тому же

майора привлекли еще раз к суду, на этот раз гражданскому. Героя националистов обвиняли теперь просто в воровстве большой суммы денег, которые его племянник попросил положить в банк[64]. Майор сообразил, что Анри избран козлом отпущения и что следующей будет очередь его, Эстергази. «А я по своей природе питаю непреодолимое отвращение к роли жертвы,— писал немного позднее многоопытный жулик...— Мой отъезд был решен»[65]. Налегке, как бы отправляясь на прогулку, он сел на дачный поезд, потом пересел на другой, пересек бельгийскую границу и вскоре очутился в Лондоне. Это произошло 1 сентября, через сутки после того, как Анри нашли мертвым в его камере.

В первые дни после разоблачения фальшивки Анри реакционную прессу поразил столбняк. Но она вскоре с новым рвением развернула кампанию против пересмотра «дела Дрейфуса». Идеолог монархистов Шарль Моррас, обращаясь к тени Анри, писал в «Газетт де Франс» 7 сентября 1898 г.: «Ваша злополучная фальшивка будет считаться в числе ваших самых славных военных подвигов». Он добавлял: «Наше порочное, полупротестантское воспитание мешает нам осознать подобное интеллектуальное и моральное благородство». Моррас обрушивался на «палачей» своего героя, «членов синдиката измены»[66] Правые газеты уверяли, что эта фальшивка — единственная среди подлинных документов, что она представляет собой запись «устных разведывательных данных», что она была сфабрикована после вынесения приговора Дрейфусу и, следовательно, не может бросить тень на решение военного суда. Была организована подписка на сооружение памятника Анри. Среди жертвователей было пять генералов, находившихся на действительной службе, то и дело мелькали фамилии видных представителей духовенства, один из которых присовокупил к своему дарению записку, гласящую: «Кровь полковника Анри вопиет об отмщении»[67]. Самый опасный для генералов свидетель Пикар, быть может, спас себе жизнь, заявив: если его найдут подобно Анри в камере с перерезанным горлом, пусть не считают это самоубийством.

Немало хлопот доставлял реакционному лагерю и его прежний любимец Эстергази. Очутившись в Лондоне, бывший майор решил подороже продать газетам свои признания — секретную историю «дела Дрейфуса». С этой целью Эстергази предпочел сбывать свои секреты по частям, каждый раз подбрасывая новый пикантный материалец к уже известным фактам. Демонстрируя мертвую хватку, он начал с горделивых утверждений: «Я

не намерен торговать государственными секретами, я предоставляю это Дрейфусу и Пикару»[68]. Это означало, что Эстергази хотел получить настоящую цену. После того как первый урожай гонораров был снят, в ход пошли более серьезные вещи. Еще в интервью английской газете «Обсервер» Эстергази уверял, что он написал «бордеро» по указанию полковника Сандерра; об этом знал и Анри, но, к сожалению, оба этих лица мертвы и не могут подтвердить его слова. «Бордеро» было составлено, чтобы скомпрометировать Дрейфуса. Против него у Генерального штаба не было вещественных доказательств, хотя было известно от французских разведчиков, что Берлин получает сведения, которые якобы только Дрейфус мог сообщить, поэтому они и были перечислены в «бордеро»[69]. Войдя во вкус разоблачений, авантюрист не жалел крепких эпитетов для своих бывших патронов, именуя их не иначе как ослами, кретинами, лицемерами (употреблялись и более сильные выражения). В другом случае Эстергази заявил — и на этот раз он говорил правду,— что генералы с самого начала знали о невиновности Дрейфуса и отнюдь не являлись жертвами обмана со стороны недобросовестных подчиненных.

Французские националистические газеты, обливая помоями своего вчерашнего кумира, в свою очередь доказывали, что «негодяй Эстергази подкуплен дрейфусарами» (об этом до сих пор бездоказательно пишут реакционные историки). Следует лишь добавить, что и дрейфусары, в большинстве своем буржуазные либералы, обличая отдельных представителей военщины, не очень стремились к тому, чтобы вскрыть корни провокации, затеянной Генеральным штабом в 1894 г.[70]

Кавеньяк, спекулируя на том, что именно он разоблачил фальшивку Анри, надеялся, что ему удастся воспрепятствовать пересмотру «дела Дрейфуса». Однако надежды его не оправдались. Кавеньяк подал в отставку. Просьба о пересмотре, посланная женой Дрейфуса, была принята уголовной палатой кассационного суда Франции. В свою очередь Генеральный штаб начал новую сложную игру. Было назначено дополнительное расследование роли Пикара, в результате которого выдвинуто требование предать его военному суду за... мнимую подделку «бордеро» — письма Шварцкоппена к Эстергази. С другой стороны, капитан Кюинье и его начальник майор Роллен, сменивший Анри на посту шефа контрразведки, выдвинули новое и, как позднее выяснилось, опять ложное доказательство виновности Дрейфуса.

Среди бумаг, конфискованных у Дрейфуса в 1894 г., имелся экземпляр секретного курса, прочитанного в

военной академии. В копии якобы отсутствовало несколько страниц. Именно эти страницы, оказывается, были найдены в документах, похищенных одним французским агентом у первого секретаря германского посольства. Эту линию Кюинье вел и на заседании Уголовной палаты.

Тем не менее становилось все более очевидным, особенно после того как были заслушаны показания Пикара, что Уголовная палата кассационного суда вынесет решение о пересмотре дела. В попытке помешать принятию решения антидрейфусары провели через палату депутатов и сенат резолюцию, по которой рассмотрение дела было изъято из ведения Уголовной палаты и передано объединению всех палат кассационного суда.

3 июня 1899 г. в Лондоне Эстергази дал интервью корреспонденту «Матэн». Он снова подтвердил, что является автором «бордеро» и что Сандерр, Бийо, Буадефр и Гонз знали об этом с самого начала. В тот же день, 3 июня 1899 г., кассационный суд единодушно постановил, учитывая вскрывшиеся факты, аннулировать приговор 1894 г. и — уступка националистам — передать дело на новое рассмотрение военного трибунала [71]. Несмотря на лихорадочную агитацию, манифестации, погромы «изменников», положение антидрейфусаров стало очень непрочным. Первоначально в правых партиях усилились крайние, экстремистские элементы [72], но потом даже многие консервативные деятели типа Пуанкаре и Барту сообразили, что дальнейшая безоговорочная защита махинаций скомпрометировавших себя главарей военщины может повредить их политическому будущему, и в своих выступлениях изменили тон [73].

В церковных кругах, в частности среди иезуитов, тоже стали опасаться, как бы «дело Дрейфуса» не превратилось в бумеранг, который ударит по клерикализму, и пытались поэтому нащупать почву для соглашения с дрейфусарами [74]. Беспокойство стал негласно выражать даже папа Лев XIII [75]. Начались всевозможные передвижки и тайные сделки среди различных группировок дрейфусаров и антидрейфусаров, многие из них по беспринципности и карьеризму вполне стоили друг друга. 25 июня 1899 г. был образован кабинет Вальдека-Руссо, именовавший себя правительством «защиты республики». В него наряду с военным министром Галиффе — одним из палачей Парижской коммуны — впервые вошел оппортунистски настроенный социалист Мильеран.

И вот наконец 7 августа 1899 г. открылись заседания военного суда в Ренне, куда Дрейфуса доставили с Чертова острова. «Он выглядит стариком, стариком

39 лет»,— писал корреспондент «Таймс». Процесс велся с откровенным пристрастием. Генералы и офицеры, выступавшие свидетелями, ежедневно держали совет, распределяя задания. Другие офицеры — члены военного трибунала прилагали немалые усилия для претворения этих планов в жизнь. Суд ставил всяческие рогатки защите. Чуть ли не третируемые генералами, семеро судей являли собой жалкое зрелище[76]. Прокурор майор Карьер выглядел просто ординарцем «свидетеля» — генерала Мерсье. Ряд свидетелей-офицеров теперь, в Ренне, повинуясь дирижерской палочке генералитета, показывали прямо противоположное тому, что говорили ранее. Военные пытались бросить тень на все действия Пикара, обвиняя его в подлогах, которые столь обильно фабриковал Генеральный штаб. Генерал Роже, холеный шестидесятилетний жуир, сидевший по правую руку Мерсье, то пытался запутать, сбить с толку свидетелей защиты, то сам старался сплести новую сеть лжи, куда был бы затянут обвиняемый. Или еще один генерал, Делуа, длинный, худощавый, на коротких ножках, с плешивой головой в форме редьки, старавшийся, панибратствуя с судьями, убедить их в том, что выдать секреты «бордеро» мог только артиллерист Дрейфус.

Еще до открытия процесса Мерсье громогласно объявил, что он на этот раз скажет абсолютно все. Это «все» на деле оказалось более чем легковесным. Генерал не смог изобрести ничего более остроумного, чем объявить подложными все документы, сличение которых с «бордеро» выявило, что его автором был Эстергази. Письмо с фразой «эта каналья Д.», конечно, относится к Дрейфусу. Бывший военный министр пустился на такой подлог, на какой не рискнул никто из его коллег. Он объявил, что в 1894 г. окончательно убедился в виновности Дрейфуса после прочтения документа, касающегося железных дорог. Ложь была особенно грубой, так как бумага эта была написана в марте 1895 г., когда Дрейфус уже находился на Чертовом острове, и лишь благодаря фальсификации документа, совершенной Анри, отнесена к весне 1894 г. Мерсье уверял, будто из-за захваченных тайных документов, уличавших Дрейфуса в шпионаже, в начале 1895 г. Германия грозила войной (Казимир Перье, бывший в 1895 г. президентом, опроверг это, обвинив генерала во лжи). Даже крайне правая газета «Оторите» 15 августа писала с горечью: «Если нет другой амуниции, не стоит инсценировать такие процессы»[77]. Не лучший вид имел и генерал Буадефр, ссылавшийся на показания Лебрена-Рено. Был подготовлен целый парад сознательных или бессознательных лжесвидетелей. Бывший австрийский

офицер Чернуский уверял, будто, еще находясь на службе, он узнал от своего друга — высокопоставленного военного, что Дрейфус являлся наиболее важным агентом во Франции. Возникло серьезное подозрение, что эти показания Чернуского были оплачены «секцией статистики» Генерального штаба. Последующая проверка — уже в 1904 г. — выяснила, что действительно производились траты на неизвестные цели.

Начальник контрразведки майор Роллен ко времени начала суда уже понял, что новая улика против Дрейфуса, открытая Кюинье, тоже подделка. Оказалось, что экземпляр секретного курса, читавшегося в 1890—1892 гг., изъятый у Дрейфуса, содержал все листы в целости, тогда как в бумагах секретаря германского посольства находились страницы, вырванные из курса, который читался в 1892—1894 гг. Однако Роллен уклонился от того, чтобы сообщить об этом факте военному суду...

Дрейфуса защищали два адвоката, оба великолепные ораторы, Деманже и Лабори, выступавший и на процессе Золя. Деманже пытался вести дело так, будто речь шла об обыкновенном уголовном процессе. Точным анализом несостоятельности улик он надеялся добиться понимания его позиции со стороны членов военного трибунала (как будто перед ним находились беспристрастные судьи!) и оправдательного приговора. Лабори своим великолепным ведением судебного следствия вызывал яростную ненависть клерикалов и военщины. В него даже стреляли, ранили, и он из-за этого десять дней не мог принимать участия в заседаниях. Суд ему всячески ставил палки в колеса. «Я констатирую,— говорил с горечью Лабори,— что меня лишают слова всякий раз, как только я увлекаю противника на почву, на которой он бессилен оказывать мне сопротивление» [78].

Генерал Мерсье накануне процесса бросил наглый вызов: «В этом деле, несомненно, кто-то является виновным, и этот кто-то либо он, либо я. Если не я, значит, Дрейфус». Но адвокаты в Ренне по существу не приняли генеральского вызова. Деманже даже заявил, что нет нужды представлять, будто речь идет о выборе между Мерсье и Дрейфусом [79]. Лабори тоже был готов считать осуждение Дрейфуса результатом ошибки. Иначе надо было обвинять в циничном подлоге весь цвет французского генералитета. А сколько раз Лабори пропускал случаи выявить роль «свидетеля обвинения» Мерсье как главного преступника, хотя свое отступление адвокат скрывал под фейерверком острых, как бритва, замечаний и остроумных полемических выпадов. Получалось, что блестящие

адвокаты Дрейфуса объективно неплохо защищали, выводили из-под огня и действительных преступников, организаторов судебного фарса 1894 г.

Судьи в частных разговорах разъясняли, что, хотя официальный обвинительный материал и не содержит доказательств измены Дрейфуса, имеются другие данные, создающие уверенность в его виновности [80]. Военный трибунал (большинством в пять голосов против двух) объявил Дрейфуса виновным, но со смягчающими вину обстоятельствами и приговорил к десяти годам тюрьмы. Такое решение куда более устраивало правительство Вальдека-Руссо, чем реабилитация, которая могла выдвинуть на первый план неприятный вопрос об ответственности генералов. Военный министр Галиффе явно решил защищать Мерсье, а это привело бы к новому министерскому кризису [81]. Правительство уверяло лидеров дрейфусаров, что можно рассчитывать на оправдательный приговор, и тем самым побудило их более или менее пассивно ждать исхода процесса [82].

Еще в феврале 1899 г., за несколько месяцев до вторичного разбора «дела Дрейфуса», скоропостижно умер президент Фор. Его нашли мертвым в объятиях особы не очень строгих нравов. Как сообщал русский посол Урусов в Петербург, утром Фор вел заседание Совета министров, а вечером около 10 часов скончался «на руках у очаровательной мадам Стэнлейн». (В день его похорон главарь «Лиги патриотов» Дерулед сделал неудачную попытку произвести государственный переворот.) Шовинисты кричали на всех перекрестках, что президент Фор пал жертвой темного заговора сторонников пересмотра «дела Дрейфуса», но доказать это было довольно затруднительно... Лидер радикалов Клемансо, напротив, на другой день заявил вполне категорически в своей газете: «Во Франции даже не стало одним мужчиной меньше... Я высказываюсь за Лубе».

Новый президент был опытным политиканом. В прошлом он был замешан в панамском скандале. На улицах президента приветствовали ироническими возгласами: «Да здравствует Панама!» Мастер улаживать дела на основе компромисса, Лубе помиловал осужденного, освободив от отбывания оставшегося ему срока наказания. Еще ранее был выпущен из тюрьмы Пикар. Но «дело» оказалось еще далеко не законченным. «Французский генеральный штаб в деле Дрейфуса печально и позорно ославил себя на весь мир» [83].

Отдельные буржуазные политики сообразили, что остервенелые выпады католических, монархических и шовинистических газет против дрейфусаров вовсе не

приводят к уменьшению их политического влияния, скорее даже наоборот. Урок был усвоен и учтен при проведении ряда антиклерикальных законов. Премьер-министр радикал Э. Комб, вспоминая о яростных нападках церковников, которым он подвергался за проведение этих законов, не без удовольствия замечает в своих «Мемуарах», что о нем писали как о самом свирепом гонителе христианства, как о «Нероне, Диоклетиане, Юлиане Отступнике. Они видели во мне,— добавлял Комб,— более чем прислужника ада, более чем самого сатану. Я был антихристом»[84]. Националисты кричали, что происходит «дрейфусаровская революция». Парламентские выборы в 1902 и особенно в 1906 г. кончились тяжелым поражением правых партий.

В апреле 1903 г. Жан Жорес потребовал в палате депутатов нового пересмотра дела помилованного, но нереабилитированного Дрейфуса. Правительство Комба высказалось за пересмотр. Военный министр генерал Андре приказал произвести новое изучение «досье» Дрейфуса. Были выяснены ранее оставшиеся неизвестными подделки Анри. На этот раз появились и подлинная экспертиза, и показания ранее молчавших политиков, дополнительно прояснившие картину. В марте 1904 г. Уголовная палата кассационного суда приняла решение о принятии к рассмотрению вопроса о пересмотре дела. Он был решен на объединенной сессии всех палат кассационного суда, аннулировавшей приговор военного трибунала в Ренне. Дрейфус был по решению парламента снова принят в армию, прикомандирован в чине майора к Генеральному штабу и награжден орденом Почетного легиона, но немедленно подал в отставку. Пикар был возвращен в армию в чине бригадного генерала. Еще один герой «дела», Эмиль Золя, к этому времени уже умер. В июне 1908 г. его прах перенесли в Пантеон.

«Дело», длившееся целых 12 лет (до 1906 г.), на этот раз было закончено, хотя и теперь только формально. Французская буржуазия сочла выгодным для себя передать временно власть в руки радикалов и левого центра. Это был маневр, во многом связанный с поиском новых, более эффективных мер против рабочего движения[85]. Но как раз в борьбе против социализма буржуазные политики всех толков быстро находили общий язык. Организаторы «дела Дрейфуса» остались безнаказанными. А разве не характерна судьба одного из главных лидеров дрейфусаров, радикала Жоржа Клемансо? «Тигр» Клемансо, низвергатель правых кабинетов, именовавший Мерсье «главой бандитов», а военное министерство — «разбойничьим притоном», через несколько лет в качест-

ве министра внутренних дел и потом премьер-министра беспощадно подавлял рабочие забастовки. А военным министром в кабинете Клемансо стал Пикар. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. Клемансо превратился в живое олицетворение французского империализма.

В «деле» нет неясностей в отношении роли самого Дрейфуса. В последующие годы своей жизни он вернулся на некоторое время на военную службу и проявил себя тем, кем был всегда,— добросовестным, заурядным офицером, вполне разделявшим предрассудки своей касты, человеком с кругозором и взглядами среднего буржуа. Тем не менее в истории «дела» сохранилось еще достаточно белых пятен. Даже продолжающиеся поиски во французских архивах приводят лишь к новым недоумениям. Так, чья-то «заботливая» рука стерла в бумагах, написанных генералом Гонзом и другими главными участниками драмы, отдельные слова, а то и целые фразы. А следов некоторых документов, значащихся в архивных описях, вообще нельзя обнаружить [86].

Некоторые западные историки пишут, что два лагеря — антидрейфусары и дрейфусары — во многом предвосхищают Францию вишистов, сотрудничавших с Гитлером в годы фашистской оккупации, и Францию движения Сопротивления [87]. Как всякие сравнения, и это условно.

Борьба вокруг «дела Дрейфуса», никогда не прекращавшаяся, ныне вспыхнула в исторической литературе с новой силой.

В 1955 г. были изданы ранее не публиковавшиеся части дневника известного дипломата Мориса Палеолога. В нем утверждается, что Эстергази был лишь агентом «Х» одного высокопоставленного военного, который в момент, когда делалась запись в дневнике (в 1899 г.), еще командовал войсками. Ухватившись за свидетельство Палеолога, консервативные авторы попытались обелить французский генералитет. Характерным примером может служить книга А. Жискар д'Эстэна «От Эстергази к Дрейфусу» [88]. Путем сложных сопоставлений автор этой книги уверяет, что «Х» — это Мерсье, что Эстергази был агентом-двойником, дурачившим по его приказанию немцев, что Дрейфусом пришлось пожертвовать во имя действительно патриотических целей и что вдобавок все генералы, кроме военного министра, не знали правды и были искренне убеждены в виновности Дрейфуса. Никаких документальных подтверждений в пользу этой версии нет, а тезис о неосведомленности генералов прямо опровергается фактами. Тем не менее в самые последние годы такие домыслы излагаются снова и снова, превра-

тившись в главный прием обеления роли «патриотов» из Генерального штаба. В 1964 г. опубликовала объемистую книгу дочь Кавеньяка[89], пытавшаяся на основе личных архивов своего отца и майора Кюинье доказать старые тезисы реакционных газет вроде тех, что Пикар был агентом-провокатором, засланным «синдикатом» дрейфусаров в Генеральный штаб, и пр. Опубликованы работы, выдвигавшие предположение, будто шпионом был сам Анри или эльзасец капитан Лот, которые, однако, могли действовать только под покровительством какого-то более высокопоставленного лица[90]. Если Эстергази был действительно агентом-двойником, то непонятно, почему об этом не было известно Пикару. После бегства в Лондон Эстергази мог быть действительно подкуплен, но только не дрейфусарами, которым не имело никакого смысла этого делать, а антидрейфусарами. Иначе чем объяснить, что Эстергази явно многого не договаривал. Высказывалась гипотеза, что «бордеро» было подброшено французам немецкой разведкой, знавшей об утечке информации из германского посольства в Париже[91].

Хотя в «деле Дрейфуса» остается еще немало загадок, общий его политический смысл, ясный уже современникам, вполне подтверждается всеми серьезными новейшими исследованиями. «Дело Дрейфуса» наложило заметный отпечаток на всю политическую жизнь Франции вплоть до начала войны 1914—1918 гг.[92]

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Использование оружия политического процесса как формы подавления политических противников очень неравномерно распределяется по странам и эпохам. Для этого нужны были не только острота политических конфликтов, которая в разные времена побуждала прибегать и к различным методам наказания врагов, а прежде всего определенные условия. К политическому процессу обращались в том случае, когда власти ощущали необходимость заручиться поддержкой общественного мнения, когда, наконец, судебная форма политического подавления превращалась в своего рода устойчивый обычай, нарушение которого было невыгодным для правительства. К политическому процессу прибегали обычно отнюдь не потому, что не было других способов расправы с противником, а потому, что это оказывалось наиболее удобной формой.

Процессы сыграли свою немалую, хотя всегда подчиненную роль в большинстве узловых событий нового и новейшего времени: в ликвидации феодальной раздробленности и возникновении централизованных абсолютистских государств, в попытках абсолютизма воспрепятствовать торжеству революций и в борьбе победившей буржуазии против своих противников «справа» — феодалов и «слева» — трудящихся масс, прежде всего пролетариата, в утверждении буржуазно-демократических порядков и в замене их в ряде стран фашистскими, диктаторскими режимами. Политические процессы сопровождали создание, развитие и распад колониальной системы капитализма. Они являлись спутниками милитаризма, контрреволюционных интервенций и попыток завоевания мирового господства.

Насколько многообразны были внутренние и внешние причины, в силу которых преследование политических противников приобретало форму судебных процессов, настолько и сами эти процессы получали различное значение для характеристики режимов и правительств, их организовывавших. Даже там, где они являлись традиционной и поэтому наиболее удобной, законной формой политического преследования (например, в ряде

стран с развитыми буржуазно-демократическими институтами), к оружию политического процесса обращались скорее в виде исключения: лишь тогда, когда не было под рукой другого средства или когда суд мог быть превращен в удобное орудие компрометации противника. Обычно же у правительства находились другие способы если не прямого уничтожения противника, то исключения его в той или иной форме из политической жизни.

Помимо этих наиболее распространенных форм политических процессов история знает множество других. Известны процессы как форма разрыва со старым строем (процессы Карла I, Людовика XVI), как одна из сторон политики политического террора (во время ранних буржуазных революций), как средство сопротивления одной из борющихся политических сил, которая «окопалась» в судебных учреждениях, против ее соперников в других органах государственного аппарата. Были процессы, которые завершали разоблачение действительного или мнимого заговора (английские процессы XVI—XVII вв.), и были процессы, являвшиеся по существу формой политического заговора («дело Дрейфуса»). Организовывались процессы с целью наказать за политическое убийство и, наоборот, спасти от наказания тех, кто направлял руку убийцы (процессы в связи с убийством А. Линкольна или Д. Кеннеди в США). Часто оружие судебного процесса использовалось для борьбы против революционной общественной мысли, против научных доктрин, подрывавших старое мировоззрение, для насильственного внедрения единомыслия и духовного конформизма, угодного реакционному правящему классу. А еще чаще — для разжигания расовой и национальной вражды, консервации отсталых предрассудков, для оправдания агрессивных планов в отношении соседних стран, для удушения свободы печати, обоснования контрреволюционного интервенционизма и для многих других столь же реакционных целей.

Существовало немало частных различий между феодальным и буржуазным судами. Но значительно больше было сходства, даже в те периоды, когда феодальный суд расправлялся с противниками «слева», с представителями буржуазии, а буржуазный суд, напротив, обрушивался на врагов «справа», из лагеря феодальной реакции; особенно же когда и тот и другой служили орудием подавления трудящихся масс. Единственным частичным исключением являлся суд в годы ранних буржуазных революций, когда он в определенной степени выражал общенародные интересы.

Процессы могут в одних случаях «подводить итоги»

политической борьбы, а в других (когда она еще далеко не закончена) служить оружием в руках группировки, обладающей государственной властью, которую у нее активно оспаривают.

Обвиняемым в политических процессах инкриминируется нарушение существующей законности (даже если они на деле действовали в ее рамках), подлинное или мнимое покушение на национальные, классовые, моральные и этические ценности той группы населения, интересы которой защищались властью или на которую эта власть стремилась оказать идеологическое воздействие с помощью своей судебной машины.

Политические процессы не только фиксировали сложившееся соотношение политических сил. Они были средством изменения этого соотношения в пользу организаторов процессов (точнее говоря, в пользу тех, кто выходил победителем в судебных сражениях, а ими порой становились не судьи, а подсудимые).

При изучении истории политического процесса важно определять, кто непосредственно являлся его вдохновителем и организатором. Им могла быть и законодательная, и исполнительная, и судебная власть. В случае если инициатива исходила не от последней, необходимо учитывать, в какой мере организаторы процесса (монарх, парламент, правительство) контролировали действия судебной власти, ибо от этого нередко зависели ход и исход процесса.

В отношении каждого процесса следует различать: формальное обвинение, выдвигавшееся его организаторами против подсудимого; действительное обвинение (т. е. ту вину, за которую преследовали подсудимого); внутриполитические и внешнеполитические цели, которые ставили себе организаторы процесса. В истории встречались все мыслимые совпадения и несовпадения формального обвинения, действительного обвинения и политической цели. В политических процессах ярко отразилось представление каждой эпохи о прерогативах монарха и его подданных (точнее, различных категорий этих подданных), правительства и граждан, о дозволенном и запрещенном в политике — опять-таки с точки зрения центральной власти и лиц, находящихся на различных ступенях социальной лестницы (поскольку это касается феодального общества) и относящихся к разным сословиям. Речь шла при этом не о каком-то на деле соблюдаемом «кодексе поведения», а о постоянно нарушаемых (причем прежде всего самой властью) нормах, которые тем не менее оставались своеобразной шкалой для оценки политических поступков.

Хотя в общественном сознании, начиная еще с эпохи Возрождения, четко прослеживается мысль о несовместимости морали и политики, организаторы процессов неизменно пытались представить действительное или мнимое нарушение этих политических норм как покушение не только на существующие законы, но и на основы религии, нравственности и права. Границы между одобряемым, терпимым и воспрещаемым были очень подвижны — сдвигались даже представления о том, что являлось государственной изменой. Значительная часть того, что входило в понятие государственной измены в Англии в XVI в., считалась бы терпимым, или даже нормальным, законным действием и в XIV, и в XIX веках.

Выбирая оружие политического процесса, отказываясь по различным причинам (невозможность, неудобство, соображения пропагандистского характера и т. п.) от внесудебных способов расправы с противниками, правительство в то же время не всегда бывало склонно действовать с открытым забралом. Иногда даже отрицалось, что этот процесс политический, его изображали в виде обычного уголовного дела. Бывало и наоборот, когда обычные уголовные дела тенденциозно представлялись в виде политических преступлений. Мы уже не говорим о тех особых случаях, когда политический процесс являлся формой, с помощью которой тех или иных лиц пытались спасти от ответственности за совершенные преступления.

Признания в несовершенных преступлениях не обязательно вырывались пыткой или страхом перед ней или перед варварской «квалифицированной» казнью. Самооговоры были нередко следствием как раз полного отсутствия какого-либо несогласия подсудимых с правительством, какого бы то ни было сочувствия любой оппозиции, если таковая вообще существовала. Иначе говоря, самооговоры могли быть лишь своеобразной формой лояльности.

Жертвы ложных обвинений при Генрихе VIII уже на эшафоте шли на клятвопреступление, которое, по распространенному тогда мнению, отнимало всякую надежду на спасение души, чтобы угодить власти, пославшей их на смерть. А при Карле II в своих предсмертных заявлениях осужденные были готовы идти на клятвопреступление, чтобы создать затруднения своим политическим противникам, если не самому правившему монарху. Из сказанного отнюдь не следует, что обвинения, «подтверждаемые» самооговорами из лояльности, не имели никакого политического значения. При рассмотрении группы таких процессов в совокупности обычно выявляется, что иногда кажущийся нелепым и лишенным цели судебный

террор в действительности имел смысл именно своей бессмысленностью, невозможность понять причины репрессий подавляла волю, немотивированность преследований подчас и приводила к слепой покорности.

В эпоху империализма политические процессы были формой судебных репрессий, проводившихся финансовым капиталом как при сохранении им буржуазно-демократических форм своего господства, так и при переходе к методам открытой террористической диктатуры. Если речь шла об авторитарных и фашистских режимах, то открытые политические процессы, как правило, проводились, точнее, инсценировались ими либо в начальный период господства, либо в момент приближавшегося краха. В остальное время и прямая расправа с врагами режима, и попытки морально-политической их дискредитации осуществлялись другими путями. Достаточно напомнить, что начало гитлеровского господства в Германии было ознаменовано известной провокацией — поджогом рейхстага и столь же провокационным Лейпцигским процессом, с помощью которого нацисты пытались свалить вину за свое преступление на коммунистов и оправдать дикую оргию террора против всех противников кровавой фашистской диктатуры. А в последние месяцы существования «третьего рейха» устраивались суды над участниками заговора 20 июля 1944 г., организуя которые гитлеровская клика стремилась подавить всякое сопротивление своей политике продолжения войны. Между этими зловещими политическими пропагандистскими судилищами, да и во время их происходили аресты, преследования, пытки и казни сотен тысяч, а потом миллионов людей, уничтоженных нацистскими людоедами без всякого суда и следствия.

Политические процессы были одним из средств поддержания буржуазной законности, а также методом ее ликвидации правящей олигархией, когда становились стеснительными учрежденные ею самой формы правопорядка. С этим непосредственно связано также огромное расширение официально признанных полномочий как исполнительной, так и судебной власти, которыми они наделялись на основании чрезвычайного законодательства, чаще принимавшегося в годы войны, но в более или менее замаскированном виде сохранявшего действие и в мирное время.

Совмещение судебных и внесудебных форм репрессий — характерная черта политики реакционной буржуазии в современную эпоху. Оно воплощается в сближении и переплетении функций учреждений, осуществляющих различные виды политического террора против народа.

Как правило, несудебные органы занимались подготовкой последующей судебной расправы. Достаточно напомнить об американской практике фабрикации обвинений, произвольных арестов, добывания «доказательств» с помощью «допроса третьей степени», т. е. превращения пытки в главное оружие следствия. Не менее характерным являлся также соответствующий подбор судей и присяжных, нередко путем прямого нарушения существующего законодательства, и другие аналогичные способы обеспечения «нужного» хода и исхода судебного процесса. Растущее подчинение судебных органов центральной исполнительной власти — главному уполномоченному монополистического капитала — приводит к еще более тесному переплетению судебных и административных методов расправы. Этому немало способствует также непосредственное подчинение определенных звеньев судебного и полицейского аппарата той или иной финансовой группировке, контролирующей иногда обширные районы страны, например целые штаты в США.

Разумеется, было бы неправильным представлять, что все, или почти все, политические процессы являлись следствием террористических действий против народа. Наоборот, они отражали не только основные, но и все многочисленные производные противоречия буржуазного общества, в частности острую борьбу между различными слоями и политическими группировками внутри правящих классов. Невиданно расширилась «география» политических процессов, появлялись все новые мотивы для их проведения, своеобразно отражавшие идеологический «климат» эпохи.

Целью многих судебных процессов была поддержка политики разжигания и проведения двух мировых войн, которые империализм обрушил на человечество в XX в., подготовки третьей мировой войны. Политические процессы были средством, многократно пускавшимся в ход в различных капиталистических странах, чтобы побороть оппозицию против колониальных войн и контрреволюционных интервенций. Никогда еще в истории оружие политических процессов не ставилось на службу столь поистине бесчеловечной политике, глубоко противоречащей жизненным интересам всех народов, как в эпоху империализма.

Империалистическая буржуазия берет на вооружение те формы борьбы против прогресса, которые применялись реакционными силами на протяжении всей истории человечества. Очень символичным был, казалось бы, частный факт, на первый взгляд выглядевший почти курьезом, — преследование теории эволюции Дарвина в

главной стране капитализма — США. Речь идет о получившем печальную известность во всем мире «обезьяньем процессе».

Обскуранты и их союзники отнюдь не сдали своих позиций и впоследствии, пытаясь провести «законы против эволюции» в Калифорнии, Аризоне и Техасе. Закон, запрещающий преподавание теории Дарвина, формально остается в силе в Теннесси и по сей день. Такой же закон существует в штате Миссисипи. В мае 1966 г. — через тридцать восемь лет после «обезьяньего процесса» — аналогичный билль приняли в Арканзасе, но он не вступил в действие, так как был признан противоречащим конституции[1]. Однако и в конце 1968 г. Верховный суд Арканзаса продолжал рассматривать вопрос о том, допустимо ли знакомство детей в школах, расположенных на территории штата, с дарвинизмом[2]. Более чем через полвека после «обезьяньего процесса», в октябре 1980 г., во время кампании по выборам президента, Р. Рейган неоднократно публично осуждал теорию Дарвина.

И совсем не случайно преследование в США в годы «холодной войны» лиц, придерживавшихся прогрессивных убеждений, получило средневековое название «охота за ведьмами». Оно метко передавало суть маккартизма, который в конце 40-х и начале 50-х годов использовал как оружие политических процессов, так и процедуру инквизиторских допрссов в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и в других подобных ей судилищах (комиссии по «проверке лояльности» государственных служащих, преподавателей высшей школы и т. д.).

Многие процессы, хотя они проводились судами определенных государств, становились фактором поистине международного значения (например, суд над Сакко и Ванцетти в США, Лейпцигский процесс в Германии). Характерно также, что это международное значение они приобретали вопреки воле организаторов указанных процессов.

Летопись послевоенных политических процессов открывается процессом над главными германскими военными преступниками. История Нюрнбергского процесса еще жива в памяти старшего поколения людей, с нею знакомятся на школьной скамье. Все это известно читателю по многим хорошо написанным работам, специально посвященным этому процессу[3]. Впервые в истории преступников судил Международный военный трибунал, состоявший из представителей четырех держав антифашистской коалиции — СССР, США, Англии и Франции, выражавший волю народов, действовавший по уполномо-

чию совести всего человечества[4]. И судил за поистине международные по масштабам преступления, за агрессию, за гибель десятков миллионов людей, за геноцид — политику физического истребления целых народов. Только в нацистских лагерях смерти было уничтожено 12 млн. человек. На Нюрнбергском процессе, проходившем с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г., на 403 его заседаниях было выявлено, какую ответственность несли за все эти злодеяния Геринг, Риббентроп, Розенберг, Кейтель, Кальтенбруннер и другие нацистские лидеры.

16 октября 1946 г. приговоренные к смерти главари гитлеровской Германии были казнены. Часть подсудимых трибунал приговорил к длительному или пожизненному тюремному заключению. На Нюрнбергском процессе был вскрыт подлинный характер всей кровавой политики фашизма, доказана преступность нацистской партии, гестапо, эсэсовцев, штурмовиков. Членство в этих организациях по решению Международного трибунала уже само по себе было объявлено преступлением, наказание за которое является правом и обязанностью судебных органов любого государства.

Суд над главными японскими военными преступниками, происходивший после окончания второй мировой войны, явился прямым продолжением Нюрнбергского процесса.

Не случайно международная реакция, прежде всего американская, западногерманские реваншисты и неонацисты уже много лет подряд ведут кампанию клеветы против решений Международного военного трибунала, пытаясь посеять сомнение в справедливости вынесенного им приговора. Кампания против решений Нюрнбергского процесса была и остается частью политики реакционных сил ФРГ по избавлению нацистских преступников от возмездия за совершенные ими преступления.

В послевоенные годы проходили суды над предателями родины, коллаборационистами — приспешниками фашистских оккупантов и соучастниками кровавых расправ, которые творились захватчиками. Суды над изменниками проходили едва ли не во всех западноевропейских государствах, освобожденных от фашистской оккупации. Внутриполитическая обстановка, сложившаяся в этих странах после освобождения, наложила свой отпечаток на ход этих процессов и исход большинства из них.

Процессы над коллаборационистами были одной из тех мер, на которые пошла буржуазия, уступая нажиму со стороны народных масс. Правда, при этом реакция спасла от преследования большинство преступников, яв-

ляющихся соучастниками злодеяний гитлеровских оккупантов. В ряде стран Западной Европы были ликвидированы трибуналы, созданные движением Сопротивления, возвращены полномочия многим судьям-коллаборационистам. Соглашаясь на предание суду наиболее ненавистных представителей политики национальной измены, консервативные силы стремились провести эти политические процессы таким образом, чтобы помешать раскрытию классовой сущности политики коллаборационизма, что неизбежно стало бы обвинительным приговором для всей крупной буржуазии. Именно поэтому процессы над главными прихвостнями фашистских захватчиков были порой характерны не тем, что на них говорилось, а тем, о чем умалчивалось, не доказательствами измены подсудимых, не столкновениями обвинения и защиты, а совместным, обоюдным стремлением прокуроров и адвокатов обойти «скользкие» вопросы. Процессы над коллаборационистами являются одним из многих примеров, когда суд должен был служить лишь маскировкой преступлений реакции.

Многообразие мотивов проведения политических процессов возрастало по мере того, как увеличивалось разнообразие форм, методов, оттенков, запутанных перипетий политической борьбы внутри буржуазных стран и на международной арене. Новейшая история знает и стремление различных фракций правящего класса с помощью судебных процессов переложить на одну из них или на отдельных лиц вину за совместно осуществленное национальное предательство, и попытки таким путем доказать разрыв с фашистским прошлым, которого в действительности не произошло, спасая при этом от ответственности главных преступников (процессы над нацистами в ФРГ), и желание «судебным путем» «переписать» в свою пользу недавнюю историю, обосновать свою империалистическую политику в отношении той или иной страны и т. д. Известны также многочисленные случаи попыток замаскировать истинную суть политического процесса или даже отрицать его политический характер, придав ему вид уголовного дела (процессы, связанные с политическими убийствами в США, начиная с 1963 г.). Бывали процессы, инсценированные с пропагандистскими целями, суды, во время которых скрывалась связь обвиняемых с заграницей, и суды, когда измышлялась такая связь. Нередко многие цели переплетались при проведении процессов.

Надо всегда учитывать большую роль, сыгранную в фабрикации процессов политической полицией. И дело здесь вовсе не в моральных и деловых качествах поли-

цейских, как это утверждают отдельные западные историки. Во-первых, комплектование полиции и ее действия определяются социальным строем и общественной атмосферой в стране, господствующей системой идейных ценностей и ориентировок поведения. А во-вторых (это признают и некоторые новейшие западные исследователи), моральный облик личного состава полиции мало влияет на ее реальную роль в жизни общества. Казалось, что полиция Веймарской республики в Германии 1919—1932 гг. обладала множеством «положительных» качеств — высокой профессиональной подготовкой, относительной независимостью от местных политиканов, меньшей степенью продажности, чем полиция в других западных странах, и т. п. На практике же полицейские стали активным орудием сил, расчищавших нацистским преступникам путь, и после прихода Гитлера к власти в своем подавляющем большинстве перешли в карательные органы нацистской диктатуры. Например, из 100 гестаповцев Кобленца только 10—15 не служили в полиции Веймарской Германии[5].

На течение политического процесса оказывали большое, порой решающее влияние различные факторы — считали ли судебные власти необходимым придерживаться (хотя бы формально) требований существующей законности, или она отбрасывалась, как только становилась помехой для достижения цели процесса. Другими словами, шла ли речь о действительном процессе или только об инсценировке судебного разбирательства? Существовала ли в стране (или за рубежом) явная или тайная оппозиция, способная спутать карты организаторов процесса? С этим обычно бывало тесно связано и другое важнейшее обстоятельство: являлся ли подсудимый уже заранее сломленной жертвой, послушно играющей отведенную ему роль на суде, или активным противником, стремящимся так или иначе воспрепятствовать тому течению судебного следствия, которое было заранее намечено обвинением; насколько осведомлены и правдивы были свидетели, допущенные на суд.

Только комбинация всех этих факторов, окрашенных спецификой идеологии эпохи, особенностями сложившейся обстановки, создает общий облик судебной драмы, определяет ее основные контуры, общественный смысл, политические результаты и нравственные итоги. Однако, как общее правило, процесс должен был в большей или меньшей мере не устанавливать, а скрывать истину. Об этом неопровержимо свидетельствует история политических процессов как одного из орудий господства правящих классов эксплуататорского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

СУДЕБНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

[1] См. *Жебелев С. А.* Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919, с. 97—99; *Свентицкая И. С.* Запрещенные евангелия. М., 1965, с. 133—134.

[2] *Hoehner H. W.* Herod Antipas. Cambridge, 1972, p. 248

[3] Цит. по: *Лопухин А. П.* Законодательство Моисея. СПб., 1882, с. 301—302.

[4] См. *Немоевский А.* Бог—Иисус. Пг., 1920, с. 129, и др. Ср. *Древс А.* Миф о Христе, т. I. М., 1923, с. 51—52. Современная марксистская наука, отвергая астрально-символические гипотезы (иногда довольно натянутые), признает вместе с тем большие заслуги мифологической школы в изучении новозаветных источников. *Кубланов М. М.* Новый завет. Поиски и находки. М., 1968, с. 204—210, и др.; *его же.* Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974, с. 168—172; *Крывелев И. А.* Что знает история об Иисусе Христе. М., 1969, с. 68—69.

[5] См. Гёте И. В. Собрание сочинений, т. X. М., 1937, с. 199.

[6] *Isorny J.* Le vrai procès de Jesus. Paris, 1967, p. 40, 43; *Nunes D.* Judas, Traidor ou Traído. Rio de Janeiro, 1968, p. 213.

[7] *Winter O.* On the Trial of Jesus. Berlin, 1961; *Schonfield H. J.* The Passover Plot. New light on the History of Jesus. London, 1965; *Brandon S.* The Trial of Lesus of Nazareth. London, 1968; *Carmichael J.* Leben und Tod des Jesus von Nazareth. Frankfurt am Main, 1968 (первое англ. издание—1962); *Wilson W. R.* The Execution of Jesus. New York, 1970.

[8] *Brandon S.* Jesus and the Zealots. A Study of the Political Factor in Primitive Christianity. Manchester, 1967, p. 334—341; *Brandon S.* The Trial of Jesus of Nazareth.

[9] *Maccoby H.* Revolution in Judaea. Jesus and Jewish Resistance. New York, 1973, p. 159, 166.

[10] Ibid., p. 164.

[11] *Гейне Г.* Полное собрание сочинений в двенадцати томах, т. III. М., 1939, с. 187 (пер. М. Михайлова).

[12] *Sède G.* Les Templiers sont parmi nous ou l'énigme de Gisors. Paris, 1962.

[13] *Bastid P.* Les grands procès politiques de l'histoire. Paris, 1962, p. 90; Le procès des Templiers. Trad. par R. Oursel. Paris, 1959.

[14] *Krück von Poturzyn J.* Der Prozess gegen Templer. Ein Bericht über die Vernichtung des Ordens. Stuttgart, 1963, S. 83.

[15] *Геккертон Ч. У.* Тайные общества всех веков и всех стран, ч. I. СПб., 1876, с. 238.

[16] *Le Couteulx de Canteleu J.* Les sectes et sociétés secrèts. Paris, 1964, p. 102—103.

[17] *Le Forrestier R.* La franc-maçonnerie templière et occultiste au XVIII-e et XIX-e siècles. Paris, 1970, p. 942—944.

[18] Le procès de Savonarole. Paris, 1957; *Riche M.-L.* Le drame de Savonarole. Paris, 1967.

[19] *Raknem I.* Joan d'Arc in History, Legend and Literature. Oslo, 1971.

[20] *Райцес В. И.* Процесс Жанны д'Арк. М., 1964; *Bouissounouse J.* Jeanne et ses jugés. Paris, 1955.

[21] *Gerard A.-M.* Jeanne la mal jugée. Paris, 1955, p. 348—349.

[22] *Pernoud R.* Vie et mort de Jeanne d'Arc; les témoignages du procès de réhabilitation. Paris, 1953.

[23] *Garçon M.* Les deux mystères de Jeanne d'Arc.— Miroir de l'histoire, janvier 1965, p. 73.

[24] *Grimod J.* Jeanne d'Arc a-t-elle été brûlée? Paris, 1952, p. 31.

[25] *Weill-Raynal E.* Le double secret de Jeanne la Pucelle. Paris, 1972, p. 189—190.

[26] *Pasteur C.* Les deux Jeannes d'Arc. Enquête et débat contradictoire. Paris, 1962, p. 13—14.

[27] *Bourassin E.* Jeanne d'Arc. Paris, 1977, p. 311—312.

[28] *Grimod J.* Op. cit., p. 73—76.

[29] Ibid., p. 83—84.

[30] Ibid., p. 86—87.

[31] *Bourassin E.* Op. cit., p. 314.

[32] *Decaux A.* Grands secrets, grandes énigmes. Paris, 1966, p. 23.

[33] *Pasteur C.* Op. cit., p. 138.

[34] *Grimod J.* Op. cit., p. 117, 120—121, 127—133.

[35] *Weill-Raynal E.* Op. cit., p. 109, 112.

[36] Ibid., p. 57.

[37] *Grandeau J.* Jeanne insultée. Procès en diffamation. Paris, 1973, p. 213—215.

[38] *Weill-Raynal E.* Op. cit., p. 105.

[39] *Bosler J.* Jeanne d'Arc—était elle la soeur de Charles VII? Marseille, 1955; *Pasteur C.* Op. cit., p. 24—28, 33—37.

[40] Например, *Grandeau J.* Op. cit., p. 47.

[41] См., например, *Steinbach H.* Jeanne d'Arc. Wirklichkeit und Legende. Göttingen, 1973, S. 30; *Fabre L.* Jeanne d'Arc. Paris, 1977, p. 181—184, e. a.

[42] *Weill-Raynal E.* Op. cit., p. 31—32.

[43] *Bancal J.* Jeanne d'Arc Princesse Royale. Paris, 1971, p. 240—249.

[44] *Guitton G.* Les deux énigmes de Jeanne d'Arc.— Historia, Mai 1962, N 186, p. 658; *idem.* Problème et mystère de Jeanne d'Arc. Paris, 1961.

[45] *Weill-Raynal E.* Op. cit., p. 28—29.

[46] *Grandeau J.* Op. cit., p. 230—232.

[47] Ibid., p. 183, 224—225.

[48] Ibid., p. 241, 315—316.

[49] Ibid., p. 227.

[50] *Smith H.* Joan of Arc. New York, 1973, p. 179.

[51] *Prasteau J.* Le nouveau proces de Jeanne d'Arc.— Le Figaro littéraire, 4—5 Mai 1970, N 1250, p. 17.

[52] О существовании Лже-Жанны были осведомлены уже историки в XVIII в., цитировавшие, в частности, дневник парижского буржуа, в котором рассказывалось о разоблачении самозванки. См., например, De la lecture des livres françoises, Pt. 3. Paris, 1780, p. 266.

[53] См. *Сабов А.* Жанна д'Арк и Европа.— Новый мир, 1980, № 9.

МЕТАМОРФОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

[1] *Lander J.* The Wars of Roses. London, 1966; *Storey R. L.* The End of the House of Lancaster. London, 1966.

[2] *Raine M.* The War of Roses. Exeter, 1972, p. 101.

[3] *Lamb V. B.* The Betrayal of Richard III. London, 1965, p. 6.

[4] *Мор Т.* Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973. Ср. *Осиновский И. Н.,* Мор. Т. Утопический коммунизм, гуманизм и реформация. М., 1978, с. 96, и др.

[5] Richard the Third. The Great Debate. London, 1965; *Kendall P. M.* Richard the Third. London, 1956; *Lamb V. B.* Op. cit.; *Chrimies S. B.* Lancastrians, Yorkists and Henry VII. London, 1964; *Williamson H. R.* Historical Enigmas. London, 1974; *Jenkins E.* The Princes in the Tower. London, 1978, e. a.

[6] См. *Семенов В. Ф.* Огораживание и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949; Ср. *Cornwall J.* Revolt of the Peasantry 1549. Boston, 1977.

[7] *Shrewsbury J. F.* Henry VIII. A Medical Study.— Journal of the History of Medicine, Spring 1952.

[8] *Pollard A. F.* Henry VIII. London, 1905, p. 346.

[9] *Elton G. R.* Henry VIII. An Essay in Revision. London, 1962, p. 26.

[10] *Bowle J.* Henry VIII. A Biography. London, 1964, p. 19.

[11] *Scarisbrick J. J.* Henry VIII. London, 1969.

[12] *Bruce M. L.* The Making of Henry VIII. London, 1977.

[13] *Kelly H. A.* The Matrimonial Trials of Henry VIII. Stanford (California), 1976, p. 1, 22.

[14] *Bellamy J.* The Tudor Law of Treason. London, 1979, p. 42.

[15] *Smith L. B.* English Treason Trials and Confessions in Sixteenth Century.—Journal of the History of Ideas, October, 1954, vol. XV, N 4, p. 474—475.

[16] *Elliot-Benns L.* The Reformation in England. London, 1966, p. 54.

[17] *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. London, 1955, p. 152—153; *Hexter J. H.* Reaprraisals in History. London, 1967, p. 25.

[18] *Parmiter G.* The King's Great Matter. A Study of Anglo-Papal Relations 1527—1534. London, 1967, p. 300.

[19] *Fergusson C.* Naked to Mine Enemies. The Life of Cardinal Wolsey. Boston, 1951, p. 52, Ср. *Cavendish G.* The Life and Death of Cardinal Wolsey. London, 1959.

[20] *Paul J. E.* Catherine of Aragon and Her Friends. London, 1966, p. 191.

[21] *Guy J. A.* The Public Career of Sir Thomas More. New Haven, 1980.

[22] *Ames R.* Citizen Thomas More and His Utopia. Princeton, 1949, p. 20—21, 72.

[23] Часть историков считает, что Кромвель был против расправы с Мором (*Elton G. R.* England under the Tudors. London, 1956, p. 136—140).

[24] См. *Диксон В. Г.* Две королевы Англии. Екатерина Арагонская и Анна Болейн, т. 4. СПб., 1875, с. 206.

[25] *Bowle J.* Op. cit., p. 182.

[26] *Albert M. H.* The Divorce. A Re-examination by an American Writer of the Great Tudor Controversy. London, 1966, p. 223.

[27] *Elton G. R.* Policy and Police. The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell. Cambridge, 1972, p. 400—419; *Perret J. D. M.* The Trials of Sir Thomas More.— English Historical Review, LXXIX (1964).

[28] *Coulton G.* Inquisition and Liberty. Boston, 1959, p. 280.

[29] *Hughes P.* The Reformation in England, vol. 1. New York, 1951, p. 281.

[30] См. *Диксон В. Г.* Указ. соч., с. 232—233.

[31] *Scarisbrick J. J.* Op. cit., p. 350.

[32] Быть может, обвинение Анны в неверности не было целиком вымышленным. *Williamson J. A.* The Tudor Age. London, 1953, p. 138—139; *Harrison D.* Tudor England. London, 1953, p. 88; *Reed Brett S.* The Tudor Century. 1485—1603. London, 1962, p. 87; *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 73—74; *Scarisbrick J. J.* Op. cit., p. 349—350. По мнению некоторых историков, этим во многом определялась позиция Т. Мора в отношении второго брака Генриха VIII. Вероятно, Мору было известно, что Анна изменяла королю и что не он являлся отцом ребенка (будущей Елизаветы), которому предстояло вскоре родиться. По-

вндимому, Анна, убедившись, что она не может иметь ребенка от мужа, решила любой ценой стать матерью законного (в глазах всех не посвященных в тайну) наследника престола.

[33] *Bellamy J.* Op. cit., p. 188—226.

[34] *Jones W. R. D.* Commonwealth 1529—1559. London, 1970, p. 43—49.

[35] *Morris C.* The Tudors. London, 1955, p. 88.

[36] *Wielding P.* Thomas Cromwell. London, 1955, p. 157.

[37] *Bowle J.* Op. cit., p. 204.

[38] *Scarisbrick J. J.* Op. cit., p. 349.

[39] *Ridley J.* Thomas Cranmer. London, 1962, p. 107—111.

[40] *Mattingly G.* Op. cit., p. 23.

[41] *Dickens A. G.* Thomas Cromwell and the English Reformation. New York, 1959, p. 11.

[42] *Elton G. R.* Reform and Reformation England, 1509—1558. Cambridge (Mass.), 1977, p. 294—295.

[43] *Wernham R. B.* Before the Armada. The Growth of English Foreign Policy. 1485-1588. London, 1966, p. 146—147.

[44] *Hughes P.* Op. cit., p. 366.

[45] *Scarisbrick J. J.* Op. cit., p. 376—380.

[46] *Harrison D.* Op. cit., p. 98.

[47] *Mathew D.* The Courtiers of Henry VIII. London, 1970, p. 167

[48] *Bowle J.* Op. cit., p. 231.

[49] *Elton G. R.* Reform and Reformation England, p. 294.

[50] *Scarisbrick J. J.* Op. cit., p. 380—382.

[51] *Ridley J.* Op. cit., p. 236—239.

[52] *Lockyer R.* Tudor and Stuart Britain 1471—1714. London, 1965, p. 101; *Reed Brett S.* Op. cit., p. 105.

[53] *Hackett F.* Henry the Eighth. New York, 1945, p. 380, 397, 405; *Martiensen A.* Queen Katherine Parr. New York, 1973, p. 216—218.

[54] *Harbinson E. H.* Rival Ambassadors of the Court of Queen Mary. Princeton, 1940, p. 197.

[55] *Loades D. M.* The Reign of Mary Tudor Politics, Government and Religion in England, 1553—1558. London, 1979, p. 456.

[56] *Robertson W.* The History of Scotland During the Reign of Queen Mary and of King James VI, vol I. London, 1776, p. 286.

[57] *Bingham C.* The Making of a King. The Early Years of James VI and I. Garden City (New York), 1969, p. 22—23.

[58] *Caraman Ph.* The Other Face. Catholic Life under Elizabeth. London, 1960; *Pritchard A.* Catholic Loyalism in Elizabethan England. Chapel Hill, 1979.

[59] *Phillips J. E.* Images of a Queen. Mary Stuart in Sixteenth Century Literature. Berkeley, 1964, p. 206—207.

[60] *Fleming D. H.* Mary Queen of Scots. London, 1897, p. V.

[61] *Oncken W.* Vorwort.— *Bekker E.* Maria Stuart, Darnley, Bothwell. Griessen, 1881, p. X.

[62] *Donaldson G.* The First Trial of Mary Queen of Scots. New York, 1969, p. 138—139.

[63] *Cardauns H.* Der Sturz Maria Stuart. Köln, 1883, S. 23.

[64] *Wiesener L.* Maria Stuart er le comte de Bothwell. Paris, 1863, p. 531.

[65] Один нз современннков, лорд Герриc, сообщал в мемуарах, что лорды нашли не пнсьма Марнн, а ее собственную клятвенную запись участвовать в убийстве Дарнлея.— *Hosack J.* Mary Queen of Scots and Her Accusers, vol. I. London, 1870, p. 351.

[66] *Goodall W.* An Examination of the Letters Said to Be Written by Mary Queen of Scots to James Earl of Bothwell, vol. I. Edinburgh, 1754, p. 1.

[67] Ibid., p. 80—83, 101.

[68] *(Tytlet W.)* Recherches historiques et critiques 6ur les principales

preuves de l'accusation intentée contre Marie Stuart... Paris, 1772, p. 5.
[69] *Hosack J.* Op. cit., p. 233.
[70] *Gordes H.* Geschichte der Königin Maria Stuart. Gotha, 1885, S. 440—497; *idem.* Streitfragen zur Geschichte der Königin Maria Stuart. Gotha, 1886; *Sepp B.* Tagebuch der unglücklichen Shotten Königin Maria Stuart. München, 1882; *idem.* Die Kassetenbriefe. München, 1884.
[71] *Karlowa G.* Maria Stuart's angebliche Briefe an Grafen J. Bothwell. Heidelberg, 1886, S. 5, 7—8, 14, 16, 62.
[72] *Petrick A.* Die Briefe der Königen Maria Stuart an der Grafen Bothwell. St. Petersburg, 1873, S. 25—26.
[73] *Henderson T. F.* The Casket Letters and Mary Queen of Scots. Edinburgh, 1889, p. 105—107.
[74] *Armstrong-Davison M. H.* The Casket Letters. A Solution of the Mystery of Queen of Scots and the Murder of Lord Darnley. London, 1965.
[75] См., например, *Минье М.* История Марии Стюарт, ч. I. СПб., 1863, с. 194—195.
[76] */Meneval L./* La verité sur Marie Stuart d'après les documents nouveaux. Paris, 1877, p. 102—103.
[77] *Sitwell E.* The Queens and the Hive. London, 1966, p. 239—240.
[78] *Stuart G.* The History of Scotland from the Establishment of the Reformation till the Death of Queen Mary, vol. I. London, 1782, p. 198—199, 206—217, 209—211, 213—215, 218, 223, 229—230, 295—296.
[79] См., например, *Karlowa O.* Op. cit., S. 36.
[80] *Cardauns H.* Op. cit., S. 35.
[81] *Petit J.-A.* Histoire de Marie Stuart, t. 1. Paris, 1876, p. 273; */Meneval L./.* Op. cit., p. 106.
[82] *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 104.
[83] *Lang A.* The Mystery of Mary Stuart. London, 1901, p. 139.
[84] *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 106—109.
[85] *Miller A.* Sir Henry Killigrew. Elizabethan Soldier and Diplomat. Leicester, 1963.
[86] *Rowse A. L.* Ralegh and the Trockmortons. London, 1962, p. 47—49.
[87] *Williams N.* Elizabeth I. London, 1975, p. 50.
[88] *Hume M.* Treason and Plot. London, 1901.
[89] *Hicks L.* Strange Case of Dr. William Parry.—Studies, Dublin, September 1948, N 147.
[90] *Donaldson G.* Op. cit., p. 219.
[91] *McLockie D.* The Political Career of the Bishop of Ross 1558—1580.—University of Birmingham Historical Journal, 1954, vol. IV, N 2, p. 110.
[92] *Edwards F.* (S. J.). The Marvellous Chance. Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk and the Ridolfi Plot. 1570—1572. London, 1968, p. 9.
[93] *Read C.* Lord Burghley and Queen Elizabeth, vol. II. New York, 1960, p. 73—74, 141, 314—323. Эти колебания проявлялись и в отношении голландских повстанцев; ср. *Чистозвонов А. Н.* Английская политика по отношению к восставшим Нидерландам.—«Средние века», вып. 5. М., 1954.
[94] Например, *Johnson P.* Elisabeth I. A Study in Power and Intellect. London, 1974, p. 182—187.
[95] *Hosack J.* Op. cit., p. 423.
[96] *Williams N.* Elizabeth Queen of England. London, 1967, p. 284—285.
[97] *Halliday F. E.* Shakespeare in His Age. New York, 1964, p. 230.
[98] *Fripp E. I.* Shakespeare. Man and Artist, vol. 1. London, 1964, p. 412.
[99] *Quennel P.* Shakespeare. Cleveland, 1963, p. 198.
[100] Discussion of Shakespeare's Histories Richard II to Henry V. Ed. by Dorius P. J. Boston, 1964, p. 19.

[101] См. *Барг М. А.* Шекспир и история. М., 1979, с. 156—161.
[102] *Fripp E. L.* Shakespeare. Man and Artist, vol. 2. London, 1964, p. 540.
[103] *Strachey L.* Elizabeth and Essex. A Tragic History. London, 1936, p. 226.
[104] Впрочем, по утверждению Парсонса, пытавшегося всячески очернить врагов иезуитского ордена, таким же атеистом, оказывается, был и главный министр королевы лорд Берли (*Strathman E. A.* Sir Walter Ralegh. New York, 1951, p. 25, 30—31).
[105] *Quennel P.* Op. cit., p. 41, 48.
[106] *Dakshot W.* The Queen and the Poet. New York, 1961, p. 100, a. o.; *Latham A. M.* Sir Walter Raleigh. London, 1964, p. 33—34.
[107] *Stecholm C.* and *H.* James I of England. The Wisest Fool in Christendom. New York, 1938, p. 202—207.
[108] *Quennel P.* Op. cit., p. 243.
[109] *Bowen C. D.* The Lion and the Throne. The Life and Times of Sir Edward Coke. Boston, 1957, p. 135.
[110] *Harrison G. B.* Shakespeare at Work. Ann Arbor, 1958, p. 238, 239.
[111] *Lacey R.* Robert Earl of Essex. An Elizabethan Icarus. London, 1971, p. 301—302.
[112] *Rowse A. L.* Shakespeare's Southampton, Parton of Virginia. New York, 1965, p. 161, 164.
[113] *Baldwin T. W.* The Organization and Personnel of the Shakespearean Company. New York, 1961, p. 291.
[114] *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 121.
[115] *Wildman M.* Sir Walter Raleigh. London, 1943, p. 154—155.
[116] Ibid., p. 155—156.
[117] */Howell T. B./* A Complete Collection of State Trials, vol. 2. London, 1828, p. 138.
[118] *Wildman M.* Op. cit., p. 175—176; *Bowen C. D.* Op. cit., p. 219—222.
[119] *Greenblatt S. G.* Sir Walter Raleigh. The Renaissance Man and His Roles. New Haven, 1973, p. 3, 9.
[120] *Lacey R.* Sir Walter Raleigh. London, 1973, p. 382.
[121] Участники «порохового заговора» — большей частью католики из Уорика и Вустера (Кэтсби, Грешэмы, Уинтеры). Через свою мать Мэри Арден Шекспир был отдаленным родственником каждого из них. Часть их связаны, как и Шекспир, с заговором Эссекса. Заговорщики посещали таверну, где Шекспир встречался с драматургом Беном Джонсоном (*Milward P.* Shakespeare's Religious Background. London, 1973, p. 64).
[122] *Edwards F.* Guy Fawkes. The Real Story of the Gunpowder Plot. London, 1969. Cp. *Garnett H.* Guy Fawkes. London, 1962; *Simons E. H.* The Devil of the Vault. London, 1963; *Caraman P.* Henry Garnet. London, 1964; *Parkinson C. N.* Gunpowder Treason and Plot. New York, 1976.
[123] *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 127.
[124] *Loomie A. J.* The Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II. New York, 1963, p. 3.
[125] *Breslow M. A.* A Mirror of England. Puritan Views of Foreign Nations. 1618—1640. Cambridge (Mass.), 1970, p. 10—44; *Brown M. J.* Itinerant Ambassador. The Life of Sir Thomas Roe. Lexington, 1970, p. 173.
[126] *Williamson H. R.* The Day They Killed the King. New York, 1957, p. 17.
[127] *Wedgwood C. V.* The Trial of Charles I. London, 1965, p. 10.
[128] */Howell T. B./* A Complete Collection of State Trials, vol. 5, p. 1137—1139.
[129] Ср. *Барг М. А.* Карл I Стюарт. Суд и казнь.— Новая и новейшая

история, 1970, № 6; *Павлова Т. А.* Королевское звание в этой стране бесполезно...— Вопросы истории, 1980, № 8.
[130] */Howell T. B./* A Complete Collection of State Trials, vol. 5, p. 1090, 1127.
[131] *Miller J.* Popery and Politics in England 1660—1688. Cambridge, 1973, p. 67—90.
[132] *Kenyon J. P.* The Popish Plot. Harmondsworth, 1974, p. 62.
[133] *Earle P.* The Life of James II. London, 1972, p. 113.
[134] *Haswell J.* James II. London, 1972, p. 204.
[135] *Bryant A.* King Charles. London, 1946, p. 258f.
[136] *Miller J.* James II. A Study in Kingship. London, 1972, p. 88.
[137] См., например, *Pinkham L.* William III and the Respectable Revolution. Cambridge, 1954.
[138] *Kenyon J. P.* Op. cit., p. 106, 150—151, 173, a. o.
[139] Ibid., p. 282—300.
[140] *Schofield S.* Jeffreys of the "Bloody Assizes". London, 1937; *Keeton G. W.* Lord Chancellor Jeffreys and the Stuart Case. London, 1965.
[141] *Jones G. H.* The Main Stream of Jacobitism. Cambridge (Mass.), 1954, p. 46—48.
[142] *Garret J.* The Trumphs of Providence. The Assassination Plot 1696. New York, 1980.
[143] *Babington A.* The English Bastille. A History of Newgate Gaol and Prison Conditions in Britain 1188—1902. New York, 1971, p. 60.
[144] The Massacre of St. Bartholomew. Reappraisals and Documents. Ed. A. Somen. Hague, 1974, p. VII—XIII, a. o.
[145] *Erlanger Ph.* La reine Margot ou la rébellion. Paris, 1972, p. 122.
[146] См., например, *Erlanger Ph.* L'etrange mort de Henry IV ou les jeux de l'amour et de la guerre. Paris, 1957; *Decaux A.* Grands secrets, grands enigmas. Paris, 1971, p. 78—81.
[147] *Mousnier R.* L'assassinat d'Henry IV, 14 mai 1610. Paris, 1964, p. 25—31.
[148] Ibid., p. 9.
[149] *Hayden J. M.* France and the Estates General of 1614. Cambridge, 1974, p. 16, a. o.
[150] *Lorris P.-G.* La Fronde. Paris, 1961, p. 12.
[151] De Saint-Aulaire. Mazarin. Paris, 1946, p. 14.
[152] *Mongrédien G.* La Journeé des Dupes. Paris, 1961, p. 113.
[153] Ibid., p. 113—128.
[154] *Erlanger Ph.* Richelieu, vol. II. Paris, 1967, p. 378—383, 389.
[155] *Erlanger Ph.* Richelieu, vol. III. Paris, 1970, p. 24—25, 94—95, 102, 112.
[156] Les grands procès de l'histoire de France, t. XI. Paris, 1967, p. 25, 165—166.
[157] *Robert H.* Les grands procès de l'histoire. Sér. IV Paris, 1926, p. 81.
[158] Les grands procès de l'histoire de France, t. XIV Paris, 1968, p. 135.
[159] Mémoires de Mr d'Artagnan, capitaine-lieutenant de la première compagnie des mousquetaires du rois etc. Cologne, 1700.
[160] *Montesquiou P.* Le vrai d'Artagnan. Paris, 1963; *Шевеленко А. Я.* Реальный д'Артаньян.— Вопросы истории, 1977, № 11.
[161] *Samaran C.* D'Artagnan, capitaine des mousquetaires de roi. Paris, 1912, p. 113.
[162] Les grands proces de l'histoire de France, t. XIV, p. 157.
[163] *Mongrédien G.* L'affaire Foucquet. Paris, p. 93—95.
[164] *Morand P.* Foucquet ou le soleil offusqué. Paris, 1961, p. 188.
[165] *Mongrédien G.* L'affaire Foucquet, p. 181—183.
[166] *Morand P.* Gloire et Disgrace.— Historia, mars, 1962, N 184, p. 323.
[167] *Mongrédien G.* Le masque de fer. Paris, 1952, p. 230.

[168] *Pagnol M.* Le masque de fer. Paris, 1965.
[169] *Arrèse P.-J.* Le masque de fer. L'enigme enfin résolue. Paris, 1969. В нашей литературе гипотезу Арреза попытался в ряде статей модернизировать Ю. Татаринов, считавший, что «маской» последовательно были и Фуке, умерший, согласно этой версии, в 1694 г. в Пинероле, и Доже, скончавшийся в 1703 г. в Бастилии (Наука и жизнь, 1977, № 3; Вопросы истории, 1979, № 10, и др.).
[170] *Arrèse P.-J.* Op. cit., p. 208—213.
[171] *Dijol P. M.* Nabo, ou le masque de fer. Paris, 1978, p. 71.

УСПЕХИ ДЕМОНОЛОГИИ

[1] *Брюсов В.* Сочинения, т. IV. М., 1974, с. 15.
[2] Высказывавшееся ранее мнение, что большую часть XV в. также следует отнести ко времени массовых гонений (*Huizinger J.* Nebst des Mittelalters. Stuttgart, 1953, S. 261), в новейшей литературе оценивается как не соответствующее фактам (*Ziegler W.* Möglichkeiten der Kritik am Hexen — und Zauberwesen im ausgehenden Mittelalter. Köln, 1973, S. 9).
[3] *Russel J. B.* Witchcraft in the Middle Ages. Ithaca and London, 1972, p. 3, 19, 243.
[4] *Шпрингер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. М., 1932, с. 94—95.
[5] *Burr G. L.* The Literature on Witchcraft (1860).— Magia, astrologia e religione nel rinascimento. Wroslaw, 1974, p. 57.
[6] *Benesch K.* Magie. Von Hexen, Alchimisten und Wundertätern. Gatorslotz, 1979, S. 51.
[7] *Сперанский Н.* Ведьмы и ведовство. Очерк по истории церкви и школы в Западной Европе. М., 1906, с. 198.
[8] См. там же, с. 27.
[9] См. *Амфитеатров А. В.* Дьявол. Собрание сочинений, т. 18. СПб., [1913], с. 92—93.
[10] *Koyre A.* Etude d'histoire de la pensée scientifique. Paris, 1966, p. 38.
[11] Говоря о различии функций религии и магии в идеологической сфере в XVI и XVII вв., один английский историк писал: «Религия включает в свою область фундаментальные вопросы человеческого существования, тогда как магия всегда обращена к специфическим, конкретным и детальным проблемам» (ср. *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. London, 1971, p. 636).
[12] *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах, т. I. М., 1971, с. 216.
[13] *Monter W. E.* Inflation and Witchcraft: the Case of Jean Bodin. In: *Ragb K., Siegel J. E.* (Eds.). Action and Conviction in Early Modern Europe. Princeton, 1969, p. 389; *Hansen Ch.* Witchcraft at Salem. New York, 1969; *Russel J. B.* Witchcraft in the Middle Ages, p. 288.
[14] *Mandrou R.* Magistrate et Sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie historique. Paris, 1968, p. 273; *Walker D. P.* Unclean Spirits. Possession and Exorcism in France and England in the Late Sixteenth and Early Seventeentz Centuries. Philadelphia, 1981. О месте «ведовской проблемы» в философских спорах и идейной борьбе в Англии; ср. *Repwood J.* Reason, Ridicule and Religion. The Age of Enlightenment in England. 1660—1750. Cambridge (Mass.), 1976, p. 134 f.; ср. *Larner C.* Enemies of God. Witch-hunt in Scotland. London, 1981, p. 193—195.
[15] *Binz K.* Doctor Johan Weyer, ein rheinischer Artz, der erste Bekämpfer des Hexenwahnes. Bonn, 1885.
[16] *Weyer J.* De Praestigiis. Von der Bezauberten und Verblenten... der Andertheil. Frankfurt am Main, 1556, S. 556.

[17] Ср. также: *Nauert C. G.* Agrippa and the Crisis of Renaissance Thought. Urbana (IL), 1965, p. 325.

[18] *Daneau L.* Les sorciers. Dialogue très-utile et nécessaire pour ce temps... /Genève/, 1574, p. 5—6. О демонологах «кальвинистского Рима» — Женевы см. Journal of Modern History, XLIII, 1971, p. 179—204.

[19] *Midelfort H. C. E.* Witch-Hunting in Southwestern Germany. 1562—1684. Sanford, 1972, p. 120.

[20] См., например, *Григулевич И. Р.* История инквизиции (XIII—XX вв.). М., 1970, с. 146.

[21] *Robbins R. H.* The Encyclopedia of Witchcraft and Demonology. New York, 1960, p. 261.

[22] *Midelfort H. C. E.* Op. cit., p. 154—155.

[23] *Канторович Я.* Средиевековые процессы о ведьмах. СПб., [1899], с. 37.

[24] *Butler E. M.* The Myth of the Magus. Cambridge, 1948, p. 174.

[25] *Zambelli P.* Le problème de la magie naturelle à la Renaissance.— Magia, astrologia e religione nel Rinascimento, p. 57.

[26] *Baschwitz K.* Hexen und Hexenprozesse. Die Geschichte eines Hassenwahns und seiner Bekämpfung. München, 1963, S. 297—298.

[27] Ibid., S. 147—149.

[28] *Zenz E.* Ein Opfer des Hexenwahnrs. Das Schicksal des Doctors Dietrich Flade aus Trier Trier. 1977, S. 55.

[29] *Erlanger P.* Au temps d'Henry IV.— Miroir de l'histoire, juin, 1970, p. 19.

[30] *Baschwitz K.* Op. cit., p. 252—253.

[31] *Shumaker W.* The Occult Sciences in the Renaissance. A Study in Intellectual Patterns. Berkeley, 1972, p. 61.

[32] *Boguet H.* Discours de sorciers... etc. Lion, 1608, p. 71, e. a.

[33] *Midelfort H. C. E.* Op. cit., p. 32—33, 66.

[34] *Shumaker W.* Op. cit., p. 61; *Baschwitz K.* Op. cit., S. 159—162.

[35] *Mongrédien G.* Léonora Galigai. Un procès de sorcellerie sous Louis XIII. Paris, 1968, p. 194—195.

[36] *Summers M.* Geography of Witchcraft. New York, 1958, p. 148—149, 402.

[37] Некоторые исследователи считают, что отношение самого Шекспира к демонологии, вероятно, было близким к позиции скептика Р. Скотта (*Rowse A. L.* Shakespeare. The Man. London, 1974, p. 214). Духи, ведьмы и колдуны в пьесах Шекспира и современных ему драматургов ведут себя строго в соответствии с представлениями демонологов. (*West R. H.* The Invisible World. A Study of Pheumantology in Elizabethan Drama, 2 ed. New York, 1969. Ср. *Clark C.* Shakespeare and the Supernatural. New York, 1971, p. 31—33, 64—102, 138—141, a. o.).

[38] Достаточно сослаться для сравнения на роль язычества на Руси. См. *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья.— Вопросы истории, 1974, № 1.

[39] Основной тезис М. Мэррей, хотя и не в такой гротесковой форме, как в ее работах, был выдвинут еще в 1749 г. в Италии Д. Тартаротти-Сербати (Girolamo Tartarotti-Serbati), в 1828 г. в Германии К. Э. Ярке (Karl Ernst Jarcke), в 1839 г. в Швейцарии Ф. Ж. Моне. В 1862 г. известный французский историк Мишле высказал гипотезу о том, что ведовство было формой протеста женщин, особенно из крестьянской среды, против их угнетенного и униженного положения в феодальном обществе (*Мишле Ж.* Ведьма. М., 1929). К исходному во многом объяснению склонялся известный советский писатель С. С. Наровчатов в своей посмертно опубликованной статье «Ведьмы» (Новый мир, 1982, № 1, с. 185—196).

[40] *Murray M.* The Witch-Cult in Western Europe, 2 ed. Oxford, 1962, p. 11, a. o.

[41] Между прочим, некоторые новейшие исследователи ставят под сомнение занимаемое культом дьявола центральное место в ведовстве и

магии (ср. Witchcraft, Confessions and Accusations. Ed. by Douglas M. London, 1970).

[42] Ср. также: *Williamson H. R.* Historical Enigmas, p. 33—42.

[43] *Murray M.* The Divine King of England. A Study in Anthropology. London, 1954, p. 13.

[44] Ibid., p. 15—17, 24 f.

[45] Ibid., p. 43.

[46] Ibid., p. 31—32.

[47] Ibid., p. 37—38.

[48] Ibid., p. 152—153.

[49] Ibid., p. 196, 201—215.

[50] Ibid., p. 41.

[51] *Cohn N.* Europe's Inner Demons. An Enquiry Inspired by the Great Witch-hunt. Sussex University Press, 1975, p. 110—114, a. o.; *Wilson C.* Mysteries. New York, 1978, p. 95.

[52] Ср. *Larner C.* Op. cit., p. 19.

[53] *Macfarlane A.* Witchcraft in Tudor and Stuart England. New York, 1970, p. 10—11.

[54] *Марло К.* Трагическая история доктора Фауста. М., 1949, с. 21, 31 (пер. под ред. Т. Кудрявцевой).

[55] *Hill C.* Antichrist in Seventeenth Century England. London, 1971, p. 9—10, 13f., 40.

[56] *Midelfort H. C. E.* Op. cit., p. 71, a. o. Ср. также: *Schormann G.* Hexenprozesse in Nordwestdeutschland. Hildesheim, 1977. Католические историки не раз отмечали с похвалой, что город Рим ие знал, или почти не знал, процессов над ведьмами. Но это вовсе не говорит в пользу верхов католической церкви. Наоборот, будучи свободными от веры в бесовский шабаш, оии добрых два столетия спокойно взирали на то, что по всей Европе полыхали костры, иа которых погибли многочисленные жертвы «охоты за ведьмами», и даже благословляли кровавые гонения.

[57] О ведовских процессах во Франции см. *Soman A.* Les procés de sorcellerie au Parlement de Paris.— Annales, 1977, N 4.

[58] *Swanson G. E.* The Birth of Gods. Ann Erbor, 1960; *Erikson K.* Wayward Puritans. New York, 1966.

[59] *Harris M.* Cows, Pigs, Wars and Witches. The Riddles of Culture. New York, 1974, p. 225, 237—240.

[60] *Macfarlane A.* Op. cit.; *Midlefort N. C. E.* Witch-Hunting..., p. 3—4.

[61] *Trevor-Roper H. R.* The European Witch-Craze of 16th and 17th Century. London, 1969.

[62] См. *Кузнецов Б. Г.* Галилей. М., 1964, с. 117; *Штекли А. Э.* Галилей. М., 1972, с. 211—226.

[63] *Daniel-Rops [P.]* Que faut-il penser de l'affaire Galilée.— Historia, avrill 1963, N 197, p. 504.

[64] Известия, 1979, 11 ноября. Ср. *Кантеров И., Скибицкий М.* Все ли ясно в деле Галилея?— Наука и религия, 1982, № 5, с. 28.

[65] Witchcraft. Ed. by Rosen B. London, 1970; Witchcraft, Confessions and Accusations; *Macfarlane A.* Op. cit.; *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic.

[66] В результате лишь менее чем $^1/_5$ ведовских процессов окончилась обвинительным приговором. Оии были следствием либо самооговоров подсудимых (которые нередко выражали убеждение в своей способиости повелевать сверхъестествеиными силами), либо свидетельских показаний, сочтенных достаточными для доказательства вины (Witchcraft. Ed. by Rosen B., p. 49).

[67] *Midelfort H. C. E.* Op. cit., p. 82—84, 162—163.

[68] *Baschwitz K.* Op. cit., S. 459—460.

[69] *Smith A. C. R.* Science and Society in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. London, 1972, p. 176.

[70] *Chevallier P.* Histoire de la France-Maçonnerie Française, t. 1. Paris, 1974, p. 215.

[71] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 765.

[72] *Crowe W. B.* A History of Magic, Witchcraft and Occultism. London, 1969, p. 242—243.

[73] *Van Dam W. C.* (unter Mitarbeit von Dr. J. ter Vrugt-Lentz). Dämonen und Bessessene. Die Dämonen in Geschichte, Gegenwart und ihre Ausbreitung. Stein am Rhein, 1975, S. 108—109.

[74] См. Литературная газета, 1979, 10 января.

[75] *Barth H.-M., Flûgel H., Riess R.* Der emanzipierte Teufel. München, 1974, S. 10.

СТАРЫЙ РЕЖИМ

[1] *Babington A.* Op. cit., p. 42, a. o.

[2] *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe. An Attempt at a Comparative Approach.— American Historical Review, 1975, December, p. 1223, 1226.

[3] *Boileu N.* Oeuvres classiques. Paris, 1938, 8-ème éd. Satire VI (1660); *Emerson D. E.* Metternich and the Political Police Security and Subversion in the Habsburg Monarchy (1815—1830). The Hague, 1968, p. 5.

[4] *Hugues de Montahbas.* La police parisienne sous Louis XVI. Paris, 1949, p. 19. Ср. *Clemen P.* La Police sous Louis XIV. Paris, 1960.

[5] См. Тайны французской полиции, ч. I. М., 1866, с. 25.

[6] *Hibbert C.* The Road to Tyburn. The Story of Jack Sheppard and the Eighteenth Century Underworld. London, 1957, p. 49.

[7] *Emerson D. E.* Op. cit., p. 6—7, 15. Ср. *Bailey D. H.* The Police and Political Development in Europe.—In: *Tilly C. Z.* (ed.). The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975, p. 328—379.

[8] *Nixon E.* Voltaire and Calas Case. New York, 1961, p. 68.

[9] *Castelot A.* L'affaire Calas.— Historia, novembre 1961, N 180, p. 565.

[10] *Bien D. B.* The Calas Affair. Persecution, Toleration and Heresy in Eighteenth Century Toulouse. Princeton, 1960, p. 109—111, a. o.

[11] Les grands procès de l'histoire de France, t. VII. Paris, 1967, p. 303—304, 309.

[12] Ср. *Полянский Н. Н.* Вольтер — борец за правосудие и за реформу права.— В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.—Л., 1948.

[13] *Christie L. R.* Wilkes, Wyvill and Reform 1760—1785. London, 1962; *Rudé G.* Wilkes and Liberty. London, 1962.

[14] Автор касался подробнее этой темы в книгах: Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. (М., 1962) и Демократическое движение в Англии в 1816—1820 (М., 1957).

[15] *Feiling K.* Warren Hastings. London, 1955, p. 85.

[16] Cambridge History of India, vol. 5. Cambridge, 1929, p. 309—310; *Marshall P. J.* The Impeachment of W. Hastings. Oxford, 1965.

[17] *Churchill W. S.* A History of the English-Speaking Peoples, vol. 3. London, 1957, p. 187.

[18] *Funck-Brentano F.* L'affaire du collier. Paris, 1910; Miroir de l'histoire, janvier 1962.

[19] *Mathiez A.* Autour de Danton. Paris, 1926; *Mathiez A.* Robespierre terroriste. Paris, 1921, p. 119—120; *Borthou A.* Danton. Paris, 1932, p. 417—441; *Beliard O.* La vie tragique de Danton. Paris, 1946, p. 258—265.

[20] *Soboul A.* Le procès de Louis XVI. Paris, 1946.

[21] *Cobb R.* Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements, vol. I, II. Paris, 1960—1963.

[22] *Wallon H.* Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris, t. 1. Paris, 1880, p. 226—252. Ср. *Коган Ф. Н.* Генералы-изменники перед

лицом Революционного трибунала.— Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук, вып. 6. Л., 1940, с. 142—157.

[23] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 45.

[24] *Lafue P.* La tragedie de Marie-Antoinette. Les complots pour sa délivrance. Paris, 1965, p. 253, e. a.

[25] *Flassier S.* Marie-Antoinette en accusation. Paris, 1967, p. 436.

[26] *Dubourdieu C. H.* Le procès et mort de Danton. Paris, 1939, p. 46.

[27] *Castelnau J.* Le Tribunal révolutionnaire. Paris, 1950, p. 168.

[28] *Loomis S.* Paris in the Terror. June 1793—July 1974. Philadelphia, 1964, p. 311. Ср. *Christophe R.* Danton. Paris, 1964.

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 127.

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 516.

[31] *Dunoyer A.* Fouquier-Tinviille. Accusateur public du Tribunal révolutionnaire. Paris, 1913, p. 114—147.

[32] Ibid., p. 159—164.

[33] Ibid., p. 182—183.

[34] Ibid., p. 270—273.

[35] См. *Матьез А.* Термидорианская реакция. М.—Л., 1931, с. 147—163.

[36] *Fleischman H.* Les coulisses du Tribunal révolutionnaire. Paris, 1909, p. 177—199; *Dunoyer A.* Op. cit., p. 405, e. a.

[37] *Dunoyer A.* Op. cit., p. 407—408.

[38] *Castelnau J.* Op. cit., p. 260.

[39] *Lenotre G.* Le Tribunal révolutionnaire (1793—1795). Paris, 1908, p. 348.

[40] Ibid., p. 355—356.

[41] *Dunoyer A.* Op. cit., p. 397; *Lenotre G.* Op. cit., p. 358.

[42] *Tonnesson K. D.* La defaite des sans-culottes. Oslo, 1959, p. 328.

[43] См. *Тарле Е. В.* Жерминаль и прериаль. М., 1937, с. 219, 233—245 и др.

[44] *Cole H.* Fouché. The Unprincipled Patriot. New York, 1971, p. 102.

[45] *Savant J.* Les preféts de Napoléon. Paris, 1968, p. 79—86.

[46] *Buisson H.* Qui était Fouché duc d'Otranté. Paris, 1968, p. 215.

[47] Историю измены Пишегрю см.: *Caudrillier C.* La trahison de Pichegru. Paris, 1908; *Daudet C.* La conjuration de Pichegru et les complots de l'est 1795—1797. Paris, 1901.

[48] *Garçon M.* Le duel Mareau-Napoléon. Paris, 1951.

[49] *Duc de Castries.* La conspiration de Cadoudal. Paris, 1963, p. 158.

[50] *Melcjior-Bonnet B.* La conspiration du general Malet. Paris, 1963, p. 71—78, 129, e. a.; *Villefosse L., Boussounousse G.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969; *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799—1812 гг.). Саратов, 1980. Ср. *Artom G.* Napoleon is Dead in Russia. London, 1970.

[51] *Billard M.* La conspiration de Malet. Paris, 1907, p. 192.

[52] *Desmarest M.* Témoignages historiques ou quinze ans de haute police. Paris, 1833, p. 330.

[53] *Nodier C.* Histoire des sociétés secrètes de l'armee et de conspirations militaires... Paris, 1815, p. 54, 165f, 196f., 248.

[54] *Lehning A.* Buonarroti and his International Secret Societies.— International Review of Social History, 1955, vol. VI, pt. 1, p. 118—121; *Туган-Барановский Д. М.* Указ. соч.

[55] *Далин В. М.* Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970, с. 97.

[56] *Manceron C.* Napoléon reprend Paris (20 mars 1815). Paris, 1965, p. 198.

[57] *Pakenham S.* In the Absence of the Emperor. Paris 1814—1815. London, 1968, p. 178, 181.

[58] *Manceron C.* Op. cit., p. 281.

[59] *Doher M.* Proscrits et exilés après Waterloo. Paris, 1955, p. 37, e. a.; *Pollizer M.* Sous la terreur blanche. Paris, 1967, p. 48, e. a.

60 *Kurtz H.* The Trial of Marshal Ney. His Last Years and Death. London, 1957, p. 303.

61 Ср. *Натансон Э. А.* Был ли казнен маршал Ней? — Вопросы истории, 1968, № 7, с. 214—219.

62 *Cole H.* Op. cit., p. 252.

63 *Capefigne B. H. R.* Histoire de la Restauration, vol. III. Paris, 1831—1833, p. 114; *Cole H.* Op. cit., p. 294—295.

64 См. Тайны французской полиции, ч. III, с. 17.

65 Там же, с. 21; *Cole H.* Op. cit., p. 297.

66 См., например, *Стеклов Ю.* Политическая полиция и провокации во Франции. М., 1923.

67 *Bunyan T.* The Political Police in Britain. New York, 1976, p. 102—103.

68 *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1949, с. 318.

69 *Стендаль.* Сочинения, т. XII, с. 419 и сл.

70 *Бальзак О.* Собрание сочинений в 24-х томах, т. II. М., 1960, с. 47.

71 См., например, *From W.* Material zur Geschichte der politischen Geheimpolizei. Dresden, 1909.

72 О кёльнском процессе имеется ряд марксистских работ: *Obermann K.* Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten 1849 bis 1952. Berlin, 1955; *Михайлов М. И.* История Союза коммунистов. М., 1968 и др.

73 Wermuth und Stieber. Die Kommunisten-Verschwörungen des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin, 1853.

74 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 214.

75 *Hoover J. E.* Masters of Deceit. The Story of Communism in America. New York, London, 1958.

КУЛИСЫ ПРАВОСУДИЯ

1 Протоколы суда над соучастниками убийцы президента (*Pitman B.* The Assassination of President Lincoln and the Trials of Conspirators. Washington, 1865) были переизданы с предисловием Ф. Ван Дорен Стерна (New York, 1954).

2 *Eisenschiml O.* Why Was Lincoln Murdered? London, 1937; *Van Doren Stern P.* The Man Who Killed Lincoln. The Story of John Wilkes Booth and his Part in the Assassination. New York, 1965; *Bryan G. S.* The Great American Myth. The True Story of Lincoln Murder. New York, 1940; *Bishop J.* The Day Lincoln Was Shot. New York, 1955; *Roscoe Th.* The Web of Conspiracy. The Complete Story of Men Who Murdered Abraham Lincoln. Englewoods Cliffs, 1960.

3 *Thomas B. P., Hyman H. M.* Stanton. The Life and Times of Lincoln's Secretary of War. New York, 1962, p. XIV.

4 Library Journal, April 1965, p. 1717.

5 *Willams T.* Lincoln and the Radicals. Madison, 1941; *Иванов Р. Ф.* Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964, с. 436, 463—464.

6 *Eisenschiml O.* Op. cit., p. 200.

7 О шпионской карьере Л. Бейкера см., например, *Kane H. T.* Spies for the Blue and Gray. New York, 1954.

8 *Weichmann L. J.* The True History of the Assassination of Abraham Lincoln of the Conspiracy of 1865. Ed. by F. E. Riswold. New York, 1975, p. XV.

9 *Bates D. H.* Lincoln at Telegraph Office. New York, 1907.

10 *Roscoe Th.* Op. cit., p. 26. Летом 1865 г. аналогичные объяснения выдвигали южане (*Bryan G. S.* Op. cit., p. 387—388).

11 *Bates F.* Escape and Suicide of John Wikes Booth, Assassin of President Lincoln. Memphis, 1907.

[12] *Forrester J.* This One Mad Act. The Unknown Story of John Wilkes Booth and His Family. Boston, 1937.

[13] *Bryan G. S.* Op. cit., p. 189—190, 224—225.

[14] *Milton G.* Abraham Lincoln and the Fifth Column. New York, 1942, p. 118, a. o.; *Hendrick J.* Lincoln's War Cabinet. Boston, 1946, p. 236, a. o.

[15] *Cottrell J.* Anatomy of an Assassination. London, 1966, p. 182f.

[16] *Hanchett W.* The Eisenschim Thesis.— Civil War History, September 1979, vol. XXV, N III, p. 216; *Neely M. E.* Abraham Lincoln Encyclopedia. New York, 1982, p. 96—97, 237.

[17] В расшифрованном тексте стоит «Ecert» вместо правильного «Eckert» явно из-за того, что неподалеку в тексте не оказалось буквы «к», под которой можно было бы поставить точку.

[18] Так называли штаты, сохранившие верность законному правительству в Вашингтоне в годы гражданской войны.

[19] *Shelton V.* Mask for Treason. The Lincoln Murder Trial. Harrisburg, 1965.

[20] American Historical Review, October 1965, p. 318—319.

[21] Washington Post, 3.VIII. 1977.

[22] Vital Speeches of the Day, vol. XLV, N 11, March 15, 1979, p. 347—350.

[23] *Thomas L.* The First President Johnson. New York, 1968, p. 430.

[24] *Trefousse H. L.* The Radical Republicans. Lincoln's Vanguard for Radical Justice. New York, 1969, p. 359—360.

[25] *Milton G.* The Age of Hate. Andrew Johnson and the Radicals. Hamden (Connecticut), 1965, p. 547.

[26] *Benedict M. L.* The Impeachment and Trial of Andrew Johnson. New York, 1973, p. 126. Ср. *Thomas L.* The First President Johnson.

[27] В 1974 г., опасаясь импичмента, подал в отставку президент Р. Никсон.

[28] *Garcon M.* Histoire de la justice sous la IIIe république. Les Grandes Affaires, vol. 2. Paris, 1957, p. 58—59.

[29] *Dansette A.* Les affaires de Panama. Paris, 1934, p. 240.

[30] *Bouvier J.* Les deux scandales de Panama. Paris, 1964, p. 127.

[31] *Chapman G.* The Third Republic of France. The First Phase. 1871—1894. London, 1962, p. 307.

[32] *Erlanger P.* Clemenceau. Paris, 1968, p. 217; *Dansette A.* Op. cit., p. 113; *Wormser G.* La République de Clemenceau. Paris, 1961, p. 169.

[33] *Chastenet J.* Histoire de la Troisième République, vol. 2. Paris, 1954, p. 313—314.

[34] В новейшей западной историографии спорят о том, вызывалась ли эта кампания расизмом или ксенофобией — враждой к иностранцам (*Mitchel A.* The Xenophobic Style. French Counterspionage and the Emergence of Dreyfus Affairs.— Journal of Modern History, September 1980, vol. 52, N 3, p. 414—425.

[35] *Guillemin H.* L'enigme Esternazy. Paris, 1962, p. 78—92; *Johnson D.* France and the Dreyfus Affairs. London, 1966, p. 51—53.

[36] Les carnets de Schwarzkoppen (la vérité sur Dreyfus). Paris, 1930, p. 5—15.

[37] *Johnson D.* Op. cit., p. 364; *Baumont M.* Aux sources de l'affaire Dreyfus. D'après les archives diplomatiques. Paris, 1959, p. 35.

[38] *Johnson D.* Op. cit., p. 35—36.

[39] *Mazel H.* Histoire et psychologie de l'affaire Dreyfus. D'après les archives diplomatiques. Paris, 1959.

[40] *Dardenne H.* Lumières sur l'affaire Dreyfus. Paris, 1964, p. 50.

[41] *Франс А.* Сочинения, т. 6. М., 1959, с. 177.

[42] *Guillemin H.* Op. cit., p. 15.

[43] *Poléologue M.* Journal de l'affaire Dreyfus. 1894—1899. Paris, 1955, p. 78—79.

[44] *Dardenne H.* Op. cit., p. 70, e. a.

[45] Ibid., p. 88.

[46] *Guillemin H.* Op. cit., p. 21.
[47] *Thomas M.* L'affaire sans Dreyfus. Paris, 1961, p. 340, e. a.
[48] *Reinach J.* Histoire de l'affaire Dreyfus. Esterhazy. Paris, 1903, p. 477.
[49] *Paléoloque M.* Op. cit., p. 250.
[50] *Guillemin H.* Op. cit., p. 248—252.
[51] *Jaures J.* Les preuves. Affaire Dreyfus. Paris, 1898, p. 278.
[52] *Halasz N.* Captain Dreyfus. New York, 1955, p. 113—114.
[53] *Blum L.* Souvenirs sur l'affaire. Paris, 1935, p. 24—26.
[54] Процесс Эмиля Золя. М., 1898, с. 77, 82.
[55] Судебные ораторы Франции XIX века. Речи в политических и уголовных процессах. М., 1959, с. 132.
[56] *Dardenne H.* Op. cit.; Кюинье и сам опубликовал мемуары (*Cuignet L.* Souvenirs de l'affaire Dreyfus. Paris, 1911).
[57] *Lewis D. L.* Prisoners of Honor. The Dreyfus Affair. New York, 1973, p. 238.
[58] *Jaurès J.* Op. cit., p. 289.
[59] *Lebbois L.* L'affaire Dreyfus. L'iniquité, la réparation des principaux faits et les principaux documents. Paris, 1929, p. 541—542.
[60] Die grosse Politik der Europäischen Kabinette. Bd. 13, N 3609; *Czempiel E. O.* Das deutsche Dreyfus-Geheimnis. München, 1966, S. 240.
[61] *Czempiel E. O.* Op. cit., S. 351.
[62] *Thalheimer S.* Macht und Gerechtigkeit. Ein Beitrag zur Geschichte Falles Dreyfus. München, 1958, S. 442—443, 450—451, 485—492.
[63] *Lombarès M. de.* L'affaire Dreyfus. La clef du mystère. Paris, 1972, p. 222.
[64] *Reinach J.* Op. cit., p. 490—500.
[65] *Esterhazy /F. W./* Les dessous de l'affaire Dreyfus. Paris, [1898], p. 70.
[66] *Kedward H. R.* The Dreyfus Affair. Catalyst for Tensions in French Society. London, 1965, p. 41—43; *Schechter B.* The Dreyfus Affair. A National Scandal. London, 1967, p. 159.
[67] *Snyder L. L.* The Dreyfus Case. A Documentary History. New Brunswick (New York), 1973, p. 225—226, a. o.
[68] *Esterhazy /F. W./* Op. cit., p. 4.
[69] The Observer, October 25, 1898; *Boussel P.* L'affaire Dreyfus et la presse. Paris, 1960, p. 191—192.
[70] *Thalheimer S.* Op. cit., S. 483—493, 587—595, u. a.
[71] France. Cour de Cassation. La révision du procés Dreyfus à la Cour de Cassation. Compte-rendu sténographique. Paris, 1898.
[72] *Sedgwick A.* The Ralliement in French Politics. Cambridge (Mass.), 1965, p. 157—159.
[73] *Dubreuil R.* L'affaire Dreyfus devant la Cour de Cassation. Paris, 1899, p. 86—87.
[74] *Capéran L.* L'anticléricalisme et l'affaire Dreyfus 1897—1898. Toulouse, 1948, p. 271—272, e. a.
[75] *Larkin M.* Church and State after the Dreyfus Affair. New York, 1974, p. 79.
[76] См. *Кудрин Н. Е.* (Н. С. Русанов). Очерки современной Франции. СПб., 1904, с. 485.
[77] *Thalheimer S.* Op. cit., p. 635.
[78] *Labori M.-F.* Labori. Ses notes manuscrites. Sa vie. Paris, 1947, p. 131.
[79] La Dépênche de Paris, 11 juin 1899; *Boussel P.* Op. cit., p. 205.
[80] *Gauthier R.* «Dreyfusards». Souvenirs de Mathieu Dreyfus et autres inédits. Paris, 1965, p. 250.
[81] *Chapman G.* The Dreyfus Case. A Reassessment. New York, 1955, p. 300—30[illegible].
[82] *Sorlin P.* Waldeck-Rousseau. Paris, 1966, p. 413.

[83] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 422.
[84] *Combes E.* Mon ministère. Memoires 1902—1905. Paris, 1956, p. 136—137. Ср. *Reberioux M.* La République radicвle? 1898—1914. Paris, 1975.
[85] Ср. *Гурвич С. Н.* Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX векв. М., 1976.
[86] *Johnson D.* Op. cit., p. 5.
[87] *Herzog W.* From Dreyfus to Petain.— The Struggle of a Republic. New York, 1947, p. 289f.
[88] *Giscard d'Estaing H.* D'Esterhazy à Dreyfus. Paris, 1960.
[89] *Dardenne H.* Op. cit.
[90] *Roux G.* L'вffaire Dreyfus. Paris, 1972, p. 264, 270—272.
[91] *Lombarés M. de.* Op. cit., p. 192, 235—247.
[92] *Hoffman R. L.* More than a Trial. The Struggle over Captain Dreyfus. New York, 1980.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

[1] *Scopes J. T., Presley J.* Center of the Storm. Memoirs of T. Scopes. New York, 1967, p. 271—272, 277.
[2] См. Правда, 1969, 1 января.
[3] См. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966; *его же.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965.
[4] После первой мировой войны победившая Антанта потребовала иаказания германских военных преступников. В список № 1 было включено 896 человек. Немецкое правительство согласилось на преследование 45 человек, из них реально было предано Верховному суду в Лейпциге 12 лиц. Но лишь немногие были осуждены: один — на десять лет, двое — на четыре года каждый, один — на год и одии — иа шесть месяцев тюремного заключения (*Saurel L.* Le procès de Nuremberg. Paris, 1965, p. 7—8).
[5] *Reitling G.* The SS, Alibi of a Nation. London, 1956, p. 39; *Aronson S.* Reinhard Heydrich und die Fruhgeschichte von Gestapo und S. D. Stuttgart, 1971, p. 97; *Mosse G. L.* (ed.). Police Forces in History. London, 1975, p. 1—2.

СОДЕРЖАНИЕ

Черняк Е. Б.

Ч-49 Судьи и заговорщики: Из истории полит. процессов на Западе.— М.: Мысль, 1984.— 302 с., 16 л. ил.

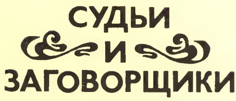
В пер.: 1 р. 70 к.

В книге рассказывается о наиболее важных политических процессах (с древнейших времен до начала XX в.), закулисная сторона которых изобилует неразгаданными тайнами и тесно переплетается с секретной дипломатией и деятельностью разведок. В работе показывается роль, сыгранная этими процессами в ряде узловых событий всемирной истории.

Ч $\frac{0504000000\text{-}022}{004(01)\text{-}84}$ 158-84

ББК 63.3(0)
9(М)

Ефим Борисович Черняк

Из истории
политических процессов на Западе

ИБ № 2169

Заведующий редакцией
А. Л. Ларионов
Редактор
А. П. Тарасова
Младший редактор
А. П. Овсепян
Оформление художника
В. А. Масленникова
Художественный редактор
И. А. Дутов
Технический редактор
Л. П. Гришина
Корректор
С. С. Новицкая

Сдано в набор 27.04.83. Подписано в печать 05.01.84. А09603. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская №2. Печать высокая. Гарнитура школьная. Усл. печатных листов 17,64 с вкл. Учетно-издательских листов 19,78 с вкл. Усл. кр.-отт. 22,26. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1703
Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Бумага
-4 с вкл
№ 1703

разцовая
СССР по
28.

